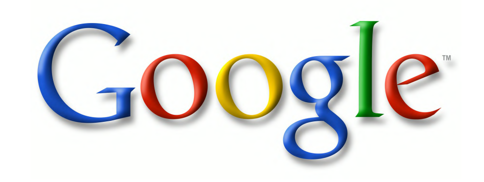
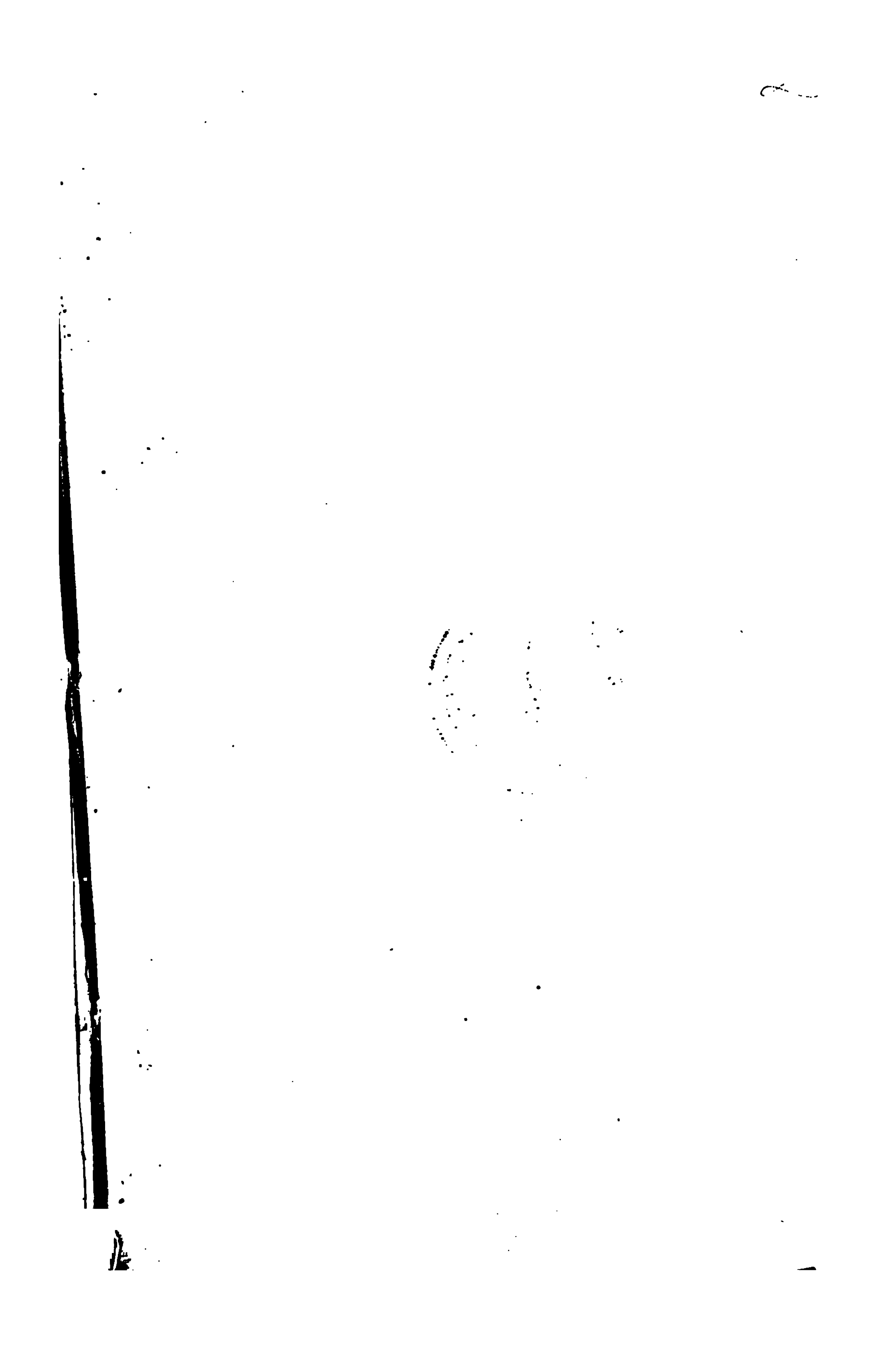
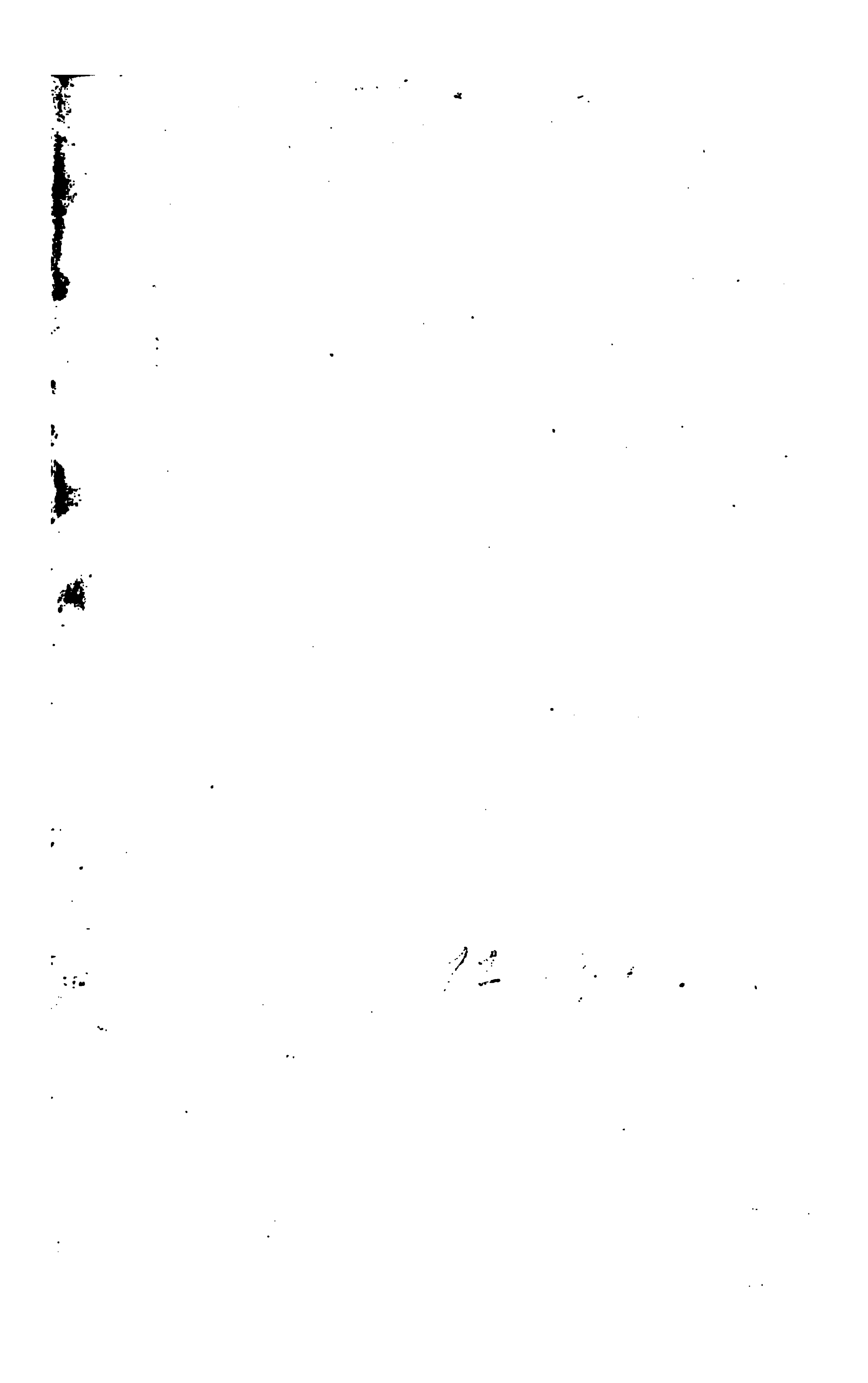
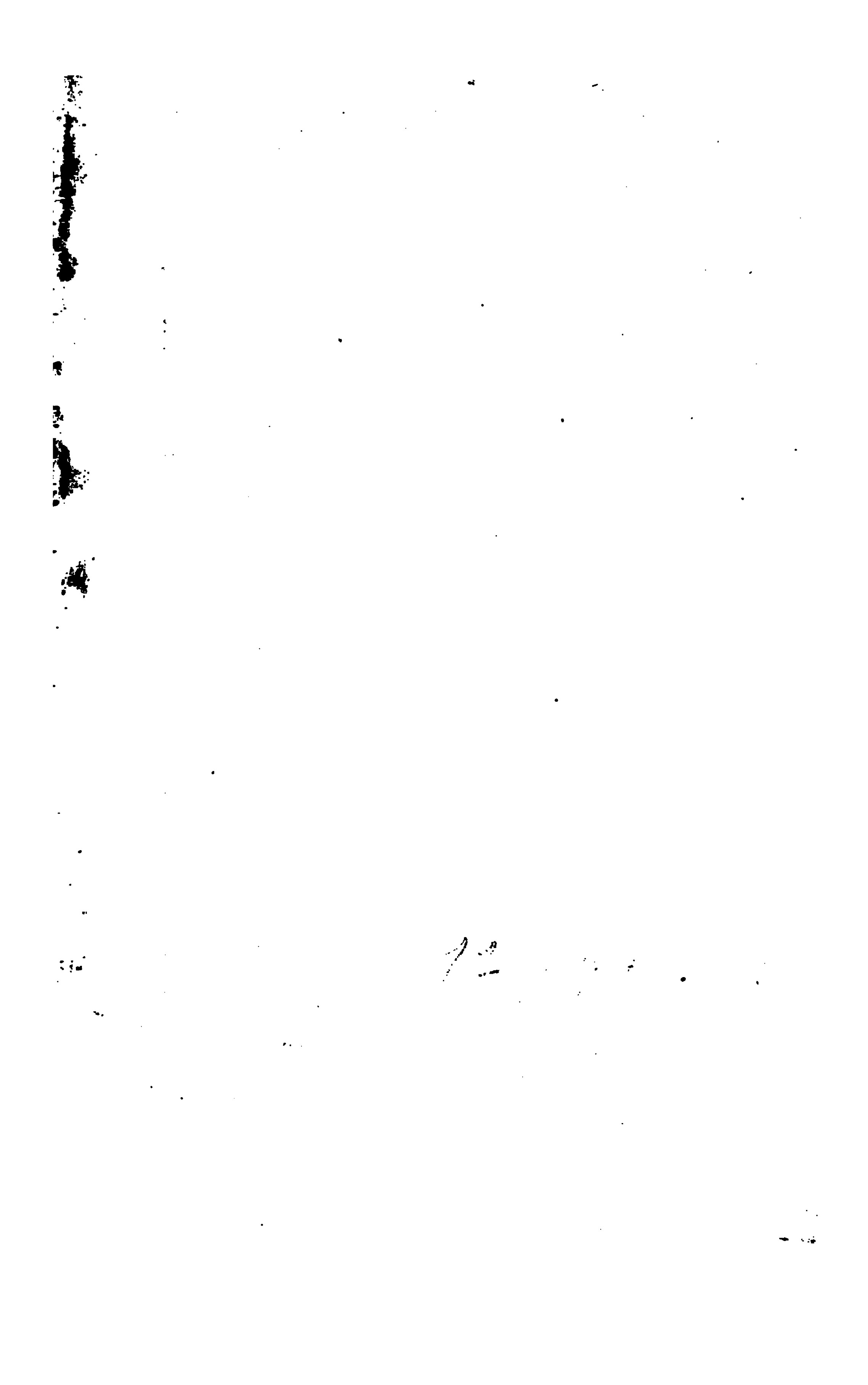

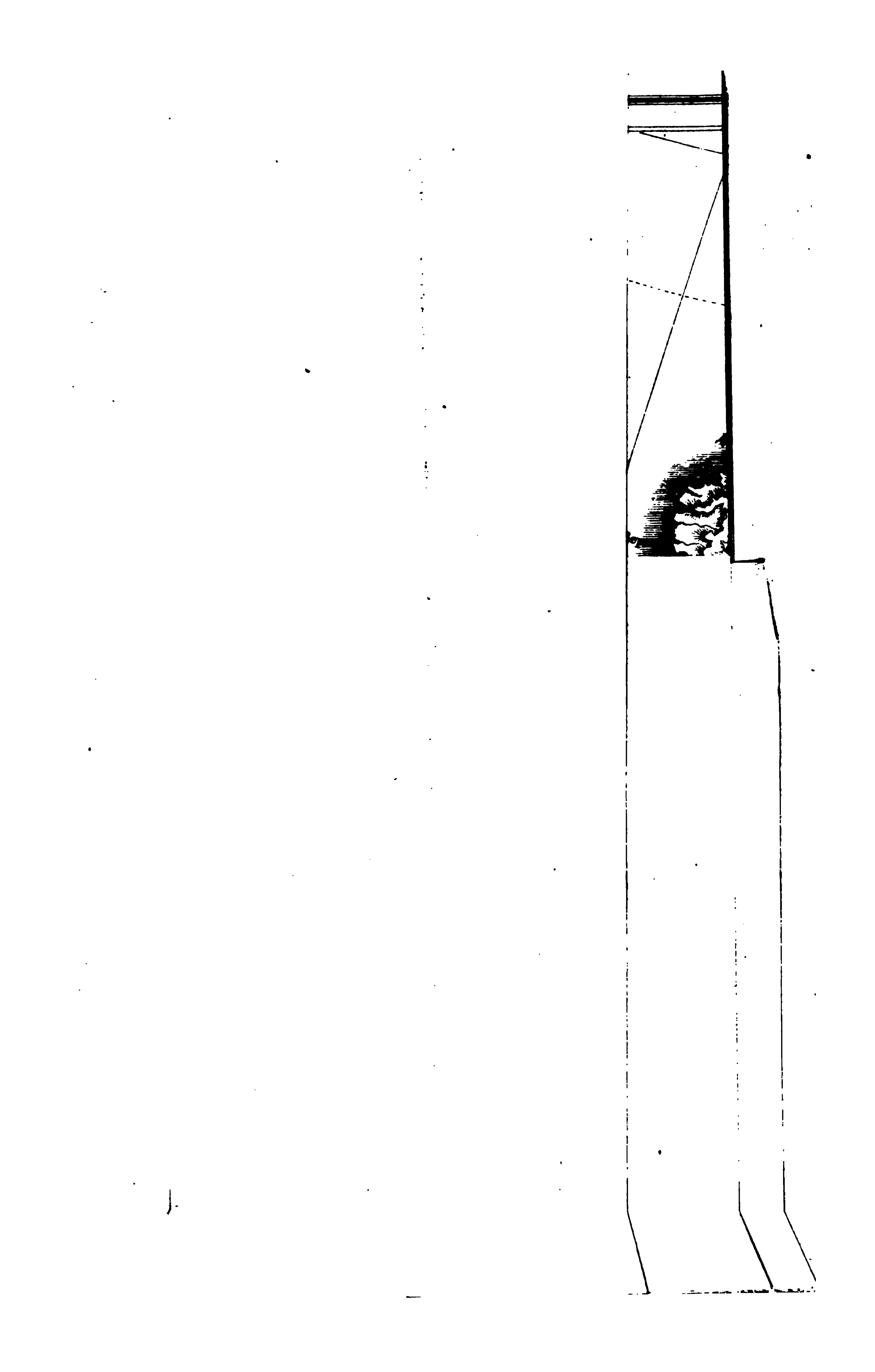

Golitsyn, N. S.

ВСЕОБЩАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТИ ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ.

Войны XVII и первой половины XVIII вѣковъ въ Восточной Европѣ и въ Азіи.

(1613 — 1740).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЙНЫ СЪ 1613 Г. ДО 1689 Г.

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба и Королевской Шведской Академіи военныхъ наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Большая Подъяч. № 39.

1878.

Les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire: c'est un répertoire d'idées, que le jugement doit épurer.

Frédéric II.

La tactique, les évolutions, la science de l'officier du génie, de l'officier d'artillerie peuvent s'apprendre dans des traités; — mais la connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe, Turenne, le prince Eugène et Frédéric;—lisez, relisez l'histoire de leurs 88 campagnes, modelez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

Wissenschaftliches Streben und wissenschaftliche Erfahrung bilden den Feldherrn, nicht bloss eigene Erfahrung; — denn welches Menschenleben ist thatenreich genug, um sie im vollen Maasse zu gewähren? — und wer hatte je Uebung in der schweren Kunst des Feldherrn, ehe er zu dieser erhabenen Stelle gelangte? — sondern Bereicherung des eigenen Wissens durch fremde Erfahrung, durch Kenntniss und Würdigung früherer Nachforschungen, durch Vergleiche berühmter Kriegsthaten und folgenreicher Ereignisse aus der Kriegsgeschichte.

Erzherzog Karl.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ.

Относящіеся къ исторіи Россіи.

Многіе изъ нихъ, указанные въ 1-й, 2-й и 3-й частяхъ В. В. И. среднихъ временъ, относятся и къ настоящему періоду 1613—1689 г.г. Изъ относящихся же собственно къ этому послѣднему, слѣдуетъ указать: хронику Ѳеодосія Сафоновича, игумена кіевскаго Михайловскаго монастыря, съ 1655 г., послужившую источникомъ компиляціи Иннокентія Гизеля: Синопсисъ (напечат. въ 1674 г.);—разныя мѣстныя лѣтописи великорусскія, сибирскія, малороссійскія и пр., но особенно московскія, становящіяся оффиціальными правительственными и переходящія въ Разрядныя книги;—сказанія: объ «Азовскомъ сидѣніи» и о взятіи Астрахани Разинымъ;—записки: князя Семена Шаховскаго отъ 1601 г. до 1649 года, и особенно Григорія Котошихина или Кошихина (служившаго въ посольскомъ приказѣ и бѣжавшаго въ 1664 г. въ Польшу, а изъ нея въ Швецію): «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (изданы въ 1841 и 1859 г.г. археографическою коммисіей);—записка Ивана Посошкова о ратномъ поведеніи (рукопись 1701 г., въ И. Публ. Библ. и въ печати изд. Погодинымъ въ 1842 г.), о состояніи русскаго войска стариннаго строя;—жизнь патріарха Никона, описанная келейникомъ и приверженцомъ его Шушеринымъ (изд. въ 1784 г. Козодавлевымъ); Андрея Денисова (послѣдователя расколоначальника, протопопа Аввакума): «Отцы и страдальцы Соловецкіе», гдѣ описана осада Соловецкаго монастыря.

Изъ числа писемъ слѣдуетъ указать на переписку царя Михаила Θеодоровича съ его отцомъ, патріархомъ Филаретомъ, и царя Алексѣя Михайловича съ княземъ Одоевскимъ, Никономъ и др.;—на письма боярина Матвѣева и на переписку князя Василія Васильевича Голицына съ царевной Софіей Алексѣевной. Всѣ эти и мн. др. письма изданы въ 1848 г. подъ заглавіемъ «Письма русскихъ государей» и сверхъ того письма ц. Алексѣя Михайловича изданы особо Бартеневымъ въ 1856 г., а переписка кн. В. В. Голицына—во «Временникѣ» Моск. Общ. ист. и древн. россійскихъ.

Государственные акты разнаго рода хранятся въ московскихъ, петербургскихъ, кіевскомъ, виленскомъ и др. архивахъ (указанныхъ въ энциклопедическомъ словарѣ, Т. V 1862, въ статьѣ. Архивы). Сборники ихъ уже были указаны въ 3-й ч. В. В. И. среднихъ временъ, именно: Новикова, Максимовича, Муханова, князя Оболенскаго и др., также подъ заглавіемъ: «Собраніе государ. грамотъ и договоровъ», 5 т. 1813—28, и особенно Акты, собранные и изданные Археограф. коммис.» съ 1836 г.; въ нихъ всѣхъ важнѣе для исторіи акты историческіе, разрядныя книги и списки и др., особенно важные въ военномъ отношеніи,—и наконецъ Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича (1649).

XVII вѣкъ былъ особенно богатъ сказаніями иностранцовъ о Россіи. Главными о времени царя Михаила Θеодоровича суть записки Адама Олеарія (Oehlschläger), бывшаго въ Россіи въ 1634 и 1636 г.г.; это одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ (нѣм. подлинникъ изд. въ 1647 и 1656 г.г.; въ русскомъ переводѣ, неполномъ—3 кн. въ Арх. истор. и практ. свѣдѣній, 1859 г. № 3 и далѣе, и въ полномъ—Барсова 1868—70),—и Боплана (Beauplan), французскаго инженера: «Описаніе Украйны», 1-е франц. изд. 1650 г., рус. пер. Устрялова 1832.—О времени царя Алексѣя Михайловича особенно много сказаній иностранцовъ: главное — барона Мейерберга (бывшаго въ Россіи въ 1661—63 г.г.): «Iter in Moscoviam» на лат. яз. и во франц. и нѣм. переводахъ (Аделунга: Баронъ Мейербергъ, изд. 1827);—затѣмъ записки о пребываніи въ Россіи: Вимена да Чинеда—въ 1657 г. (заключаютъ свѣдѣнія о русскомъ войскѣ), Рейтенфельса — въ 1671—73 г.г., Лизека—въ 1675 г., неизвѣстнаго итальянца «Ritratto della Moscovia», посвящен-
но[illegible]иналу Алтіери;—англичанъ: автора сочиненія о посольствѣ
[illegible]ейля, и медика царя Алексѣя Михайловича, Самуи-
[illegible];—*голландцовъ*:—Струйса и географа Витцена;—

поляковъ: іезуита Кояловича «Исторія Литвы» и разсказъ о казацкой войнѣ; — Коховскаго Annalium Poloniae,—Пасторія (силезца Гираненберга) Bellum scythico-cosacicum;—литовскаго канцлера Албрехта Станислава Радзивила,—Рудавскаго, Ерлича, Пассека и др. — О времени царя Өеодора Алексѣевича: голландскаго посланника Конрада Кленка, и Таннера, бывшаго въ свитѣ польскаго посла Чарторыйскаго. Наконецъ о времени правленія царевны Софіи Алексѣевны: голландца Кемпфера и французовъ Де-ла-Нёвилля и іезуита Филиппа Авриля.—Въ особенности же дневныя записки Патрика Гордона съ 1655 г. до конца 1698 г. (умеръ въ 1699 г.), изданы академикомъ Посселѣтомъ.

Сказанія иностранцовъ о Россіи въ періодѣ времени съ 1613 г. до 1689 г. отчасти вошли у насъ въ Библіотеку иностранныхъ писателей о Россіи, или были переведены на русскій языкъ вполнѣ либо въ извлеченіи въ изданіяхъ ученыхъ обществъ или частныхъ лицъ, либо послужили источниками для статей и монографій (см. ниже).

Изъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ, служащихъ историческими пособіями для изслѣдованія и изученія военной исторіи настоящаго періода, сверхъ указанныхъ уже въ 1-й, 2-й и 3-й частяхъ В. В. И. среднихъ временъ и главныхъ изъ нихъ: Соловьева, Устрялова, Иловайскаго, Костомарова и др., здѣсь слѣдуетъ указать еще нѣкоторыя (по порядку времени изданія ихъ), а именно: Берха: царствованія: Алексѣя Михайловича (1831), Михаила Өеодоровича (1832) и Өеодора Алексѣевича (1834);—Русское государство въ половинѣ XVII вѣка (1835);—Московскаго Общ. исторіи и древностей россійскихъ: Труды и лѣтописи 8 т. (1837) и Временникъ и Чтенія (1849—76);—Исторія соцарствія въ Россіи съ 1682 г. до 1689 г. (1837); — Павлищева: Польская исторія (учебникъ), Варшава 1843;—Бѣляева: О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Өеодоровича и послѣ него до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ, Москва 1846 (въ особенности); — Соловьева: Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра В. (1852); — Ведемейера: О Россіи подъ державою дома Романовыхъ до Петра В. (1853); — Разрядныя книги, изд. II Отдѣленія Академіи наукъ, 2 т. (1854—55);—Щебальскаго: Правленіе царевны Софіи (1856);—Попова: Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина (1857); — Костомарова: Бунтъ Разина (1859) и Собраніе всѣхъ его историческихъ монографій, 12 томовъ (1855—72); — Котошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, 9-е изд. (1859); — Олеарія: Россія въ царствованіе Михаила Өеодоровича, переводъ Михайлова (1861); Письма рус-

скихъ государей, изд. коммисіею печатанія государ. грамотъ и договоровъ (1862);—Герберштейна: Записки о Московіи, переводъ Анисимова (1866);—Ключевскаго: Сказанія иностранцовъ о московскомъ государствѣ (1866);—Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго краля съ нѣмцы подъ городъ Псковъ, современное сказаніе объ осадѣ Пскова Густавомъ-Адольфомъ въ 1615 г., издано Семевскимъ (въ 1860 годахъ);—Олеарія: подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633-36-39 г.г., пер. съ нѣм. Барсова (1870);—Замысловскаго: царствованіе Ѳеодора Алексѣевича (1871);—Аристова: Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны (1871);—Иванина (умершаго генералъ-лейтенанта генер. штаба): О пограничныхъ линіяхъ Россіи со временъ Іоанна IV до конца XVIII вѣка (статья, напечатанная въ одномъ изъ нашихъ журналовъ въ 1860 годахъ).

Относящіеся къ исторіи казаковъ, Малороссіи, Польши и Литвы.

Броневскаго (1844) и статистическаго комитета земли войска донскаго (1869—72): Исторія войска донскаго и Савельева: 300-лѣтіе войска донскаго, 1570—1870, изд. того же комитета (1870);—Исторія Руссовъ или Малороссіи, приписываемая Георгію Конисскому, нов. изд. 1846 г.;—Симоновскаго: Краткое описаніе о казацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ дѣлахъ его (1765, нов. изд. 1847),—Энгеля и Миллера: Исторіи Малороссіи (нов. изд. 1847);—Ригельмана: Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи (1847);—Костомарова: Богданъ Хмѣльницкій, съ полнымъ перечнемъ источниковъ исторіи казацкихъ войнъ (1859),—и Гетманство Выговскаго (1862);—Исторія о казакахъ запорожскихъ (1847);—Карпова: Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время съ 8 января 1654 г. до 30 мая 1672 г. (1870). Относящіяся къ исторіи Польши, Литвы и Малороссіи въ XVII вѣкѣ: Chevalier: H. de la guerre des cosaques, Paris 1663;—Erasmus Francisci: Neuer pohlnischer Florus, d. i. richtige und glaubhafte Erzählung etc. durch den Unpartheyischen, Nürnberg 1666;—Kochowski: Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV Climateres, Cracoviae 1683—98;—Rocoles: Vienne deux fois assiégée par les Turcs, Leyde 1684;—Daleyrac (псевдонимъ его: le chevalier *de Beaujeu*): *Les* anecdotes de Pologne ou Mémoires secrets du règne *de Jean Sobieski*, Paris 1699;—Zaluski: Epistolarum historiaco-famili*um*, *etc. Brunsbergae* 1709; — Ladowski: Inventarz constitucyi

Lipsk 1733; — Coyer: H. de Jean Sobieski, Varsovie 1761; — Stryjkowski-Maciej Osestowicz: Kronika Polska, Litovska, Zmòdzka i wszÿstkiey Rusi, Królewice 1582, Warszawa 1766 и 1846; — Rizzi-Zannoni: Carte de la' Pologne (атласъ изъ 24 картъ), Londres 1772, особенно важное пособіе для современной географіи;—Grondski de Grondi: H. belli cosacco-polonici, conscripta A. 1676, Pestini 1789;—Бантыша-Каменскаго (Ивана): историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, Москва 1805 и 1864;—Rulhière: H. de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république, Paris 1807;—Ferrand: H. des trois démembrements de la Pologne, pour faire suite à l'H. de l'anarchie de Pologne par Rulhière, Paris 1820;—Niemcewicz: Dzieje panowania Żygmunda III, Warszawa 1819, и его же Zbiór pamiątników o dawney Polsce, Warszawa 1822;—Бантыша-Каменскаго (Димитрія): И. Малой Россіи, Москва 1822, и 1842, съ указателемъ собранныхъ имъ источниковъ малороссійской исторіи, изд. Бодянскимъ (1859);—Kwiatkowski: Dzieje narodu polskiego za panowania Wladislawa IV, Warszawa 1823;—Графа Румянцова (изданіе): Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва 1828; — Bielski: Kronika, въ Zbiòrze pisarzów polskich, Warzawa 1830; — Bantkie: Dzieje narodu polskiego, Wroclaw 1835, русскій переводъ съ 1-го изданія СПБ. 1830;—Hammer: H. de l'empire ottoman, Paris 1838;—Неизвѣстнаго: Pamiętniki o woynach kazackich za Chmielnickiego, z rękopismu, Wroclaw 1840;—Raczynski (издателя): H. panowania Jana Kazimirza, z rękopismu, Poznań 1840;—Скальковскаго: И. Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго, Одесса 1841;—Lelewel: H. de Pologne, Paris 1841; — Salvandy: H. du roi Jean Sobieski et de la Pologne, Paris 1844;—Маркевича: И. Малороссіи, Москва 1845;—Krajewski: Dzieje panowania Jana Kazimirza, Warszawa 1846;—Величко: Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ, Кіевъ 1845—55;—Szaynocha: Szkice historyczne, Lwow 1854—69;—Соловьева: И. Россіи, 1860—64;—Szujski: Dzieje polski, Lwow 1862—66;—Соловьева: И. паденія Польши, Москва 1863; — Кояловича: Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края, СПБ. 1865; Костомарова: Богданъ Хмѣльницкій, СПБ. 1870; — Его же: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, СПБ. 1870 (перечислены всѣ источники И. Польши въ XVI-XVII-XVIII вѣкахъ);—Павлищева: Историческій атласъ Россіи, съ таблицами, 2-е изд. 1876 г.,— и Польская анархія при Янѣ Казимірѣ и казацкія войны, *рукопись*, *нынѣ* печатается. — Сверхъ того Бартошевичъ, *Балинскій*, *Кантемиръ*, Мацѣёвскій, Пасецкій, Ленгнихъ, Руссо, *Фризе и др.*

Что касается источниковъ и историческихъ пособій, относящихся къ исторіи турокъ и татаръ, то, сверхъ указанныхъ въ 1-й, 2-й и 3-й частяхъ В. В. И. среднихъ временъ, здѣсь слѣдуетъ указать еще Zinkeisen: G. des osmanischen Reiches,—и «Матеріалы для исторіи крымскаго ханства», по распоряженію И. академіи наукъ собранные и изданные Вельяминовымъ-Зерновымъ (1864).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Къ настоящей книгѣ приложена: Карта Западной Европы и Россіи въ XVII вѣкѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ,

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИМѢТЬ ВЪ ВИДУ.

Въ текстѣ:

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
23 —	19 сверху.	112 нашихъ орудій	143 изъ 158, бывшихъ у Шеина въ 1632—33 г.г. при осадѣ Смоленска, а 12 оставлено ему.
42 —	2 и 1 снизу. (въ выноскѣ)	Тогдашній рубль равнялся около 3 р. 33 к. нынѣшнихъ металлическихъ или 3 р. тогдашнихъ = 10 руб. нын. металл.	Этотъ нормальный расчетъ болѣе вѣренъ, чѣмъ иные въ другихъ мѣстахъ книги, которые и должны быть согласованы съ нимъ.
52 —	14, 13 и 12 снизу.	За наружными фасами повозокъ шла и располагалась артиллерія, а за нею пѣхота,	Внутри четвероугольника обозовъ, возлѣ послѣднихъ шла артиллерія, а въ серединѣ четвероугольника пѣхота,
54 —	14 »	Въ мѣстахъ,	Мѣстами,
94 —	20 сверху.	знамя пророка,	знамя хана,
— —	9 снизу.	(³/₃)	(²/₃)
109 —	8 »	Густавъ-Адольфъ снялъ осаду Пскова и удалился.	Густавъ-Адольфъ удалился.
110 —	1 сверху.	20,000 рублей (240,000 нынѣшнихъ металлическихъ);	20,000 рублей (около 66,666 нынѣшнихъ металлическихъ);
124 —	1 и 2 снизу. въ выноскѣ.	См. планъ осады Смоленска Шеинымъ въ 1632—33 г.г., приложенный къ 1-й и 2-й частямъ В. В. И. среднихъ временъ.	Этотъ планъ приложенъ къ 3-й части В. В. И. среднихъ временъ.
131 —	4 сверху въ заглавіи § 19.	Война съ крымскими татарами (1634—1641).	Война съ крымскими татарами (1632—и даже 1622—1641).
134 —	6 сверху въ содержаніи главы IV.	§ 25. Военныя дѣйствія въ 1650 г.	Дѣйствія въ 1650 г.

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ
НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТИ ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ.

ПЕРІОДЫ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

ВОЙНЫ XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКОВЪ
ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ АЗІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЙНЫ ВЪ XVII ВѢКѢ.
(1613—1689).

КНИГА ПЕРВАЯ
(1613—1645).

ГЛАВА I.

РУССКОЕ ЦАРСТВО ВЪ XVII ВѢКѢ.

(1613—1689).

§ 1. Военное устройство и военныя учрежденія. — § 2. Различные роды войскъ. — Конница. — § 3. Пѣхота.—§ 4. Огнестрѣльное оружіе; — нарядъ или артиллерія.—§ 5. Строй и образъ дѣйствій войскъ.—§ 6. Внутреннее устройство войскъ.—§ 7. Полевыя и долговременныя укрѣпленія; — осада и оборона крѣпостей.—§ 8. Заключеніе.

§ 1.

Военное устройство и военныя учрежденія.

По воцареніи 16-ти-лѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова внутреннія и внѣшнія обстоятельства, въ которыхъ московское государство находилось послѣ смутнаго времени, потребовали въ первыя 6 лѣтъ (1613 — 1618) чрезвычайныхъ усилій для того, чтобы очистить государство отъ остатковъ внутреннихъ враговъ (русскихъ мятежниковъ, казаковъ и поляковъ), еще терзавшихъ его, и отразить внѣшнихъ—шведовъ и поляковъ, тѣснившихъ его съ сѣвера и запада. Когда наконецъ это было совершено и отецъ Михаила Ѳеодоровича, митрополитъ Филаретъ въ концѣ 1618 года воротился изъ польскаго плѣна въ Москву и, возведенный въ санъ патріарха, содѣлался не только мудрымъ совѣтникомъ и руководителемъ, но и соправителемъ своего сына, — тогда только стало возможнымъ приступить къ внутреннему благоустройству государства по всѣмъ частямъ и въ томъ числѣ по военной.

Опытъ западной Европы, да и самаго московскаго государства, въ XV и XVI столѣтіяхъ, и особенно въ концѣ XVI и началѣ XVII въ Россіи, уже достаточно доказали, кажется, всю несостоятельность военно-помѣстной системы и необходимость замѣны ея иною — содержанія постоянныхъ, правильно-устроенныхъ войскъ на жалованьѣ и иждивеніи правительства. Всѣ недостатки этой системы, съ самаго начала введенія ея Іоанномъ III, слишкомъ часто обнаруживались къ явному вреду для государства и успѣховъ оружія его, тѣмъ болѣе, что съ нею были соединены пагубное мѣстничество и, вслѣдствіе того, назначеніе воеводъ не по способности и достоинству, а по родословному старшинству. Но никогда еще недостатки эти не проявлялись съ такими силой и вредомъ, какъ именно въ 8 предшествовавшихъ лѣтъ смутнаго времени. Они-то преимущественно были причиной, что война въ это время продолжалась такъ долго — цѣлыхъ 8 лѣтъ, разорила, обезсилила, истощила Россію и поставила ее въ такое опасное положеніе, что, для спасенія ся, правительство вынуждено было искать помощи чужой державы — Швеціи, на самыхъ тяжкихъ условіяхъ.

Послѣ того казалось бы, что съ 1618 г. настали самые удобные время и случай для замѣны военно-помѣстной системы въ Россіи указанною выше. Но, къ сожалѣнію, московское государство все еще было отчуждено отъ западной Европы, народъ русскій, приверженный къ обычаямъ своей старины и погруженный въ необразованность и невѣжество, былъ нерасположенъ ко всему иноземному, нерусскому. Притомъ государство было, какъ сказано, разорено, ослаблено и находилось въ крайнемъ разстройствѣ, и хотя внутренніе враги были одолѣны, а съ Швеціей и Польшей заключенъ миръ, но, для упроченія внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности впредь, немедленно требовалось войско, какое только можно было имѣть. Эти причины, очевидно, не могли благопріятствовать коренному и полному преобразованію военной системы государства, даже не позволяли и помышлять о немъ, и по необходимости заставляли ограничиваться лишь лучшимъ устройствомъ войска, не измѣняя коренныхъ основаній его и только вводя постепенно въ составъ его нѣсколько частей постоянныхъ войскъ, правильно-устроенныхъ по западно-европейскому образцу.

Такъ именно и поступили **Михаилъ Θеодоровичъ** и **Филаретъ**, начавъ прежде всего съ одной мудрой мѣры, предложенной послѣднимъ и имѣвшей важныя и благодѣтельныя послѣдствія во многихъ отношеніяхъ и въ томъ числѣ въ военно-помѣстной системѣ. То было — *произведеніе всеобщей* переписи государства, т. е. пространства *земель, принадлежавшихъ* казнѣ, городамъ, монастырямъ и част-

нымъ лицамъ, со всѣми ихъ угодьями, количества собираемыхъ съ нихъ доходовъ разнаго рода произведеніями, числа дворовъ и жителей ихъ и пр. Составленныя вслѣдствіе того писцовыя книги имѣли весьма важное значеніе и принесли большую пользу, какъ въ финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, такъ и въ военномъ, увеличивъ и доходы, и военныя силы государства, и въ точности опредѣливъ общія и военныя права и обязанности владѣльцовъ помѣстьевъ и вотчинъ, что, при военно-помѣстной системѣ, было весьма важно.

Затѣмъ, не измѣняя, какъ сказано, коренныхъ основаній этой системы, Михаилъ Θеодоровичь только далъ болѣе стройности и опредѣленности управленію и содержанію войска и ввелъ въ составъ его нѣсколько новыхъ частей, составленныхъ: однѣ—изъ наемныхъ иноземцовъ, а другіе—изъ русскихъ, тѣхъ и другихъ—состоявшихъ на постоянной службѣ, на жалованьѣ и содержаніи правительства и правильно-устроенныхъ по западно-европейскому образцу или по тогдашнему выраженію—нѣмецкаго строя.

Михаилъ Θеодровичь нанималъ въ русскую службу иноземцовъ превмущественно для усиленія русскаго войска регулярными войсками, набиралъ ихъ въ протестантскихъ странахъ: Швеціи, Даніи, Голштиніи, Голландіи, Англіи и Германіи, съ полнымъ ихъ вооруженіемъ, и старался привязать ихъ къ Россіи матеріальными выгодами, жалуя лучшимъ изъ нихъ помѣстные оклады. Подъ руководствомъ офицеровъ ихъ, особенно полковниковъ фонъ-Дамме и Лесли, онъ образовалъ изъ безпомѣстныхъ боярскихъ дѣтей и изъ сельскихъ жителей 6 конныхъ солдатскихъ полковъ, устроенныхъ по западно-европейскому образцу, подъ названіемъ рейтаровъ и драгуновъ, офицерами въ которыхъ были также иноземцы, вызываемые изъ-за границы.

Эти иноземные и русскіе полки нѣмецкаго строя были первымъ началомъ и ядромъ постоянныхъ регулярныхъ войскъ въ Россіи и составляли меньшую часть русскаго войска, большею частью котораго были войска прежняго, русскаго строя, а тѣ и другія вмѣстѣ образовали въ обыкновенныхъ случаяхъ войско силой до 200 т. чел.—Въ необыкновенныхъ же случаяхъ, напримѣръ трудныхъ обстоятельствъ и войнъ, къ нимъ присоединялись еще даточные люди (изъ крестьянъ монастырскихъ, боярскихъ и купеческихъ вотчинъ), казаки, ногаи, татары, мордва, черемисы и др. инородцы, вмѣстѣ съ которыми правительство могло выставлять до 300 т. чел. войскъ.

Стрѣльцы со временъ Іоанна IV составляли единственное *постоянное* (въ тогдашнемъ, а не въ нынѣшнемъ смыслѣ) русское вой-

ско. Составъ, вооруженіе, устройство и служба ихъ уже были прежде и еще будутъ ниже указаны въ своихъ мѣстахъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ число ихъ нѣсколько увеличилось противъ прежняго.

Съ первоначальнымъ введеніемъ въ русское войско при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и еще прежде него (съ Іоанна IV) дружинъ наемныхъ иноземцовъ, уже стала ощущительною и потребность въ нѣкоторыхъ техническихъ и теоретическихъ военныхъ руководствахъ для войскъ. Такъ уже при царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ, по приказанію его (какъ означено въ своемъ мѣстѣ прежде) придворными переводчиками Юрьевымъ и Ѳоминымъ была переведена съ нѣмецкаго въ рукописи Воинская книга (Kriegsbuch) о приготовленіи пороха и стрѣльбѣ изъ пушекъ и пищалей. Позже при томъ же царѣ въ 1607 г. была составлена въ первый разъ и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1621 г. возобновлена рукописная книга подъ заглавіемъ: «Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки», выбранная изъ иностраныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ *). Какое вліяніе руководства эти могли имѣть и имѣли на образованіе русскихъ войскъ—неизвѣстно, но самый фактъ составленія ихъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ первый такого рода въ русскомъ войскѣ.

Царь Алексѣй Михайловичь съ 1650 г., когда лично и дѣятельно занялся государственными дѣлами вообще и военными въ частности, подобно отцу своему не вводилъ, въ послѣднемъ отношеніи, почти ничего новаго и держась также обычаевъ старины, не измѣнялъ коренныхъ основаній войска, но продолжалъ развивать начатое отцомъ своимъ, стараясь искоренять злоупотребленія и безпорядки и установлять единство, порядокъ, стройность и законность, основанныя на законахъ. Издавъ въ 1649 г. исправленный и пополненный сводъ ихъ, подъ названіемъ Уложенія, весьма важный и въ военномъ отношеніи, какъ и во всѣхъ прочихъ, онъ приказалъ вновь составить писцовыя книги—мѣра, также весьма важная въ отношеніи къ военно-помѣстному войску русскаго строя. Служилые люди, обязанные военно-помѣстною службой, съ содержаніемъ себя на ней на свой счетъ, были уравнены помѣстьями и вотчинами и многимъ изъ нихъ назначено жалованье. Число стрѣльцовъ было умножено нѣсколькими полками **) и Уложеніемъ утверждены пріобрѣтенныя ими со вре-

*) Подробныя свѣдѣнія объ этихъ рукописяхъ находятся въ «Обзорѣ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искуства въ Россіи по 1725 г.» Обручева.

**) Въ «Статейномъ спискѣ Стольника Чемоданова въ Венецію, въ 7164 (1656 г.)» *(Др. Рос. Вивліоѳика Т. IV)* число московскихъ стрѣльцовъ показано до 40 т. *чел. сверхъ городовыхъ,* но это преувеличено съ намѣреніемъ (см. ниже).

менъ Іоанна IV права и преимущества: свобода отъ платежа судныхъ и печатныхъ пошлинъ, право винокуренія и торговли, зависимость отъ своего, особеннаго управленія—Стрѣлецкаго приказа, что все побуждало многихъ торговыхъ людей записываться въ стрѣльцы и послужило поводомъ къ большимъ безпорядкамъ (совершенно подобно тому, какъ и въ корпусѣ турецкихъ янычаровъ). Иноземцовъ Алексѣй Михайловичъ вызывалъ на службу въ русскомъ войскѣ уже преимущественно для введенія въ него западно-европейскихъ устройства, строя и строеваго обученія. Подобно отцу своему, онъ также жаловалъ лучшимъ изъ нихъ, за заслуги, помѣстные оклады. Изъ нихъ онъ назначалъ генераловъ, полковниковъ, маіоровъ, капитановъ и ротмистровъ, поручиковъ и пр. чиновъ, поручая однако главное начальствованіе ратями (арміями) русскимъ боярамъ и воеводамъ При немъ число иноземныхъ и русскихъ, конныхъ и пѣшихъ полковъ нѣмецкаго строя увеличилось, а постоянныя заботы его, чтобъ иноземные офицеры неослабно и хорошо обучали эти войска, довели послѣднія до того, что они достигли довольно хорошаго строеваго образованія (см. ниже § 5). Нарядъ (артиллерія) былъ усиленъ и въ немъ даже явились уже хорошіе русскіе пушкари, литейщики и иные техники. Для безопасности границъ, пограничные города были укрѣплены, на южныхъ предѣлахъ построены новыя крѣпости, поддерживались прежнія и устроены новыя засѣки или пограничныя укрѣпленныя линіи. Наконецъ, въ 1647 г. впервые былъ напечатанъ и изданъ для руководства войскъ воинскій уставъ подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» — первая военная книга, напечатанная въ Россіи, въ Москвѣ, на русскомъ языкѣ *). Словомъ—Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ очень много для лучшаго устройства русскаго войска вообще и войскъ иноземнаго строя въ частности, во всѣхъ отношеніяхъ. Но при этомъ и онъ также, какъ и отецъ его, не измѣнилъ, какъ сказано, ни коренныхъ основаній войска, ни военно-помѣстной системы, которая и сохранилась вполнѣ, вмѣстѣ съ мѣстничествомъ, назначеніемъ воеводъ по родословному старшинству и прочими старыми русскими военными обычаями. И такимъ образомъ, по составу въ большинствѣ изъ временныхъ военно-помѣстныхъ ополченій, стрѣльцовъ и др. войскъ стариннаго русскаго строя

*) Уставъ этотъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть переводъ съ нѣмецкаго военнаго устава, изданнаго въ Германіи въ XVI вѣкѣ при Карлѣ V, а по мнѣнію Забѣлина (едва-ли не болѣе вѣроятному)—переводъ сочиненія датской службы капитана Вальгаузена: «Kriegskunst zu Fuss», изд. въ 1615 г. Впрочемъ въ этомъ русскомъ переводѣ помѣщена только одна 1-я книга изъ 8-ми обѣщанныхъ *авторомъ,* и эта книга скорѣе курсъ тактики, нежели уставъ.

и лишь въ меньшинствѣ изъ постоянныхъ иноземныхъ и русскихъ войскъ нѣмецкаго строя, русское войско, говоря вообще, все еще имѣло прежній характеръ временнаго, иррегулярнаго, преимущественно коннаго войска и слѣдовательно въ 3-й четверти XVII вѣка еще значительно отставало во всѣхъ отношеніяхъ отъ войскъ западно-европейскихъ и особенно отъ шведскихъ.

Сынъ и преемникъ Алексѣя Михайловича, Өеодоръ II Алексѣевичъ (1676—1682) продолжалъ развивать въ томъ же направленіи и духѣ то, что отецъ его дѣлалъ для благоустройства и усовершенствованія войска, и еще умножилъ число войскъ иноземнаго строя. Собственно же ему принадлежащими, особенно замѣчательными въ отношеніи къ войску дѣлами были законы о правѣ собственности и уничтоженіе наконецъ мѣстничества.

Право владѣнія недвижимою собственностью, весьма тѣсно связанное съ [illegible] системою и службой, было разсмотрѣно во всѣхъ [illegible] и въ 1676—77 гг. рядомъ законовъ [illegible] и въ точности опредѣлены были всѣ случаи перехода земель [illegible] [illegible] [illegible] службы [illegible]

[illegible] уже [illegible] [illegible]

ло принять мѣры для обороны государства отъ турокъ. Дума признала необходимымъ: дать лучшее устройство войску, установить единство въ дѣйствіяхъ его, раздѣлить полки на роты, а вмѣсто сотенныхъ головъ назначить ротмистровъ (начальниковъ ротъ) и поручиковъ (товарищей или помощниковъ ихъ), безъ всякаго отношенія къ родословнымъ правамъ. Вслѣдъ затѣмъ она представила примѣрный списокъ ротмистровъ и поручиковъ и, для совершеннаго устраненія всякихъ пререканій и несогласій, просила не допускать впредь ни въ какихъ случаяхъ родословныхъ расчетовъ. Θеодоръ созвалъ соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ высшихъ сановниковъ и потребовалъ его совѣта. Соборъ единогласно выразилъ необходимость и своевременность уничтоженія наконецъ пагубнаго предразсудка. Тогда (12 февраля 1682 г.) Θеодоръ приказалъ принесть и сжечь въ присутствіи собора разрядныя книги Разряда, въ которомъ велись и разбирались дѣла о родословныхъ отношеніяхъ, а вмѣсто того дозволилъ составить родословную книгу «на память о заслугахъ предковъ столбоваго дворянства». Соборъ же постановилъ быть всѣмъ чинамъ безъ мѣстъ и служить тамъ, гдѣ государь укажетъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія въ случаѣ прекословія.

По смерти Θеодора, въ одно время выступаютъ впередъ—10-тилѣтній сынъ Алексѣя Михайловича отъ 2-го брака его съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, Петръ, и стрѣльцы. 27-го апрѣля 1682 г. государственные чины единогласно провозгласили Петра преемникомъ Θеодора и царемъ, и ему безпрекословно присягнули Москва и вся Россія.

Стрѣльцы, съ тѣхъ поръ, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ умножились числомъ и разбогатѣли отъ несвойственныхъ военному званію торговыхъ промысловъ, стали тяготиться своею службой, предались роскоши, разгулу, своеволію, буйству и безпорядкамъ. Уже 30 апрѣля 1682 г. они представили Петру исполненную дерзкой угрозы челобитную противъ многихъ, ненавистныхъ имъ полковниковъ. Новое правительство, еще слабое, хотѣло смирить стрѣльцовъ кротостью и строго наказало 17 полковниковъ ихъ. Стрѣльцы присягнули Петру, но духъ мятежа не изчезъ въ нихъ—и противная партіи Нарышкиныхъ партія Милославскихъ (свойственниковъ 1-й супруги Алексѣя Михайловича, Маріи Ильиничны Милославской, отъ которой онъ имѣлъ сыновей Θеодора и Іоанна, дочь Софію и еще 8 дѣтей) употребила стрѣльцовъ орудіемъ для низложенія партіи Нарышкиныхъ. Въ замыслахъ ихъ участвовала честолюбивая царевна Софія — и 15 мая 1682 г. *произошелъ первый*, жестокій бунтъ стрѣльцовъ въ Москвѣ, въ которомъ

они умертвили до 70 человѣкъ партіи Нарышкиныхъ и объявили Іоанна царемъ вмѣстѣ съ Петромъ, а Софію — правительницею государства.

Этимъ начался цѣлый рядъ стрѣлецкихъ бунтовъ, происходившихъ неоднократно въ теченіи $7\frac{1}{2}$ лѣтъ до воцаренія Петра I (7 сентября 1689 г.) и даже послѣ того, до совершеннаго уничтоженія стрѣльцовъ (въ августѣ 1698 г.). Послѣ 1-го бунта стрѣльцы, которыхъ Софія наградила вотчинами, даже похвальными грамотами и почетнымъ названіемъ надворной (придворной) пѣхоты, стали еще болѣе своевольными, дерзкими и тѣмъ болѣе опасными, что въ то же самое время въ Москвѣ послѣдовало возстаніе религіозной секты староверовъ или старообрядцовъ противъ правительства (5 іюня 1682 г.). Но когда тѣ изъ стрѣльцовъ, которые пребыли вѣрными долгу, прекратили это возстаніе, сама Софія, понявъ опасность, грозившую со стороны стрѣльцовъ, 17 сентября 1682 г. подавила новый бунтъ ихъ, казнивъ начальника ихъ, князя Хованскаго съ сыномъ его, и болѣе виновныхъ стрѣльцовъ, сославъ прочихъ въ дальніе города, а въ Москвѣ оставивъ только тѣхъ, на которыхъ могла болѣе положиться.

Затѣмъ, семь лѣтъ правивъ государствомъ съ необыкновенными умомъ и заботливостью о внутреннемъ благоустройствѣ, Софія издала многія гражданскія постановленія, которыя близко касались также и военно-помѣстнаго войска, какъ-то: сыщиковъ наказъ 1683 г., для пресѣченія побѣговъ крестьянъ отъ помѣщиковъ,— писцовый наказъ, для новаго размежеванія вотчинъ и помѣстьевъ, многія дополнительныя къ Уложенію постановленія о вотчинахъ, помѣстьяхъ, и пр. А въ 1687 г., надѣясь побѣдами надъ крымскими татарами заслужить общее довѣріе къ своимъ государственнымъ дарованіямъ и тѣмъ продлить свое правленіе, она собрала многочисленное войско, на подобіе тѣхъ, съ какими Іоаннъ IV завоевалъ Ливонію, а Алексѣй Михайловичъ Литву, и ввѣрила его главному начальствованію любимца своего, князя Василія Васильевича Голицына, съ тѣмъ чтобы рѣшительно сокрушить крымскую орду. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ этомъ войскѣ, въ 1687 г. и особенно въ 1689 г., войскъ иноземнаго строя было уже больше, нежели войскъ русскаго строя (см. ниже § 6). Но надежды Софіи не исполнились, а повели только къ гибели ея и Голицына — и къ единоличному воцаренію Петра I.

От общаго разсмотрѣнія историческаго хода развитія военнаго *устройства и военныхъ* учрежденій Россіи отъ начала до конца XVII *вѣка обращаясь къ болѣе* частному, укажемъ состояніе различныхъ

родовъ войскъ, тактическаго и внутренняго устройства ихъ и артиллерійскаго, инженернаго и всего вообще военнаго дѣла въ Россіи въ этомъ періодѣ времени *).

§ 2.

Различные роды войскъ.

Конница.

Она была главнымъ родомъ войскъ и составляла наибольшую въ числительномъ отношеніи силу всего русскаго войска.

Ее составляли дворяне, боярскія дѣти, новокрещеные мурзы и князья татарскіе, казаки, рейтары, драгуны и даточные люди.

Дворяне составляли первый и самый важный разрядъ русской конницы. Къ нимъ принадлежали всѣ знатнѣйшіе роды княжескіе и древніе боярскіе, они соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ знатнѣйшему и феодально-рыцарскому дворянству западно-европейскихъ армій въ XIV, XV и даже XVI столѣтіяхъ и являлись на службу въ войскѣ на собственныхъ лошадяхъ, въ собственномъ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи своихъ вооруженныхъ слугъ и съ продовольственными запасами на весь походъ для себя и своихъ людей и лошадей.

Дворяне дѣлились на московскихъ, на жильцовъ и на городовыхъ дворянъ.

Московскіе дворяне принадлежали къ первому и высшему разряду (вслѣдъ за стольниками и стряпчими), пользовались бо́льшимъ помѣстнымъ окладомъ (по 200 четвертей или 100 десятинъ земли каждый) въ лучшихъ мѣстахъ государства, часто получали разныя порученія по управленію областями и другимъ дѣламъ и, кажется, исключительно или преимущественно повышались въ званія стряпчихъ, думныхъ дворянъ, стольниковъ и въ дальнѣйшіе высшіе придворные чины, и вмѣстѣ съ тѣмъ получали намѣстничества, начальствованіе надъ войсками и высшія гражданскія и посольскія должности.

Они, вмѣстѣ съ жильцами (см. ниже), составляли особый государевъ полкъ (въ родѣ лейбъ-гвардіи или тѣлохранителей), сопровождавшій государя на войну или иногда бывшій по назначенію

---

*) Главное пособіе: Бѣляева «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его» до Петра I.

государя при главныхъ воеводахъ. Въ мирное время онъ былъ обязанъ участвовать въ разныхъ придворныхъ торжественныхъ церемоніяхъ (при встрѣчѣ иностранныхъ пословъ и т. п.), а иногда части его сопровождали большія русскія посольства за границу. Онъ дѣлился на нѣсколько сотенъ, головами которыхъ были люди знатнѣйшихъ родовъ. Эти сотни дѣлились на сотни стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, сколько какихъ именно — неизвѣстно, но не по одной. Дворяне, принадлежавшіе къ государеву полку, не всѣ постоянно жили въ Москвѣ, но чередовались на службѣ въ ней пополугодно, остальное же время жили въ своихъ помѣстьяхъ до новой очереди или до требованія въ походъ. Впрочемъ не всѣ московскіе дворяне принадлежали къ государеву полку, но многіе изъ нихъ составляли особый отрядъ, стоявшій выше городовыхъ дворянъ.

Жильцами назывались лучшіе выборные люди изъ дворянъ, присылаемые изъ городовъ въ Москву на полугодичную службу въ ней въ разныхъ военныхъ должностяхъ. Они принадлежали къ болѣе зажиточнымъ и извѣстнымъ родамъ городовыхъ дворянъ или были изъ наиболѣе заслужившихъ эту почесть храбростью на войнѣ, расторопностью и красивою наружностью. Они участвовали во многихъ преимуществахъ, предоставленныхъ московскимъ дворянамъ, и лучшіе изъ нихъ составляли особыя сотни въ государевомъ полку. Они считались въ московскомъ чинѣ и за службу свою получали особые помѣстные оклады, вотчины и жалованье, одинаковые съ московскими дворянами.

Городовые дворяне жили по своимъ городамъ и пользовались меньшими правами и преимуществами противъ московскихъ, получая менѣе помѣстнаго оклада и жалованья и занимая менѣе важныя должности. Въ мирное время имъ поручались въ городахъ и уѣздахъ должности губныхъ старостъ, осадныхъ и стрѣлецкихъ головъ и сотниковъ, а также разныя почетныя должности въ областныхъ съѣзжихъ избахъ (полковыхъ дворахъ) и при намѣстникахъ. Они дѣлились на 3 разряда: 1-й—выборные дворяне, 2-й — дворовые и 3-й — собственно городовые, каждый на особомъ помѣстномъ окладѣ (1-й—по 150, 2-й—по 120 и 3-й—по 100 четвертей или по 75, 60 и 50 десятинъ земли на человѣка). Переводъ изъ низшаго въ высшій разрядъ считался наградой за усердную службу.

Боярскія дѣти занимали второе послѣ дворянъ мѣсто въ русской конницѣ и въ мирное время исполняли разныя полицейскія должности: разсыльщиковъ, приставовъ, земскихъ и даже губныхъ *старостъ по городамъ* и цѣловальниковъ, а также на нихъ лежала *обязанность вмѣстѣ* съ городовыми дворянами оборонять погранич-

ные города. Они, также какъ и дворяне, владѣли помѣстьями и вотчинами, за которыя были обязаны службою, какъ личною, такъ и съ своими людьми, по количеству помѣстной земли. Впрочемъ кажется былъ и особый разрядъ ихъ, который служилъ на жалованьѣ. Боярскія дѣти дѣлились, подобно дворянамъ, на выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ и имѣли такой же помѣстный окладъ. Сверхъ того былъ особый разрядъ боярскихъ дѣтей украинскихъ городовъ, которыя равнялись съ городовыми и имѣли по 50 четвертей помѣстнаго оклада.

Новокрещены, мурзы и князья татарскіе (изъ татаръ казанскаго, астраханскаго и другихъ покоренныхъ татарскихъ царствъ, крещеные и некрещеные), составляли 3-й разрядъ русской конницы, были почти на одинаковыхъ правахъ съ боярскими дѣтьми и даже съ городовыми дворянами, на время похода получали наравнѣ съ ними жалованье по статьямъ и имѣли свои помѣстья и вотчины. Впрочемъ бывали и кормовые — на корму въ какомъ-либо городѣ, получая жалованье на пищу и одежду. Всѣ этого разряда люди дѣлились на высшій разрядъ — новокрещеныхъ и мурзъ московскаго чина и на низшій (всѣхъ прочихъ), и на войну шли вооруженными по своему, по татарски, съ своими, также вооруженными слугами.

Городовые казаки составляли 4-й разрядъ русской конницы. Первоначально набираемые на время войны, они мало по малу за добрую службу стали получать помѣстныя земли, большею частью въ пограничныхъ мѣстахъ, съ обязанностью быть готовыми къ походу по первому востребованію. Такимъ образомъ явились помѣстные казаки въ городахъ замосковныхъ, украинскихъ (южныхъ), мещерскихъ (по Окѣ) и понизовыхъ (волжскихъ), какъ-то: курмышскіе, касимовскіе, темниковскіе, шацкіе, алатырскіе, арзамасскіе, михайловскіе, пронскіе, воронежскіе и др. Они жили тамъ на правахъ украинскихъ боярскихъ дѣтей, съ тѣми же обязанностями, и въ походахъ получали жалованье по тремъ статьямъ. Впрочемъ не всѣ казаки были помѣщиками, но многіе изъ нихъ, во внутреннихъ городахъ, состояли на правахъ стрѣльцовъ (см. ниже).

Означенные выше 4 разряда русской конницы имѣли одинаковое устройство, состояли въ одномъ спискѣ Разряднаго приказа и въ каждомъ городѣ принадлежали къ городовому полку, носившему названіе своего города, состоявшему подъ начальствомъ одного общаго начальника и имѣвшему свое знамя, свои барабаны, музыку и полковыя пушки (кажется по 5-ти). Каждый городовой полкъ дѣлился на большую, среднюю и меньшую статьи, для выдачи, сообразно съ тѣмъ, денежнаго жалованья во время похода и для верстанія

новиковъ (новопоступившихъ) помѣстными окладами. Сверхъ того каждый городовой полкъ дѣлился на 1-ю и 2-ю половины, для того, чтобы 1-я по первой вѣсти о походѣ тотчасъ собиралась, а 2-я была готова идти на помощь ей. Притомъ для каждаго похода назначались не всѣ служилые люди и не изъ всѣхъ городовъ, а сколько опредѣлялось по государеву указу, по распоряженію Разряднаго приказа и смотря по надобности (иногда половина, иногда треть либо больше или меньше).

Вооруженіе этихъ 4-хъ разрядовъ русской конницы состояло вообще изъ болѣе или менѣе полнаго и богатаго, оборонительнаго и нападательнаго оружія, уже указаннаго въ своемъ мѣстѣ прежде. Вообще оно состояло: оборонительное—изъ головныхъ уборовъ: шишаковъ, мисюрокъ, ерихонокъ и колпаковъ, и изъ доспѣховъ тѣльныхъ: бахтерцовъ, байданъ, полубайданъ, юшмановъ, куяковъ, тегиляевъ и бутурлыковъ;—нападательное, бѣлое или холодное—изъ кончаръ, булавъ, буздыгановъ, сабель, ножей или кинжаловъ, пикъ и кистеней,—метательное—лука съ стрѣлами (кайдаликовъ, томаръ и севергъ), и принадлежностей къ тому: колчановъ. тохтуевъ, джидовъ или джеридовъ (лукъ съ стрѣлами, налучъ и колчанъ съ тохтуемъ имѣли еще одно общее названіе саадакъ, сагайдакъ, сайдакъ) *). Огнестрѣльное же ручное оружіе, получившее уже въ этомъ періодѣ значительное развитіе, означено въ своемъ мѣстѣ ниже. Происхожденіе и названія оборонительнаго и нападательнаго холоднаго ручнаго вооруженія—отчасти старинныя, русскія, большею же частію монголо-татарскія. Въ XVII вѣкѣ въ этомъ вооруженіи замѣтно проявляется уже характеръ западно-европейскаго вооруженія: сплошные доспѣхи, зерцалы и латы, составлявшіе впрочемъ достояніе царственныхъ особъ и людей знатныхъ и богатыхъ, или наемныхъ иноземцовъ (латы, алебарды—hallebardes, протазаны—pertuisanes, банделеры—bandoulières и пр.), совмѣстно съ которыми существовали еще впрочемъ старинные русскіе бердыши, рогатины, совни, кончары и т. п.

Такъ какъ каждый служившій въ войскѣ имѣлъ собственное вооруженіе по своимъ средствамъ, то въ немъ было большое разнообразіе въ количествѣ и качествѣ, отъ наибольшихъ: полноты, доброкачественности и богатства у знатныхъ и богатыхъ людей до наименьшихъ у людей простаго званія и бѣдныхъ.

Русская конница, устроенная по западно-европейскому образцу,

---

*) Подробное описаніе и изображеніе всѣхъ этихъ видовъ вооруженія находится въ «Историческомъ описаніи одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ», *Висковатова*, и въ I части «Историческаго каталога С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея», *Бранденбурга*, см. «Источники».

первоначально набиравшаяся изъ наемныхъ иноземцовъ, а потомъ и изъ русскихъ людей, была двухъ родовъ: рейтары и драгуны.

Рейтары (съ нѣмецкаго названія Reiter), состоявшіе сначала изъ однихъ иноземцовъ, получали жалованье и содержаніе, а во время похода, для продовольствованія ихъ, назначались особыя волости, съ которыхъ они получали хлѣбъ для себя и кормъ для лошадей. Позже нѣкоторымъ иноземцамъ стали давать помѣстья и вотчины, особенно тѣмъ, которые давно прибыли въ Россію, а другихъ начали отсылать на прокормленіе въ города, отчего и явились помѣстные и кормовые. Въ рейтарскихъ полкахъ уже со временъ Михаила Θедоровича было много и русскихъ изъ боярскихъ дѣтей, новокрещеновъ, казаковъ и другихъ вольныхъ людей, нетяглыхъ и необязанныхъ никакою службой. Они записывались въ рейтары на всѣхъ правахъ рейтарскаго строя и были обязаны обучаться нѣмецкому строю у иноземныхъ полковниковъ и ротмистровъ. Рейтары вообще считались въ одномъ разрядѣ съ городовыми дворянами, по крайней мѣрѣ имѣвшіе помѣстья. Вооруженіе рейтаръ состояло изъ шишаковъ, латъ, шпагъ, мушкетовъ и позже карабиновъ и пистолетовъ (см. ниже).

Драгуны набирались первоначально только изъ иноземцовъ, но потомъ, уже со временъ Михаила Θеодоровича, и изъ русскихъ охочихъ людей, боярскихъ дѣтей, новокрещеновъ, татаръ, дѣтей стрѣлецкихъ, казацкихъ и всякихъ вольныхъ людей, которые не были ни въ службѣ, ни въ холопствѣ, ни въ тяглѣ и не имѣли ни помѣстьевъ, ни вотчинъ. Драгуны имѣли шишаки, латы и панцыри, мушкеты, шпаги, пики, топоры у сѣделъ или бердыши, и исполняли конную и пѣшую службу. Они получали жалованье на пищу и одежду; лошади же, оружіе и вся сбруя выдавались имъ отъ казны. По окончаніи похода они распускались по домамъ и каждый обращался въ свое состояніе; лошади же съ сѣдлами и сбруей отсылались по областямъ на кормленіе жителямъ, по одной на 4 двора. Вообще драгуны состояли почти на одинаковыхъ правахъ съ стрѣльцами и городовыми казаками. Царь Алексѣй Михайловичь въ 1648 г. назначилъ въ драгунскую службу цѣлые погосты крестьянъ и бобылей, со всѣми селами, деревнями и угодьями, въ новгородскомъ уѣздѣ на шведской границѣ, и такимъ образомъ имѣлъ въ виду составить изъ нихъ родъ пограничныхъ военныхъ поселеній (сверхъ того, старые казачьи полки, поселенные на польской границѣ, числомъ до польской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ—около 5 т. чел., а потомъ гораздо меньше, также составляли родъ пограничнаго поселеннаго войска).

Казаки донскіе, волжскіе, яицкіе и терскіе составляли осо-

бый отдѣлъ русской конницы, жили на собственныхъ земляхъ, имѣли свою особенную управу и своихъ выборныхъ начальниковъ, и военною службой въ русскомъ войскѣ были обязаны вмѣсто податей и другихъ сборовъ, лежавшихъ на прочихъ жителяхъ государства. Впрочемъ имъ, какъ исполнявшимъ эту службу добровольно, нерѣдко выдавалось жалованье во время походовъ, а иногда присылались сукна на одежду, селитра, свинецъ, хлѣбные запасы и даже вино, а за особыя заслуги жаловались знамена (особенно донскимъ казакамъ). Вызываемые на службу по царскимъ грамотамъ, они являлись на нее подъ начальствомъ своихъ атамановъ и старшинъ, вооруженные саблями, пиками, пистолетами, пищалями и имѣли свои пушки.

Послѣдній разрядъ русской конницы составляли даточные люди, набираемые на время войны съ тяглыхъ, а иногда и съ нетяглыхъ посадскихъ людей и крестьянъ разныхъ вѣдомствъ, не моложе 25 лѣтъ и не старѣе 40. Наборъ ихъ производился или съ земли—по 1 чел. съ 300 четвертей (150 десятинъ), или съ дворовъ по 1 чел. съ 50, 20, 10, 5 и даже 3, смотря по надобности. Съ нетяглыхъ дворовъ обыкновенно брали больше, нежели съ тяглыхъ; даточные люди требовались на половину конные и пѣшіе. Вооруженіе, лошадей и содержаніе они получали отъ тѣхъ вѣдомствъ, отъ которыхъ набирались. Касательно снаряженія и вооруженія ихъ требовалось, чтобы они имѣли добрыхъ лошадей въ сбруѣ, были вооружены шишаками, латами, панцырями и бехтерцами, а при Алексѣѣ Михайловичѣ сверхъ того—карабиномъ и двумя пистолетами каждый. Срокъ службы даточныхъ людей опредѣлялся при наборѣ, смотря по надобности и предполагаемой продолжительности похода или войны.

Сверхъ всѣхъ этихъ разрядовъ русской конницы, со времени присоединенія Малороссіи и возвращенія многихъ областей отъ Литвы при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ русскомъ войскѣ появились: 1) полки черкасовъ или малороссійскихъ казаковъ, имѣвшихъ свой судъ, свою расправу и своихъ начальниковъ, и составлявшихъ отдѣльное, союзное войско, а также 2) литовцы—«люди литовскаго списка и смоленская шляхта». Тѣ и другіе составляли уже совершенно особый разрядъ русской конницы. Вооруженіе, устройство и управленіе ихъ въ точности неизвѣстны, такъ какъ о нихъ въ грамотахъ упоминается только мелькомъ (впрочемъ первые извѣстны изъ исторіи Малороссіи и ея войнъ).

Изъ всего, сказаннаго выше о русской конницѣ, вообще видно, какой разнородный составъ и какое сложное устройство она имѣла, раздѣляясь и подраздѣляясь на разряды, статьи и т. п., высшіе, *среднie и низшіе, а именно*.

I разрядъ: Дворяне: 1) Московскіе: а) Государевъ полкъ,—

б) прочіе московскіе дворяне;—2) жильцы и 3) городовые дворяне: а) выборные, б) дворовые и в) городовые.

II разрядъ: Боярскія дѣти: 1) выборныя, 2) дворовыя и 3) городовыя.

III разрядъ: Новокрещены, мурзы и князья татарскіе: 1) московскаго чина и 2) прочіе.

IV разрядъ: Городовые казаки: 1) большей статьи, 2) средней и 3) меньшей.

Особые разряды:

V. Иноземнаго строя иноземные и русскіе: 1) рейтары и 2) драгуны.

VI Казаки донскіе, волжскіе, яикскіе, терекскіе и позже малороссійскіе.

VII. Даточные люди, литовцы и смоленская шляхта.

Во всѣхъ этихъ разрядахъ, съ ихъ раздѣленіями и подраздѣленіями, отъ высшаго до низшаго, было большое разнообразіе и въ снаряженіи, и въ вооруженіи, и въ устройствѣ внѣшнемъ и внутреннемъ, и въ окладахъ содержанія и жалованья, и въ начальствованіи, и въ управленіи, и въ способѣ употребленія на войнѣ, словомъ—было много дробленія и разнообразія, но мало единства и однообразія, необходимыхъ въ войскѣ правильно-устроенномъ или регулярномъ. А потому большинство русской конницы, за исключеніемъ меньшей части — регулярной, иноземнаго строя, рейтаръ и драгунъ—слѣдуетъ считать не иначе, какъ иррегулярною, стоявшею ниже современной западно-европейской, хотя и очень многочисленною.

§ 3.

Пѣхота.

Тоже слѣдуетъ сказать и о пѣхотѣ, состоявшей изъ стрѣльцовъ, солдатъ, пѣшихъ: городовыхъ казаковъ, даточныхъ людей и вольныхъ охочихъ людей.

Стрѣльцы, учрежденные Іоанномъ IV, составляли первое, по времени учрежденія, постоянное (по тогдашнимъ, а не по нынѣшнимъ понятіямъ) русское пѣшее войско, хотя небольшая часть ихъ была и конная. Они раздѣлялись на полки, различавшіеся цвѣтомъ одежды и обуви. Одежда ихъ состояла изъ кафтана съ отложнымъ назадъ воротникомъ, застегнутаго на груди золотыми или иными шнурами. На головѣ они носили сначала желѣзныя, а потомъ мѣховыя шапки, а на ногахъ — сапоги одного цвѣта съ одеждой.

Вооруженіе ихъ состояло сначала изъ пищалей, а потомъ изъ мушкетовъ, изъ бердышей и сабель, а у первыхъ сотенъ въ полкахъ, которыя назывались копейщиками — изъ длинныхъ копій и изъ мечей. Стрѣльцы были обязаны лично и съ семействами (слѣдовательно составляли особенное, потомственное, военное сословіе) безсмѣнною службой до смерти или до отставки по болѣзненности или старости (въ какомъ смыслѣ собственно и могли считаться постояннымъ войскомъ). Въ мирное время они составляли гарнизоны Москвы и другихъ городовъ, особенно пограничныхъ, и исправляли разныя полицейскія должности: высыльщиковъ (высылавшихъ служилыхъ людей на службу), приставовъ, таможенныхъ стражей и другія. Московскіе же стрѣльцы охраняли царскій дворецъ и Кремль, исправляли дворцовую службу, внутреннюю и внѣшнюю, участвовали въ торжествахъ при дворѣ и получали деньги и пищу изъ царскаго дворца. Въ военное время стрѣльцы присоединялись къ войску, для поддержанія конницы и преимущественно для осады и обороны городовъ.

Особенно замѣчательны права и преимущества, данныя стрѣльцамъ: каждый изъ нихъ получалъ землю и выстроенный на ней домъ, гдѣ жилъ съ семействомъ; въ Москвѣ и городахъ они жили въ особыхъ стрѣлецкихъ слободахъ. Они были освобождены отъ податей и службъ, которымъ подлежали городскіе жители, могли свободно заниматься промыслами и торговлей, платя торговыя подати только когда торговали на сумму свыше 50 рублей (600 нынѣшнихъ серебряныхъ) и сверхъ того получали денежное жалованье на одежду и хлѣбный запасъ, а въ случаѣ войны — подводы или деньги на подъемъ. Такого рода права и преимущества стрѣльцовъ привлекали множество охотниковъ записываться въ число ихъ, но стрѣлецкіе головы принимали охотниковъ не иначе, какъ за круговою порукой старыхъ, надежныхъ стрѣльцовъ.

Стрѣльцы раздѣлялись на московскихъ и городовыхъ. Первые имѣли передъ послѣдними большія преимущества по окладамъ и службѣ. Въ Москвѣ прежде было по 12 стрѣлецкихъ приказовъ или полковъ, но въ 1672 г. Алексѣй Михайловичь прибавилъ ихъ еще нѣсколько и въ 1674 г. ихъ было 14, а въ 1683 г. — 19. Они считались по нумерамъ и по именамъ своихъ полковниковъ, и въ награду за заслуги повышались въ нумерахъ. Въ Москвѣ они исправляли службу по-недѣльно, а на службу въ городахъ сперва посылались на 2 года, съ 1682 г. же городовая служба московскихъ стрѣльцовъ продолжалась не болѣе года. Съ начала соцарствія Іоанна и *Петра (26 мая 1682 г.)* Софія наименовала московскихъ стрѣльцовъ *надворною* (придворною) пѣхотой.

Московскіе и городовые стрѣльцы дѣлились на полки стремянные (обязанные быть при стремени, т. е. сопровождать царя или царицу) и нестремянные, а полки на сотни, пятидесятни и десятни. Полки числомъ людей были неравны, иные въ 1,200 чел., другіе менѣе 1,000 (слѣдовательно стрѣльцовъ было всего въ Москвѣ сначала до 12 т. чел, съ 1674 г. до 14 т., а съ 1683 г. до 19 или 20 т. среднимъ числомъ, а съ городовыми—можетъ быть и до 40 т.). Въ каждомъ полку были свои знамена: полковничье и нѣсколько братскихъ, барабаны и пушки (кажется—по 5 въ полку), съ пушкарями не изъ стрѣльцовъ.

Солдатами назывались сначала пѣшіе наемные иноземцы, а потомъ и русскіе пѣшіе ратники, устроенные по нѣмецкому или иноземному строю. Они составляли полки, называвшіеся солдатскими (съ осады Смоленска Шеинымъ въ 1633 г.). Наборъ въ солдаты производился, какъ въ драгуны, сверхъ иноземцовъ, изъ боярскихъ дѣтей, новокрещеновъ, татаръ, братьевъ и племянниковъ стрѣлецкихъ и изъ вольныхъ охочихъ людей, не бывшихъ ни въ службѣ, ни въ таглѣ, ни въ холопствѣ и не имѣвшихъ ни помѣстьевъ, ни вотчинъ. Вооруженіе они получали отъ казны, именно: мушкеты, пики, шпаги, бердыши, шишаки и латы, и обучались нѣмецкому строю. Они дѣлились на полки, носившіе названія своихъ полковниковъ (позже не изъ однихъ иноземцовъ, но и изъ русскихъ) и имѣвшіе каждый свои знамена, барабаны и пушки. Полки дѣлились сначала на нѣмецкіе и русскіе, а потомъ на московскіе, городовые и выборные. Сколько именно было всѣхъ полковъ—неизвѣстно, но подъ Смоленскомъ въ 1632—33 г.г. ихъ было уже 4 нѣмецкихъ и русскихъ. Каждый полкъ состоялъ изъ мушкетеровъ и пикинеровъ или копейщиковъ. Послѣдніе составляли лучшія роты въ полку, получали большее жалованье и были вооружены шпагами и длинными копьями слишкомъ въ 2 сажени длины, мушкетеры же—шпагами или палашами и мушкетами съ подсошками. Солдаты жили въ Москвѣ и по городамъ, подобно стрѣльцамъ, въ особыхъ солдатскихъ слободахъ, гдѣ имъ давались дворы, въ которыхъ они жили съ семействами. Кажется, были также солдаты, находившіеся постоянно на службѣ, и другіе, нанимавшіеся только на время войны.

Пѣшіе городовые казаки были на одинаковыхъ правахъ съ конными и вооружены какъ они, дѣлились не на полки, а на сотни и причислялись къ городовымъ полкамъ городовъ, гдѣ жили. Въ нѣкоторыхъ пограничныхъ городахъ они отчасти замѣняли стрѣльцовъ, ибо имъ поручалась защита тамошнихъ крѣпостей.

У донскихъ, волжскихъ яикскихъ и терекскихъ казаковъ также

были пѣшія сотни, на однихъ правахъ и подъ однимъ управленіемъ съ конными.

Послѣдній разрядъ пѣхоты въ русскомъ войскѣ составляли пѣшіе даточные люди. Они набирались вмѣстѣ съ конными, половина на половину, дѣлились на сотни, имѣли своихъ головъ и употреблялись большею частію при нарядѣ (артиллеріи) и обозѣ для прислуги, а также для устроенія засѣкъ, укрѣпленія становъ, охраненія ихъ караулами и т. п. Вооруженіе, служба и права ихъ были такія же, что и у конныхъ.

Кромѣ того, въ составѣ пѣхоты въ русскихъ ратяхъ бывали также пѣшіе вольные охочіе люди, нанимавшіеся и служившіе на жалованьѣ, но имѣвшіе свои сотни и своихъ сотниковъ.

При оборонѣ городовъ воеводы иногда вооружали всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ жителей кольями, рогатинами, топорами на длинныхъ ратовищахъ и т. п., дѣлили ихъ на сотни, назначали имъ начальниковъ, распредѣляли ихъ по городу и острогу, по стѣнамъ, башнямъ и воротамъ, высылали по станицамъ для наблюденія за непріятелемъ и т. п.

Изъ изложеннаго выше о пѣхотѣ въ составѣ русскаго войска видно, что главную силу и лучшую часть ея составляли стрѣльцы и солдаты, изъ которыхъ первыхъ было больше, а послѣдніе были лучше устроены по иноземному. Тѣ и другіе составляли постоянное пѣшее войско; остальные же роды пѣхоты были временные, иррегулярные и болѣе или менѣе плохо устроенные. Вся же русская пѣхота въ русскомъ войскѣ вообще составляла въ немъ гораздо меньшую часть противъ конницы.

§ 4.

Огнестрѣльное оружіе;—нарядъ или артиллерія *).

Вооруженіе русскаго войска въ этомъ періодѣ состояло изъ огнестрѣльнаго оружія ручнаго и неручнаго (орудій) и изъ холоднаго. Первое, т. е. огнестрѣльное вообще, хотя уже значительно распространилось въ количественномъ отношеніи, но, по составу войска преимущественно военно-помѣстнаго, имѣло меньшее развитіе, нежели холодное, которое все еще значительно преобладало; въ качественномъ же отношеніи, хотя оно и усовершенствовалось про-

*) Главное пособіе: Бранденбурга Историческій каталогъ СПБ. Артиллерійскаго Музея, Ч. 1.

тивъ прежняго, однако находилось еще на довольно низкой степени совершенства.

Ручное огнестрѣльное оружіе, совершенствуясь постепенно, хотя и медленно, въ началѣ, половинѣ и концѣ XVII вѣка, становилось противъ прежняго менѣе длиннымъ, тяжелымъ, несовершеннымъ и неудобнымъ для ручнаго дѣйствія. Главное усовершенствованіе его заключалось въ устройствѣ замка, который изъ прежняго, фитильно-колеснаго (т. е. съ фитилемъ на колесѣ) въ началѣ XVII вѣка уже перешелъ въ ударно-кремневой. Послѣдній, совершенствуясь постепенно, къ концу XVII вѣка достигъ уже почти того устройства, съ которымъ перешелъ въ начало XVIII вѣка, въ Россіи, какъ и въ западной Европѣ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ сохранившихся памятниковъ русскаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія XVII и даже XVI вѣковъ, замѣчаются у насъ и слѣды устройства, хотя грубаго и несовершеннаго, оружія, заряжающагося съ казенной части, а также нарѣзнаго и даже повторительнаго (скорострѣльнаго), конечно только какъ частныя усовершенствованія техниковъ-оружейниковъ, а не какъ вошедшія во всеобщее употребленіе.

Главнымъ, общимъ названіемъ у насъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, какъ и тяжелаго, т. е. орудій, было по прежнему названіе пищали. Но изъ XVI вѣка перешли въ XVII карабины и пистолеты, въ XVII же вѣкѣ, съ учрежденіемъ у насъ войскъ иноземнаго строя, появились и мушкеты, довольно большаго калибра, изъ которыхъ стрѣляли кладя дуло на вилообразную подсошку.

О боевомъ употребленіи у насъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія не имѣется достаточныхъ свѣдѣній. Но изъ значительнаго развитія у насъ оборонительнаго вооруженія и ручнаго холоднаго оружія въ XVII вѣкѣ, какъ и прежде, можно съ вѣроятностью заключить, что ручное огнестрѣльное оружіе уступало имъ и не имѣло первенствующаго значенія. Неизвѣстно также, обучались-ли войска въ мирное время стрѣльбѣ изъ него въ цѣль. Имѣются только нѣкоторыя указанія, что въ XVII вѣкѣ бывали иногда въ Москвѣ испытанія иноземныхъ офицеровъ въ искуствѣ стрѣльбы въ цѣль изъ мушкета. Но испытанія эти не всегда были удовлетворительны, какъ равно и результаты дѣйствительности ружейнаго огня въ бою. По свидѣтельству Посошкова *), они были ниже посредственности, между тѣмъ какъ Петрей утверждаетъ, напротивъ, будто русскіе уже въ началѣ XVII вѣка пріобрѣли такой навыкъ и такое искуство въ стрѣльбѣ изъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, что не уступали въ томъ наем-

*) *Въ его запискѣ* «О ратномъ поведеніи» (см. выше и ниже).

нымъ иноземцамъ, что не совсѣмъ вѣроятно, а если и справедливо, то не много еще значитъ, потому что и наемные иноземцы не могли, кажется, похвастаться особенными въ этомъ навыкомъ и искуствомъ.

Изъ сохранившихся образцовъ стариннаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія, главное мѣсто занимаютъ пищали желѣзныя кованыя, постепенно болѣе и болѣе усовершенствованныя, менѣе длинныя и тяжелыя, болѣе удобныя для стрѣльбы, какъ гладкоствольныя, такъ и нарѣзныя, съ постоянно усовершенствовавшимися также ударно-кремневыми замками. Всѣ эти усовершенствованія въ XVII вѣкѣ слѣдовали такой постепенности, что въ началѣ его были меньшія, въ половинѣ бо̀льшія, а въ концѣ — наибо̀льшія, такъ что пищали и мушкеты съ ударно-кремневыми замками, гладкоствольные и нарѣзные, почти достигали уже той формы, въ которой перешли въ XVIII вѣкъ.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ видахъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, карабинахъ, пистолетахъ, а также о желѣзныхъ топорикахъ и протазанахъ, особенно приспособленныхъ къ огнестрѣльному дѣйствію.

Принадлежностями къ ручному огнестрѣльному оружію были: берендейки—деревянныя, обтянутыя кожей, патронныя гильзы, подвѣшенныя на ремешкахъ къ нижней части ременной портупеи черезъ плечо (число гильзъ доходило до 12); — рогъ или иногда натруска для пороха, небольшая сумка для фитиля, пуль и пр. мелочей, лядунка для патроновъ, ночники для зажженія фитиля, ольстры (чахлы или кобуры) для пищалей и для пистолетовъ и пр.

Огнестрѣльныя орудія у насъ въ XVII вѣкѣ все еще по прежнему выковывались изъ желѣза, своими русскими мастерами, не безъ искуства обработывавшими ручнымъ способомъ значительныя массы желѣза, даже въ подробностяхъ и съ затѣйливою отдѣлкой. Выдѣлка такого рода орудій даже постепенно совершенствовалась, вѣроятно вслѣдствіе болѣе и болѣе усиливавшагося состязанія съ пушечно-литейнымъ производствомъ, и достигла высшей степени къ половинѣ XVII вѣка, какъ въ отношеніи вѣса (до 26 и даже 60 пудовъ), такъ и правильности, изящества и даже устройства нарѣзныхъ орудій, заряжавшихся съ казенной части. Но съ постепенными развитіемъ и совершенствованіемъ мѣдно-и чугунно-литейнаго пушечнаго производства, особенно со времени разработки собственныхъ рудъ этихъ металловъ въ Россіи, производство желѣзно-кованыхъ орудій естественно должно было упадать и къ концу XVII вѣка *совершенно пало*, бывъ замѣнено мѣдно-и чугунно-литейнымъ.

Это послѣднее началось еще со временъ Іоанна III, сперва трудами Аристотеля Фіоравенти и другихъ иностранныхъ литейщиковъ, а потомъ въ XVI и особенно въ XVII столѣтіяхъ все болѣе и болѣе—своихъ русскихъ. Однако, не смотря на это, бѣдствія и безпорядки смутнаго времени не могли не отразиться, въ половинѣ XVII вѣка, на развитіи пушечнаго дѣла въ Россіи очень неблагопріятно. Въ матеріальной части наряда или артиллеріи этого времени былъ повсемѣстный, крайній безпорядокъ, какъ-то: множество испорченныхъ пищалей, горѣлыхъ орудій, перемѣшанныхъ и даже совсѣмъ негодныхъ снарядовъ и пр. А между тѣмъ Россія обладала такими обширными средствами по пушечному вооруженію, что только въ однихъ 96 городахъ и укрѣпленныхъ пунктахъ, изъ которыхъ были доставлены и сохранились описи (не считая въ томъ числѣ Москвы и многихъ другихъ городовъ), въ половинѣ XVII вѣка насчитывалось до 2,730 орудій. Много труда стоило возстановить порядокъ въ матеріальной части нашей артиллеріи, для чего требовалась усиленная дѣятельность, но это было нелегко, и потому снова началась закупка орудій и снарядовъ за границей. Но новыя войны съ Польшей, отнятіе Владиславомъ IV 112 нашихъ орудій въ 1633 г. подъ Смоленскомъ и новыя разоренія не могли изгладить неблагопріятныхъ для нашей артиллеріи послѣдствій того даже въ царствованіе Алексѣя Михайловича и послѣ него, такъ что вообще XVII вѣкъ далеко не былъ благопріятнымъ для нея.

Въ отношеніи собственно результатовъ, достигнутыхъ въ XVII вѣкѣ пушечно-литейнымъ производствомъ въ Россіи, можно сказать, что въ назначеніи калибровъ орудій или въ зависимости ихъ отъ самой конструкціи было положительное отсутствіе какихъ-либо извѣстныхъ, общихъ правилъ, полный произволъ и безпорядокъ въ техникѣ, шаткость тогдашнихъ теоретическихъ свѣдѣній и самаго хода всего этого дѣла. Въ наименованіи калибровъ орудій было чрезвычайное разнообразіе: такъ, напримѣръ, были пищали мѣдныя: полковыя, полуторныя, скорострѣльныя, вѣстовыя, долгія, короткія, сороковыя, полувторыя, семипядныя, девятипядныя, по нѣмецкому образцу, затинныя, мѣдные: тюфяки и пушечки, желѣзныя пищали подобныхъ же наименованій, что и мѣдныя, тюфяки желѣзные, пушки: верховыя, пищали дробовыя и затинныя, скорострѣльныя, стрѣлецкія, затинныя и дробовыя съ замками, тюфяки двухъ-пядные, пищали скорострѣльныя и мн. др. А калибры ихъ были отъ $1/2$ фунтоваго до 26-фунтоваго, но большею частію отъ $1/2$ ф. до 4, 6, 8 и 10 ф. За всѣмъ тѣмъ, во всемъ этомъ можно однако замѣтить нѣкоторые зачатки, хотя и слабые, классификаціи орудій и ихъ калибровъ и нѣсколько различныхъ способовъ дѣйствія изъ нихъ, какъ-то: стрѣльбу прицѣльную,

навѣсную, массой мелкихъ снарядовъ (дробомъ или картечью), даже попытки приложенія скорострѣльной стрѣльбы, и сообразно съ тѣмъ отыскать 4 главныхъ вида орудій: прицѣльныхъ пищалей, верховыхъ пушекъ или можжиръ (мортиръ), дробовыхъ: тюфяковъ и пушекъ (картечницъ), и органовъ или многоствольныхъ скорострѣльныхъ орудій.

Къ этому надобно еще прибавить, что, не смотря на чрезвычайно затѣйливую иногда, внѣшнюю отдѣлку мѣдныхъ и чугунныхъ литыхъ орудій, общими недостатками ихъ были тяжесть и неуклюжесть, сохранившіяся до конца XVII вѣка и даже далѣе.

Изъ чугуна сначала выливали только снаряды и потомъ уже орудія, что началось однако гораздо позже литья орудій изъ мѣди. Сохранившіяся такого рода орудія, съ означеніемъ времени литья ихъ, не простираются ранѣе царствованія Алексѣя Михайловича. Но они не поражаютъ непропорціональностью своихъ подробностей и своею неуклюжестью, какъ мѣдныя, что свидѣтельствуетъ въ пользу тогдашняго состоянія выдѣлки чугунныхъ орудій.

Всѣ означенныя выше орудія дѣйствовали снарядами: 1) сплошными ядрами, каменными, желѣзными, чугунными, свинцовыми, калеными и дробомъ (картечью),—2) разрывными,—3) зажигательными и 4) свѣтящими, всѣми — болѣе или менѣе усовершенствованными въ практикѣ, въ началѣ, половинѣ и особенно въ концѣ XVII вѣка.

Люди, служившіе при орудіяхъ и вообще при нарядѣ (артиллеріи) уже со временъ Іоанна IV составляли особое военное сословіе подъ названіемъ пушкарей, съ своими особыми правами. Они владѣли въ городахъ участками земли, жили на нихъ особыми пушкарскими слободами, могли заниматься торговлей и ремеслами, получали отъ казны хлѣбное жалованье и въ своихъ дѣлахъ судились своими головами и въ Пушкарскомъ приказѣ. Новые поступали лишь за поручительствомъ старослуживыхъ. Московскіе были почетнѣе городовыхъ и получали нѣсколько большее содержаніе. Сверхъ службы при орудіяхъ,пушкари также развозили порохъ, употреблялись на посылки, служили писцами въ съѣзжихъ избахъ (полковыхъ дворахъ) и т. п., почему и служба ихъ называлась годовою, временною и посылочною. Кромѣ ихъ, при нарядѣ числились еще затинщики, дѣйствовавшіе изъ пищалей затинныхъ (малокалиберныхъ, стрѣлявшихъ пулями), кузнецы—для работъ при орудіяхъ и острогахъ (укрѣпленіяхъ), плотники—для деревянныхъ работъ, гранатчики, сторожа съ разсыльщиками, а также и воротники, составлявшіе стражу крѣпостныхъ воротъ и потому принадлежавшіе болѣе къ составу мѣстныхъ, крѣпостныхъ войскъ.

Неизвѣстно, подготовлялись-ли пушкари къ своему дѣлу до по-

ступленія на службу и во время оной. Скорѣе можно предполагать, что они научались ему на службѣ по навыку, новые отъ старыхъ. Впрочемъ имѣются указанія, что еще со временъ Іоанна IV и позже при Михаилѣ Θеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ пушкарямъ производились иногда смотры стрѣльбы какъ изъ полевыхъ пушекъ, такъ и изъ крѣпостныхъ и осадныхъ, отдѣльно орудіями разныхъ калибровъ и разными снарядами.

Въ отношеніи къ боевой практикѣ, артиллерія дѣлилась на крѣпостную, осадную и полковую (полевую). Составъ первой, расположенной по крѣпостямъ, былъ наиболѣе многочисленный и разнообразный, отъ самыхъ малыхъ до самыхъ большихъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и чугунныхъ, самаго разнообразнаго устройства. Осадная артиллерія отличалась преимущественно громадностью орудій, иногда чудовищныхъ размѣровъ; подвозка и употребленіе ихъ были соединены съ огромными же усиліями, трудами и нерѣдко опасностью отъ разрыва. Осадная артиллерія, бывшая у Шеина подъ Смоленскомъ въ 1633 г., даже возбуждала удивленіе иностранцовъ неслыханными, по ихъ отзывамъ, размѣрами ея орудій (напримѣръ вѣсомъ въ тѣлѣ 176, 350 и 450 пудовъ, въ станкѣ съ колесами по 200 пудовъ, подъ нимъ по 10 подводъ, ядра въ 1 пудъ и слишкомъ). Осадная артиллерія находилась преимущественно въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Полковая артиллерія, въ неопредѣленномъ смыслѣ (т. е. какъ полевая, легкая вообще или какъ состоявшая собственно при полкахъ — неизвѣстно), существовала до 2-й половины XVII вѣка, когда стала уже означать орудія собственно при полкахъ. Такъ при потерѣ Шеинымъ всей его артиллеріи подъ Смоленскомъ въ 1633 г., ему дозволено было взять съ собою при отступленіи только 12 полковыхъ пищалей. А къ концу XVII вѣка полковая артиллерія имѣла уже положительно значеніе состоявшей собственно при полкахъ, среднимъ числомъ по 5-ти орудій или около того при каждомъ, а при стрѣлецкихъ и солдатскихъ—отъ 6 до 8; сверхъ того при «разрядномъ шатрѣ» или при главномъ воеводѣ состояло около 10 орудій 6 и 8 ф. калибра, что называлось «большимъ полковымъ нарядомъ». Въ мирное время полковыя пушки находились при съѣзжихъ избахъ (полковыхъ дворахъ) своихъ полковъ. Орудія и весь нарядъ вообще въ военное время перевозились на «сошныхъ лошадяхъ», т. е. на обывательскихъ подводахъ, которыя брались съ «сохъ» вмѣстѣ съ другими повинностями, а иногда и наемныхъ. Однако, говоря вообще, артиллерія наша въ XVII вѣкѣ, какъ и до того, не смотря на громоздкость, тяжесть и неуклюжесть орудій, на дурное устройство лафетовъ и прочей матеріальной части, на вызываемую тѣмъ *потребность большихъ* силъ, средствъ, труда и времени, и на част-

ныя неудачи употребленія орудій въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ XVII вѣкѣ была очень многочисленна, особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣ него, въ практическомъ примѣненіи дѣйствовала не совсѣмъ невыгодно и въ области тогдашняго военнаго дѣла имѣла свою долю полезнаго вліянія на военныя дѣйствія и оказала довольно важныя боевыя услуги въ тогдашнихъ войнахъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній касательно добыванія и разработки у насъ металлическихъ рудъ, выковки и литья изъ нихъ оружія, орудій и снарядовъ и изготовленія пороха.

Не смотря на естественное богатство всякаго рода металлическихъ рудъ въ Россіи, добываніе и разработка ихъ, вслѣдствіе недостатка необходимыхъ для того знаній, предпріимчивости и свѣдущихъ техниковъ, были такъ незначительны, что нельзя было обойтись безъ привоза, особенно желѣза и мѣди, въ металлѣ и издѣліи, изъ западной Европы, преимущественно чрезъ Архангельскъ. Тоже и по тѣмъ же причинамъ происходило и въ отношеніи выковки оружія и литья орудій, хотя уже въ началѣ XVII вѣка у насъ умѣли лить мѣдныя орудія на литейномъ дворѣ въ Москвѣ и выковывать желѣзныя орудія въ Устюжнѣ (нынѣ въ Новгородской губерніи). Чугунъ у насъ не выплавлялся до самаго 1637 г., когда голландецъ Андрей Виніусъ впервые устроилъ въ 12 верстахъ отъ Тулы Городищенскій чугунно-плавильный заводъ. А въ концѣ XVII вѣка иноземецъ Бутенантъ устроилъ такой же Олонецкій заводъ (послужившій въ послѣдствіи основаніемъ Петрозаводскому).

Выдѣлка ручнаго огнестрѣльнаго оружія также имѣла малое и непрочное развитіе. Частные оружейники въ Тулѣ, Каширѣ и Устюжнѣ выдѣлывали его весьма недостаточное для войска количество. Даже въ 1684 г. тульскимъ оружейникамъ было приказано ежегодно выдѣлывать всего только 2 т. пищалей. Въ 1648 г. былъ построенъ первый казенный оружейный заводъ — ствольная мѣльница на р. Яузѣ, существовавшая впрочемъ недолго. Сверхъ того въ Москвѣ были при Алексѣѣ Михайловичѣ казенная оружейная палата и мастера ствольнаго, ложечнаго и замочнаго дѣла, которыхъ брали изъ городовъ и монастырей и давали имъ за работу поденное продовольствіе. При Михаилѣ Θеодоровичѣ и особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ было также очень много русскихъ мастеровъ мѣдно-литейнаго и желѣзо-дѣлательнаго пушечнаго дѣла. Но, за всѣмъ тѣмъ, недостаточность собственнаго производства по всѣмъ этимъ предметамъ приходилось пополнять покупкой изъ западной Европы.

Пороховыхъ казенныхъ заводовъ до Петра I не было; нужное для

войска количество пороха выдѣлывалось и поставлялось частными заводчиками, имѣвшими свои заводы въ Москвѣ, близь нея и въ другихъ мѣстахъ и выдѣлывавшими на нихъ отъ 3,000 до 8,000 пудовъ пороха ежегодно. Устроивая свои заводы, они должны были уговариваться съ Пушкарскимъ приказомъ о ежегодной поставкѣ извѣстнаго количества пороха и о цѣнѣ его, почему и назывались пороховыми уговорщиками.

Русское холодное оружіе также выдѣлывалось частными оружейниками въ Тулѣ, Каширѣ и Устюжнѣ и въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что правительство было принуждено и его недостатокъ также пополнять покупкой изъ-за границы.

Такимъ образомъ вообще внутреннее производство по всѣмъ частямъ матеріальнаго снабженія войска огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, порохомъ и прочими принадлежностями было очень слабо и непрочно развито и не могло обходиться безъ заграничнаго изъ западной Европы, полученіе котораго съ своей стороны также было болѣе или менѣе затруднительно по недостаточности торговыхъ путей и неразвитію внѣшней торговли.

§ 5.

Строй и образъ дѣйствій войскъ.

Изъ означеннаго выше въ §§ 2, 3 и 4 о конницѣ, пѣхотѣ и артиллеріи въ составѣ русскаго войска можно уже составить себѣ нѣкоторое предварительное понятіе 1) о боевой подготовкѣ ихъ въ мирное время и 2) о боевыхъ: способности ихъ, строѣ и образѣ дѣйствій въ военное.

Временныя военнопомѣстныя, иррегулярныя ополченія, составлявшія большинство русскаго войска и собиравшіяся только на время войны или похода, все остальное затѣмъ время жили въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ мирными гражданами, въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ, промыслами, торговлей и не имѣли ни времени, ни охоты, ни даже обязанности подготовляться къ военной службѣ. Призывъ къ ней, отрывая ихъ отъ этихъ мирныхъ занятій, нарушая матеріальные интересы ихъ, сопряженные съ ними, даже вовлекая ихъ въ большія издержки на собственныя снаряженіе и содержаніе во время войны, весьма естественно долженъ былъ имѣть и имѣлъ послѣдствіями: 1) нерасположеніе, даже неохоту идти на войну, считавшуюся не только тяжкимъ бременемъ, но и разореніемъ; — 2) стараніе всякими возможными способами, большею частію незаконными и неблаговидны-

ми, уклоняться отъ военной службы;—3) у тѣхъ же, которые не могли уклониться отъ нея, не было ни малѣйшей подготовки къ ней, совершенное невѣжество въ ней и въ военномъ дѣлѣ, отсутствіе военной дисциплины, военнаго духа, привязанности къ своимъ знаменамъ, чувствъ военнаго долга и военной чести. Словомъ—военно-помѣстные служилые люди были воинами только по обязанности, принужденію, вооруженію и названію, не умѣя ни владѣть оружіемъ, ни дѣйствовать въ правильномъ строѣ и съ успѣхомъ противъ непріятеля и даже едва имѣя возможность стойко и упорно обороняться противъ него въ открытомъ полѣ. Военная подготовка ихъ въ мирное время еще была бы возможна, еслибы они были обязаны собираться нѣсколько разъ или по крайней мѣрѣ хотя бы одинъ разъ въ годъ для военныхъ упражненій. Но этого не было, потому что нѣкоторыхъ повѣрочныхъ смотровъ (въ родѣ инспекторскихъ), изрѣдка производимыхъ лишь нѣкоторымъ частямъ войскъ, вовсе нельзя назвать боевою подготовкой, которой поэтому для массы военно-помѣстныхъ ополченій и не существовало.

Въ меньшинствѣ войска—въ постоянныхъ, стрѣлецкихъ, иноземныхъ и солдатскихъ полкахъ военная подготовка въ мирное время хотя и существовала, но въ такой, болѣе или менѣе неудовлетворительной степени, что и ей нельзя придавать особенно важнаго значенія. Стрѣльцы, по своему корпоративному устройству и предоставленнымъ имъ большимъ правамъ и преимуществамъ, были скорѣе промышленниками и торговцами, нежели воинами, и вмѣсто военной дисциплины и истиннаго военнаго духа, между ними былъ, напротивъ, пагубный духъ своеволія и мятежа.

Иноземцы, хотя и вызывались изъ-за границы въ русскую военную службу для усиленія русскаго войска регулярными войсками и для обученія русскихъ войскъ правильнымъ строю и образу дѣйствій, но были относительно малочисленны и, за рѣдкими исключеніями, плохіе учители того, что сами, кажется, плохо разумѣли и знали. Будучи военными наемниками, искавшими въ тогдашней, для западной Европы еще варварской Московіи, лишь наживы или средствъ существованія и обогащенія отъ военнаго ремесла, они были не изъ лучшихъ представителей западной Европы и имѣли, кажется, мало понятія о военномъ дѣлѣ. За всѣмъ тѣмъ они все-таки, по крайней мѣрѣ, имѣли хотя какое-нибудь правильное военное устройство и, худо-ли, хорошо-ли, сами обучались и другихъ учили правильнымъ строю и образу дѣйствій, обычнымъ въ то время въ западной Европѣ. Учениками ихъ въ этомъ были *русскіе* рейтарскіе, драгунскіе и солдатскіе полки, вмѣстѣ съ учи*телями своими хотя* стоявшіе и не особенно высоко, но все же вы-

ше вовсе ничему необученныхъ и во всемъ невѣжественныхъ, временныхъ военнопомѣстныхъ ополченій.

Касательно обученія войскъ иноземнаго строя правильнымъ строю и образу дѣйствій, здѣсь слѣдуетъ сослаться на указанное уже (§ 1) изданіе у насъ въ первый разъ, въ печати, въ 1647 г., при Алексѣѣ Михайловичѣ, книги подъ заглавіемъ: «Ученье и хитрость ратнаго строенья пѣхотныхъ людей» [1]). Сверхъ того, что о ней было сказано выше (§ 1), здѣсь слѣдуетъ прибавить, во 1-хъ, что неизвѣстно, служила-ли она обязательнымъ руководствомъ къ обученію войскъ въ Германіи или была только плодомъ фантазіи автора, что гораздо вѣроятнѣе, судя по содержанію ея; —во 2-хъ, что русскій переводъ ея, при тогдашнихъ свойствахъ русскаго книжнаго языка и современномъ недостаткѣ еще въ немъ словъ и выраженій для точной передачи нѣмецкихъ, относившихся къ военной техникѣ, грубъ, теменъ и неясенъ для пониманія;—въ 3-хъ, что неизвѣстно еще, на сколько книга эта была обязательна для обученія по ней русскихъ войскъ, а если и была обязательна, то на сколько велика была польза отъ нея, въ чемъ можно усомниться, какъ по трудности и малой практичности предлагаемыхъ въ ней правилъ, такъ и по плохому русскому переводу ея и въ особенности по самымъ фактамъ, обличающимъ дѣйствительные строй и образъ дѣйствій русскихъ войскъ, даже обученныхъ нѣмецкому строю, во 2-й половинѣ XVII вѣка. Судя по нимъ, съ вѣроятностью можно предположить, что пользы отъ этой книги было мало, равно какъ и отъ сохранившихся въ рукописяхъ, различныхъ приказныхъ книгъ и дѣлъ, наказовъ и пр. т. п., 2-й половины XVII вѣка. Всѣ онѣ свидѣтельствуютъ только о совершенномъ отсутствіи еще военнаго образованія въ тогдашней Россіи и о недостаточности его распространенія передачею мыслей и правилъ, заимствованныхъ у иностранцовъ, писавшихъ еще въ XVI вѣкѣ, посредствомъ плохихъ и малопонятныхъ русскихъ переводовъ, безъ всякой, не только критики, но даже и предварительной обработки. Болѣе положительныя свѣдѣнія о боевой подготовкѣ нашихъ войскъ въ XVII вѣкѣ могутъ дать сочиненія русскихъ (Кошихина или Котошихина и Посошкова) и иностранцовъ, писавшихъ о Россіи, и государственные акты, грамоты, разрядныя книги и др. документы, изданные въ наше время [2]). Затѣмъ, по невозможности, въ предѣлахъ настоящаго изданія, войти въ дальнѣйшія подробности этого предмета, здѣсь по необходимости слѣдуетъ

---

[1]) Подробный разборъ ея, въ русскомъ переводѣ, находится въ «Обзорѣ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ и пр.» Обручева (см. въ источникахъ).

[2]) Они указаны и разобраны также въ «Обзорѣ рукописныхъ и печатныхъ *памятниковъ и пр.*» Обручева.

ограничиться общими выводами, добытыми о томъ въ новѣйшее время.

Нѣтъ сомнѣнія, что правительство наше въ XVII вѣкѣ дѣлало все, что только въ тогдашнемъ положеніи Россіи, зависѣло отъ него и было возможно ему, чтобы постепенно, мало по малу, вводить въ русское войско правильные: военное устройство, строй и образъ дѣйствій по западно-европейскому образцу. Но старанія его въ этомъ отношеніи не могли приводить къ желаемому успѣху, потому именно, что прививать западно-европейское военное устройство къ русскому войску, основою военной системы котораго оставалась по прежнему военнопомѣстная служба, было невозможно: одно съ другимъ никакъ не согласовалось. Для успѣха въ этомъ слѣдовало пожертвовать военно-помѣстною системой; но возможно-ли это было, когда уже одно мѣстничество стоило столько труда для уничтоженія его, наконецъ, въ самомъ исходѣ XVII вѣка? Поэтому, вліяніе какъ этой причины, такъ и совокупности всѣхъ означенныхъ выше, вело къ одному общему результату—неподготовкѣ большинства войска и довольно посредственной подготовкѣ меньшинства его въ мирное время къ правильнымъ строю и образу дѣйствій въ военное и къ военному дѣлу вообще. Это и подтверждается свидѣтельствомъ какъ русскихъ и иностранцовъ, писавшихъ о Россіи въ XVII вѣкѣ, такъ и самыхъ военно-историческихъ фактовъ того же времени. Изъ нихъ-то можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы по родамъ войскъ:

Конница. Большинство ея, всѣхъ разрядовъ военно-помѣстнаго устройства, въ строѣ и образѣ дѣйствій продолжало слѣдовать прежнему старинному обычаю, уже достаточно изображенному въ своемъ мѣстѣ прежде. Правильности (регулярности) въ этомъ отношеніи не было никакой, а существовалъ просто старинный русскій обычай «биться», по тогдашнему выраженію, «и огненнымъ, и лучнымъ боемъ», бросаясь на непріятеля по «казацкому» или, правильнѣе сказать, по «татарскому» обычаю *), нестройною густою толпою и рѣшать дѣло рукопашнымъ боемъ, а въ случаѣ неудачи—скакать назадъ за пѣхоту, или въ обозъ, или и совсѣмъ съ поля боя.

Меньшинство же конницы—регулярные рейтары и драгуны, хотя и сражались болѣе правильнымп строемъ и образомъ дѣйствій, но уступавшими тѣмъ, которые употреблялись шведами и даже поляками. Притомъ эта русская регулярная конница въ общемъ составѣ русскаго войска была относительно малочисленна.

Всѣ остальные же роды русской конницы, равно строй и образъ дѣйствій ихъ, были иррегулярные.

---

*) *Потому что и у казаковъ* малороссійскихъ были, какъ означено выше, свои *строи, и лавой, и батовой* и пр.

Пѣхота. Стрѣльцы были обязаны учиться ратному строю и стрѣльбѣ въ цѣль изъ пищалей и мушкетовъ, подъ надзоромъ своихъ начальниковъ, главные изъ которыхъ иногда производили имъ смотры. Но стрѣльцы несли столько разнородныхъ обязанностей и занимались такими дѣлами, которыя, тѣ и другія, мало или вовсе не относились къ военному дѣлу, что обученіе и смотры стрѣльцовъ вѣроятно были болѣе или менѣе неудовлетворительны, — что строю и стрѣльбѣ стрѣльцы научались по навыку одни у другихъ, младшіе отъ старшихъ, новые отъ прежнихъ,—что вполнѣ правильныхъ строя и образа дѣйствій у нихъ не было,—и что въ этомъ отношеніи ихъ можно считать скорѣе иррегулярнымъ, чѣмъ регулярнымъ войскомъ.

Тоже слѣдуетъ сказать и о пушкаряхъ и прочихъ служилыхъ людяхъ артиллерійскаго и крѣпостнаго вѣдомствъ.

Солдатскіе полки иноземнаго строя, подобно рейтарамъ и драгунамъ, также уступали польской и особенно шведской пѣхотѣ и были относительно малочисленны.

А остальная затѣмъ русская пѣхота и дѣйствія ея были совершенно иррегулярныя.

Артиллерія, при всѣхъ несовершенствахъ ея, плохой подготовкѣ пушкарей, неумѣлости начальниковъ, неудовлетворительности стрѣльбы и перевозкѣ орудій на подъемныхъ лошадяхъ, не смотря на свою многочисленность, не могла удовлетворять даже ограниченнымъ требованіямъ успѣшнаго и полезнаго содѣйствія пѣхотѣ и особенно конницѣ во всѣхъ условіяхъ и случайностяхъ боя въ открытомъ полѣ, и болѣе удовлетворительно могла дѣйствовать только на мѣстѣ, подъ прикрытіемъ обозовъ и полевыхъ или крѣпостныхъ укрѣпленій.

Такимъ образомъ, говоря вообще, ни конница, ни пѣхота, ни артиллерія, взятыя отдѣльно и въ совокупности, не имѣли правильныхъ строя и образа движеній въ походѣ и дѣйствій въ бою, въ открытомъ полѣ.

Въ походахъ онѣ двигались почти тѣмъ же самымъ образомъ, что и прежде: впереди и по сторонамъ—легкая конница въ развѣдчикахъ, за нею — передовой полкъ изъ болѣе надежныхъ войскъ, большой полкъ (главныя силы), и сторожевой полкъ, имѣя артиллерію въ серединѣ, а обозы сзади. По причинѣ обыкновенной громадности обозовъ, походныя движенія производились чрезвычайно медленно — дневными переходами отъ 10 до 15 верстъ не болѣе, и съ большою осторожностью вслѣдствіе того, что войска въ открытомъ полѣ предпочитали оборону нападенію. Для обороны же необходимо было держать всѣ силы по возможности сосредоточенными, дабы,

при нападеніи непріятеля, можно было скорѣе «стать въ обозъ», т. е. окружить себя повозками. Поэтому, гдѣ только позволяла мѣстность, войска по близости непріятеля шли въ боевомъ порядкѣ, конница впереди и по сторонамъ, пѣхота съ артиллеріей и обозами назади.

При встрѣчѣ съ непріятелемъ, пѣхота съ артиллеріей становилась въ обозѣ, ограждая себя повозками, а конница стремительно, но безъ всякаго правильнаго порядка, нападала на непріятеля, и если была отражена (что большею частію случалось), то столь же быстро обращалась назадъ, укрывалась за пѣхотой или обозомъ, чтобы собраться и произвесть новое нападеніе. Пѣхота же, подъ прикрытіемъ обоза и при содѣйствіи артиллеріи, выдерживала натискъ непріятеля, съ бо̀льшими стойкостью и упорствомъ, нежели въ открытомъ полѣ безъ всякаго прикрытія, стараясь только отразить непріятеля. Если это удавалось ей, то конница возобновляла нападеніе, но иногда и послѣ первой неудачи обращала тылъ и совершенно покидала и поле боя, и пѣхоту, и артиллерію, и обозы. Такимъ образомъ сраженія со стороны русскихъ войскъ были болѣе оборонительныя изъ-за обозовъ, нежели нападательныя тремя родами войскъ въ совокупности, по одному общему плану. И вообще русскія войска, дѣйствуя въ полѣ, предпочитали наступательно-оборонительный образъ дѣйствій по близости крѣпостей или городовъ, за мѣстными препятствіями, укрѣпленіями или обозами, и въ такихъ случаяхъ оборонялись очень упорно. Къ этому нужно еще прибавить, что, не смотря на многочисленность конницы, сторожевая служба исполнялась неудовлетворительно и нерѣдко оплошно, что часто вело къ внезапнымъ нападеніямъ непріятеля и пораженіямъ русскихъ войскъ, причемъ многочисленные: артиллерія и обозы часто доставались непріятелю.

Впрочемъ всѣ прежніе обычаи въ походахъ, до, во время и послѣ боя, изображенные въ своемъ мѣстѣ прежде, существовали и въ это время, особенно грабежъ со стороны военно-помѣстныхъ ополченій, содержавшихъ себя на свой счетъ, и огромной обозной прислуги, состоявшей изъ сброда всякаго рода людей.

Въ примѣръ того, какъ русскія войска совершали походы и дѣйствовали въ полѣ уже въ самомъ концѣ XVII вѣка, можно привесть походные порядки войска князя Василія Васильевича Голицына въ 1-мъ и 2-мъ крымскихъ походахъ его въ 1687 и 1689 г.г. Въ 1-мъ походѣ 1687 г. войско, состоявшее изъ 40 т. солдатъ и стрѣльцовъ, 20 т. копейщиковъ (пикинеровъ) и рейтаръ, 40 т. войскъ московскаго чина, служилыхъ людей полковой службы, казаковъ и разныхъ другихъ, около половины мая двинулось отъ р. Мерло степью *къ р. Конскія воды*. Впереди шли 5 стрѣлецкихъ полковъ и

2 солдатскіе выборные (Аггея Шепелева и Гордона), а за ними главныя силы въ одной общей колоннѣ, въ видѣ продолговатаго четвероугольника, болѣе версты во фронтѣ и 2 верстъ въ глубину. Внутри этого четвероугольника шла пѣхота, прикрытая съ фланговъ обозами (до 20 т. повозокъ), а рядомъ съ обозами, со внѣшнихъ сторонъ, артиллерія, прикрытая съ фланговъ конницей, часть которой была отряжена впередъ и по сторонамъ, для наблюденія за непріятелемъ. Въ такомъ порядкѣ войско шло до р. Конскія воды, къ которой прибыло 12 іюня, пройдя около 300 верстъ въ 7 недѣль (т. е. среднимъ числомъ около 6 верстъ въ сутки). Но здѣсь степной пожаръ (произведенный татарами, нигдѣ не показывавшимися) воспрепятствовалъ дальнѣйшему походу чрезъ зажженную степь— и войско было принуждено безъ всякаго успѣха идти обратно къ р. Мерло, куда и прибыло въ половинѣ августа.

Во 2-мъ походѣ 1689 г. войско, состоявшее изъ 113 т. чел. (3,366 чел. людей московскаго чина, 4,500 чел. полковой службы, 9,270 стрѣльцовъ, до 30 т. рейтаръ и копейщиковъ, до 50 т. солдатъ и до 16 т. казаковъ и калмыковъ) и раздѣленное на большой полкъ и 4 разряда (или корпуса), двинулось въ половинѣ марта отъ р. Ворсклы къ р. Конскія воды и далѣе на Коирки и Черную долину, тѣмъ же походнымъ порядкомъ, что и въ 1687 г. Въ гор. Новобогородскѣ, на р. Самарѣ, всѣмъ ратнымъ людямъ, состоявшимъ на продовольствіи правительства, были розданы хлѣбные запасы на 2 мѣсяца. Дойдя до Черной долины 13 мая, войско впервые увидало татаръ, которые 16 мая и напали на тылъ его. Русская конница, а за нею и пѣхота, укрылись въ обозѣ, но нападеніе татаръ было отражено дѣйствіемъ артиллеріи. Послѣ того татары напали на лѣвый флангъ войска, но и тутъ отраженные артиллеріей, не предпринимали болѣе нападеній. А на другой день воеводы, убѣдясь въ безсиліи русской конницы противъ татарской, помѣстили ее въ серединѣ обоза, прикрывъ пѣхотой! Въ такомъ порядкѣ войско дошло 20 мая до Перекопа, не бывъ атаковано татарами, но на другой день предприняло обратный походъ, по объясненію князя Голицына—по причинѣ «безкормицы и безводицы», дѣйствительно же потому, что онъ не рѣшился овладѣть ничтожнымъ Перекопомъ. Изъ этого видно: 1) что въ составѣ войска было уже болѣе, нежели на половину, войскъ нѣмецкаго строя; 2) что походныя движенія совершались въ видѣ четвероугольника, прикрытаго обозами и артиллеріей, внутри котораго шла пѣхота, а снаружи конница, но на обратномъ походѣ 1689 г.—послѣдняя уже вмѣстѣ съ пѣхотой;—3) что въ 1689 г. нападенія татаръ были отражены не конницей и не пѣхотой, но единственно артиллеріей.

§ 6.

Внутреннее устройство войскъ.

Сюда относятся: управленіе войскомъ, содержаніе его, знамена, музыка и обозы, дисциплина, военно-судная часть, наказанія и награды, и духъ войскъ.

Управленіе войскомъ существенно различалось въ мирное и военное время. Въ мирное время дворяне и боярскія дѣти, живя въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, въ деревняхъ или въ городахъ, при должностяхъ или безъ нихъ, состояли въ вѣдѣніи областныхъ намѣстниковъ, которые вели имъ подробные списки на случай похода. Сверхъ того дворяне и боярскія дѣти имѣли свою особую управу въ Помѣстномъ и Разрядномъ приказахъ, для распредѣленія и счета помѣстныхъ окладовъ, для расчетовъ прежней службы и для полученія назначеній и порученій. Тѣ же изъ нихъ, которые поступали въ придворную службу или получали въ управленіе какую-либо область, зависѣли—первые отъ Дворцоваго приказа, а послѣдніе отъ Разряднаго.

Казаки, новокрещены, мурзы и князья татарскіе также управлялись гражданскими начальниками и отчасти зависѣли отъ Разряднаго приказа, по расчетамъ службы и распредѣленію помѣстьевъ и вотчинъ. Имъ также, какъ дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ, намѣстники вели подробные списки.

Даточные люди только во время войны или похода состояли въ военномъ вѣдомствѣ, въ мирное же — каждый по своему состоянію въ гражданскомъ.

Наемные иноземцы и русскіе, служившіе въ полкахъ иноземнаго строя, управлялись Иноземнымъ приказомъ, но помѣстные иноземцы отчасти зависѣли отъ намѣстниковъ областей, въ которыхъ имѣли помѣстья, а русскіе, если послѣ войны обращались въ свое прежнее состояніе, также зависѣли отъ намѣстниковъ своихъ областей.

Донскіе, волжскіе, яикскіе и терекскіе казаки управлялись своими атаманами и др. начальниками, по собственнымъ правамъ и обычаямъ, безъ всякой зависимости отъ московскаго управленія.

Стрѣльцы въ Москвѣ управлялись Стрѣлецкимъ приказомъ, а въ городахъ зависѣли отъ намѣстниковъ, воеводъ и своихъ головъ. Стрѣлецкій приказъ былъ главнымъ мѣстомъ управленія всѣми стрѣльцами вообще. Сверхъ того каждый полкъ имѣлъ свою съѣзжую избу (полковой дворъ), производившую ему судъ и расправу, наряды на службы и пр. Въ съѣзжей избѣ начальникомъ былъ полковой

голова, а помощниками его—пятисотники, сотники, пятидесятники и десятники (съ 1681 г. — полковники, подполковники и капитаны). Высшіе стрѣлецкіе начальники были изъ придворныхъ чиновъ или изъ лучшихъ дворянскихъ родовъ, низшіе же изъ рядовыхъ стрѣльцовъ по выборамъ. Во время соцарствія (1682 — 1689) московскіе стрѣльцы, переименованные въ надворную пѣхоту, управлялись Приказами: надворной пѣхоты и суднымъ, каждый подъ предсѣдательствомъ боярина.

Солдаты, какъ иноземные, такъ и рускіе, зависѣли отъ Иноземнаго приказа, и въ мирное время состояли на службѣ подъ управленіемъ своихъ полковниковъ. Позже они, кажется, не зависѣли отъ Иноземнаго приказа и составляли почти одинъ разрядъ съ стрѣльцами.

Пушкари, гранатчики, затинщики, кузнецы, плотники, ворóтники, словомъ — всѣ служилые люди артиллерійскаго и крѣпостнаго вѣдомствъ зависѣли отъ Пушкарскаго приказа, который былъ главнымъ мѣстомъ ихъ управленія. Ближайшими судьями ихъ и надзирателями за ними были ихъ головы, сотники, старосты, пятидесятники и десятники и у нихъ были свои съѣзжія избы, подобныя стрѣлецкимъ.

Изъ этого вообще видно, что въ мирное время каждый разрядъ войскъ имѣлъ свою управу въ особомъ приказѣ и что такихъ приказовъ было 7, именно: Дворцовый, Помѣстный, Разрядный, Иноземный, Стрѣлецкій (съ 1682 г. Надворной пѣхоты), Судный и Пушкарскій.

Въ военное время управленіе войскомъ было совершенно иное.

Всѣ, призванные на службу въ войскѣ, обращались изъ гражданъ въ военныхъ служилыхъ людей и поступали изъ гражданскаго вѣдомства и управленія въ военное. Каждая дѣйствующая рать (армія), по мѣсту дѣйствія своего, составляла особый разрядъ (подъ Смоленскомъ—Смоленскій, противъ крымцовъ—Украинскій и т. п.), что давало ей нѣкоторую самостоятельность и отдѣльность въ управленіи. Она получала: свою походную церковь со всею утварью и всемъ причтомъ, свой судъ и управу, свои судебныя мѣста, подъ названіемъ съѣзжихъ избъ, съ своими судьями, дьяками и подъячими *). Управленіе ею поручалось отъ государя или главнаго воеводы разнымъ воинскимъ начальникамъ, которые завѣдывали раз-

*) Дьякъ, діакъ или дѣякъ—по инымъ отъ стариннаго слова дѣя—письменное дѣлопроизводство, а по другимъ, особливо Татищеву, отъ греческаго слова діаконъ—служитель (церковный). Дьяки еще со временъ Владиміра Мономаха исправляли гражданскія письменныя дѣла, а съ XVI вѣка состояли при приказахъ въ качествѣ ассессоровъ; подъячіе—подъ-дьячіе или подъдьяки были письмоводители и писцы.

личными управленіями (въ родѣ нынѣшняго штаба арміи). Каждая рать имѣла свои особыя книги, въ которыхъ записывались: служба всѣхъ чиновъ въ рати, весь ходъ войны, отдѣльныя дѣйствія отрядовъ и причисленныхъ полковъ и всѣ дѣла, производившіяся во время войны. Эти книги, по окончаніи войны или похода, доставлялись въ Разрядный приказъ, который составлялъ главную управу всего войска (въ родѣ нынѣшняго главнаго штаба) и въ военное время, какъ и въ мирное. Каждую рать сопровождалъ въ походѣ большой обозъ харчевниковъ (маркитантовъ) и разныхъ промышленниковъ и торговыхъ людей, назначаемыхъ правительствомъ.

Военное чиноначаліе въ военное время раздѣлялось на высшее (главные начальники) и низшее (второстепенные).

Главные начальники. Съ объявленіемъ войны назначался главный воевода дѣйствующей рати, и товарищъ его, который, хотя и имѣлъ свой полкъ (иногда половину рати), но зависѣлъ отъ главнаго воеводы. Имъ придавались 2 дьяка для управленія письменными дѣлами, надзора за цѣлостью отпущенной въ войско государевой казны, веденія счетовъ и раздачи жалованья непринадлежавшимъ къ нѣмецкому строю. Дьяки, вмѣстѣ съ воеводами, отдавали приказы за воеводскою подписью и своею приписью или скрѣпой, и иногда начальствовали частями или отрядами войскъ. Всѣ дѣла по управленію войскомъ должны были вестись за приписью или скрѣпой дьяковъ, при которыхъ всегда была большая канцелярія, гдѣ всѣ служившіе имѣли быть оружными и конными и являться съ войскомъ на смотры *).

Вторымъ лицомъ послѣ главнаго воеводы былъ начальникъ раздачи денежнаго жалованья (что въ нѣмецкихъ арміяхъ называлось Zahlmeister, во французскихъ le payeur и т. п.), который также имѣлъ товарища и дьяковъ. Впрочемъ всѣ эти лица назначались только во время сложныхъ и продолжительныхъ войнъ, въ другихъ же раздача денежнаго жалованья лежала на главныхъ воеводахъ и его товарищахъ и дьякахъ.

Третьимъ лицомъ былъ начальникъ наряда или артиллеріи, который долженъ былъ всегда находиться при главномъ воеводѣ. Ему также придавался дьякъ, почти какъ товарищъ.

Затѣмъ слѣдовали: начальникъ раздачи денежнаго жалованья людямъ нѣмецкаго строя, съ дьякомъ при немъ въ видѣ товарища,—воеводы отдѣльныхъ полковъ или ратей, зависѣвшіе

---

*) Такимъ образомъ дьяки соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ нынѣшнимъ *чинамъ штабовъ*, а канцеляріи ихъ съ подьячими и другими приказными—ъ *штабамъ*.

отъ главнаго воеводы и получавшіе отъ государя особые наказы,— и воеводы полковъ, входившихъ въ составъ главной рати.

Главные начальники ратей, различныхъ полковъ ея, неотдѣльныхъ и отдѣльныхъ, и ихъ товарищи — всѣ одинаково несли званіе воеводъ, не пожизненное и не чинъ, а лишь временно, во время войны, по окончаніи которой всякій воевода обращался въ свое прежнее званіе боярина, окольничаго или стольника *). Главный воевода при отправленіи къ войску получалъ отъ государя наказъ, въ которомъ означалось: 1) съ какимъ народомъ и за что вести войну,—2) откуда и куда сбираться главному войску и отдѣльнымъ полкамъ или ратямъ и подъ чьимъ начальствомъ,—3) кому быть указанными выше главными начальниками въ войскѣ, — 4) какихъ городовъ и строевъ людямъ участвовать въ походѣ, при чемъ изъ Разряднаго и другихъ приказовъ доставлялись подробные списки людямъ и описи матеріальныхъ запасовъ,—5) предначертаніе (планъ) войны или похода, однако безъ стѣсненія имъ дѣйствій главнаго воеводы по своему усмотрѣнію и по обстоятельствамъ, съ обязательствомъ только о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ доносить сколько можно чаще, — и 6) какъ сноситься съ непріятелемъ и поступать съ жителями страны, въ которой имѣла быть ведена война. Эти наказы государей нашихъ въ XVII вѣкѣ изобличаютъ большую кротость и желаніе дѣйствовать не одною силою оружія, но и превосходствомъ благоразумныхъ и справедливыхъ распоряженій.

Главный воевода, прибывъ къ войску, долженъ былъ произвесть ему провѣрочный смотръ по спискамъ и донесть государю, кто именно и когда явился или не явился на службу, кто и какъ «коненъ, люденъ и оруженъ», а также произвесть такой же смотръ по спискамъ наряду или артиллеріи и боевымъ запасамъ ея.

Начальникъ раздачи денежнаго жалованья, назначавшійся изъ бояръ, получалъ списки всѣхъ ратныхъ людей, отправлявшихся въ походъ, а отъ окладчиковъ городовъ росписи лицъ по статьямъ для полученія жалованья, по которымъ назначалъ за усердіе къ службѣ награды, а нерадивымъ пени. Списки всему этому по городамъ онъ отсылалъ въ Разрядный приказъ, для доставленія изъ него воеводамъ, съ цѣлію личныхъ провѣрочныхъ смотровъ. Раздачу жалованья начальникъ ея производилъ или самъ въ Москвѣ, если то было указано ему въ государевомъ наказѣ, или же въ станѣ войска дьяками полковыхъ воеводъ при окладчикахъ и за поруками, что получившій будетъ на службѣ безъ отъѣзда до отпуска.

Иногда былъ еще особый начальникъ раздачи денежнаго

*) *Воеводами могли быть только бояре, окольничіи и стольники.*

жалованья людямъ Государева полка, если они отправлялись въ походъ. Ему присылались для того подробные списки изъ Разряднаго приказа, по которымъ онъ и распредѣлялъ, кому идти безъ жалованья или съ жалованьемъ по статьямъ, и послѣднимъ раздавалъ его въ Москвѣ передъ отправленіемъ въ походъ, а списки тѣхъ и другихъ отсылалъ въ Разрядный приказъ.

Начальникъ наряда или артиллеріи долженъ былъ принять изъ Пушкарскаго приказа по описямъ нарядъ (орудія), порохъ, свинецъ, всякаго рода снаряды, а по спискамъ—пушкарей и всѣхъ людей у наряда, и изъ разныхъ приказовъ по описямъ огнестрѣльное и бѣлое оружіе, знамена, барабаны и всякаго рода военно-рабочія орудія и запасы и нужныя подъ свозъ ихъ подводы, и по прибытіи всѣхъ ихъ къ войску, донести о томъ главному воеводѣ и затѣмъ вести счеты прихода и расхода всѣхъ означенныхъ выше матеріальныхъ запасовъ.

Начальникъ раздачи жалованья всѣмъ людямъ нѣмецкаго строя, вмѣстѣ съ своимъ дьякомъ, долженъ былъ принимать, сберегать и раздавать жалованье означеннымъ людямъ и вести отчетность въ этомъ — тѣми же способомъ и порядкомъ, что и прочіе начальники раздачи жалованья. Сверхъ того онъ производилъ судъ и расправу всѣмъ людямъ нѣмецкаго строя, посредствомъ судовъ изъ полковниковъ нѣмецкихъ и русскихъ полковъ, иноземцамъ—по ихъ иноземнымъ, а русскимъ—по русскимъ законамъ.

Воеводы отдѣльныхъ полковъ или ратей почти всегда назначались по двое въ каждый, одинъ—старшій, а другой — его товарищъ, но безъ дьяковъ при нихъ. Они въ своихъ полкахъ имѣли одинаковую власть съ главнымъ воеводой, отъ котораго очень мало зависѣли, но должны были доносить ему о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и, по требованію его, идти на соединеніе съ нимъ и дѣйствовать за одно съ нимъ по его приказаніямъ. Имъ обыкновенно давались особые государевы наказы, въ родѣ даваемыхъ главнымъ воеводамъ. Иногда отдѣльныхъ полковъ было нѣсколько и каждый дѣйствовалъ въ своемъ особомъ мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1632—33 г.г. Шеинъ съ главнымъ войскомъ дѣйствовалъ подъ Смоленскомъ, а Прозоровскій въ Ржевѣ-Владиміровѣ, Нагово въ Калугѣ, Плещеевъ на сѣверѣ, а въ 1655 г., когда Алексѣй Михайловичъ лично находился при главномъ войскѣ подъ Смоленскомъ, Могилевомъ и Гродно, Трубецкой былъ подъ Мстиславлемъ, Черкасскій, Одоевскій и Темкинъ подъ Оршей, Дубровной, Копысомъ и далѣе внизъ по Днѣпру, одинъ Шереметевъ у Полоцка, Велижа и Витебска, а другой Шереметевъ съ малороссійскимъ гетманомъ Хмѣльницкимъ противъ крымскихъ татаръ. Прежній обычай дѣлить дѣй-

ствующую рать на 5 полковъ: большой, правой и лѣвой рукъ, передовой и сторожевой былъ употребленъ въ послѣдній разъ въ 1629 г., въ походѣ противъ крымскихъ татаръ и съ тѣхъ поръ оставленъ. Впрочемъ воеводы отдѣльныхъ полковъ еще придерживались въ нихъ этого раздѣленія.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что до самаго уничтоженія мѣстничества въ 1682 г., вредный обычай воеводъ въ ратяхъ и полкахъ ихъ считаться мѣстами продолжалъ существовать по прежнему, не смотря на всѣ усилія государей положить ему преграды. И только съ 1682 г. воеводы наконецъ стали уже служить безъ мѣстъ по указанію государей.

Второстепенными начальниками войскъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главныхъ, были: въ войскахъ русскаго строя—головы и сотники, нѣмецкаго строя—генералы, полковники, маіоры, ротмистры и капитаны, поручики и др. низшіе чины, а у стрѣльцовъ—сначала головы и сотники, а потомъ полковники, подполковники и капитаны.

Дворяне и боярскія дѣти въ конницѣ русскаго строя служили въ полкахъ имени своихъ городовъ и имѣли каждые своихъ особыхъ головъ и сотниковъ, равно какъ и новокрещеные татары, казаки и пр. Общимъ же начальникомъ каждаго городоваго полка былъ сборщикъ, выбираемый изъ дворянъ лучшихъ родовъ, присылаемый изъ Москвы и обязанный или присылать отряды съ головами, или самъ приводить ихъ къ войску и сдавать главному воеводѣ. Но иногда сборщиковъ изъ Москвы не присылали и тогда городскіе воеводы или намѣстники должны были сами отправлять отряды подъ начальствомъ особыхъ головъ. Если сборщики приводили ихъ сами, то, сдавъ ихъ по спискамъ, переставали быть ихъ начальниками и состояли при главномъ воеводѣ для разныхъ порученій. А воевода главный или отдѣльнаго полка, сдѣлавъ смотръ приведеннымъ отрядамъ, расписывалъ людей ихъ на 3 части: кому быть въ подъѣздахъ (разъѣздахъ), кому въ сотняхъ, а кому у кошей (въ обозѣ) и либо оставлялъ имъ своихъ головъ, либо назначалъ по сотнямъ.

Въ конницѣ русскаго строя были еще: 1) окладчики, выбираемые отъ каждаго города изъ дворянъ лучшихъ родовъ и заслуживавшихъ особеннаго довѣрія. Обязанность ихъ состояла въ распредѣленіи людей по статьямъ и въ надзорѣ, чтобы каждый былъ «коненъ, люденъ и оруженъ» противъ своей статьи и не отлучался со службы до окончанія похода,—и 2) судьи, избираемые главными начальниками и завѣдывавшіе судомъ и расправой въ съѣзжихъ избахъ, гдѣ

объявлялись царскія грамоты и приказанія главныхъ начальниковъ; при судьяхъ всегда были походныя канцеляріи съ подъячими.

У стрѣльцовъ цѣлыми приказами или полками ихъ начальствовали, какъ уже сказано выше, сначала головы и подъ ними пятисотники, сотники, пятидесятники и десятники, а съ 1681 г. (а можетъ быть еще и въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича) полковники, подполковники и капитаны. Полковники и подполковники назначались изъ лучшихъ дворянъ въ придворной службѣ, и полковники во время похода завѣдывали всемъ управленіемъ своихъ полковъ, получали приказанія отъ главнаго воеводы и производили судъ и расправу между стрѣльцами своихъ полковъ. Пятисотники же, сотники, пятидесятники и десятники выбирались изъ стрѣльцовъ, однако получали помѣстья.

Нѣмецкими и русскими полками нѣмецкаго строя начальствовали полковники, иноземные и русскіе, имѣвшіе право суда и расправы надъ своими людьми, нѣмцами—по нѣмецкимъ, а русскими—по русскимъ законамъ. Полковники нѣмецкихъ полковъ вполнѣ зависѣли отъ главныхъ воеводъ и ихъ товарищей. Иноземные полковники всегда были подъ надзоромъ русскихъ чиновниковъ, которые назначались правительствомъ служить посредниками между ними и русскимъ начальствомъ, принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ полка, къ которому были назначены, и даже имѣть въ своемъ надзорѣ всѣ его военные снаряды, порохъ, свинецъ и пр. При Алексѣѣ Михайловичѣ, съ увеличеніемъ числа иноземцовъ и русскихъ въ полкахъ нѣмецкаго строя, начальствованіе выборными полками стали поручать генераламъ, а простыми—полковникамъ; второстепенными же начальниками были маіоры, капитаны, ротмистры, поручики и др. низшіе.

У пушкарей и др. людей артиллерійскаго и крѣпостнаго вѣдомствъ начальниками были головы и сотники, состоявшіе подъ главнымъ начальствомъ начальника наряда и выбиравшіеся не изъ дворянъ. Подъ ними были пятидесятники и десятники.

Сверхъ всѣхъ означенныхъ выше начальниковъ, по разнымъ приказамъ или полкамъ и при начальникахъ и головахъ были подъячіе, которые во время походовъ занимались письмоводствомъ и дѣлопроизводствомъ, вели разныя книги, росписи и счеты и развозили приказы главныхъ воеводъ и др. начальниковъ. Они должны были быть вооружены и имѣть верховыхъ лошадей, раздѣлялись на 3 статьи и получали за службу помѣстья.

По управленію войсками русскаго и нѣмецкаго строя были особыя правительственныя мѣста, одни — постоянныя, другія — временныя. Къ *первымъ* принадлежали уже означенные выше приказы: Раз-

рядный, Иноземный, Стрѣлецкій и Пушкарскій. Разрядный былъ главнымъ для всего войска, въ немъ распредѣлялись награды, жалованье, помѣстные оклады, производство въ чины, назначеніе на службы и пр. Иноземный завѣдывалъ точно также всѣми полками иноземнаго строя, Стрѣлецкій всѣми стрѣльцами, Пушкарскій—всѣми людьми пушкарскаго дѣла и заготовленіемъ всѣхъ боевыхъ запасовъ послѣдняго. Послѣдніе три приказа отсылали свои списки въ Разрядный приказъ.

Сверхъ того были еще другіе приказы: Малороссійскій, со времени присоединенія Малороссіи завѣдывавшій ея войскомъ, имѣвшимъ всегда быть готовымъ въ числѣ 60 т. чел.,—приказы, для заготовленія и отпуска въ войска холоднаго оружія, барабановъ, фитилей, лопатъ, заступовъ и т. п.,—и временныя комиссіи: для сбора даточныхъ людей, изъ 2 важныхъ чиновниковъ съ дьякомъ и канцеляріей,—для сбора денегъ на жалованье войскамъ, подъ управленіемъ боярина, съ 2 дьяками и канцеляріей, — для сбора, храненія и доставки въ склады и войска хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ, по спискамъ изъ Разряднаго и др. приказовъ. Доставка эта производилась посохами, по раскладкѣ съ 1 четверти пашни.

Разсматривая вообще устройство военно-административнаго управленія войска въ мирное и военное время, нельзя не признать чрезвычайныхъ: сложности и разнородности его, формальности и обширности дѣятельности, дѣлопроизводства и письмоводства его, особенно въ Разрядномъ приказѣ. Въ него поступало изъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ безчисленное множество всякаго рода списковъ, описей и дѣлъ, а изъ него исходило такое же множество распоряженій по всѣмъ частямъ военнаго управленія, во всѣ мѣста государства. Отъ этого происходили громадныя: письмоводство и дѣлопроизводство, по всевозможнымъ предметамъ, начиная отъ важнѣйшихъ до мельчайшихъ, тѣмъ бо̀льшія, что военно-помѣстная система заставляла входить въ самыя мелкія подробности и притомъ бороться съ общимъ нерасположеніемъ къ военно-помѣстной службѣ и проистекавшими изъ того злоупотребленіями. Все это составляло чрезвычайно трудную, едва исполнимую задачу и однако необыкновенно важную, потому что отъ правильнаго выполненія ея зависѣло выставленіе всѣхъ вооруженныхъ силъ, которыя по закону должны были быть выставляемы съ помѣстій и вотчинъ. И за всѣмъ тѣмъ, къ удивленію, и разрядныя книги, и самые военно-историческіе факты свидѣтельствуютъ, что означенная выше задача разрѣшалась весьма удовлетворительно и государи наши въ XVII вѣкѣ, въ постоянной борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами, всегда могли выставлять въ поле многочисленныя рати и не только одолѣть

враговъ государства, но и возвысить силу и славу его. Это означаетъ, что центральная администрація, гражданская и военная, вела и содержала дѣла по всѣмъ частямъ военныхъ силъ государства въ большомъ порядкѣ и собирала, устроивала и двигала ихъ съ большою распорядительностью, въ чемъ и нельзя не отдать ей справедливости.

Содержаніе войскъ заключалось: въ назначеніи помѣстьевъ и вотчинъ, жалованья деньгами и на пищу и одежду, въ снабженіи оружіемъ и боевыми потребностями, продовольствіемъ и подъемными лошадьми и подводами.

Помѣстья и вотчины. О назначеніи ихъ, съ обязанностью нести съ нихъ военно-помѣстную службу, было уже достаточно говорено въ своихъ мѣстахъ прежде. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще нѣкоторыя частныя подробности, относящіяся собственно къ XVII вѣку. Такъ московскіе дворяне пользовались наибольшимъ окладомъ въ помѣстьяхъ (по 200 четвертей=100 десятинъ) въ лучшихъ мѣстахъ всего государства, и по 20 рублей (около 67 нын. серебряныхъ *) жалованья. Жильцы получали одинаковые съ ними помѣстные оклады, вотчины и жалованье, городовые дворяне— меньше противъ нихъ (выборные—150 четвертей, дворовые—120 и городовые 100),—боярскія дѣти до 1686 г.—меньше городовыхъ дворянъ, а съ 1686 г. столько же, украинскія же — по 50 четвертей. Почти на одинаковыхъ правахъ съ боярскими дѣтьми были новокрещены, мурзы и князья татарскіе. Городовые казаки получали земли большею частію въ пограничныхъ мѣстахъ, на правахъ украинскихъ боярскихъ дѣтей. Войска иноземнаго строя получали: рейтары—въ одинаковомъ размѣрѣ съ городовыми дворянами и боярскими дѣтьми, а драгуны состояли почти на одинаковыхъ правахъ съ стрѣльцами и городовыми казаками. Стрѣльцы получали отъ казны въ Москвѣ и городахъ земли и домы, составлявшіе особыя стрѣлецкія слободы. На такихъ же правахъ были и солдаты, а пѣшіе городовые казаки—на одинаковыхъ съ конными.— Пушкари и всѣ вообще люди пушкарскаго и крѣпостнаго вѣдомствъ имѣли въ крѣпостяхъ и городахъ свои земли, домы и слободы, и имѣли права и льготы, подобныя стрѣлецкимъ.

Жалованье деньгами и на пищу и одежду получали: московскіе дворяне и жильцы, какъ сказано выше, по 20 рублей; нѣкоторыя боярскія дѣти и новокрещеные татары — кормовыя деньги (сколько—неизвѣстно); городовые казаки въ походахъ—по 20, 17 и

---

*) *Тогдашній рубль* равнялся около 3 р. 33 к. нынѣшнихъ металлическихъ, *3 р. тогдашнихъ=10* р. нын. металл.

13 рублей по тремъ статьямъ, а послѣ походовъ—по 5 рублей въ награду;—люди городовыхъ полковъ, также по тремъ статьямъ—по 25, 20 и 15 рублей;—рейтары послѣ походовъ—по 12 рублей въ награду; драгуны — по 3 рубля на одежду, а на поденный кормъ иноземцы и боярскія дѣти по 8 денегъ, а прочіе по 7;—казаки донскіе и волжскіе, яикскіе и терескіе нерѣдко во время походовъ получали жалованье деньгами, а иногда и хлѣбными запасами, сукнами на одежду, селитрой, свинцомъ и пр. Въ пѣхотѣ стрѣльцы получали денежное жалованье на хлѣбные запасы и одежду, а въ случаѣ войны—подводы или деньги на подъемъ. Денежное жалованье они получали разное по городамъ, напримѣръ въ Псковѣ пятидесятники—по 4 рубля и по 7 четвертей ржи, десятники—по 3 р. 50 к. и по 6 четвертей ржи, и по стольку же овса; въ Гдовѣ сотники по 10 р., пятидесятники по 2 р. 50 к. и по 7 четвертей ржи, десятники по 2 р. 25 к. и по $6^1/_8$ четверти ржи, рядовые по 2 р. и по 6 четвертей ржи и по стольку же овса, а съ 1623 г. имъ было прибавлено по 1 р. на человѣка; въ иныхъ городахъ рядовые получали по 4 р., по 5 р. и по 12 четвертей ржи, а по новому положенію 1681 г. московскіе рядовые стрѣльцы стали получать по 6 р. на человѣка въ годъ. Иноземные и русскіе солдаты получали жалованье одинаковое съ драгунами (см. выше) по-мѣсячно. Наконецъ иногда вольные охочіе люди получали условное, неопредѣленное денежное жалованье. Пушкари и всѣ прочіе люди пушкарскаго и крѣпостнаго вѣдомствъ получали отъ казны хлѣбное жалованье въ соразмѣрности съ вышеозначенными.

Всѣ остальныя затѣмъ войска русскаго строя и военнопомѣстной службы жалованья не получали, а содержали себя сами съ своихъ помѣстьевъ и вотчинъ. Слѣдовательно правительство содержало на жалованьѣ только меньшинство войска, большинство же доходами съ розданныхъ помѣстьевъ и вотчинъ. На денежное и хлѣбное жалованье, въ случаѣ войны, оно собирало со всего государства (по свидѣтельству Котошихина, при Алексѣѣ Михайловичѣ) сначала 20-ю деньгу, а потомъ 10-ю, также рожъ, муку, крупу, сухари, толокно и пр., а изъ Москвы съ царскаго двора въ войско посылались на подводахъ мясо, соль, а иногда и вино. Заранѣе же собираемыхъ и хранимыхъ въ складахъ (магазинахъ) запасовъ продовольствія не имѣлось, отчего сначала войны всего бывало въ изобиліи, а потомъ недостатокъ, затѣмъ нужда и наконецъ голодъ, болѣзни, смертность, побѣги, безпорядки, грабежъ и военныя неудачи.

О снабженіи войскъ оружіемъ, орудіями и всѣми боевыми запасами и принадлежностями къ нимъ уже сказано выше. Слѣдуетъ прибавить только, что склады всѣхъ этихъ предметовъ находились въ

Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ главныхъ и большихъ крѣпостяхъ. Полковые воеводы, идя на войну, получали эти запасы на сборныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ осадныя орудія, а иногда сверхъ того на походѣ брали изъ крѣпостей на пути или близъ него крѣпостныя орудія, сколько было нужно.

Лошадьми строевыми и подъемными правительство снабжало всѣ войска иноземнаго строя и стрѣльцовъ, равно и всѣ управленія дѣйствовавшихъ ратей и ихъ полковъ, нарядъ и обозы съ продовольствіемъ, оружіемъ и пр. Для строевыхъ лошадей былъ назначенъ только ростъ; по окончаніи войны онѣ отдавались на прокормленіе крестьянамъ, по 1 на 4 двора (см. выше). Подъемныя лошади собирались съ «сохъ», почему и назывались посошными; ихъ требовалось и собиралось громадное количество, такъ что эта повинность была чрезвычайно тяжелая, а продовольствованіе лошадей—необыкновенно трудное.

Обозы при дѣйствовавшихъ ратяхъ и ихъ полкахъ были громадны отъ того, что 1) главные и полковые воеводы, главные начальники разныхъ управленій, второстепенные начальники и всѣ состоявшіе при нихъ должностныя лица имѣли при себѣ большее или меньшее, смотря по званію и должности, число собственныхъ повозокъ съ имуществомъ, продовольствіемъ, шатрами и пр., перевозимыхъ на лошадяхъ;—2) весь нарядъ, особенно огромныя осадныя орудія, запасное оружіе, военные и продовольственные запасы, рабочія орудія и пр. требовали для своей перевозки чрезвычайно большаго числа конныхъ подводъ и лошадей;—3) всѣ войска, какъ иноземнаго строя, такъ въ особенности русскаго, военно-помѣстныя, должны были везти съ собою на конныхъ подводахъ рѣшительно все —и военные, и продовольственные запасы—и 4) сверхъ всего этого при ратяхъ и полкахъ слѣдовали большіе конные обозы харчевниковъ (маркитантовъ). Расчитать въ точности, сколько на каждаго человѣка въ строю могло приходиться конныхъ повозокъ и подъемныхъ лошадей—нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что никакихъ правилъ о количествѣ обоза въ ратяхъ, полкахъ и частяхъ войскъ не было. Но если примѣрно положить среднимъ числомъ, по самому умѣренному расчету, только по одной повозкѣ на человѣка и при каждой по одной лошади и одному подводчику, то и тогда на 100-тысячную рать пришлось бы всего до 100 т. повозокъ и по стольку же лошадей и подводчиковъ, не считая прислуги военныхъ начальниковъ, обозной челяди и харчевниковъ. Неудивительно послѣ того что русскія рати этого времени, обремененныя и совершенно связанныя въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, особливо въ весеннюю и

ою распутицу, своими обозами и вынужденныя кормить и

поить, сверхъ войскъ въ строю, вдвое и болѣе людей и лошадей въ обозахъ, двигались чрезвычайно медленно (менѣе 20 верстъ — отъ 15 до 10 и даже менѣе—въ сутки), и въ полѣ дѣйствовали точно также крайне медленно, ограждая и защищая себя на каждомъ ночлегѣ и въ каждомъ бою, какъ огромною подвижною крѣпостью, своими громадными обозами. О быстрыхъ же и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, при такихъ условіяхъ, конечно, невозможно было даже помышлять.

Не менѣе сложны и трудны были также сборы и смотры ратей и ихъ полковъ вообще и военно-помѣстныхъ ополченій въ особенности, передъ войною или походомъ. Они производились слѣдующимъ образомъ:

По царскому указу и распоряженію Разряднаго приказа, прежде всего посылались во всѣ города, назначенные къ походу, сборщики изъ знатныхъ и довѣренныхъ лицъ. Сборщики, снабженные изъ Разряда списками служилыхъ людей, получали въ назначенныхъ имъ городахъ отъ намѣстниковъ областей или городовыхъ воеводъ другіе списки, въ которыхъ означались и тѣ изъ людей городовыхъ полковъ, которые еще не участвовали въ службѣ, а для сбора и высылки всѣхъ служилыхъ людей—высыльщиковъ изъ стрѣльцовъ, пушкарей, затиньщиковъ и пр. Послѣ сбора и высылки въ города, сборщики должны были составить разборные списки всѣмъ высланнымъ людямъ, съ означеніемъ, сколько каждый изъ нихъ бралъ съ собою людей боевыхъ и въ обозъ, а также и нòвиковъ (новобранцовъ, съ 17-ти и позже съ 18-ти лѣтъ) особыми статьями. Но иногда, особенно со временъ Алексѣя Михайловича, сборщиковъ не посылали, а обязанности ихъ возлагались на областныхъ намѣстниковъ или городовыхъ воеводъ.

Собравъ всѣхъ служилыхъ людей городовъ и составивъ имъ разборные списки, сборщики сперва отправляли часть ихъ съ головами на общее сборное мѣсто рати, а потомъ и сами шли туда съ остальными и представляли разборные списки главному воеводѣ. Послѣдній немедленно производилъ по этимъ спискамъ повѣрочный смотръ, опрашивая при этомъ окладчиковъ каждаго города о прежней службѣ, состояніи и помѣстьяхъ каждаго изъ высланныхъ и явившихся или естей (отъ слова есть на лицо), послѣ чего, по сказкамъ окладчиковъ, приказывалъ росписывать десятни городовъ, распредѣляя въ нихъ служилыхъ людей по статьямъ, кто въ какую службу былъ годенъ и сколько кому слѣдовало выдать жалованья. А относительно нѣтей (неявившихся, отъ слова нѣтъ на лицо) сбирались отъ окладчиковъ и лучшихъ служилыхъ людей города показанія о помѣстныхъ и денежныхъ окладахъ нѣтей и о *причинахъ неявки* ихъ (смерти, болѣзни, иной службы или нерадѣнія).

По окончаніи смотра, воевода составлялъ особые списки естямъ и нѣтамъ по статьямъ, со всѣми показаніями окладчиковъ, и отсылалъ ихъ государю черезъ Разрядъ. Для соображеній же воеводъ, имъ присылались изъ Разряда росписи прежнихъ городовыхъ десятенъ, раздѣленныхъ на разборныя и денежной раздачи.

Очевидно, что всѣ означенныя выше распоряженія, по своей сложности и мелочности, требовали очень много вниманія, хлопотъ, труда и времени, тогда какъ время именно и не терпѣло, можетъ быть, такой долгой проволочки.

Не менѣе труда и времени требовалъ также сборъ даточныхъ людей, который поручался иногда намѣстникамъ, иногда сборщикамъ, а иногда и особеннымъ коммисіямъ, съ означеніемъ по скольку человѣкъ и съ какой именно земли собрать людей.

Затѣмъ здѣсь слѣдуетъ привести нѣкоторыя, общія всѣмъ родамъ войскъ, свѣдѣнія объ одеждѣ, музыкѣ и знаменахъ.

Одежда вообще была старинная національная русская. Главнымъ видомъ ея былъ кафтанъ съ рукавами и поясомъ; головнымъ уборомъ служила шапка, а обувью высокіе сапоги. Въ этихъ трехъ главныхъ видахъ одного общаго рода было чрезвычайное разнообразіе по сословіямъ, отъ многообразныхъ и богатѣйшихъ въ высшихъ до однородныхъ, простѣйшихъ и бѣднѣйшихъ въ низшихъ. Самою богатѣйшею и разнообразною была одежда государей, лицъ, составлявшихъ ихъ дворъ, и высшихъ государственныхъ сановниковъ, гражданскихъ и военныхъ, бояръ и воеводъ. Носимая въ военное время состояла изъ полукафтанья, поверхъ котораго надѣвались доспѣхи, а сверху на плечи накидывался охобень или плащъ безъ мѣха или съ мѣхомъ; голова же, руки и ноги прикрывались шлемами, шишаками и латами. Самыми богатыми въ военное время были одежда и вооруженіе главныхъ и полковыхъ воеводъ *). Затѣмъ одежда другихъ главныхъ и второстепенныхъ военныхъ начальниковъ, при общей однородности, различалась по чинамъ, званіямъ и должностямъ, бо́льшими или меньшими сложностью или простотой, богатствомъ или скромностью. Но общаго однообразія не было: всякій одѣвался по своимъ средствамъ и усмотрѣнію.

Что касается одежды различныхъ родовъ и частей войскъ, то стрѣльцы носили длинные суконные кафтаны, съ отложными назадъ воротниками, разныхъ цвѣтовъ по полкамъ (большею частію краснаго цвѣта), застегнутые на груди золотыми или иными шнурами, и такихъ же цвѣтовъ сапоги, а на головахъ носили въ мирное время

*) См. описаніе и изображеніе ихъ въ «Историч. описаніи одежды и вооруженія *росс. войскъ*» Висковатова, Ч. I. Тамже и одежды всѣхъ прочихъ чиновъ и *частей русскихъ войскъ* въ XVII вѣкѣ.

разноцвѣтныя по полкамъ шапки, а въ военное желѣзныя. Впрочемъ, при однородности этой общей одежды, она въ разныя времена XVII вѣка имѣла частныя различія въ полкахъ по цвѣту шапокъ, кафтановъ и сапоговъ. Начальники ихъ и знаменьщики носили большія кожаныя рукавицы съ запястьями (крагенами), а первые сверхъ того посохи или трости.

Одежда иноземныхъ полковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ не была однообразна, а напротивъ представляла большое разнообразіе въ покроѣ и цвѣтахъ, но вообще современнаго, западно-европейскаго покроя. При этомъ въ строю капитаны носили копья, поручики—протазаны, прапорщики—прапоры или копья съ прапорами или значками, а сержанты—аллебарды. Русскіе солдатскіе полки носили русскую одежду, подобную стрѣлецкой. Въ послѣдствіи при Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣ него до самаго 1689 г. включительно, разные регулярные полки иноземнаго строя: солдатскіе, рейтарскіе и драгунскіе, а также гусарскіе и казачьи шквадроны или эскадроны, носили вообще одежду прежнихъ временъ, но не однобразную, а разнообразную по полкамъ, только установленнаго покроя, что называлось служилымъ платьемъ *).

Въ военно-помѣстныхъ же ополченіяхъ русскаго строя не только не было никакого однообразія въ одеждѣ, но и напротивъ было величайшее разнообразіе: каждый одѣвался по своимъ средствамъ, но всѣ одинаково носили русскую одежду.

Главными родами военно-музыкальныхъ орудій въ русскомъ войскѣ XVII вѣка были изстари существовавшіе въ немъ трубы, бубны, сýрны и сопѐли. Съ XVI вѣка къ нимъ присоединились набаты, позже барабаны, за ними литавры и наконецъ сипо̀вки или флейты. Трубы, сначала прямыя, позже были 3-хъ-колѣнныя, почти такого же вида, какъ нынѣшнія, и назывались трубами ратнаго строя. Бубны были небольшими мѣдными чашами, съ натянутою на нихъ кожей, въ которую ударяли вощагой — ременнымъ клубомъ на короткой рукояткѣ. Въ походѣ каждый воевода имѣлъ у сѣдла такой бубенъ меньшаго размѣра, который назывался тулумбасомъ, и, ударяя въ него, подавалъ войскамъ разные сигналы (къ замедленію или ускоренію хода, къ бою, приступу и т. п.). Сýрна была обыкновенною прямою трубой, но съ загнутымъ нижнимъ отверстіемъ или раструбомъ. Сопѐль была обыкновенная дудка, въ родѣ настушьей. Набаты были огромной величины мѣдные барабаны на щитѣ, положенномъ на 4-хъ лошадяхъ рядомъ; въ него били 8 человѣкъ, подавая сигналы къ бою, приступу и т. п. (о набатахъ

*) *См. Висковатова* «Истор. опис. одежды и вооруженія рос. войскъ» Ч. I.

уже неразъ было говорено выше). Барабаны въ пѣшихъ полкахъ: стрѣлецкихъ и солдатскихъ и въ конныхъ драгунскихъ, а литавры въ конныхъ стрѣлецкихъ и въ рейтарскихъ—съ начала XVII вѣка и сиповки или флейты въ солдатскихъ и стрѣлецкихъ полкахъ съ половины этого вѣка, были того же рода и вида, что и теперь. Сообразно съ названіями этихъ орудій, и люди, игравшіе на нихъ или бившіе въ нихъ, назывались трубачами, накрачами, суреньщиками или сурначами, сопцами, набатчиками, барабанщиками, литаврщиками и сиповщиками. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, описываютъ русскую военную музыку очень громкою, оглушительною, нестройною, способною только наводить ужасъ.

Военныя знамена съ конца XVI вѣка и въ XVII дѣлались съ изображеніями не однихъ священныхъ предметовъ, но и другихъ, какъ-то: двуглаваго орла, солнца, луны, звѣздъ, гербовъ царствъ и княжествъ, звѣрей, птицъ и даже баснословныхъ животныхъ. Знамена освящались торжественно, высшимъ духовенствомъ, и нерѣдко были такъ велики и тяжелы, что въ помощь носившему каждое изъ нихъ придавалось по нѣскольку человѣкъ. Они почитались какъ святыня, но ношеніе ихъ лицами дворянскаго происхожденія считалось для послѣднихъ предосудительнымъ, такъ что Алексѣй Михайловичъ, подъ страхомъ строгихъ наказаній, запретилъ ставить дворянамъ въ безчестье выборъ ихъ къ знаменамъ и названіе ихъ знаменьщиками. Величина знаменъ не имѣла опредѣленныхъ размѣровъ; наблюдалось только, чтобы кругомъ полотна была широкая кайма съ узорами. Полотно большею частію дѣлалось въ видѣ равносторонняго или почти равносторонняго четвероугольника, но нерѣдко имѣло нижній уголъ срѣзаннымъ, что называлось откосомъ, а остальная часть у древка—серединой. Полотно дѣлалось изъ камки, тафты, кумача, холста и др. тканей и на немъ изображались разнаго рода надписи. Въ большомъ употребленіи было украшать знамена бахрамой и привязанными къ верху древка шнурами съ кистями. Древки знаменъ расписывались цвѣтами и узорами и оканчивались яблокомъ съ гротикомъ (копьецомъ) надъ нимъ или и однимъ гротикомъ. Внѣ службы на знамена надѣвались чахлы (чемоданы или нагалища). Иногда знамена строились отъ самихъ войскъ или ихъ начальниковъ, но преимущественно жаловались государями. Каждый воевода имѣлъ свое знамя, носившее названіе своего полка или воеводы. Въ стрѣлецкихъ, солдатскихъ, драгунскихъ и рейтарскихъ полкахъ были въ каждомъ одно полковое или полковничье знамя и сотенныя или братскія по числу сотенъ или ротъ, по одному въ каждой.

Сверхъ знаменъ были еще прапоры — обыкновенныя, четверо-

угольныя знамена, но съ однимъ, двумя или тремя откосами. Носившіе ихъ назывались прапорщиками. Были также и полупрапоры—меньшихъ размѣровъ *).

Въ заключеніе слѣдуетъ привесть свѣдѣнія о военно-врачебной и военно-судной частяхъ и о военныхъ: наказаніяхъ, наградахъ, порядкѣ, дисциплинѣ и духѣ войскъ въ русскихъ ратяхъ XVII вѣка.

Военно-врачебной части, правильно-устроенной, собственно не было, но при ратяхъ и полкахъ ихъ состояли лекари, въ неопредѣленномъ числѣ, лечившіе больныхъ и раненыхъ. Но кажется, что по числу войскъ въ ратяхъ и нестроевыхъ людей при нихъ, лекарей было мало, а потому и уходъ за больными и ранеными былъ неудовлетворительный, въ полкахъ иноземнаго строя—менѣе, а русскаго—болѣе. Въ первыхъ, особливо въ иноземныхъ, вѣроятно, по примѣру полковъ ландскнехтовъ и рейтеровъ въ Германіи, были свои лекаря; въ войскахъ же русскаго строя, если они и были, то болѣе при главныхъ начальникахъ. Но о раненыхъ правительство всегда особенно заботилось, леча ихъ на счетъ казны и давая имъ въ награду по 5 рублей на каждаго.

Военно-судная часть была болѣе развита и правильнѣе устроена особенно въ войскахъ иноземнаго строя, каждый полкъ которыхъ имѣлъ свой военный судъ, судившій иноземцовъ — по ихъ иноземнымъ законамъ, а русскихъ—по русскимъ (см. выше). Стрѣльцы, пушкари и пр. пушкарскаго и крѣпостнаго вѣдомствъ также имѣли свои особенные военные суды въ своихъ съѣзжихъ избахъ (см. выше). Въ военно-помѣстныхъ же ополченіяхъ русскаго строя судъ и расправу надъ своими людьми производили сами помѣщики въ званіяхъ головъ и сотниковъ, по русскимъ законамъ или обычаямъ.

Военныя наказанія, по духу, нравамъ и обычаямъ времени, были вообще суровыя и тяжелыя, въ иноземныхъ полкахъ—по иноземнымъ военно-уголовнымъ законамъ (смертною казнью разнаго рода, въ томъ числѣ прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами, по законамъ ландскнехтовъ, тѣлесными наказаніями и пр.), а въ солдатскихъ полкахъ—по русскимъ уголовнымъ законамъ (начиная отъ смертной казни до тѣлесныхъ наказаній и пеней). Въ военно-помѣстныхъ же ополченіяхъ родъ и мѣра наказаній зависѣли частію отъ закона, частію отъ обычая, большею же частію отъ личнаго произвола помѣщиковъ, имѣвшихъ неограниченныя права надъ своими крѣпостными людьми и особенно прибѣгавшими къ тѣлеснымъ наказа-

*) Описаніе и изображеніе разнаго рода сохранившихся знаменъ XVII вѣка *находится въ* «Истор. опис. одежды и вооруженія Рос. войскъ» Висковатова.

ніямъ (отъ кулачной расправы до битья батогами, иногда до смерти). За всѣмъ тѣмъ, не смотря на всю строгость, даже суровость тогдашнихъ наказаній за военные проступки и преступленія, порядка и особенно дисциплины военныхъ въ русскихъ ратяхъ вообще (исключая можетъ быть иноземныхъ и солдатскихъ полковъ, но не исключая стрѣльцовъ, пушкарей и пр., и особенно обозной челяди) было очень мало, безпорядковъ же всякаго рода, особенно грабежа, побѣговъ, своеволія, неповиновенія, нерадѣнія, даже трусости и бѣгства, напротивъ, очень много. По свидѣтельству же Котошихина и Посошкова и многихъ иностранцовъ, писавшихъ о Россіи въ это время, ни порядка, ни дисциплины въ войскахъ русскаго строя вовсе не было, безпорядковъ же всякаго рода великое множество, и этому нельзя не вѣрить, судя по составу и неустройству этихъ войскъ.

Военныя награды за отличія и особенныя заслуги военныя оставались тѣ же, что были и прежде и о которыхъ уже неразъ было упоминаемо ранѣе (во В. В. И. среднихъ временъ). Высшею степенью награды всей рати или особому полку ея и главнымъ начальникамъ ихъ были царское милостивое слово и спросъ о здоровьѣ, чрезъ одного изъ высшихъ царскихъ сановниковъ (какъ и противное тому—царскій гнѣвъ, царское неудовольствіе, соединенное съ опалой и пр.). Затѣмъ слѣдовали царскія милости въ награду: пожалованіе въ высшія званія, боярскія, разныя придворныя и общественныя, богатые дары деньгами, помѣстьями, вотчинами, драгоцѣнными наперсными крестами, гривнами, золотыми (медалями), булавами, бронями, одеждами, особенно мѣховыми (почетными шубами и кафтанами), кубками, утварью и пр., а рядовымъ воинамъ деньгами, льготами и т. п.

Наконецъ, что касается собственно духа въ войскахъ, то въ этомъ отношеніи, по свидѣтельству и русскихъ, и иностранныхъ современниковъ, и самыхъ фактовъ, было много свѣтлыхъ и отрадныхъ сторонъ, но много и мрачныхъ, и прискорбныхъ, и послѣднихъ едва-ли не болѣе. Иныя войска (преимущественно постоянныя, правильно устроенныя), въ иныхъ случаяхъ (особенно въ крѣпостяхъ, за укрѣпленіями, мѣстными препятствіями или обозами) сражались съ необыкновенными, искони свойственными русскимъ войскамъ и въ это время, какъ и всегда прежде, мужествомъ, храбростью, упорствомъ и отличнымъ военнымъ духомъ. Другія (преимущественно временныя), въ другихъ случаяхъ (особенно въ открытомъ полѣ) не оказывали надлежащихъ: стойкости, упорства, даже мужества, храбрости и истинно-военнаго духа, при малѣйшей неудачѣ предавались *робости*, страху и бѣгству, покидая свои знамена, бросая оружіе,

орудія и обозы, и погибая отъ ударовъ непріятеля. Иначе, впрочемъ, и быть не могло со стороны временныхъ военныхъ ополченій, взятыхъ на войну прямо отъ земли и сохи, противъ воли и охоты, безъ всякаго приготовленія къ военному дѣлу, безъ надлежащихъ понятій о немъ, воины только по названію и вооруженію, сильные только своею многочисленностью, но совершенно безсильные своимъ составомъ, неустройствомъ, непорядкомъ, отсутствіемъ дисциплины, военнаго духа, понятій о военныхъ: долгѣ, чести и доблести. Котошихинъ, Посошковъ и многіе иностранцы, писавшіе о Россіи въ это время, приводятъ примѣры тому, которыхъ нельзя считать преувеличенными и не признавать вѣроятными. Котошихинъ говоритъ, что «въ военно-помѣстныхъ войскахъ не было ни благоустройства, ни дисциплины, никакого правильнаго строя, а такъ какъ по окончаніи войны или похода войска эти распускались по домамъ и за раны получали награды, то того только и желали, какъ-бы скорѣе вернуться домой, даже съ легкою раной, чтобы получить за нее награду, на войну же смотрѣли какъ на тяжелую повинность и не только не имѣли никакой охоты къ ней, но даже отвращеніе». А Посошковъ говоритъ, что «войска не умѣли стрѣлять не только хорошо, но даже и дурно, да и пищали, заряды и снаряды, холодное оружіе — были плохіе, порохъ — часто сырой, въ конницѣ — худыя клячи, тупыя сабли и копья, сами «нуждны и безодеждны», иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣлъ и если случайно убивалъ 2—3 непріятелей, то всѣ удивлялись, а если своихъ сотни теряли, то ставили ни во что;— на службѣ того только и смотрѣли, какъ-бы въ бою гдѣ спрятаться, и иные цѣлыми сотнями прятались въ лѣсу или оврагѣ, и когда другіе шли съ боя, то и они съ ними, какъ будто также съ боя; о томъ не заботились, чтобы непріятеля побѣдать, а какъ-бы скорѣе домой вернуться, да еще съ легкою раной, чтобы за нее награду получить;—иные дворяне говорили: «дай Богъ государю служить, а сабли изъ ноженъ не вынимать».—Положимъ, что эти показанія Котошихина и Посошкова слишкомъ обобщены, но въ сущности нельзя не признать ихъ вѣрными или по крайней мѣрѣ весьма вѣроятными, потому что они вполнѣ согласны со всѣми вопіющими недостатками тогдашней, совершенно ложной и непригодной военно-помѣстной системы, которая, съ мѣстничествомъ, была не добромъ, а большимъ зломъ. Но мѣстничество захотѣли и умѣли уничтожить, военно-помѣстную же службу сохранили, какъ будто какую неприкосновенную святыню.

§ 7.

Полевыя и долговременныя укрѣпленія;—осада и оборона крѣпостей.

Такъ какъ вообще русская военная система въ XVII вѣкѣ была сильнѣе въ оборонительномъ отношеніи, нежели въ наступательномъ, то и искуство строить, оборонять и брать полевыя и долговременныя укрѣпленія, иначе — искуство инженерное было, въ нѣкоторомъ смыслѣ, довольно развито, хотя, конечно, значительно уступало современному западно-европейскому, сдѣлавшему уже большіе успѣхи, особенно въ концѣ XVII вѣка въ Нидерландахъ.

Полевыя укрѣпленія, по цѣли и назначенію, были или временныя—въ полевыхъ войнахъ и походахъ, или постоянныя—для обороны границъ.

Первыя имѣли цѣлію оборону ратей и ихъ полковъ, дѣйствовавшихъ въ открытомъ полѣ, отъ нападеній непріятеля, и состояли не изъ однихъ собственно полевыхъ укрѣпленій, но преимущественно изъ обозовъ, которыми въ XVII вѣкѣ вошло въ обычай ограждать русскія рати и ихъ полки, въ походахъ и на мѣстѣ, въ открытомъ полѣ. Обычай этомъ, какъ извѣстно, впервые введенный въ западной Европѣ гуситами въ XV вѣкѣ и распространившійся въ ней съ 2-й половины этого вѣка, изъ нея перешелъ и въ восточную Европу къ полякамъ, казакамъ, татарамъ и туркамъ, а въ XVII вѣкѣ распространился и въ русскомъ войскѣ. Походныя движенія и расположеніе его стали совершаться большею частію, особенно противъ крымскихъ татаръ, подъ прикрытіемъ обозовъ со всѣхъ сторонъ, продолговатымъ четвероугольникомъ, глубиною вдвое противъ фронта. За наружными фасами повозокъ шла и располагалась артиллерія, а за нею пѣхота, конница же снаружи со всѣхъ сторонъ, высылая сторожевые отряды, караулы и разъѣзды. Такъ, напримѣръ, войско Василія Васильевича Голицына, въ 1-мъ и 2-мъ походахъ его противъ крымскихъ татаръ, въ 1687 и 1689 г.г., шло походомъ и располагалось означеннымъ выше образомъ, каждый полкъ отдѣльно, большой въ серединѣ, другіе по сторонамъ и впереди его, а передовой (авангардъ, при отступленіи арріергардъ, генерала Гордона) еще болѣе впереди, при чемъ послѣдній имѣлъ всю свою конницу внѣ четвероугольника повозокъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, высылая отъ этой конницы отряды, отъ отрядовъ сторожевые караулы—тѣ и другіе съ пушками, а отъ карауловъ—парныхъ часовыхъ и передовые разъѣзды. Но при обратномъ походѣ въ 1689 г. кон-

ница шла и располагалась уже внутри четвероугольниковъ повозокъ. Но при этомъ, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ, иногда прибѣгали къ усиленію защиты полевыхъ походныхъ становъ также и мѣстными препятствіями, и полевыми, земляными и деревянными укрѣпленіями. Земляныя состояли изъ валовъ, насыпанныхъ изъ внѣшнихъ, впереди ихъ, рвовъ, а иногда, для большей скорости, изъ внутреннихъ позади, съ толстымъ тыномъ или, за недостаткомъ его либо для скорости, прочнымъ плетнемъ во внѣшнемъ рву или передъ валомъ. Деревянныя же укрѣпленія, требовавшія болѣе лѣса, времени и труда, строились, когда эти условія дозволяли, изъ деревянныхъ срубовъ, по образцу обыкновенныхъ русскихъ крестьянскихъ избъ, но безъ оконъ, дверей и крышъ, и насыпанныхъ до верху землею и каменьями. Такого рода срубы строились или сплошными рядами, въ видѣ стѣнъ, или отдѣльными, бо́льшими или меньшими, сомкнутыми укрѣпленіями, въ видѣ или башенъ, или острожковъ, остроговъ и городковъ (полевыхъ фортовъ разной величины). Оборона земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій была ружейная и пушечная, въ деревянныхъ еще болѣе, нежели въ земляныхъ, такъ какъ первыя были скорѣе постоянныя, а послѣднія временныя.

Сочетаніе этихъ двухъ родовъ укрѣпленій, земляныхъ и деревянныхъ, было употребляемо какъ при осадѣ крѣпостей, только въ бо́льшихъ размѣрахъ и съ болѣе сильными профилями (см. ниже), такъ въ особенности для обороны границъ засѣками или пограничными укрѣпленными чертами или линіями.

Начало и постоянныя развитіе и расширеніе системы нашихъ пограничныхъ укрѣпленныхъ линій *), еще со временъ Владиміра I и Ярослава I и особенно монголо-татарскаго владычества, до XVII вѣка, уже были изображены въ своихъ мѣстахъ прежде. Изъ засѣкъ, устроенныхъ при Іоаннѣ IV (отъ Оки до Дона и отъ Дона до Волги, и при Борисѣ Годуновѣ (Бѣлгородская черта или линія по Дону, заселенная слободами пограничныхъ городовыхъ казаковъ), въ началѣ XVII вѣка первая, которой сдѣлано мало, была покинута, а вторая сохранилась, даже до XVIII вѣка. Поселенные же на ней слободскіе казаки, постепенно умножаясь числомъ какъ ратныхъ, такъ и нератныхъ людей, такъ что уже при царѣ Василіѣ Шуйскомъ ихъ было свыше 20 т. чел., въ XVII вѣкѣ могли выставлять однихъ конныхъ ратниковъ до 25 т. Но въ послѣдствіи по этой

*) Главныя пособія: Успенскаго «О древностяхъ русскихъ» и особенно Иванина (умершаго генералъ-лейтенанта) «О пограничныхъ линіяхъ Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ» (см. источники).

чертѣ уже были учреждены казенныя селенія, ратныхъ людей осталось мало и эта черта получила совершенно иное устройство.

При Михаилѣ же Ѳедоровичѣ съ 1637 г. и при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ постройки крѣпостей Тамбова, Пензы и вѣроятно вслѣдствіе пограничныхъ грабежей, произведенныхъ послѣ смутнаго времени казацкими и татарскими шайками, равно каракалпаками, башкирами, калмыками и киргизами, устроена была обширная пограничная, оборонительная, укрѣпленная линія на нашихъ восточныхъ и южныхъ предѣлахъ. Линія эта начиналась отъ р. Ика, лѣваго притока р. Камы, у селенія Козина, нынѣ Троицкое, близъ гор. Мензелинска, Уфимской губерніи, шла на Заинскъ, Билярскъ и Бѣлый-Ярь до Волги и на этомъ протяженіи называлась Закамскою и была назначена исключительно для прикрытія нашихъ границъ на луговой сторонѣ Волги отъ набѣговъ башкиръ, калмыковъ, каракалпаковъ и киргизовъ. Отъ праваго берега Волги, у Симбирска, линія эта продолжала идти на Пензу, Тамбовъ, Усмань, Коротоякъ, Острогожскъ, Валуйки, Новый-Бѣлгородъ, Чугуевъ, Константиноградъ и оканчивалась на лѣвомъ берегу Днѣпра у устья. р. Орели (нынѣ на границѣ Полтавской и Екатеринославской губерній). Закамская линія шла большею частію лѣсами, въ промежуткахъ которыхъ были устроены земляные валы со рвами, внѣшними и внутренними, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ земляными окопами неправильной, овальной формы. Остатки ихъ сохранились до сихъ поръ, хотя въ разрушенномъ видѣ *). Внутри окоповъ были деревянныя стѣны съ бойницами и съ деревянными же башнями, изъ срубовъ, но отъ тѣхъ и другихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ мѣстахъ, тамъ гдѣ находились поляны съ проходами извнѣ, были также устроены валы со рвами. Валъ всей Закамской линіи былъ устроенъ неправильными изгибами, съ выступами къ востоку, на разстояніи отъ $^1/_2$ версты до 1 версты, въ видѣ редантовъ или полуредутовъ, внутри насыпанныхъ землей (вѣроятно для выставленія на нихъ дозорныхъ стражей). Тамъ, гдѣ валъ входилъ въ лѣсъ, мѣстами по продолженію вала замѣтны еще просѣки и ямы: первыя вѣроятно были засѣками, а ямы можетъ быть служили землянками или завалами для жительства стражей. Изъ нынѣшнихъ остатковъ этой линіи можно заключить, что основною мыслію ея были: 1) преграждение открытыхъ мѣстъ валомъ со рвомъ, окопами и деревянными башнями (острожками или фортами) въ удобныхъ мѣстахъ, для содержанія въ нихъ стражи; 2) преграждение лѣсовъ засѣками и 3) поддержаніе пограничныхъ карауловъ.

---

*) *Они изображены* въ планѣ и профиляхъ въ означенномъ выше описаніи г. *Ивашина.*

Подобно этому, вѣроятно, была устроена и часть линіи, шедшая отъ Волги до Днѣпра, съ тою только разницей, что тутъ она шла постепенно болѣе и болѣе ровною, открытою и малолѣсною мѣстностью и, сообразно съ тѣмъ, состояла большею частію изъ вала со рвомъ и окопами на извѣстныхъ разстояніяхъ, и лишь частію изъ засѣкъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ.

Съ юго-западной стороны, когда поляки овладѣли мѣстами по р. Окѣ до самаго Бѣлева, Михаилъ Өеодоровичь въ 1630 г. приказалъ устроить пограничную засѣку отъ польской границы, чрезъ Козельскій и Бѣлевскій уѣзды до Оки и отъ нея далѣе черезъ Веневскій и Рязанскій уѣзды. А Алексѣй Михайловичь продолжилъ эту засѣку до Суры, Волги и далѣе, какъ означено выше, до р. Ика. Обѣ части этой засѣки онъ укрѣпилъ земляными валами со рвами и тыномъ и заселилъ ихъ многими городками, слободами и станицами изъ солдатъ и городовыхъ казаковъ. По показанію Татищева, засѣки эти простирались: Козельская—на 3½ вер., съ 5-ю воротами, Перемышльская — на 25 верстъ, съ 1 воротами, Лихвинская — на 35 вер., съ 3-мя воротами, Веневская на 25 верстъ, съ 2-мя воротами, Рязанская—на 49½ верстъ, съ 4 воротами, и Шацкая — на 70 верстъ, съ 1 воротами. Всѣ эти засѣки были названы Черемшанскою, Закамскою и Карсунскою чертами (или линіями). Первая простиралась отъ Дона до Волги, чрезъ Тамбовскую и Шацкую области до Симбирска, и состояла изъ высокаго землянаго вала со рвомъ и тыномъ и многими городками (фортами), для охраненія же ея на ней поселено было 10 полковъ солдатъ и болѣе 15 т. городовыхъ казаковъ. Черемшанская и Закамская черты составили, какъ сказано выше, продолженіе Карсунской и состояли частію изъ земляныхъ валовъ и частію изъ лѣсныхъ засѣкъ. Построенные на нихъ городки и пригородки: Ирыклинскъ, Тіинскъ, Билярскъ, Новошешминскъ, Заинскъ, Мензелинскъ и др. были заселены выведенными во время польской войны плѣнными поляками.

Оборона государства крѣпостями, какъ внутренними, такъ особенно пограничными, была значительно усилена при всѣхъ нашихъ государяхъ въ XVII вѣкѣ, но всего болѣе при Алексѣѣ Михайловичѣ. На южныхъ и западныхъ границахъ построены многія новыя крѣпости (Тамбовъ, Пенза и др.), укрѣпленія прежнихъ возстановлены, исправлены и усилены, равно какъ и внутри государства. Вообще въ этомъ отношеніи было сдѣлано очень много.

Укрѣпленіе большихъ внутреннихъ городовъ и пограничныхъ крѣпостей каменными стѣнами и башнями, со рвами, оставались въ томъ же видѣ, какъ и въ XV — XVI столѣтіяхъ, какъ всего лучше усматривается изъ сохранившихся укрѣпленій Москвы, Новгорода,

Пскова, Смоленска, Владиміра на Клязьмѣ, Нижняго Новгорода, Казани и др. Никакихъ приспособленій современной (въ XVII вѣкѣ) западно-европейской долговременной фортификаціи въ нихъ не усматривается, а если гдѣ и встрѣчаются (какъ, напримѣръ, въ Кіевѣ Петровская крѣпость), то они принадлежатъ уже XVIII вѣку. Въ маломъ видѣ воспроизведеніемъ образца нашихъ каменныхъ крѣпостей этого времени могутъ служить наши старинные монастыри, огражденные каменными стѣнами и башнями, но безъ рвовъ. Слѣдуетъ только замѣтить, что русскія крѣпости XVII вѣка были уже приспособлены какъ къ ружейной оборонѣ, такъ и преимущественно къ пушечной, по большому числу находившихся въ нихъ крѣпостныхъ орудій всякаго рода и размѣровъ.

Меньшія крѣпости, города, остроги, острожки и пр. строились по тому же образцу, но изъ дерева, т. е. изъ деревянныхъ срубовъ (см. выше), насыпанныхъ землею, со рвами, тыномъ и деревянными, изъ срубовъ же, башнями для ружейной и лучной, а иныя и пушечной обороны.

Въ осадѣ и оборонѣ крѣпостей и городовъ разной величины замѣтно уже нѣкоторое вліяніе западно-европейскаго артиллерійскаго и инженернаго искуства, впрочемъ въ оборонѣ болѣе, нежели въ осадѣ. Это происходило отъ того, что осадой и обороной крѣпостей и городовъ руководили у насъ большею частію иноземцы—пушкари и размыслы (инженеры), съ русскими помощниками и учениками, своихъ же русскихъ, искусныхъ пушкарей и размысловъ не было.

Обыкновеннымъ ходомъ нашихъ осадъ былъ слѣдующій: начинали съ обложенія крѣпости или города, либо сплошнаго вокругъ (что впрочемъ случалось рѣдко), либо разомкнутаго, посредствомъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ становъ, связанныхъ между особою отдѣльными, меньшими, сомкнутыми укрѣпленіями (фортами), и полевыми пѣшими и конными отрядами между ними, для прерванія всѣхъ сообщеній обложенной крѣпости или города съ полемъ и для принужденія гарнизона или жителей голодомъ къ сдачѣ. При такомъ обложеніи, укрѣпленные станы и отдѣльныя укрѣпленія строились указаннымъ выше способомъ постройки полевыхъ укрѣпленій, земляныхъ и деревянныхъ, но только въ бо́льшихъ размѣрахъ въ объемѣ, въ вышинѣ и толщинѣ валовъ и башенъ и въ широтѣ и глубинѣ рвовъ, иначе—съ болѣе сильными, полукрѣпостными профилями. Они были приспособлены къ мѣстности, преимущественно возвышенной, господствовавшей надъ крѣпостью или городомъ, и къ различнымъ свойствамъ и препятствіямъ на ней (рѣкамъ, рѣчкамъ, *оврагамъ, лѣсамъ и т. п.*). Устроивались они сразу на дальнемъ, а

иногда и на ближнемъ пушечномъ выстрѣлѣ, при чемъ первымъ и главнымъ прикрытіемъ служили большіе туры, катимые пѣшими ратниками, вооруженныхъ пищалями и мушкетами (обыкновенно стрѣльнами и солдатами). Установивъ туры, они засыпали ихъ землею изъ рвовъ, вырываемыхъ позади нихъ, и устанавливали на нихъ пушечныя батареи, что все производилось по ночамъ. Съ разсвѣтомъ батареи открывали огонь по крѣпостнымъ стѣнамъ и башнямъ, а стрѣльцы и солдаты по осажденнымъ на нихъ. Пушечный и оружейный огонь производился почти безпрерывный, и днемъ, и ночью, не жалѣя пороха и снарядовъ. При этомъ изъ главнаго стана или инаго, удобнѣйшаго для того, производилась и главная атака, преимущественно пушечная и ружейная, но иногда, хотя и рѣдко, инженерная, посредствомъ подступныхъ рвовъ (траншей) къ одному или нѣсколькимъ мѣстамъ крѣпости, а также и подземныхъ, пороховыхъ подкоповъ. Если осажденная крѣпость была совершенно отрѣзана отъ поля, стѣны и башни ея разрушены, или въ нихъ произведенъ проломъ, или до нихъ доведены подступные рвы, а подъ нихъ — подкопы, но крѣпость все таки не сдавалась, а продолжала упорно обороняться, тогда не оставалось ничего болѣе, какъ или брать ее приступомъ, либо, смотря по времени года и обстоятельствамъ, снять осаду и обложеніе и отступить. Но къ первому средству осаждавшіе обращались неохотно и рѣдко, предпочитая принуждать крѣпость къ сдачѣ бомбардированіемъ или голодомъ. Бомбардированіе требовало менѣе времени, а простое, тѣсное обложеніе гораздо болѣе, почему первое было болѣе, а второе гораздо менѣе согласно съ военно-помѣстнымъ составомъ и устройствомъ русскихъ осадныхъ ратей: съ наступленіемъ осени, ихъ уже трудно было удерживать при осадѣ или обложеніи крѣпости, иначе начинались побѣги къ себѣ домой. По всѣмъ этимъ причинамъ, если въ лѣтнее время не удавалось принудить обложенную или осажденную крѣпость къ сдачѣ ни сильнымъ бомбардированіемъ, ни продолжительнымъ обложеніемъ и голодомъ, то, съ наступленіемъ ранней и тѣмъ болѣе поздней осени и зимы, большею частію приходилось снимать осаду и обложеніе и отступать безъ успѣха. Вообще нужно сказать, что ни составъ и устройство русскихъ ратей, ни нерасположеніе и неспособность ихъ къ продолжительнымъ обложеніямъ и осадамъ крѣпостей, ни малое знаніе или скорѣе незнаніе правилъ современнаго искуства взятія крѣпостей этими двумя способами (не смотря на изданіе этихъ правилъ въ переводныхъ воинскихъ уставахъ) не благопріятствовали успѣху обложеній и осадъ крѣпостей русскими войсками. Поэтому тѣ и другія рѣдко были удачны, а нѣкоторыя

(какъ, напримѣръ, Смоленска Шеинымъ въ 1632—33 г.г.) даже были очень неудачны.

Гораздо лучше, напротивъ, умѣли русскія войска оборонять собственныя крѣпости, какъ и вообще всякаго рода искуственныя укрѣпленія. Въ такого рода сидѣніяхъ (осадахъ) они являли необыкновенныя: мужество, твердость, терпѣніе и упорство, употребляя всевозможныя средства обороны противъ непріятеля, блокировавшаго или осаждавшаго крѣпость, подобно замѣчательнымъ оборонамъ Пскова, Троицкой Сергіевой лавры и Смоленска въ XVI вѣкѣ и началѣ XVII-го. Тогда и пушечная, и ружейная стрѣльба со стѣнъ и башенъ, и устроеніе внутреннихъ деревянныхъ (изъ срубовъ) стѣнъ и башенъ, внутреннихъ и внѣшнихъ перекоповъ или рвовъ, даже земляныхъ работъ противъ подступныхъ рвовъ непріятеля (контръ-апрошей противъ апрошей), противу-подкоповъ противъ подкоповъ (контръ-минъ противъ минъ), проведеніе или отведеніе воды, иногда и наводненія, и необыкновенно смѣлыя и отважныя до дерзости вылазки, и разнаго рода военныя хитрости, и разумныя мѣры внутреннихъ: распредѣленія и дѣйствій гарнизона и жителей, и пр.— все было употребляемо съ необыкновенною энергіей для того, чтобы обороняться до послѣдней крайности. И терпѣливо перенося всѣ тягости и даже бѣдствія обложенія или осады, и труды, и лишенія, и голодъ, и жажду, и болѣзни, и смертность, они предпочитали лучше погибнуть, нежели сдаваться. Примѣровъ такихъ упорныхъ оборонъ болѣе, нежели искусныхъ и удачныхъ осадъ.

Военно-плѣнные, взятые у непріятеля, отсылались въ разныя области государства, для заселенія ихъ; или же содержались въ Москвѣ и большихъ городахъ въ острогахъ или ямахъ, съ чрезвычайною суровостью и, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, даже жестокостью, въ оковахъ, питаясь только подаяніями сострадательныхъ людей. Русскіе же военно-плѣнные, взятые непріятелемъ, пріобрѣтали свободу не иначе, какъ за выкупъ, получавшіе жалованье изъ казны (стрѣльцы, иноземцы и солдаты)—отъ правительства, а неполучавшіе жалованья — отъ помѣщиковъ, вотчинниковъ или подлежавшихъ вѣдомствъ. Въ первомъ случаѣ жены военноплѣнныхъ, бывшихъ на жалованьѣ, получали половинное жалованье своихъ мужей, а другая половина его выдавалась послѣднимъ по возвращеніи изъ плѣна. Иногда производился выкупъ или обмѣнъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ по уговору. Но участь русскихъ плѣнниковъ, ихъ женъ и дѣтей, взятыхъ крымскими татарами, была самая злосчастная: ихъ толпами продавали въ рабство въ Крыму и Турціи или держали въ тяжкой неволѣ.

§ 8.

Заключеніе.

Военное устройство и военное дѣло въ Россіи, въ послѣднемъ періодѣ (1613—1689=77 лѣтъ) древней военной исторіи ея, необходимымъ казалось разсмотрѣть съ возможными разносторонностью и обстоятельностью, по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Они заслуживаютъ этого потому, что были проявленіемъ послѣдняго и наибольшаго развитія военно-помѣстной системы, введенной Іоанномъ III и особенно развитой Іоанномъ IV, съ присоединеніемъ къ ней въ XVII вѣкѣ нѣкоторыхъ началъ современнаго западно-европейскаго устройства войскъ. Въ послѣдней степени такого развитія своего въ этой формѣ они находились въ то время, когда въ сентябрѣ 1689 года единолично воцарился 17-ти-лѣтній Петръ I. Вслѣдствіе того и болѣе всего, они значительно служатъ къ уясненію послѣдующихъ великихъ военныхъ преобразованій его и побудительныхъ причинъ къ тому, и къ взаимному сопоставленію достоинствъ и значенія этихъ преобразованій съ недостатками предъидущей военной системы. Но и независимо отъ такого сопоставленія, недостатки этой системы, разсматриваемые сами по себѣ, безотносительно, выражаются довольно ясно, какъ въ главныхъ коренныхъ основаніяхъ, такъ и въ частныхъ подробностяхъ. Первыя могли быть вѣрными и правильными въ тѣ времена, когда Россія во 2-й половинѣ XV вѣка только-что свергла съ себя татарское владычество, а въ XV и XVI столѣтіяхъ еще была принуждена бороться съ татарскими ордами на востокѣ и югѣ, съ Швеціей на сѣверѣ, съ Польшей на западѣ и съ внутренними врагами въ смутное время. Отторгнувшись отъ азіятскаго востока, но все еще отчужденная отъ западной Европы и не примкнувъ къ системѣ государствъ ея, она занимала какое-то обособленное положеніе, въ которомъ очевидно не могла долго оставаться. Сохранивъ въ своемъ военномъ устройствѣ многое, что было результатомъ историческаго развитія, съ одной стороны — древне-русскихъ началъ государственнаго и общественнаго строя, а съ другой — невольныхъ заимствованій у монголо-татаръ въ два вѣка владычества ихъ,—въ XVII вѣкѣ, со времени воцаренія Михаила Θеодоровича Романова, она очутилась уже совершенно въ иномъ положеніи. Силою обстоятельствъ и личныхъ видовъ и стремленій русскихъ государей она болѣе и болѣе отчуждалась отъ Азіи и сближалась съ западной Европой, отъ ко-

торой отстала на цѣлыхъ $3\frac{1}{2}$ вѣка со времени покоренія ея монголами. И въ 77 лѣтъ (1613—1689), въ военномъ отношеніи, конечно, многое было сдѣлано въ этомъ направленіи, но довольно медленно и нерѣшительно и не совсѣмъ цѣлесообразно и успѣшно. Много оставалось еще прежняго стараго, не только несоотвѣтствовавшаго новому движенію, но и явно противурѣчившаго ему, и еще болѣе оставалось сдѣлать, чтобы дать послѣднему рѣшительный ходъ впередъ. А это было существенно необходимо, потому что въ означенномъ выше, обособленномъ положеніи Россія оставаться не могла, привитіе же къ ея старинной военно-помѣстной системѣ нѣкоторыхъ частныхъ отраслей западно-европейскихъ военнаго устройства и военнаго дѣла очевидно не могло принести существенной пользы. Необходимо было рѣшительно преобразовать старинную военную систему въ новую по западно-европейскому образцу. Къ сожалѣнію—это было еще невозможно по многимъ и многимъ причинамъ: Во всѣхъ сословіяхъ народныхъ, отъ высшихъ до низшихъ, въ общественномъ и въ частномъ быту, успѣхи умственной и нравственной дѣятельности были крайне слабы, даже ничтожны. Высшія сословія отличались непомѣрными: гордостью, приверженностью къ старинѣ, презрѣніемъ всего иноземнаго, азіятскою пышностью и—необразованностью (за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями). Среднія и низшія сословія, коснѣя въ невѣжествѣ, были погружены въ суевѣрія и предразсудки. А всѣ вообще, подобно старовѣрамъ и старообрядцамъ, были закоренѣлые приверженцы старыхъ обычаевъ, живя и дѣйствуя, какъ отцы и дѣды Въ самомъ высшемъ сословіи неограниченно царило пагубное мѣстничество, бывшее источникомъ многихъ и великихъ золъ. Оно было уничтожено, но лишь за 7 лѣтъ до воцаренія Петра I, и если разрядныя книги и были сожжены, то зловредный духъ мѣстничества далеко не угасъ, а сохранился еще надолго. Но если мѣстничество, хотя и поздно, и съ трудомъ, было уничтожено, то военно-помѣстная система, напротивъ, сохранилась въ цѣлости и неизмѣнности. А между тѣмъ мѣстничество было укоренено въ нравахъ и обычаяхъ лишь одного высшаго сословія, военно-помѣстная же система—только въ цѣляхъ и видахъ правительства выставлять сколько можно бо̀льшія числомъ военныя силы, хотя и неудовлетворительно устроенныя, равно и въ выгодахъ тѣхъ же высшихъ сословій, изъ-за личныхъ видовъ и расчетовъ. Но въ сочувствіи и расположеніи среднихъ и низшихъ сословій она не имѣла корня, а напротивъ давно была для нихъ тягостною, разорительною повинностью, тяжелымъ, неудобоносимымъ бременемъ. Но правительство и особенно высшія сословія имѣли въ этомъ преобладаю-

щую, рѣшающую силу и не наложили своей руки на военно-помѣстную систему, какъ наложили ее на мѣстничество — и она перешла въ наслѣдство Петру I. Недостатки ея уже достаточно были указаны выше и потому распространяться о нихъ излишне. Слѣдуетъ только прибавить, что въ военномъ отношеніи система эта была источникомъ большихъ неустройства и безпорядка въ войскѣ, которое всегда и вездѣ, но въ Россіи, въ XVII в., въ тогдашнихъ обстоятельствахъ тѣмъ болѣе, безъ устройства и порядка была, какъ тѣло безъ души. Она служила неодолимымъ препятствіемъ всякому усовершенствованію войска и военнаго дѣла въ Россіи по образцу западно-европейскому, что̀ уже было рѣшительно необходимо для того, чтобы Россія могла съ успѣхомъ бороться не съ одними татарами, но и съ шведами, и поляками, и турками. И доколѣ система эта существовала, всякій успѣхъ въ военномъ устройствѣ и въ военномъ дѣлѣ въ Россіи былъ крайне труденъ и ненадеженъ, если и не совершенно невозможенъ. Но къ этому нужно еще прибавить, что съ 1682 года главную силу въ войскѣ и государствѣ пріобрѣли, по видамъ Софіи, своевольные, буйные и мятежные русскіе янычары— стрѣльцы, безпрестанно бунтовавшіе и всѣмъ заправлявшіе. Это едва-ли не было еще хуже, нежели мятежная вольница самозванщины, мѣстничество и военно-помѣстная система. Прекратились первая и второе, но осталась третья и къ ней присоединилось своеволіе стрѣльцовъ. И хотя оно было нѣсколько обуздано самою Софіей въ концѣ 1682 года, но духъ его еще надолго остался тѣмъ же, къ военному вреду и даже опасности для государства. Что же касается постоянныхъ, правильно - устроенныхъ по западно-европейскому образцу, иноземныхъ наемныхъ и русскихъ солдатскихъ полковъ иноземнаго строя, то хотя число ихъ, постепенно возрастая во времена соцарствія Іоанна и Петра, подъ правленіемъ Софіи, достигло уже довольно значительнаго размѣра, но устройство, обученіе, строй и образъ дѣйствій ихъ и вообще боевыя свойства, способность и пригодность ихъ не могли равняться тѣмъ, которыя были свойственны регулярнымъ войскамъ западной Европы въ концѣ XVII вѣка, особенно во Франціи и въ Бранденбургіи (см. 2-ю часть В. В. И. новыхъ временъ въ западной Европѣ). Вообще, дабы вѣрнѣе судить о состояніи русскихъ войскъ иноземнаго и русскаго строя и въ числѣ послѣднихъ—стрѣльцовъ, пушкарей и пр., равно и всего военнаго дѣла въ Россіи въ XVII вѣкѣ, достаточно постоянно сличать его съ тѣмъ, которое въ то же самое время существовало въ западной Европѣ (см. части 1-ю и 2-ю В. В. В. И. новыхъ временъ въ западной Европѣ). Такое сличеніе ихъ ясно покажетъ, на сколько первое отстало отъ послѣдняго, особенно во 2-й половинѣ и въ кон-

цѣ XVII вѣка, когда, послѣ 30-ти-лѣтней войны, военное устройство и военное искуство въ западной Европѣ быстро двинулись впередъ отъ успѣха къ успѣху. Въ Россіи же, въ это время они, напротивъ, представляютъ странную смѣсь стараго, русскаго, отжившаго свое время — въ большинствѣ и новаго, иноземнаго, неудовлетворительно привитаго къ старому—въ меньшинствѣ. Эти два элемента рядомъ противурѣчили одинъ другому и составляли, такъ сказать, военный расколъ, подобный современному религіозному, почему въ войскѣ и не могло быть существенно необходимыхъ ему единства и согласія, и оно, въ концѣ XVII вѣка, было живымъ анахронизмомъ въ виду обстоятельствъ времени и вопроса: быть или не быть ему старорусскимъ или ново-европейскимъ?

Историки и военные писатели наши, разсуждая о состояніи его передъ воцареніемъ Петра I, обыкновенно приводятъ два, совершенно противуположныя изображенія онаго двумя русскими современниками, Чемодановымъ и Посошковымъ. Первый, посолъ Алексѣя Михайловича, отправленный въ 1656 году въ Венецію, въ 1657 г., въ бытность свою во Флоренціи, на вопросъ молодаго Козьмы Медичи, какіе существуютъ строй и образъ дѣйствій въ русскомъ войскѣ?—сообщилъ ему свѣдѣнія, явно и преднамѣренно преувеличенныя и приукрашенныя, съ цѣлію превознесенія силы и могущества русскаго царя и его государства въ глазахъ вопрошавшаго. Посошковъ же, простой, но умный, здравомыслившій и вѣрно судившій крестьянинъ, въ 1701 году подалъ тогдашнему начальнику Ратнаго приказа Ѳедору Алексѣевичу Головину свою записку «О ратномъ поведеніи», въ которой необыкновенно здраво, правдиво, мѣтко и вѣрно изобразилъ состояніе и дѣйствія войскъ русскаго и иноземнаго строя, какъ въ свое время, такъ и въ предшествовавшее ему. Онъ изобразилъ ихъ совершенно иначе, нежели Чемодановъ, можетъ быть слишкомъ обобщивъ уже свой разсказъ, но, кажется, вовсе не преувеличенно и не пристрастно, какъ полагаютъ нѣкоторые, а вѣрно, хотя и строго, и рѣзко. Сужденія его вполнѣ согласуются съ дѣйствительностью, какъ она была и иною быть не могла. Многіе признаютъ показанія и Чемоданова, и Посошкова крайне преувеличенными въ двѣ совершенно противуположныя стороны, перваго — въ слишкомъ хорошую, а втораго — въ слишкомъ невыгодную. Но если внимательно вникнуть въ сущность дѣла, то едва-ли можно будетъ не согласиться скорѣе съ Посошковымъ, нежели съ Чемодановымъ. Послѣдующіе военно-историческіе факты и военныя преобразованія Петра I служатъ лучшимъ подтвержденіемъ этого.

ГЛАВА II.

ПОЛЬША И ЛИТВА, КАЗАКИ, ТАТАРЫ И ТУРКИ.

§ 9. Польша и Литва. — § 10. Казаки донские и иные восточные. § 11. Казаки днѣпровскіе: малороссійскіе и запорожскіе—§ 12. Татары крымскіе и иные.—§ 13. Турки.—§ 14. Общій взглядъ.

---

§ 9.

Польша и Литва.

Современными, сосѣдственными съ Россіей, государствами и народами въ восточной Европѣ и западной Азіи въ XVII вѣкѣ были: Швеція, Польша съ Литвой, татары и турки. Сверхъ того, на южныхъ предѣлахъ Польши, Литвы и Россіи важными дѣятелями были казаки: днѣпровскіе, донскіе, волжскіе, яикскіе, сибирскіе и терекскіе.

Состояніе военнаго устройства и военнаго искусства въ Швеціи въ XVII вѣкѣ, изображено въ 1-й и 2-й частяхъ В. В. И. новыхъ временъ въ западной Европѣ.

Въ Польшѣ и Литвѣ, въ то же время, то и другое находилось въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ какъ XVII вѣкъ былъ именно періодомъ полнѣйшаго развитія, въ высшей степени, польской анархіи, охватившей все государство, всѣ сословія его и что всего хуже—самое войско. При ограниченіи королевской власти сеймами и шляхтой уже до самой крайней степени, при сосредоточеніи всей правительственной власти въ рукахъ шляхты, въ ущербъ прочимъ сословіямъ, городскимъ и сельскимъ, при всеобщемъ разстройствѣ государства по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ финансовомъ и военномъ—войско находилось въ крайнихъ разстройствѣ и упадкѣ.

Ни по числу, составу устройству и духу своимъ оно не было въ состояніи ограждать внѣшнюю безопасность государства и отражать внѣшнихъ враговъ его—шведовъ, русскихъ, казаковъ, татаръ и турокъ. Но за то внутри его оно, своимъ мятежнымъ духомъ, своеволіемъ и буйствомъ, было грозою и ужасомъ его еще болѣе, нежели его внѣшніе враги.

Сигизмундъ III Ваза (1586—1632) много способствовалъ всему этому въ 46 лѣтъ своего бѣдственнаго для Польши и Литвы правленія. Этотъ «король-миссіонеръ», какъ его назвалъ Густавъ-Адольфъ, гораздо болѣе заботился объ обращеніи диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ въ католицизмъ, нежели объ управленіи и пользахъ этихъ государствъ и ихъ войска. Хотя онъ сначала заботился о законодательствѣ, издалъ вновь литовскій статутъ, перепечаталъ коронные законы и издалъ много другихъ, но они были мертвою буквой, потому что никто не исполнялъ ихъ, и въ войскѣ, какъ и въ цѣломъ го сударствѣ. При немъ и при сыновьяхъ его, Владиславѣ IV (1632—1648) и Янѣ II Казимірѣ (1648—1668), войско безпрестанно бунтовало, не получая и требуя жалованья, отказывалось служить, безчинствовало, препятствовало военнымъ предпріятіямъ и даже совершенно разрушало ихъ. Много виною тому были сеймы и шляхта: такъ въ 1645 г. Владиславъ, имѣя въ виду рѣшительно дѣйствовать противъ крымскихъ татаръ, набралъ около 14 т. наемныхъ войскъ на счетъ приданаго 2-й жены своей, Маріи Гонзага мантуанской, но въ 1646 г. шляхта заставила его распустить эти войска и обязаться впредь «не воевать и не мириться безъ согласія сейма». Однако, не смотря на такое стѣсненіе своей власти, Владиславъ лично сдѣлалъ, сколько могъ, много хорошаго, какъ для государства вообще, такъ и для обороны его и войска въ частности. Такъ, между прочимъ, имѣя въ виду преградить малороссійскимъ казакамъ и крестьянамъ переходъ изъ Украины въ Запорожье, онъ приказалъ построить на правомъ берегу Днѣпра, у начала пороговъ, крѣпостцу, названную Кодакъ или Койдакъ (у польскихъ писателей Кудакъ). Впрочемъ крѣпостца эта на другой же годъ была взята и разрушена казаками. Владиславъ особенно усовершенствовалъ также польскую артиллерію и ея службу и дѣйствія. Но подъ конецъ своего правленія онъ, вслѣдствіе постояннаго противудѣйствія ему сеймовъ и шляхты, совершенно охладѣлъ къ судьбѣ и пользамъ государства и его войска.

Въ 20-ти лѣтнее правленіе младшаго брата его, Яна II Казиміра, анархія въ Польшѣ достигла высшей степени и едва не погубила ее: шведскій король Карлъ X Густавъ силою оружія завоевалъ ее вмѣстѣ съ Варшавой и Краковомъ, а русскій царь Алексѣй Михайловичь въ то же время и тѣмъ же способомъ завоевалъ Литву

съ Вильной и др. городами. Но обращеніе имъ, вслѣдъ затѣмъ, своего оружія противъ шведовъ въ Ливонію и образовавшаяся въ то же время въ Польшѣ Тишовская конфедерація (см. ниже) еще на время спасли это государство отъ конечной гибели, впрочемъ лишь для того, чтобы анархія въ немъ развилась еще сильнѣе. Въ это время польско-литовское войско, во время частыхъ политическихъ и военныхъ «конфедерацій» [1]), пришло въ совершенное разстройство. Дерзость военныхъ конфедератовъ дошла до того, что въ 1663 г. они потребовали отобранія у духовенства имѣній его и допущенія представителей своихъ на сеймы. Янъ-Казиміръ отвратилъ эту опасность только тѣмъ, что выплатилъ конфедератамъ до 9 милліоновъ злотыхъ [2]) новою монетой низкаго достоинства.

При преемникѣ его, Михаилѣ Вишневецкомъ (1668—1673), время правленія котораго было самое смутное, ознаменованное отложеніемъ Дорошенки, нашествіемъ турецкаго султана Мухаммеда IV на Подолію и конфедераціями Голембскою и Ловичскою, не было и не могло быть сдѣлано ничего полезнаго въ отношеніи къ войску, и оно находилось въ самомъ ужасномъ положеніи.

Наконецъ преемникъ Вишневецкаго, Янъ III Собѣскій (1673

[1]) «Конфедераціями» (отъ латинскаго слова Confoederatio — союзъ) въ Польшѣ назывались вооруженные союзы недовольныхъ распоряженіями и дѣйствіями королей или сеймовъ. Первоначально, съ 1374 года, онѣ имѣли цѣлію огражденіе правъ народа противъ верховной власти короля, если онъ нарушалъ «договорныя статьи» (pacta conventa), но съ ходомъ времени получили болѣе обширное значеніе и были политическія, войсковыя и диссидентскія или религіозныя. Политическія первоначально, съ 1374 г., назывались трансакціями (transactio), съ 1382 г. просто съѣздами, а съ 1537 г. до 1609 г. рóкошами (отъ долины Рóкошъ близъ Пешта въ Венгріи, гдѣ венгры въ крайнихъ случаяхъ имѣли общенародныя собранія). Но какъ слово рóкошъ на южно-славянскихъ нарѣчіяхъ означало мятежъ, то съ 1609 г., когда Сигизмундъ III призналъ законность народныхъ постановленій, эти союзы стали называться «конфедераціями» Ихъ было великое множество: случалось, что отдѣльные города и даже мѣстечки образовали свои конфедераціи и всю Польшу охватывала цѣлая сѣть ихъ. Но важнѣйшими были: Великопольская въ 1374 г., Радомская и Вислицкая въ 1382 году, Львовская въ 1537 г., Стенжицкая и Вислицкая въ 1606 г., Тишовская въ 1655 г., за князя Любоміркаго въ 1665 г. и Голембская въ 1672 году (позднѣйшія были уже въ концѣ XVII вѣка и въ XVIII). Политическія конфедераціи вмѣстѣ съ тѣмъ были и военными, потому что поддерживались войскомъ и силою оружія. Собственно же войсковыя конфедераціи въ войскѣ, большею частію вслѣдствіе неполученія имъ жалованья, были просто военными бунтами, случались очень часто, почти въ каждой войнѣ и каждомъ походѣ и сопровождались страшными безпорядками: войска отказывались служить до полученія жалованья и исполненія другихъ требованій ихъ, разбойничали, грабили, убивали и пр.

[2]) Злотый при Баторіѣ въ 1578 г. стоилъ 9 нынѣшнихъ, а въ это время, да еще монетой низкаго достоинства, вѣроятно гораздо менѣе.

—1696) тотчасъ послѣ избранія своего долженъ былъ раздать войску жалованье, лишь-бы только удовлетворить и успокоить его. Въ 1676 г., по просьбѣ Собѣскаго сеймъ обѣщалъ ему выставить противъ турокъ 100 т. войскъ, но, вмѣсто того, Собѣскій съ трудомъ едва успѣлъ собрать ихъ 13 т. чел. Во время послѣдовавшей затѣмъ 2-хъ-лѣтней тишины, онъ дѣятельно занялся пополненіемъ, устройствомъ и обученіемъ войскъ и не безъ успѣха, такъ какъ былъ однимъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени, гораздо болѣе, нежели хорошимъ королемъ польскимъ. Знаменитые военные подвиги и успѣхи его, особенно походъ его въ 1683 г. къ Вѣнѣ и освобожденіе ея отъ осаждавшихъ ее турокъ блистательною побѣдой надъ ними, покрыли польское оружіе несомнѣнною славой. Но Собѣскій претерпѣлъ также и большія военныя неудачи, преимущественно потому, что сеймы давали очень мало или и вовсе не давали денегъ на жалованье войску, разрывались (расходились), не рѣшивъ ничего и оставляя всѣ дѣла на произволъ судьбы, — а также и потому, что имъ же, Собѣскимъ, возвышенные Сапѣги, не смотря на то, не слушались его, разрывали сеймы, не давали денегъ и войскъ или высылали послѣднихъ очень мало и несвоевременно, размѣщали ихъ въ Волыни, которую называли литовскою областью (хотя еще до того воспрещено было размѣщать въ ней польскія войска), и пр. т. п. И такимъ образомъ, даже и при Собѣскомъ, не смотря на его военныя достоинства, не могло быть сдѣлано ничего особенно полезнаго для войска и приведенія его въ лучшее состояніе *).

Вообще военное устройство и военное дѣло въ Польшѣ и Литвѣ въ XVII вѣкѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Все войско дѣлилось на польское или коронное и на литовское, каждое подъ главнымъ начальствомъ своего особеннаго великаго гетмана, короннаго въ Польшѣ и литовскаго въ Литвѣ. Въ составъ того и другаго войска входили: войска польскаго и литовскаго строя или народовыя и войска иностраннаго, преимущественно нѣмецкаго строя, или иностранныя. Первыя были временными, не имѣвшими правильнаго устройства, а вторыя—болѣе или менѣе постоянными и правильно-устроенными. Тѣ и другія состояли изъ конницы, пѣхоты и артиллеріи. Составъ конницы и пѣхоты былъ весьма разнообразный.

Конница вообще была наиболѣе многочисленнымъ родомъ войскъ. Въ главѣ народовой конницы стояли копныя дружины знатнѣйшей

---

*) Касательно всѣхъ означенныхъ выше свѣдѣній см. «Польскую исторію» Н. *И. Павлищева, Варшава* 1843.

и богатѣйшей шляхты или магнатовъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свои надворныя (придворныя или дворовыя) хоругви, составленныя изъ вооруженныхъ вассаловъ или подручниковъ ихъ (зажиточной и мелкой шляхты) и подданныхъ (дворовыхъ людей и крѣпостныхъ крестьянъ). Иные изъ этихъ магнатовъ, какъ напримѣръ Замойскіе, Тернавскіе, Острожскіе, Конецпольскіе, Вишневецкіе, Потоцкіе, Любомірскіе, Яблоновскіе и др. въ Польшѣ и Радзивилы, Пацы, Сангушки, Сапѣги, Тышкевичи и др. въ Литвѣ, могли выставлять въ поле каждый отъ 3-хъ до 7-ми тысячъ войскъ, которыя впрочемъ употребляли въ распряхъ между собою, въ наѣздахъ на шляхту, въ набѣгахъ на Молдавію и въ конфедераціяхъ *). Шляхетская или дворянская конница народовая, сообразно съ раздѣленіемъ шляхты на высшую, среднюю и низшую или мелкую, состояла изъ гусаровъ и панцерниковъ, съ пахоликами тѣхъ и другихъ. Гусары, кромѣ названія, не имѣли ничего общаго съ венгерскими легкоконными гусарами; напротивъ, они были совершенно подобны средневѣковой, феодально-рыцарской, тяжелой конницѣ и французскимъ ордонансъ-ротамъ XV и XVI вѣковъ. «Хоругви» (chorągwie) или эскадроны ихъ имѣли начальниками «ротмистровъ» (rotmystrzy) изъ знатнѣйшихъ магнатовъ, сенаторовъ и даже членовъ королевской фамиліи. Рядовые, изъ зажиточной шляхты, назывались «товарищами» (towarzyszi) и имѣли при себѣ каждый по 2 или 3 «пахолика» (оруженосца) изъ мелкой шляхты. Гусары носили полный доспѣхъ, на подобіе рыцарскаго, и чрезвычайно разнообразное и тяжелое вооруженіе: охранительное (латы грудныя, ручныя и ножныя) и нападательное или ручное (длинныя копья съ значками, палаши, сабли, кинжалы, боевые молоты, карабины, пистолеты и пр.). Все это вооруженіе, равно лошади и конская сбруя были самыя богатыя, дорогія и великолѣпныя. Но, какъ конница, гусары были очень тяжелымъ и неповоротливымъ родомъ ея и главное дѣйствіе ихъ состояло въ стремительной атакѣ и силѣ удара. «Панцерники», изъ зажиточной шляхты, были вооружены какъ гусары, но не имѣли копій и считались легкою конницей. «Пахолики» тѣхъ и другихъ были вооружены подобно имъ, но проще и не имѣли панцырей, а носили кафтаны изъ волчьей шкуры, съ орлинымъ крыломъ за спиной. Панцерники и пахолики получали небольшое жалованье отъ казны, но стоили большихъ денегъ своимъ ротмистрамъ, которые, въ свою очередь, получали отъ короля драгунскіе и пѣхотные полки иностраннаго строя (см. ниже), доставлявшіе имъ большой доходъ. Всѣ эти роды шляхетской конницы вообще имѣли отличныхъ лошадей и бо-

*) *Павлищева*: Польская анархія, рукопись, стран. XXXVII.

гатую конскую сбрую, но ѣздили на уздечкахъ, отчего лошади иногда заносили ихъ въ ряды непріятеля, гдѣ всадники, особенно гусары, погибали отъ тяжелаго своего вооруженія и, вслѣдствіе того, неповоротливости своей. Въ боевомъ строѣ, товарищи составляли 1-ю шеренгу, а находники ихъ 2-ю и 3-ю, всѣ три разомкнутыя (какъ во французскихъ ордонансъ-ротахъ). Шляхетская конница, составлявшая значительную часть войска вообще и конницы въ частности, предоставляла себѣ лишь самую почетную службу—на коняхъ и рѣшительные удары въ бою, полевую же и городовую, менѣе почетныя —драгунамъ и пѣхотѣ (см. ниже), составлявшимъ меньшую часть войска [1]).

Легкую иррегулярную конницу составляли хоругви вольныхъ, охочихъ либо наемныхъ людей разныхъ народностей (нѣмцовъ, венгровъ, валаховъ и др.), а въ Литвѣ сверхъ того «литовскія и пятигорскія» дружины (въ началѣ XVII вѣка бывшія извѣстными подъ названіемъ лисовчиковъ, по имени предводителя ихъ, извѣстнаго Лисовскаго). Но самую лучшую часть легкой конницы въ войскѣ составляли днѣпровскіе казаки: «верховые, украинскіе или городовые» и «низовые или запорожскіе», снискавшіе себѣ славную извѣстность своими необыкновенными боевыми способностями, мужествомъ, храбростью, удалью, отвагой и искусными дѣйствіями. Они были конные и пѣшіе, хорошо вооружены и страшны для татаръ, турокъ и самихъ поляковъ, когда послѣдніе, своимъ жестокимъ угнетеніемъ, довели ихъ до возстанія и отложенія [2]).

Въ особенно важныхъ или опасныхъ случаяхъ, вспомогательною силой войску служило «посполитое рушенье» (pospolite ruszenie) или поголовное ополченіе шляхты, общее или въ кругу одного или нѣсколькихъ воеводствъ, но все конное. Оно созывалось по опредѣленію сейма и универсаломъ короля, и высылалось въ походъ, но только въ предѣлахъ государства и не болѣе какъ на 3 мѣсяца (лѣтнихъ). Это было само плохое войско, всегда готовое сконфедероваться и разойтись по домамъ или и разбѣжаться, не вступая въ бой. Гораздо болѣе страшное собственнымъ мирнымъ согражданамъ, нежели внѣшнимъ врагамъ, оно созывалось королями неохотно, болѣе для вида, нежели для дѣйствительной службы и пользы. Каждый изъ «посполитаковъ» везъ за собою повозку съ продовольствіемъ, а кто былъ побогаче, то и цѣлый обозъ съ дворней. Отъ этого въ «таборахъ» (обозахъ или лагеряхъ) ихъ, особливо во время войнъ съ казаками, насчитывались многія тысячи повозокъ и при нихъ

---

[1]) Павлищева: Польская анархія (рукопись).

[2]) Павлищева: Польская анархія.

разнаго сброда обозной челяди («цюра» или «джура»). При малѣйшей опасности, вся эта обозная челядь обращалась въ бѣгство и увлекало за собой и все войско *).

Иностранное войско или войско иностраннаго строя, гораздо меньшее числомъ, состояло изъ пѣхоты и конницы. Пѣхоту составляли учрежденные: Сигизмундомъ-Августомъ въ 1563 г. «кварціяне», набиравшіеся съ королевскихъ имѣній и содержавшіеся на счетъ кварты или $1/4$ доходовъ съ этихъ имѣній, и Стефаномъ Баторіемъ—«выбранецкая пѣхота», набиравшаяся и содержавшаяся такимъ же способомъ. Та и другая пѣхота, подъ общимъ названіемъ «кварціянъ» или «кварціяннаго войска», имѣла плохую и неоднобразную одежду. Конницу же составляли «драгуны» и «рейтеры», учрежденные также Стефаномъ Баторіемъ, какъ изъ рекрутъ, набираемыхъ съ королевскихъ имѣній, такъ и изъ вольныхъ охочихъ людей. Кварціяне, драгуны и рейтеры были устроены по нѣмецкому образцу и составляли полки подъ начальствомъ знатнѣйшихъ магнатовъ, а полки дѣлились — пѣхотные на роты, а драгунскіе и рейтерскіе —на эскадроны.

Артиллерія была полевая при войскахъ, крѣпостная въ крѣпостяхъ и осадная при осадахъ. Первая была вообще немногочисленна и имѣла орудія небольшихъ калибровъ, перевозимыя на подъемныхъ лошадяхъ. Крѣпостныя и осадныя орудія были большихъ калибровъ и послѣднія перевозились также, какъ и полевыя. Вообще артиллерія была не въ особенно хорошемъ состояніи, но, какъ сказано выше, Владиславъ временно усовершенствовалъ ее и службу и дѣйствія ея.

Числительность всего вообще польско-литовскаго постояннаго войска, въ лучшее время при Стефанѣ Баторіѣ простиравшаяся въ наибольшей мѣрѣ до 85 т. чел., въ XVII вѣкѣ постепенно уменьшалась, по мѣрѣ разстройства финансовъ, обѣдненія края и уменьшенія денежнаго сбора, назначаемаго сеймами, и дошла, наконецъ до 48 т. чел., изъ которыхъ 32 т. польскаго или короннаго войска и 16 т. литовскаго.

Тактическіе: устройство и образъ движеній и дѣйствій войскъ были отчасти правильные (въ иностранномъ войскѣ), большею же частію неправильные (въ народовомъ). Общею тактическою единицей была хоругвь — рота пѣхоты или эскадронъ конницы, подъ начальствомъ капитановъ и ротмистровъ. Въ полкахъ иностраннаго строя, строй этотъ и всѣ тактическія построенія, стрѣльба, движенія и дѣйствія были подобны современнымъ нѣмецкимъ; въ народо-

*) Павлищева: Польская анархія.

вомъ же войскѣ они не имѣли правильныхъ формъ и оставались на прежнемъ основаніи, исполняясь по старымъ обычаямъ. Походныя движенія и расположеніе цѣлаго войска исполнялись по обычаямъ гуситовъ въ XV вѣкѣ и казаковъ и турокъ въ XVII, именно въ видѣ продолговатаго четвероугольника, огражденнаго со всѣхъ четырехъ сторонъ обозами, всегда весьма многочисленными, повозки которыхъ были связаны между собою цѣпями. За повозками, внутри четвероугольника, двигались и располагались полевая артиллерія и въ серединѣ пѣхота и тяжелая конница, легкая же—съ наружныхъ сторонъ. Для ночлеговъ и для боя войско располагалось такимъ же образомъ, «таборомъ», иногда усиливая прикрытіе своего расположенія, смотря по обстоятельствамъ, мѣстными препятствіями или искуственными укрѣпленіями—земляными окопами изъ валовъ со рвами, тыномъ и рогатками. Расположеніе, укрѣпленіе и оборона таборовъ лежали на всѣхъ родахъ войскъ, кромѣ шляхетской тяжелой конницы, которая, какъ сказано, сражалась не иначе, какъ въ конномъ строѣ, въ полевомъ бою, атаками преимущественно съ бѣлымъ оружіемъ, службу же и дѣйствія въ пѣшемъ строѣ считала несвойственными и унизительными для себя, но въ случаѣ неудачи или опасности не стыдилась обращать тылъ и бѣжать. Артиллерія преимущественно обороняла таборы войска своимъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, а при атакѣ непріятельскихъ таборовъ сильно обстрѣливала ихъ, но въ наступательныхъ дѣйствіяхъ въ бою, не имѣя подвижности, не могла скоро слѣдовать за войсками и была мало дѣйствительна.

При осадѣ и оборонѣ крѣпостей и укрѣпленныхъ городовъ употреблялись большею частію общія средства, бывшія въ то время въ обычаѣ въ восточной Европѣ — у русскихъ, казаковъ, татаръ и турокъ и лишь отчасти тѣ, которыя въ тоже время были обычны въ западной Европѣ—у нѣмцовъ, венгровъ и др. (но не у шведовъ, нидерландцовъ и французовъ).

Внутреннее устройство войска было не лучше, если не хуже тактическаго. Самъ король принималъ, если хотѣлъ, главное начальствованіе надъ войскомъ только въ военное время. Два великіе гетмана, коронный и литовскій, главноначальствовавшіе, первый—польскимъ войскомъ, а другой литовскимъ и совершенно независимые одинъ отъ другаго, были назначаемы пожизненно и отвѣтственны одному сейму. Каждый изъ гетмановъ получалъ при назначеніи знаки достоинства своего — булаву и, по татарскому и турецкому обычаю, бунчукъ, который возилъ передъ нимъ «бунчуковый». Великіе гетманы не были сенаторами, но засѣдали въ сенатѣ, получая отъ

короля званіе воеводы или кастелляна, и, какъ неограниченные распорядители вооруженныхъ силъ Рѣчи Посполитой, были первенствующими лицами въ ней. Они имѣли власть производить въ чины, назначать награды, карать за преступленія, даже смертью, и по своему усмотрѣнію размѣщать войска по квартирамъ и исполнять планы военныхъ дѣйствій, составленные передъ войною или походомъ въ совѣтѣ короля съ сенаторами. Второстепенными начальниками войскъ въ Польшѣ и Литвѣ были: «стражникъ»—начальникъ передоваго отряда (авангарда), «обозный» — (у нѣмцовъ генералъ-квартирмейстеръ), «войсковой писарь—начальникъ войсковаго управленія (штаба), начальникъ артиллеріи и «хорунжій», начальствовавшій посполитымъ рушеньемъ. Частными же начальниками войскъ были полковники, ротмистры, сотники, десятники и пр.

Содержаніе войскъ было самое безпорядочное, по причинѣ всегдашней недостаточности денежныхъ средствъ, назначаемыхъ на то сеймами. Вслѣдствіе того, постоянное войско никогда не содержалось въ комплектѣ, жалованье раздавалось неисправно и въ войскахъ не могло быть дисциплины. Жалованье должно было производиться по «кварталамъ» или четвертямъ года, дѣйствительно же производилось по личному произволу и усмотрѣнію начальниковъ войскъ и притомъ несполна, потому что и сами начальники получали его несполна. По окончаніи похода, если деньги имѣлись въ полученіи, то раздавались. подъ надзоромъ гетмана или его товарища, особою комиссіей, собиравшеюся при Янѣ-Казимірѣ въ Львовѣ. Тутъ же гетманъ раздавалъ награды и назначалъ войскамъ «гиберны» (hiberny) или зимнія квартиры, разорявшія жителей, по войскамъ и ихъ начальникамъ служившія средствомъ наживы. За неимѣніемъ ни постоянныхъ, ни временныхъ складовъ продовольственныхъ запасовъ, ни особыхъ чиновниковъ для завѣдыванія продовольствованіемъ войскъ, начальники послѣднихъ вели ихъ на «гиберны» по своему усмотрѣнію, заходя въ стороны по деревнямъ и насильно обирая жителей ихъ, для которыхъ такой приходъ своихъ же войскъ былъ въ родѣ татарскаго нашествія. Сами гетманы не пренебрегали такого рода наживой и нѣкоторые (какъ напримѣръ Конецпольскій) «гибернами» наживали себѣ большія имѣнія. Но въ особенности эти разорительныя «гиберны принимали страшные размѣры, когда войска, не получая жалованья, бунтовали, «сконфедеровывались», т. е. составляли между собой военныя конфедераціи, избирали изъ своей среды «маршалка» и, расходясь по городамъ и деревнямъ, силой добывали себѣ заслуженное ими жалованье, т. е. грабили все и всѣхъ, иногда не щадя даже королевскихъ и шля-

хетскихъ имѣній, до тѣхъ поръ, пока сеймъ не выплачивалъ имъ жалованья *).

При такого рода безобразіяхъ, ни дисциплины, ни порядка въ войскѣ, разумѣется, не могло быть и не было, и нравственное состояніе его находилось на самомъ низкомъ уровнѣ.

Изъ всего изложеннаго выше можно видѣть, въ какомъ дѣйствительно жалкомъ состояніи находились въ XVII вѣкѣ военное устройство и военное дѣло въ Польшѣ и Литвѣ. Они не только ни въ чемъ не превосходили военныхъ: устройства и дѣла въ то же время у русскихъ, казаковъ, татаръ и турокъ, но и во многомъ уступали имъ, преимущественно потому, что у русскихъ и казаковъ не только не было той анархіи, какая была въ Польшѣ и Литвѣ, но и напротивъ, было болѣе или менѣе единства и согласія, а татары и турки, при всемъ своемъ неустройствѣ, все еще были весьма воинственны. Что же касается шведовъ при Густавѣ-Адольфѣ и даже при Карлѣ X Густавѣ, то они стояли столь неизмѣримо выше поляковъ и литовцовъ въ военномъ отношеніи, что никакое сравненіе между ними немыслимо. Неудивительно, что Густавъ-Адольфъ завоевалъ Лифляндію, Курляндію и Пруссію до Вислы, Карлъ X Густавъ Великую Польшу, а царь Алексѣй Михайловичъ Литву, но удивительно то, что Польша тогда уже не погибла совершенно и не была раздѣлена между Швеціей и Россіей.

Если же, при всемъ томъ, поляки и литовцы и одерживали по временамъ болѣе или менѣе важные военные успѣхи, то этимъ они были исключительно обязаны лучшимъ полководцамъ своимъ этого времени: Жолкѣвскому, Ходкевичу, Конецпольскому, Чарнецкому, Собѣскому и др.

§ 10.

Казаки донскіе и иные восточные.

Изъ главы I видно, что въ составѣ русскаго войска въ это время были, между прочимъ, казаки донскіе, волжскіе, яикскіе и терекскіе. Изъ нихъ особенно видное мѣсто въ русской военной исторіи этого времени занимаютъ первые, т. е. донскіе казаки.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ, по избраніи своемъ въ 1613 г., пожаловалъ имъ, въ награду за услуги, оказанныя ими въ 1612 г. и въ большее еще поощреніе впредь, похвальную грамоту и знамя. А въ 1614 г. духовный и земскій соборъ выдалъ имъ такую же грамоту

*) *Павлищева: Польская анархія.*.

съ титуломъ «великому войску донскому», царь же пожаловалъ имъ въ даръ селитры, сѣры, свинца, вина, сухарей, крупы, толокна и суконъ на одежду и положилъ впредь на вѣчныя времена ежегодно отпускать имъ по 7,000 четвертей хлѣба, 500 ведеръ вина, 230 пудовъ пороха, 150 свинца и 17,142 рубля денежнаго жалованья, да на «будары» (рѣчныя и морскіе суда) по 1,169 рублей. Казаки же съ своей стороны поклялись повиноваться и служить царю вѣрой и правдой. Въ 1615 г. они получили новую царскую грамоту, съ перечисленіемъ всѣхъ родовъ обязанностей службы ихъ московскому государству, съ дозволеніемъ имъ свободныхъ: прихода въ русскіе украинскіе города и промысловъ и торговли въ нихъ, и съ тѣмъ, чтобы они были въ мирѣ съ азовцами - турками. Но когда послѣдніе сами нарушили миръ, напавъ на пограничные казачьи юрты, разорили передовой острожекъ и казнили 50 захваченныхъ ими казаковъ, донскіе казаки отмстили имъ за это страшнымъ набѣгомъ въ Черномъ морѣ на Синопъ и Трапезундъ и выжгли многія турецкія приморскія поселенія. Царь требовалъ, чтобы они не тревожили турокъ, съ которыми хотѣлъ быть въ мирѣ, но извѣщали бы о всемъ, что̀ они узнаютъ про турокъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, черкасовъ (малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ) и поляковъ. Однако казаки все таки ходили въ море и брали турецкія суда, что производило частыя недоразумѣнія между Москвой и Турціей.

Въ 1618 г., когда польскій королевичь Владиславъ съ войскомъ вступилъ въ Россію, Михаилъ Ѳедоровичь пригласилъ донскихъ казаковъ содѣйствовать русскимъ войскамъ, или всѣми своими силами, или прислав по крайне мѣрѣ тысячъ пять или болѣе, по возможности. Казаки согласились на это, а царь назначилъ имъ въ походѣ «давать корму»: лучшему атаману по 2 алтына, другому атаману 2 алтына безъ деньги, а рядовымъ по 2 деньги на день.

Между тѣмъ мирныя отношенія между казаками и азовцами были непродолжительны и часто нарушались взаимными набѣгами и разореніями. Такъ какъ по Дону черезъ земли донскихъ казаковъ и черезъ Азовъ часто были отправляемы изъ Москвы русскіе послы къ турецкому султану и къ крымскому хану, а отъ нихъ тѣмъ же путемъ турецкіе и крымскіе послы, безпрестанные же взаимные набѣги и разоренія азовскихъ турокъ и донскихъ казаковъ нарушали доброе согласіе между Москвою, султаномъ и ханомъ, причиняли неудовольствіе и жалобы на донскихъ казаковъ, то царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, продолжая жаловать послѣднихъ, весьма полезныхъ для Россіи, часто выражалъ имъ однако свое неудовольствіе и наконецъ даже объявилъ имъ свой гнѣвъ и опалу, если они не уймутся *и не перестанутъ* ссорить его съ султаномъ и ханомъ, съ которыми

онъ желалъ быть въ мирѣ. Атаманъ и старшины казацкіе, выражая свои покорность и преданность царю, обѣщали исполнять его волю, но не могли препятствовать шайкамъ своихъ казаковъ своевольно ходить на Азовъ и въ море, и грабить на немъ турецкія и крымскія суда, а на берегахъ его—поселенія и жителей. Наконецъ, не терпя болѣе обидъ со стороны азовцовъ, въ апрѣлѣ 1637 г. казаки пошли на судахъ Дономъ и конные берегомъ къ Азову, 18 іюня взяли его съ боя и находившихся въ немъ турокъ и татаръ перебили, овладѣли въ немъ городскою казною, многими пищалями и пушками, освободили до 2 т. русскихъ плѣнниковъ, раздѣлили между собою всѣ домы и имущества въ Азовѣ и владѣли имъ 5 лѣтъ (1637—42). Турки и татары положили отнять его, а казаки не отдавать, укрѣпили его, запаслись военными и продовольственными припасами и звали въ Азовъ казаковъ изъ нижнихъ и верхнихъ городковъ. Въ іюнѣ 1641 г. турки и татары, по показанію казаковъ—въ числѣ 240 т. чел., со 100 осадными пушками, на 100 большихъ каторгахъ (галерахъ) и 80 корабляхъ, обложили съ моря и сухаго пути Азовъ, въ которомъ было только до 6 т. казаковъ подъ начальствомъ атамана Осипа Петрова. Три мѣсяца знаменитаго сидѣнья въ Азовѣ (съ 24 іюня по 26 сентября) эта горсть казаковъ держалась до послѣдней крайности противъ непріятеля, превосходившаго ее числомъ въ 40 разъ, и съ необыкновеннымъ мужествомъ и терпѣніемъ выдержала всѣ ужасы обложенія, осады и бомбардированія. Наконецъ, оставшись уже въ числѣ не болѣе 3 т. чел., совершенно истощенныхъ и обезсиленныхъ, казаки рѣшились выйти изъ Азова и пробиться или пасть въ бою. Но татары и за ними турки, не видя успѣха и сами много потрадавъ, еще до того сняли осаду и удалились. Казаки исправили, сколько могли, укрѣпленія разрушеннаго Азова, но, находя невозможнымъ выдержать въ немъ вторичную осаду, предложили царю Михаилу Ѳедоровичу вступить во владѣніе имъ. Царь, щедро наградивъ казаковъ, но не желая нарушить мира съ Турціей, велѣлъ имъ покинуть Азовъ, что они и исполнили въ маѣ 1643 года, вывезя изъ Азова всѣ пушки и запасы и взорвавъ уцѣлѣвшія укрѣпленія его.

Турки жестоко мстили имъ за то, взяли и сожгли городки ихъ Маныччъ, Яръ и Черкаскъ, людей въ нихъ перебили или увели въ плѣнъ, а остальные атаманы и казаки, борясь съ ними сверхъ силъ за свое существованіе, переселились въ верхніе Раздоры, но скоро оттѣснили турокъ за Черкаскъ и тутъ уже отбивались отъ нихъ во всѣ времена года, страшно терпя отъ нихъ.

Вслѣдствіе того, въ февралѣ 1646 г. царь Алексѣй Михайловичъ *указалъ воеводамъ* русской Украины вызвать изъ Шацка, Тамбова

и съ р. Воронежа вольныхъ охочихъ людей къ переселенію на Донъ. Въ іюнѣ того же года до 3 т. такихъ вооруженныхъ людей выступили изъ Воронежа на Донъ, а въ августѣ уже участвовали съ казаками въ походѣ противъ крымскихъ татаръ. Съ того времени образъ дѣйствій московскаго правительства въ отношеніи къ донскимъ казакамъ и крымскимъ татарамъ уже значительно измѣнился. Первыхъ уже рѣже прежняго увѣщевали жить въ мирѣ съ татарами и турками, а напротивъ чаще повелѣвали имъ дѣлать поиски противъ татаръ и ногаевъ. Такъ лѣтомъ 1646 г. казаки съ астраханскими стрѣльцами князя Пожарскаго *) отразили крымскаго царевича съ 10 т. татаръ отъ Черкаскаго городка, настигли и разбили его на р. Кагальникѣ и взяли у него много добычи, за что царь прислалъ имъ похвальную грамоту и знамя.

Между тѣмъ число казаковъ отъ безпрерывныхъ войнъ значительно уменьшилось Пожарскій съ стрѣльцами былъ отозванъ въ Астрахань, а вольные охочіе люди, тяготясь трудною службой на Дону, стали своевольно уходить съ него обратно въ города русской Украины. Не смотря на то, въ 1647 г. казаки успѣли отбить азовцовъ, крымцовъ, ногаевъ и черкесовъ, осадившихъ Черкаскъ съ Дона и съ сухаго пути. По просьбѣ ихъ, царь послалъ имъ 1 т. чел. ратныхъ людей, съ которыми велѣлъ дѣйствовать противъ крымскихъ татаръ, но не касаясь турецкихъ владѣній.

Въ томъ же 1647 г. малороссійскій гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, готовясь къ отчаянной борьбѣ съ поляками, заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ и, по требованію его, просилъ донскихъ казаковъ не воевать на морѣ противъ татаръ и турокъ. Но казаки отвѣчали, что не могутъ быть въ мирѣ съ врагами христіанъ, и стали готовиться къ оборонѣ и противъ татаръ и турокъ, и противъ запорожцовъ. Татары и турки все чаще и чаще нападали на казаковъ и, по жалобамъ ихъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ 1660 году послалъ имъ на помощь воеводу Хитрово съ ратными людьми, съ тѣмъ чтобы казаки, вмѣстѣ съ ними, раннею весною 1661 г. пошли разорять крымскія крѣпости. Послѣ первыхъ двухъ приступовъ къ Каланчинскимъ башнямъ, отбитыхъ съ большимъ урономъ для казаковъ, послѣдніе просили у царя новой помощи, а между тѣмъ разгромили съ моря крымскіе улусы и взяли большую добычу, за что въ 1662 г. получили отъ царя похвальную грамоту.

Между тѣмъ давно уже большія шайки донскихъ казаковъ, не смотря на запрещенія главнаго войска, самовольно ходили изъ верхо-

*) Не знаменитаго князя Димитрія Михайловича, умершаго въ 1642 г., а другаго.

выхъ городковъ на Волгу и въ Каспійское море на «промыслы», т. е. для разбоевъ и грабежа. Въ 1660 г. и слѣдующихъ годахъ царь неразъ убѣждалъ казаковъ прекратить эти разбои и грабежи, на которые жаловался персидскій шахъ, подобно тому, какъ крымскій ханъ и турецкій султанъ жаловались на такіе же разбои и грабежи въ Черномъ морѣ. Но казаки всегда отвѣчали, что находились въ крайне стѣсненномъ положеніи и что имъ «держаться было не въ мочь и кормиться нечѣмъ». Въ это именно время, въ 1667 г., «воровской», т. е. вольный атаманъ Стенька (Степанъ) Разинъ «кликнулъ кличъ» и собралъ уже довольно большую шайку вольныхъ охочихъ казаковъ для промысловъ въ Черномъ морѣ на татаръ и турокъ. Но атаманъ войска Корнилій Яковлевъ съ товарищами удержалъ Разина отъ этого похода. Тогда Разинъ съ своею шайкой бросился вверхъ по Дону на Волгу и въ Каспійское море и сталъ страшно разбойничать на нихъ. Корнилій Яковлевъ не могъ предпринять противъ него ничего рѣшительнаго, потому что въ донскомъ войскѣ было много сочувствовавшихъ Разину. Однако, получивъ грозную грамоту царя, подозрѣвавшаго сочувствіе всего войска Разину, атаманъ отправилъ къ послѣднему пословъ съ царскою грамотой и требованіемъ повиниться. Разинъ согласился, если царь дастъ ему милостивую грамоту, но два года прошло безъ отвѣта и только въ августѣ 1669 г. Разинъ принесъ повинную и, воротясь на Донъ, расположился на зиму на островѣ Дона близь Кагальницкаго городка. Атаманъ и лучшіе казаки войска не имѣли сообщенія съ нимъ, но не могли дѣйствовать противъ него рѣшительно и послали въ Москву станицу за приказаніями. Но какъ въ Москвѣ не было убѣжденія въ вѣрности войска, то станица эта была заточена въ Холмогоры. Только позже въ Москвѣ убѣдились въ вѣрности лучшей части войска и на Донъ былъ посланъ царскій жилецъ Евдокимовъ съ царскою милостивою грамотой и для развѣданія о намѣреніяхъ Разина. Послѣдній, самъ съ своею шайкой явясь неожиданно въ Черкаскѣ, когда въ немъ былъ собранъ войсковой кругъ, приказалъ убить Евдокимова и бросить тѣло его въ Донъ, едва не убилъ самаго атамана и 11 дней неистовствовалъ въ Черкаскѣ, билъ, убивалъ, грабилъ и потомъ ушелъ на Волгу. Изъ Москвы сдѣлано было распоряженіе задержать Разина или на Дону, или на Волгѣ. Разбитый царскими войсками подъ Симбирскомъ, Разинъ съ немногими приверженцами бѣжалъ въ свой прежній станъ на островѣ Дона, у Кагальницкаго городка, укрѣпился и провелъ въ немъ зиму. Атаманъ Яковлевъ, старшина Осиповъ и другіе старшины тайно собрали войско, пушки и суда и раннею весною 1670 г. двинулись Дономъ и берегомъ его къ стану Разина. Послѣдній,

послѣ упорнаго сопротивленія, сдался имъ 14 апрѣля 1670 года и былъ привезенъ въ Черкаскъ, а оттуда въ оковахъ отправленъ въ Москву и тамъ казненъ. А донскіе казаки, отправившіе въ Москву старшинъ и лучшихъ казаковъ просить всепрощенія, выслушали отъ бояръ обвиненіе въ нерадѣніи, но за свое раскаяніе получили отъ царя прощеніе, а заточенная станица ихъ была отпущена на Донъ.

Вслѣдъ затѣмъ изъ Москвы были посланы на Донъ стольникъ Касоговъ и дьякъ Богдановъ, для приведенія всѣхъ атамановъ къ присягѣ на вѣрность службы царю. Это произвело между казаками сильное волненіе, и войсковой кругъ три раза ничѣмъ не рѣшалъ этого дѣла, но въ 4-й разъ всѣ казаки присягнули (въ августѣ 1671 г.) и этимъ совершился важный переломъ въ въ исторіи донскаго войска. Съ этого времени положено было, при восшествіи каждаго новаго русскаго государя на престолъ, возобновлять присягу на вѣрность службы ему, и она была принесена царямъ: Θеодору Алексѣевичу въ 1676 г., Петру Алексѣевичу въ маѣ и Іоанну и Петру Алексѣевичамъ въ іюлѣ 1682 г. и наконецъ одному Петру Алексѣевичу въ сентябрѣ 1689 г. Съ этого же времени положеніе донскаго войска уже совершенно измѣнилось въ отношеніи къ русскому правительству, и изъ добровольно-союзнаго и вспомогательнаго послѣднему войско это обратилось уже въ подвластное ему, входившее въ общій составъ русскаго войска, сохраняя впрочемъ прежнее внутреннее устройство и управленіе свое по прежнимъ обычаямъ. Всѣ послѣдующіе съ 1672 года до 1689 года дѣйствія донскаго войска объясняются царскимъ повелѣніемъ въ грамотѣ 1672 г.: «служа царю, подъ Каланчинскими башнями и подъ Азовомъ всякій воинскій промыслъ чинить, сколько Господь Богъ помощи дастъ».

Въ 1673 году на Донъ было прислано около 8 т. чел. царскихъ войскъ, подъ начальствомъ воеводы Хитрово и стольника Касогова, для осады и взятія Каланчинскихъ башенъ вмѣстѣ съ донскими казаками. Но это предпріятіе не имѣло успѣха, и положено было построить крѣпость при устьѣ р. Міуса, дабы изъ нея свободно ходить въ море и препятствовать крымцамъ проходить къ Азову. Но и это не имѣло успѣха, по несогласію казаковъ на безполезное, по ихъ убѣжденію, построеніе Міусской крѣпости и потому, что царскія войска, тяготясь службой на Дону, стали самовольно расходиться въ русскую Украину.

Въ 1675 г., по совѣту атамана Родіона Калуженина въ Москвѣ, царь Алексѣй Михайловичь разрѣшилъ, для стѣсненія азовцовъ, построить двѣ крѣпости на двухъ устьяхъ притока Дона, Казачьяго Ерка или Ерика, а третью на Каланчинскомъ притокѣ,

въ каждой изъ нихъ поставить сильный гарнизонъ, съ хорошимъ жалованьемъ—по 10 руб. и по 6 четвертей хлѣба въ годъ каждому, и кромѣ того дозволить свободнымъ людямъ приходить на Донъ и поступать въ казаки, для пополненія тѣмъ убыли въ войскѣ отъ безпрерывной войны. Но построеніе крѣпостей встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны казаковъ, объявившихъ, что «въ городахъ сидѣть они не будутъ, такъ какъ на то нужно было тысячъ съ 13, а ихъ, казаковъ, тогда было всего тысячи съ 3». Царь былъ недоволенъ такими дѣйствіями казаковъ и грозилъ имъ отказать въ жалованьѣ, но менѣе чѣмъ черезъ годъ (въ 1676 году, передъ своею смертью), простилъ имъ вины ихъ за удачный походъ ихъ въ Крымъ.

Въ 1678 году донскіе казаки, въ одно и то же время, судовою ратью разорили турецкій городокъ Темрюкъ и подступили къ стѣнамъ Азова, а пѣшею и конною ратью въ числѣ 2 т. чел., подъ начальствомъ атамана Самаренина и полковника Фрола Минаева, участвовали въ Чигиринскомъ походѣ князя Ромодановскаго (см. ниже). Затѣмъ, въ числѣ 3 тыс. челов. подъ начальствомъ бывшаго атамана Яковлева, они ходили въ Украину подъ Царевъ-Борисовъ городъ, для отраженія крымскаго хана, и участвовали съ Ромодановскимъ въ пораженіи татаръ, подступившихъ къ Зміеву и Соколову. Когда вскорѣ послѣ того начались мирные переговоры съ ханомъ, казакамъ велѣно было идти въ Малороссію, въ составъ войска князя Голицына. Уже было прислано 10 тыс. руб. жалованья, полагая атаманамъ по 7 руб., есауламъ по 6 р. и рядовымъ по 5 р. и часть казаковъ уже выступила въ Малороссію, какъ походу этому помѣшала опасность, угрожавшая со стороны Азова, гдѣ собирались калмыки, ногаи и черкесы. По заключеніи мира съ Турціей и Крымомъ, казакамъ стало тяжело жить и отъ нападеній азовцовъ, и отъ безкормицы. Не смотря на строгія запрещенія, они не могли не враждовать съ азовцами и крымцами, и между ними безпрестанно происходили обоюдныя нападенія, со стороны казаковъ особенно на Азовъ, Перекопъ и Крымъ.

Въ маѣ 1684 года донскіе казаки получили отъ запорожскаго кошеваго атамана Сагайдачнаго приглашеніе ихъ и калмыковъ на службу польскаго короля противъ татаръ и турокъ. Но донскіе казаки не согласились на это и отослали грамоту Сагайдачнаго въ Москву. Черезъ нѣсколько времени они получили отъ запорожскаго полковника Палѣя грамоту съ просьбой дозволить хотя охотникамъ изъ донскихъ казаковъ поступить въ службу польскаго короля на хорошее жалованье. Казаки не согласились и на это, но вмѣсто того сами ходили и судовою, и конною ратью на азовцовъ, брали суда и разоряли улусы ихъ. За это имъ объявлено было царское неудоволь-

ствіе, потому что Москва была тогда въ мирѣ съ Турціей и Крымомъ (1685). Атаманъ Фролъ Минаевъ извинялся тѣмъ, что въ войскѣ было много «голытьбы и наброду» (голодныхъ и пришлыхъ людей), жалованья многимъ изъ нихъ не доставало и унимать ихъ было невозможно. Но въ іюлѣ 1686 г. донскіе казаки получили царскую грамоту о заключеніи мира и союза съ Польшей и о разрѣшеніи казакамъ воевать съ турками и крымцами. Казаки не замедлили воспользоваться тѣмъ и производили мелкіе набѣги на Крымъ и въ 1687 г. участвовали въ крымскомъ походѣ князя Василія Васильевича Голицына. Весною 1687 г. конная рать ихъ двинулась въ Малороссію на соединеніе съ войскомъ Голицына и на пути туда разбила на р. Овечьи воды сильный татарскій отрядъ. Судовая же рать произвела нѣсколько удачныхъ нападеній съ моря на берега Крыма, но на обратномъ пути на нее напали ночью, въ Казачьемъ Еркѣ, превосходныя силы татаръ, и половина казаковъ пала въ бою, а другая едва спаслась. По возвращеніи конной рати, казаки положили идти на Азовъ, но пожаръ, истребившій въ это время Черкаскъ, замедлилъ этотъ походъ. Приглашенный казаками калмыцкій тайша съ 3-мя тыс. калмыковъ предложилъ свое содѣйствіе противъ азовцовъ, и Фролъ Минаевъ съ 2 т. казаковъ и 3 т. калмыковъ пошелъ конною и пѣшею ратью къ Азову. Но этотъ походъ кончился почти ничѣмъ, а изъ Москвы, на просьбу казаковъ о пособіи по случаю пожара, прислано было годовое жалованье, 3 полковыя пушки и 300 р. на постройку войсковаго собора, вмѣсто сгорѣвшаго.

Таковы были дѣла донскихъ казаковъ отъ воцаренія Михаила Θеодоровича до единоличнаго воцаренія Петра I. Изъ изложеннаго выше вообще видно, что съ 1623 г. въ донскомъ войскѣ началъ понемногу водворяться порядокъ, и войсковое начальство, подчиняясь волѣ московскаго правительства, стало искоренять и наказывать самовольные разбои и грабежи казаковъ на Волгѣ и моряхъ Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ. Московское же правительство жаловало казаковъ деньгами, военными и продовольственными запасами, и то удерживало ихъ отъ военныхъ дѣйствій противъ Азова, турокъ и крымскихъ татаръ, то само поощряло ихъ къ тому, смотря по своимъ отношеніямъ къ Турціи и Крыму, ибо донское войско было очень выгодно и полезно ему для дѣйствій противъ нихъ. При этомъ, самымъ частымъ, почти постояннымъ предметомъ дѣйствій казаковъ служилъ пограничный съ ними турецкій Азовъ, взятый ими въ 1637 г., но покинутый черезъ 5 лѣтъ послѣ упорной обороны въ немъ. Такъ продолжалось до 1671 г., когда донское войско присягнуло царю Алексѣю Михайловичу и съ тѣхъ поръ поступило уже въ распоряженіе московскаго правительства и участвовало

въ войнахъ его вмѣстѣ съ русскими войсками, но, по прежнему, преимущественно противъ Азова и Крыма. Такимъ образомъ оно составляло передовую русскую стражу въ устьяхъ Дона, и дѣйствія его, особенно съ 1671 г., были приготовительными къ послѣдующимъ въ составѣ русскихъ армій.

Что касается внутренняго устройства, нравовъ и обычаевъ донскаго войска, то до Алексѣя Михайловича они вообще сохраняли неизмѣнно прежній, стародавній характеръ свой. Донскіе казаки вели жизнь болѣе кочевую, нежели осѣдлую, земледѣліемъ почти вовсе не занимались, а предпочитали набѣги на сосѣднихъ съ ними калмыковъ, ногаевъ, крымскихъ татаръ и турокъ, и имѣли только нѣсколько городковъ по правому берегу Дона отъ Хопра до Аксая. Но съ ходомъ времени число этихъ городковъ постепенно умножилось и къ концу XVII вѣка простиралось уже до 121, изъ которыхъ главнымъ былъ Черкаскъ — мѣсто пребыванія войсковаго управленія и сбора войсковыхъ круговъ; народонаселеніе же земли донскаго войска къ тому же времени возросло уже до 60 т. душъ. Всѣ общественныя дѣла обсуждались и рѣшались общимъ совѣтомъ въ «войсковыхъ кругахъ» большинствомъ голосовъ. Войсковой атаманъ лично не имѣлъ особенной власти, но былъ только блюстителемъ порядка и старыхъ обычаевъ; для походовъ же избирались особые походные атаманы. Въ походы казаки не брали ничего, кромѣ запаса сухарей; одѣвались бѣдно, вооружались ручными пищалями, копьями и саблями, имѣли при себѣ легкія пушки, а порохъ, свинецъ и др. огнестрѣльные припасы получали въ жалованье отъ московскаго правительства. Походы были сухопутные и морскіе; рати и отряды въ нихъ дѣлились на сотни и пятидесятки, подъ начальствомъ есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ, подъ главнымъ начальствомъ походныхъ атамановъ; всѣ они избирались передъ походами. Смотря по надобности, казаки составляли пѣхоту и конницу. Въ сухопутныхъ походахъ они соблюдали большую осторожность противъ внезапныхъ нападеній непріятеля; если же подвергались имъ или были окружены, то спѣшивались, смыкались въ кучки и отстрѣливались изъ-за лошадей и изъ пушекъ. Сами же они предпочитали производить внезапныя нападенія, преимущественно ночью, пользуясь оплошностью непріятеля или неготовностью его къ бою. Нападенія свои они производили *лавой*, т. е. длиннымъ, разомкнутымъ строемъ, стараясь сразу охватить непріятеля съ обоихъ фланговъ и тыла. За первою лавой слѣдовала другая, и послѣдовательность ударовъ ихъ составляла тайну искуства нападеній казаковъ. Если съ конницей дѣйствовала и пѣхота, то она всегда выходила впередъ съ пушками, и въ бою въ открытомъ полѣ становилась въ серединѣ,

а конница по флангамъ. При атакахъ пѣхота стрѣляла залпами и вслѣдъ затѣмъ ударяла въ копья. Для переправы черезъ рѣки, казаки клали сѣдла и вьюки на «салы» (связанные пуки камыша), которые привязывали къ хвостамъ лошадей, сами же, держась за гриву послѣднихъ, переплывали съ ними вплавь. Если сильный непріятель грозилъ вторженіемъ въ земли казаковъ, то войсковой кругъ разсылалъ по городкамъ «грамотки» или повѣстки о сборѣ атамановъ и казаковъ въ Черкаскъ, съ назначеніемъ, сколько именно людей должны были прибыть изъ каждаго городка; остальные же, съ женами и дѣтьми, сходились изъ 5 — 6 городковъ въ одинъ. Въ главномъ сборномъ станѣ у Черкаска учреждалась двойная или тройная цѣпь карауловъ и ближніе и дальніе конные разъѣзды. А военныя суда у береговъ Дона приковывались цѣпями, либо затоплялись.

Морскіе походы предпочитались сухопутнымъ, какъ болѣе прибыточные, хотя и болѣе опасные. Морскія суда—«будары» строились непрочно и сходствовали съ запорожскими (см. ниже). Казаки смѣло пускались на нихъ въ Черное море, нападали на большіе корабли съ пушками, брали ихъ съ боя (на абордажъ), разоряли прибрежные города и поселенія, и возвращались съ огромною и богатою добычей, но нерѣдко претерпѣвали и жестокія пораженія.

Они были очень набожны и лучшую часть добычи удѣляли въ пользу монастырей и на содержаніе въ нихъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ казаковъ. Въ сношеніяхъ между собою они были очень дружны и гнушались воровствомъ, но грабежъ у непріятелей и даже у не-казаковъ считали дѣломъ обыкновеннымъ. Турокъ они не терпѣли, храбрость считали первою добродѣтелью, измѣну, трусость, воровство и убійство между собою карали смертью, большею частью «сажаніемъ въ воду», т. е. утопленіемъ. Они не вели совершенно безбрачную жизнь, какъ запорожцы, но и семейную, имѣя частныя родственныя связи съ жителями пограничной русской украины. Однако, безпрерывно ведя войну, убыль отъ нея они должны были пополнять преимущественно новыми пришлецами.

Таковы были общественные и военные: внутреннее устройство и управленіе, нравы, обычаи и дѣйствія казаковъ изстари до Алексѣя Михайловича, когда, въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ оставаясь тѣми же, они стали постепенно измѣняться тѣмъ, что начали принимать болѣе правильный видъ подъ болѣе значительнымъ вліяніемъ московскаго правительства.

Волжскіе и яикскіе или уральскіе казаки произошли отъ донскихъ во 2-й половинѣ XVI вѣка, когда часть послѣднихъ съ атаманомъ Нечаемъ двинулась на Волгу и восточныя прибрежья Каспійскаго моря, разогнала кочевавшихъ на нихъ ногаевъ, а затѣмъ,

двинувшись на сѣверовостокъ, достигла устья р. Яика (нынѣ Уралъ), и зимы проводила на ея лѣсистыхъ берегахъ, а весною, лѣтомъ и осенью «промышляла», т. е. разбойничала на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ. Между тѣмъ, поднимаясь все вверхъ по Яику, эти казаки дошли до устья р. Рубежной, а воротясь, на урочищѣ Орѣшномъ (верстахъ въ 40 отъ нынѣшняго Уральска) основали первое свое осѣдлое поселеніе. До XVII вѣка дѣйствія ихъ не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Въ 1602 г. шайки ихъ ограбили городъ Ургенчъ, въ тогдашнемъ ханствѣ Ховарезмійскомъ (нынѣшнемъ Хивинскомъ), но были почти совершенно истреблены ханомъ его Арабъ-Мухаммедомъ. Понесенная отъ этого убыль и безпокойное сосѣдство татарскихъ племенъ убѣдили яикскихъ казаковъ, что они не могли оставаться безъ сильнаго покровительства и около 1623 г. отдались въ подданство царя Михаила Ѳеодоровича, который дозволилъ имъ пополняться вольными людьми и служить ему казачьей службой. Къ этому времени, кажется, относится построеніе ими нынѣшняго Уральска.

Но и въ подданствѣ Россіи яикскіе казаки, вмѣстѣ съ волжскими, продолжали разбойничать на Каспійскомъ морѣ и грабить персидскія суда и приморскія поселенія. По жалобѣ на то персидскаго шаха, Алексѣй Михайловичъ приказалъ атаману Бѣлоусову привезть виновныхъ въ Москву, откуда они, въ видѣ наказанія, въ 1655 г. были посланы въ первый разъ съ русскими войсками въ Литву и подъ Ригу.

Въ 1667 г. Разинъ, въ надеждѣ найти между ними сподвижниковъ себѣ, вторгнулся въ ихъ земли, но они не только не приняли участія въ его разбояхъ, но и возстали съ оружіемъ противъ его сообщниковъ.

Въ 1681—82 г.г. они служили въ русскомъ войскѣ въ Чигиринскихъ походахъ, а въ 1683 г. 500 чел. ихъ были посланы къ Мензелинску, для усмиренія бунтовавшихъ башкирцовъ.

Въ XVII вѣкѣ (когда и какъ именно—въ точности неизвѣстно) образовались также самарскіе казаки—изъ стрѣльцовъ, иноземцовъ, дворянъ и смоленской шляхты, и уфимскіе—также изъ стрѣльцовъ и вызванныхъ правительствомъ, для заселенія края, вольныхъ охочихъ людей (тѣ и другіе послужили въ XVIII вѣкѣ къ образованію оренбургскаго казачьяго войска).

Къ 1627 г. относится начало образованія въ астраханскомъ краѣ пограничныхъ военныхъ поселеній, для защиты русскихъ поселеній въ низовьяхъ Волги отъ набѣговъ калмыковъ, и построеніе *Черноярскаго острога*—для удержанія послѣднихъ отъ перекочевки на *нагорную (правую)* сторону Волги, въ сосѣдство горскихъ народовъ и

крымскихъ татаръ. Эти военныя поселенія послужили въ XVIII вѣкѣ къ образованію астраханскаго казачьяго войска.

Въ Сибири, въ теченіи 100 лѣтъ со времени покоренія ея до 1716 г., русскія владѣнія были ограждены отъ нападеній сосѣднихъ киргизъ-кайсаковъ и зюнгорскихъ калмыковъ пограничною чертою малыхъ крѣпостей, городковъ и острожковъ, заселенныхъ сибирскими казаками, потомками сподвижниковъ Ермака. Изъ нихъ съ XVIII вѣка образовалось сибирское казачье войско.

По р.р. Тереку и Кубани, въ сосѣдствѣ съ кавказско-горскими племенами, въ послѣдней половинѣ XVI вѣка поселилась часть донскихъ казаковъ, грабившихъ сначала на Волгѣ и ея берегахъ. Въ послѣдствіи казачьи поселенія по Тереку и Кубани постепенно умножались и въ XVIII вѣкѣ послужили началомъ Терскому и Кизлярскому казачьимъ войскамъ.

Наконецъ должно сказать, что во 2-й половинѣ XVII вѣка, для охраненія части южной русской украины (обнимавшей нын. Курскую губернію и часть Воронежской) отъ нападеній крымскихъ татаръ, непаселенное городище Чугуевъ было укрѣплено и заселено ратными людьми и преимущественно малороссійскими казаками (до 1 т. чел.), которые съ 1698 года послужили началомъ образованія чугуевскаго казачьяго войска.

И такъ, отъ одного общаго корня и разсадника — донскаго казачьяго войска, вотъ сколько въ XVII-мъ вѣкѣ произошло отраслей сродственнаго ему казачества на Волгѣ и Яикѣ, въ Самарѣ, Уфѣ и Сибири, въ Чугуевѣ и на р. р. Терекѣ и Кубани. Постепенно разросшись съ XVII вѣка въ особенныя, мѣстныя, казачьи войска, они съ самаго начала образованія своего имѣли тѣ же самыя: общественное и военное устройство и управленіе, нравы и обычаи, что и означенныя выше въ коренномъ войскѣ донскомъ, и подобно ему съ пользой и честью служили Россіи въ составѣ ея войска.

§ 11.

Казаки днѣпровскіе: малороссійскіе и запорожскіе.

Краткій очеркъ военной исторіи малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ до 1622 года былъ изображенъ въ 3-й части В. В. И. среднихъ временъ, а съ 1622 г. до 1689 г. помѣщенъ ниже въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же приводятся свѣдѣнія объ ихъ общественномъ и военномъ устройствѣ и управленіи, нравахъ и обычаяхъ въ XVII вѣкѣ, *схожихъ въ главныхъ* основаніяхъ и чертахъ съ современными, на-

образженными выше, у донскихъ казаковъ и иныхъ восточныхъ, происшедшихъ отъ нихъ.

Малороссійскіе казаки, до 1554 года подвластные Польшѣ, въ мирное время охраняли южныя границы ея отъ татаръ и турокъ, производили крѣпостныя работы и платили подати, въ военное же время служили на своемъ иждивеніи. Одни изъ нихъ жили въ околицахъ или отдѣльныхъ селеніяхъ, а другіе въ куреняхъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ селеній, и потому назывались или околичною или куренною шляхтой, а изъ нихъ старые, уже отслужившіе свою службу—товариществомъ, а молодые—казаками. Околицы и курени управлялись выборными атаманами и товарищами, которые производили домашній судъ въ маловажныхъ дѣлахъ, въ важныхъ же казаки судились въ повѣтовыхъ и гражданскихъ судахъ. По службѣ казаки зависѣли отъ повѣтовыхъ хорунжихъ, которые производили смотры, составляли описи вооруженія, хранили у себя повѣтовыя знамена съ гербами, на одной сторонѣ—повѣтовымъ, а съ другой—народнымъ. Когда назначался походъ, хорунжіе извѣщали о томъ курени повѣстками, назначая число казаковъ и сборное мѣсто, которое обыкновенно бывало въ Бѣлыхъ Межахъ, между Борзной, Конотопомъ и Нѣжиномъ, или въ Крыловѣ за Днѣпромъ Изъ собиравшихся товарищей и казаковъ составлялись сотни и полки, подъ начальствомъ выбранныхъ вольными голосами сотниковъ и полковниковъ, которые, какъ и простые казаки, оставались въ своихъ чинахъ до окончанія похода, а по окончаніи его вступали опять въ прежнее состояніе, только съ нѣкоторыми общественными преимуществами. О преобразованіяхъ, произведенныхъ собственно въ военномъ устройствѣ малороссійскихъ казаковъ княземъ Евстафіемъ Рожинскимъ въ 1-й половинѣ XVI вѣка и позже княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ и польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, уже было указано въ 3-й части В. В. И. среднихъ временъ. Здѣсь же слѣдуетъ указать тѣ, которыя были произведены съ 1622 г. до 1689 г.

При Богданѣ Хмѣльницкомъ казачьихъ полковъ было всего 34, а именно въ 1654 г. въ нынѣшней Кіевской губерніи: 1) Кіевскій, 2) Бѣлоцерковскій, 3) Паволочскій, 4) Каневскій, 5) Черкасскій, 6) Чигиринскій, 7) Корсунскій и 8) Уманскій,—въ нын. Черниговской губ.: 9) Черниговскій и 10) Нѣжинскій,—въ нын. Полтавской: 11) Полтавскій, 12) Миргородскій, 13) Прилуцкій, 14) Переяславскій, 15) Крапивенскій,—и въ нын. Подольской губ.: 16) Брацлавскій и 17) Винницкій (Бантышъ-Каменскій Ч. III), но сверхъ того въ началѣ гетманства Хмѣльницкаго до 1654 года были еще лки: 18) Лисянскій, 19) Торговицкій, 20) Могилевскій, 21) Каль-

пицкій, 22) Животовскій, 23) Каменоцкій, 24) Ирклѣевскій, 25) Зеньковскій, 26) Гадячскій, 27) Лубенскій, 28) Иченскій, 29) Остерскій, 30) Сосницкій, 31) Стародубскій, 32) Быховскій, 33) Обручевскій и 34) Туровскій (Маркевичъ т. 5). Каждый полкъ, составлявшій особый округъ, носилъ названіе главнаго города или особеннаго замѣчательнаго мѣстечка. Въ полковомъ городѣ имѣли пребываніе полковникъ, старшины и полковая канцелярія. Каждый полкъ дѣлился на сотни, число которыхъ было неодинаковое. Полковники назначались сначала гетманами за деньги, а потомъ, по представленіямъ гетмановъ, утверждались государями. Въ полковые же старшины и сотники производили гетманы.

Каждая сотня носила названіе города или мѣстечка, въ которыхъ была расположена ея сотенная квартира, и заключала въ себѣ нѣсколько селъ и деревень, раздѣленныхъ на курени, которые были гораздо меньше запорожскихъ. Въ каждомъ куренѣ находилось нѣсколько выборныхъ казаковъ и ихъ подпомощниковъ. Казаки, имѣвшіе собственную «муницію», т. е. мундиръ, ружье и пику, а также и лошадь, и исполнявшіе въ такомъ снаряженіи службу на родинѣ и за границей, назывались выборными. Бѣдные казаки были снаряжаемы такимъ же образомъ съ помощью 3-хъ или болѣе дворовъ каждый, и потому назывались подпомощниками. Число тѣхъ и другихъ въ сотняхъ было неодинаковое, выборныхъ по 100, 200 и болѣе, а подпомощниковъ до 1 т. и свыше. Первые считались по головно, а послѣдніе «хатами» или семьями. Сначала регистровымъ и выборнымъ казакамъ производилось годовое жалованье по 30 злотыхъ *) каждому, но впослѣдствіи жалованье это было отмѣнено и внутри границъ казаки служили на всемъ собственномъ содержаніи, а за границами получали продовольствіе и фуражъ, но были обязаны имѣть своихъ лошадей и «муницію». Въ мирное время выборные казаки, вмѣстѣ съ запорожцами, содержали кордонъ на границахъ Великой Россіи и Турціи. Подпомощники исправляли пѣшую и конную внутреннюю службу и находились при сотенныхъ и полковыхъ квартирахъ для разныхъ посылокъ. Главная и полковая артиллерія снабжалась «армашами» или пушкарями и ѣздовыми изъ казаковъ.

Изъ вольныхъ охочихъ людей содержались на жалованьѣ также охочекомонные или компанейскіе полки, имѣвшіе зеленые казацкіе мундиры. Ихъ было сначала 5, а потомъ 3 конныхъ, по 5 сотенъ въ каждомъ.

Сверхъ конныхъ казачьихъ полковъ были также и пѣшіе, извѣст-

---

*) Выше было сказано, что злотый при Баторіѣ соотвѣтствовалъ 9-ти нынѣшнимъ, т. е. 1 р. 35 к., но въ XVII вѣкѣ имѣлъ меньшую цѣнность.

ные подъ названіемъ сердюковъ. Въ малороссійскихъ лѣтописахъ они впервые упоминаются въ 1674 году. По мнѣнію Бантыша-Каменскаго, они были учреждены Дорошенкомъ и набирались не изъ однихъ казаковъ, но и изъ другихъ свободныхъ людей и получали жалованье.

Были еще три особенные рода служилыхъ казаковъ: бобровники, стрѣльцы и пташники, выставляемые по требованію гетмановъ полковниками и сотниками. Бобровники ловили для гетмановъ бобровъ, стрѣльцы стрѣляли звѣрей, а пташники птицъ, за что освобождались отъ военной службы. Ихъ было въ Малороссіи нѣсколько тысячъ дворовъ.

Для охраненія гетманскаго знамени, называемаго «надворною корогвою» (хоругвію), находилась особенная, небольшая конная стража, на денежномъ жалованьѣ изъ войсковаго скарба или казны.

Изъ этого видно, что малороссійское казачье войско въ XVII вѣкѣ имѣло болѣе правильное и лучшее устройство, нежели современное донское. Военные же нравы и обычаи ихъ въ сущности имѣли много сходства.

Днѣпровскіе запорожскіе казаки, до междугетманства въ Малороссіи, по смерти Конашевича-Сагайдачнаго въ 1622 г. (см. 3-ю ч. В. В. И. среднихъ временъ), то участвовали вмѣстѣ съ малороссійскими казаками въ польскихъ войнахъ съ шведами, русскими и въ Молдавіи, то сами производили на сухомъ пути и особенно на морѣ нападенія на крымскихъ татаръ и турокъ. Между прочимъ въ 1620 г. они, вмѣстѣ съ польскими войсками подъ предводительствомъ Жолкѣвскаго, претерпѣли отъ турокъ жестокое пораженіе при м. Цецорѣ на Прутѣ; но въ 1621 г. храбро отразили нападеніе турокъ на укрѣпленный станъ ихъ, запорожцовъ, близъ Хотина. По смерти же Сагайдачнаго, когда въ Малороссіи началось новое гоненіе за унію и новая, жестокая война казаковъ съ поляками, запорожцы возобновили свои грабежи на Черномъ морѣ. Въ 1628 году они, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, въ числѣ до 30 т. чел., съ большимъ числомъ орудій, подъ предводительствомъ походнаго атамана Тараса Трясилы, на берегахъ историческихъ р. р. Трубежа и Альты ночью напали врасплохъ на польское войско гетмана Конецпольскаго и разбили его на-голову, назвавъ эту ночную битву Тарасовою, ночью. Въ 1629 году, когда Польша была занята войною съ шведами, запорожцы снова пустились въ Черное море и даже проникли въ Константинопольскій проливъ и нанесли большой уронъ турецкому флоту. Въ концѣ царствованія Сигизмунда III и при сынѣ его Владиславѣ IV, польское

правительство еще болѣе усилило мѣры жестокости своей противъ днѣпровскихъ казаковъ, для того, чтобы не только усмирить ихъ, но и совершенно истребить. За то и «казацкія войны» приняли въ это время самый жестокій, истребительный характеръ. Наконецъ въ 1647 году Богданъ Хмѣльницкій, прибывъ въ Никитинъ Рогъ (нын. Никополь, Екатеринославской губерніи, на правомъ берегу нижняго Днѣпра), гдѣ въ то время находилась Запорожская Сѣчь, собралъ до 3 т. отчаянныхъ удальцовъ, которые поклялись вѣрно служить ему. Число ихъ вскорѣ значительно умножилось и уже 5-го апрѣля 1648 года они, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, одержали надъ польскимъ войскомъ коронпаго гетмана Николая Потоцкаго рѣшительную побѣду при рѣчкѣ Желтыя Воды (въ нын. Херсонской губерніи). По Зборовскому же договору, вслѣдъ за побѣдой Хмѣльницкаго, вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ, 15-го и 16-го августа 1649 года при Зборовѣ, близъ осажденнаго первымъ города Збаража, надъ польскимъ войскомъ подъ личнымъ предводительствомъ польскаго короля Яна-Казиміра, послѣдній возвратилъ народу и войску малороссійскимъ древнія права ихъ, а войску дозволилъ состоять изъ 40 т. чел., оставилъ за ними Чигиринъ и даровалъ имъ еще многія другія выгодныя преимущества. А 5 лѣтъ спустя — 8 января 1654 года — вся Запорожская Сѣчь, вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ и малороссійскими народомъ и войскомъ, присягнула на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу, и съ тѣхъ поръ исторія ея тѣсно соединяется съ исторіей Малороссіи *),

Общественное и военное устройство, нравы и обычаи запорожскихъ казаковъ исторически развились совершенно своеобразно. Прежде всего нужно сказать, что запорожцы составляли двѣ, совершенно различныя общины: Запорожскую или Сѣчь (вѣроятно отъ засѣкъ или плетней, которыми были ограждены жилища или курени), и хуторà или зимовники. Въ Сѣчи жили только холостые казаки, занимавшіеся почти исключительно войною, а въ хуторахъ — семейные, извѣстные также подъ названіемъ украинскихъ. Устройство, нравы и обычаи послѣднихъ были въ сущности схожи съ тѣми, которые были у малороссійскихъ казаковъ. Въ Сѣчи же они имѣли свой особенный видъ. Безбрачная жизнь запорожцовъ повела бы къ уменьшенію и наконецъ къ уничтоженію ихъ общины, еслибы послѣдняя не пополнялась выходцами изъ сосѣдственныхъ и даже отдаленныхъ странъ — Малой и Великой Россіи, Польши,

*) Подробности о казацкихъ и запорожскихъ войнахъ до присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи изложены ниже, въ описаніи войнъ казаковъ и русскихъ съ поляками въ XVII вѣкѣ.

Германіи, Италіи, Франціи и даже Крыма и Турціи, лишь бы только выходцы исповѣдывали или принимали православную вѣру и, по свидѣтельству Боплана *), показали опытъ смѣлости и удальства, переплывъ пороги противъ теченія. Иногда запорожцы сами похищали изъ Украйны и Польши мальчиковъ, а нерѣдко и женъ и дѣвицъ, сыновей отъ которыхъ бралъ отецъ, а дочери оставались при матеряхъ.

Предѣлы Запорожья въ XVII вѣкѣ простирались на западѣ до р.р. Синюхи и Буга—границы турецкой Очаковской области, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ до границъ Великой Россіи, на юго-востокѣ до границъ земли донскаго войска и наконецъ на югѣ до ногайской степи (Буджака), гдѣ запорожцы безпрестанно воевали съ буджакскими татарами. На этомъ пространствѣ запорожцы жили въ слѣдующихъ сѣчахъ и куреняхъ: 1) въ Каневѣ, 2) въ Черкасахъ, 3) въ Переволочной, 4) на Хортицкомъ островѣ, въ 15 верстахъ ниже пороговъ, 5) при рѣчкѣ Томаковкѣ, между этимъ островомъ и Старою Сѣчью, 6) при Никитиномъ Рогѣ (нын. Никополь), 7) въ Старой Сѣчи, на рѣчкѣ Чертомлыкѣ, близь Днѣпра, 8) при рѣчкѣ Каменкѣ (гдѣ нынѣ Бериславль); 9) при урочищѣ Алешки, близъ нын. Херсона, на крымской сторонѣ, и 10) въ Новой сѣчи, въ 7-ми верстахъ отъ Старой, при рѣчкѣ Подпольной. Каждая сѣчь состояла изъ церкви и множества хатъ или мазанокъ вокругъ нея, огражденныхъ землянымъ валомъ, съ пушками на немъ. Одинъ большой и нѣсколько малыхъ такихъ домовъ составляли курень, которыхъ было 38, носившихъ названія по имени или отечеству первыхъ строителей, либо по имени главнаго атамана Сѣчи. Каждый курень выбиралъ своего «куреннаго атамана», но главный надзоръ въ Сѣчи и главное предводительствованіе въ походахъ принадлежали «становому» или «кошевому» атаману, избираемому всѣми запорожцами сообща и въ отсутствіи котораго въ Сѣчи оставались «наказные атаманы». Кошевой и куренные атаманы имѣли военную власть только въ походахъ. Сверхъ атамановъ, у запорожцовъ, какъ и въ малороссійскомъ войскѣ, были старшины—«войсковые: судья, писарь и есаулъ, подписарь и подъ-есаулъ». Артиллеріею начальствовалъ «пушкарь», а къ числу значущихъ лицъ въ войскѣ принадлежалъ также «доубышъ» или литаврщикъ, боемъ въ литавру дававшій повѣстку сходиться на «раду» или совѣтъ. Выборы атамановъ и старшинъ производились въ день новаго года (1-го сентября), въ войсковомъ кругу передъ церковью, съ особенными обрядами, строго соблюдаемыми по старымъ обычаямъ.

---

*) *Beauplan:* Description de l' Ukraine au 17-e siècle (русскій пер. *Устрялова).*

Сначала въ Запорожьѣ не было никакихъ письменныхъ законовъ и дѣлопроизводства, а судъ и дѣла производились и рѣшались словесно и гласно. Воровство, неплатежъ денегъ, прелюбодѣяніе и убійство между своими считались главными преступленіями и наказывались либо тѣлесными наказаніями (плетьми), либо смертью (повѣшеніемъ, утопленіемъ, зарытіемъ заживо въ землю и т. п.). Но новѣйшій историкъ Сѣчи Скальковскій нашелъ въ старинныхъ архивахъ ея дѣлъ административную, судебную и военную переписку, доходящую до 1660 г.

Главными, любимыми походами запорожцовъ были рѣчные въ устьяхъ Днѣпра и особенно морскіе въ Черномъ морѣ, противъ крымскихъ татаръ и турокъ, съ цѣлью грабежа. Число запорожцовъ, предпринимавшихъ такіе походы, обыкновенно не превышало 6—10 тысячъ чел. Бопланъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей объ этихъ морскихъ походахъ. Задумавъ «погулять на морѣ», они испрашивали на то позволеніе кошеваго атамана, собирали «раду», выбирали походнаго атамана, отправлялись на сборное мѣсто и строили тамъ «чайки» — большіе челны, длиною въ 60 футовъ, ширпной отъ 10 до 12, глубиной въ 12, безъ киля, съ дномъ изъ выдолбленнаго бревна и забирали ихъ съ боковъ досками, обтянутыми отъ кормы до носа толстыми канатами изъ камыша, перевитаго лыками или боярышникомъ. Всѣ прочія части чаекъ отдѣлывались какъ на рѣчныхъ судахъ, но только съ 2-мя рулями, сзади и спереди, для движенія впередъ или назадъ безъ поворота. Чайки эти имѣли по 10—15 веселъ съ каждой стороны и на греблѣ ходили гораздо скорѣе турецкихъ «каторгъ» или галеръ. На чайки ставилось также по мачтѣ, къ которой при слабомъ вѣтрѣ привязывался плохой парусъ, но при сильномъ запорожцы охотнѣе ходили на веслахъ. Чайки не имѣли палубъ; если же ихъ заливало водой, то канаты предохраняли ихъ отъ потопленія. Сухари складывались на днѣ въ бочкахъ, сверхъ того каждый запорожецъ запасался горшкомъ тѣста, разведеннаго водой, которое они ѣли съ просомъ; вина же и водки никогда не брали съ собой, считая трезвость необходимою въ своихъ опасныхъ предпріятіяхъ на морѣ. На каждой чайкѣ, которую 60 чел. могли построить въ двѣ недѣли, помѣщалось отъ 50 до 70 челов., каждый изъ которыхъ имѣлъ саблю, 2 пищали, 6 фунтовъ пороха въ рогѣ и достаточное количество пуль. Походная одежда ихъ состояла изъ рубахи, 2 шараваръ, зипуна или кафтана изъ толстаго сукна и шапки. На каждую чайку ставились квадрантъ и 2 фальконета и складывались необходимые снаряды и припасы.

На такихъ-то утлыхъ суденышкахъ, флотиліями отъ 80 до 100 *чаекъ, съ 4 т.* до 5,600 чел. экипажа и съ 160 до 200 фальконетовъ,

запорожцы спускались по Днѣпру и смѣло плыли по морю, такъ тѣсно, что чайки едва не задѣвали одна другую веслами, имѣя атаманскій флагъ впереди. Турки преграждали имъ своими галерами выходъ изъ Днѣпра, но хитрые запорожцы до новолунія скрывались верстахъ въ 10—15 отъ устья въ камышахъ (куда турки на своихъ галерахъ не могли и не смѣли проникать), а передъ новолуніемъ въ самую темную ночь успѣвали пробираться изъ устья въ море. Черезъ 36 или 40 часовъ плаванія они уже приставали къ берегамъ Анатоліи и, оставивъ на чайкахъ, для охраненія ихъ, по 2 товарища и по 2 младшихъ казака на каждой, вооруженныхъ пищалями и саблями, производили высадку и нападеніе врасплохъ, города брали приступомъ, грабили, жгли. нерѣдко верстъ на 5 отъ берега, и затѣмъ немедленно возвращались къ своимъ чайкамъ, нагружали ихъ взятою добычей, плыли далѣе и дѣлали то же самое; если же нельзя было, то возвращались съ добычей на родину. Если они встрѣчали на морѣ турецкія галеры или купеческіе корабли. то еще издали опускали мачты, выбирали выгодное для себя направленіе вѣтра и солнца, такъ чтобы послѣднее къ вечеру было у нихъ сзади. За часъ до захожденія его они приближались къ непріятелю на столько, чтобы не упускать его изъ виду. Въ полночь же они разомъ бросались на абордажъ, быстро забирали съ корабля деньги, негромоздкія вещи, пушки, оружіе и пр., а корабль съ экипажемъ пускали ко дну. При возвращеніи ихъ на родину, турки стерегли ихъ въ устьяхъ Днѣпра, но запорожцы причаливали въ заливѣ, верстахъ въ 10—15 къ востоку отъ Очакова, перетаскивали свои чайки волокомъ черезъ узкій перешеекъ и черезъ 2—3 дня вся флотилія ихъ съ добычей была уже на Днѣпрѣ. Былъ еще и другой путь черезъ Керченскій заливъ къ устью р. Міуса и вверхъ по ней, потомъ изъ нея волокомъ въ р. Самару и по ней въ Днѣпръ; но этотъ путь запорожцы избирали рѣдко, по отдаленности его отъ Запорожья.

Случалось впрочемъ, что они сами попадали въ большую бѣду, когда встрѣчались съ турецкими галерами днемъ въ открытомъ морѣ. Тогда чайки ихъ отъ пушечнаго огня турокъ часто гибли въ морѣ съ людьми и добычей; если же запорожцы рѣшались на бой, то хотя и сражались съ отчаянною храбростью, но отъ пушечнаго огня часто теряли до $^2/_3$ своихъ людей и рѣдко возвращались съ половиной ихъ. Если же они возвращались благополучно, то привозили съ собою несмѣтную и богатую добычу, которую складывали тотчасъ въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ нѣсколько ниже устья рѣчки Чертомлыка, почти на серединѣ Днѣпра находился довольно большой островъ, съ древними развалинами на немъ, окруженный болѣе нежели 1 т. *островковъ, заросшихъ* высокимъ камышомъ. Этотъ-то притонъ за-

порожцы называли войсковою скарбницей, т. е. казнохранилищемъ, вполнѣ безопаснымъ отъ турокъ, которые никакъ не смѣли и не могли проникать сюда на своихъ галерахъ. Здѣсь запорожцы дѣлили между собою добычу, а что не было подвержено подмочкѣ, скрывали въ водѣ. На пушечный выстрѣлъ ниже порога «вольнаго» лежалъ скалистый островъ, прозванный запорожцами кашеварницей: тутъ они, послѣ благополучнаго возвращенія изъ походовъ, всячески веселились и угощались.

Изъ этого видно, что главнымъ ремесломъ запорожцовъ былъ морской разбой, какъ всегда столько же прибыльный, сколько и опасный и требовавшій необыкновенныхъ: смѣлости, отважности, удальства, смѣтливости и хитрости, въ которыхъ у запорожцовъ и не было недостатка. Но морскіе разбои ихъ были причиной безпрестанныхъ, взаимныхъ неудовольствій между Польшей, Крымомъ, Турціей и потомъ Россіей, и до самаго XVIII вѣка и даже позже такимъ зломъ, которое не могло быть долѣе терпимо.

Запорожцы воевали также и на сухомъ пути, и конными, и пѣшими, подобно тому, какъ сражались и малороссійскіе казаки. Мѣтко стрѣляя изъ пищалей, они оказывали болѣе храбрости и упорства въ таборѣ, огражденномъ повозками, или въ укрѣпленіяхъ и крѣпостяхъ: тутъ, говоритъ Бопланъ, и сотня ихъ не побоялась-бы 1 тыс. поляковъ и нѣсколькихъ тысячъ татаръ; но еслибы они въ открытомъ полѣ на коняхъ имѣли такое же мужество, какъ и пѣшіе въ таборахъ или крѣпостяхъ, то были-бы вполнѣ непобѣдимы.

Нравы и обычаи ихъ, по описанію Боплана, совершенно соотвѣтствовали изображеннымъ выше дѣйствіямъ ихъ на морѣ и сухомъ пути. Будучи крѣпкаго тѣлосложенія, они легко переносили и холодъ, и голодъ, и зной, и жажду, въ походахъ и на войнѣ были неутомимы, умѣренны въ пищѣ, трезвы, отважны и храбры до дерзости, смерть предпочитали плѣну и неволѣ, свою свободу — всякой зависимости, а послѣ войны, у себя дома любили пировать и веселиться, были щедры, безкорыстны и между собою честны и дружелюбны. Въ мирное время главнымъ занятіемъ ихъ были охота и рыбная ловля; но между ними были и всякаго рода хорошіе ремесленники, въ томъ числѣ люди, искусные въ добываніи селитры и изготовленіи пороха. Плодородная земля доставляла имъ хлѣбъ въ изобиліи, но они были болѣе охотники до рыбы, мяса, молока, яицъ и овощей, а также и до крѣпкихъ напитковъ.

Иногда нѣкоторые изъ нихъ увольнялись изъ Сѣчи въ зимовники, гдѣ часть ихъ составляла стражу и защиту «паланковъ» или селеній, а другіе, освобожденные отъ «товарищества» и ставъ «осад*чими» или осѣдлыми*, занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ

и торговлей солью и пшеницей съ турками въ Очаковѣ и съ крымцами въ Перекопѣ. Ихъ называли посполитыми людьми или городовыми казаками, въ отличіе отъ войсковыхъ. Но они продолжали состоять въ вѣдѣніи войсковаго товарищества, внося въ Сѣчь небольшой оброкъ натурой и участвуя въ разныхъ общественныхъ повинностяхъ, какъ-то: въ содержаніи перевозовъ, починкѣ дорогъ, мостовъ и пр. Если же запорожецъ совершенно покидалъ войско, то получалъ свидѣтельство объ увольненіи его «изъ коша войска запорожскаго низоваго», и тогда уже совершенно освобождался отъ зависимости ему.

Такимъ образомъ вообще характеристика этой вольной и независимой, воинственной и полуразбойничьей общины запорожской, весьма своеобразная, не лишена занимательности и въ свою очередь служитъ къ военной характеристикѣ того времени въ низовьяхъ Днѣпра, подобно тому, какъ донскихъ и прочихъ восточныхъ казаковъ въ низовьяхъ Дона, Волги, Урала, въ Сибири и на Терекѣ и Кубани. Но это уже были послѣднія времена «вольнаго казачества», съ XVIII вѣка вполнѣ подчинившагося русской государственной власти и правильному устройству *).

§ 12.

Татары крымскіе и иные.

Въ XIII вѣкѣ, при нашествіи монголовъ на восточную Европу, они завладѣли также полуостровомъ Тавридой, принадлежавшимъ византійской имперіи и населеннымъ греками и смѣсью разныхъ народовъ, двигавшихся съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ Европы во время переселенія, и сверхъ того на южныхъ берегахъ— генуэзцами. Монголы завладѣли также всемъ сѣвернымъ прибрежьемъ Чернаго моря, отъ Дуная до Кубани и Кавказскаго хребта, и всѣ эти земли съ Тавридой вошли въ составъ Кипчакской (позже Золотой) орды, при чемъ генуэзцы сначала платили монголамъ дань, но потомъ были почти независимы отъ нихъ. Въ XV вѣкѣ турки, по взятіи Константинополя, подчинили себѣ и Тавриду, въ которой уже образовалась крымская татарская орда, подъ правленіемъ ново-

*) Главными источниками и историческими пособіями по исторіи запорожцовъ служатъ: Пасторій (1652), Бопланъ (1660), Шевалье (1663), Энгель (1796), Д. П. Бантышъ-Каменскій (1830), Маркевичъ (1842), и въ новѣйшее время Срезневскій, Скальковскій и пр.

утвердившейся въ ней династіи Гиреевъ, близкихъ родственниковъ Тохтамыша, постепенно возросшая и ставшая болѣе вассальною союзницей, нежели данницей Турціи. Со времени родоначальника этой династіи, хана Хаджи-Гирея (умершаго въ 1476 г.), крымская орда, ставъ совершенно независимою отъ Кипчакской или Золотой и оставаясь лишь въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, въ теченіи XVI и XVII вѣковъ внутри была поприщемъ частыхъ междуусобій, а извнѣ находилась то въ пріязненныхъ и союзныхъ, то большею частію во враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи и Польшѣ и къ болѣе и болѣе надвигавшемуся на нее казачеству донскому и днѣпровскому. Въ XVII вѣкѣ владѣнія ея, сверхъ полуострова Крыма, обнимали сѣверныя прибрежья Чернаго и Азовскаго морей, отъ устья р. Днѣстра и лѣваго притока его, Курчагана, вдоль южной границы Подоліи, оттуда до устья р. Мертвыя воды, лѣваго притока р. южнаго Буга, оттуда вдоль границы Запорожья до устья р. Ингулецъ, праваго притока нижняго Днѣпра, и вверхъ по лѣвому берегу послѣдняго до о. Хортицы и Запорожской Сѣчи, а оттуда на востокъ до р. Калміуса, вдоль границы земли войска донскаго, по обѣ стороны нижняго Дона, и наконецъ по юго-восточному прибрежью Азовскаго моря до сѣвернаго Кавказскаго хребта. Далѣе къ югу находилась малая ногайская орда, независимая отъ Крыма и враждебная ему, а на западѣ, между моремъ, Днѣстромъ, Дунаемъ, Прутомъ и южною границей Молдавіи, находился Буджакъ — степь, въ которой кочевали независимые же отъ Крыма буджакскіе татары *).

Въ крымской ордѣ, какъ важнѣйшей, въ XVII вѣкѣ ханами послѣдовательно были изъ рода Гиреевъ: Буре́-Гази до 1609 года, Тохтамышъ-Селяметъ и Джанибекъ до 1623 г., Мухаммедъ II до 1637 г., Багадыръ до 1644 г. и потомъ попеременно Мухаммедъ III, Исламъ II, Адиль и Хаджи-Селимъ до 1689 г. (при послѣднемъ совершены оба крымскіе похода князя Голицына). Самою блистательною эпохой Крыма было правленіе Ислама II съ 1644 г. по 1654 г. Онъ произвелъ нѣсколько удачныхъ набѣговъ на южные предѣлы Россіи, всегда возвращался съ богатою добычей и отличался правосудіемъ и кротостью въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, равно какъ и Хаджи-Селимъ, который сверхъ того храбростью своею спасъ Крымъ отъ нападенія русскаго войска князя Голицына. А впрочемъ вообще Крымъ въ XVII вѣкѣ былъ постояннымъ поприщемъ междуусобій хановъ изъ рода Гиреевъ и нападеній на него запорожскихъ и донскихъ казаковъ, поляковъ и рус-

*) Эту территорію крымскихъ, буджакскихъ и ногайскихъ татаръ см. на *приложенной картѣ Россіи въ XVII вѣкѣ.*

скихъ, буджакскихъ и ногайскихъ татаръ, и едва успѣлъ удержаться въ такихъ трудныхъ для него обстоятельствахъ.

Что касается общественнаго и военнаго устройства и быта крымскихъ, буджакскихъ и ногайскихъ татаръ, то они оставались въ томъ же видѣ, что и прежде, какъ изображено въ 3-й части В. В. И. среднихъ временъ, на основаніи сочиненія Боплана «Описаніе Украйны въ половинѣ XVII вѣка». Тамъ же изображенъ и обычный образъ веденія войны этими татарами. Къ этому можно присоединить еще нѣкоторыя слѣдующія свѣдѣнія, заимствованныя изъ описанія Боплана:

Когда крымскіе татары предпринимали походъ съ большими силами — тысячъ до 80, то предводительствовалъ ими самъ ханъ; съ меньшими же силами, тысячъ до 40, посылался мурза. Передъ походами, совершавшимися обыкновенно по замерзаніи рѣкъ и болотъ, войскамъ производились смотры. На этихъ смотрахъ татары проѣзжали мимо хана съ распущенными знаменами, по 4 всадника рядомъ, въ 2 колонны. Впереди каждой части войскъ ѣхалъ начальникъ ея съ сопровождавшими его (свитой). Каждая волость (можетъ быть юртъ, аймакъ, родъ, поколѣніе) имѣла свое знамя особаго цвѣта, а позади всего войска возилось эмиромъ знамя пророка, ночью сопровождаемое зелеными огнями *). На походѣ, для развѣдыванія о непріятелѣ, высылались впередъ самые расторопные и опытные наѣздники. Главное войско шло фронтомъ въ 100 всадниковъ или 300 коней (каждый всадникъ имѣлъ по 2 заводныхъ коня), протяженіемъ отъ 300 до 1,000 шаговъ, а глубиной, смотря по числу людей, отъ 800 до 1,000 коней, на протяженіи 12, 15 и даже до 40 верстъ. Такъ какъ этотъ строй, при множествѣ заводныхъ лошадей, былъ неудобенъ для боя, то, по словамъ Боплана, крымскіе татары избѣгали встрѣчи съ равнымъ въ числѣ непріятелемъ и вступали въ бой только когда были по крайней мѣрѣ въ 10 разъ сильнѣе. Приближаясь къ границѣ, они устроивались въ 3 отряда: главныя силы ($^2/_3$)—въ серединѣ, а правое и лѣвое крыла ($^1/_3$)—по флангамъ. Перейдя черезъ границу, они шли уже день и ночь большими переходами свыше 25 верстъ, спѣшиваясь лишь по временамъ на $^1/_4$ часа и менѣе, а для корма лошадей—не болѣе часа. Оба крыла раздѣлялись на 5-ти и 6-ти-сотенные отряды, которые, отдѣляясь отъ главныхъ силъ верстъ на 40—50, къ ночи окружали встрѣчаемыя поселенія, грабили ихъ и съ добычей возвращались назадъ, а на мѣсто ихъ шли другіе такіе же. Чтобы избѣжать преслѣдованія, татары всегда отступали другою дорогой. Въ лѣтнихъ набѣгахъ, когда ка-

*) *По свидѣтельству* барона Тотта (о туркахъ и татарахъ).

заки могли выставлять сторожевые караулы, татары, чтобы скрыть число своихъ войскъ, верстъ за 100 до границы раздѣлялись на отряды въ 1 т. коней каждый, которые, удаляясь верстъ на 5 и болѣе въ стороны, высылали отъ себя впередъ развѣдчиковъ и по ихъ донесеніямъ располагали свои движенія. Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго сношенія между отрядами и разъѣздами, употреблялись разные условные знаки, какъ-то: «маяченье», т. е. движеніе на конѣ кругами (вольтами), ночью высѣканіе огня огнивомъ, вращеніе зажженой тряпки кругомъ и т. п. Вдали отъ непріятеля отряды шли большею частью по водораздѣламъ между лощинами, а вблизи отъ непріятеля —по этимъ послѣднимъ, чтобы скрыть свои движенія. За границей, въ условленное время, отряды соединялись въ опредѣленномъ мѣстѣ и бросались на грабежъ. Въ случаѣ преслѣдованія, они раздѣлялись и подраздѣлялись на 3 части, все меньшія и меньшія, которыя скакали въ разныя стороны и верстахъ въ 40—50 отъ послѣдняго сборнаго мѣста снова соединялись гдѣ-либо въ лощинѣ. При нападеніи непріятеля, татары, если были слабѣе, разсыпались въ разныя стороны, мѣтко пуская, на всемъ скаку, черезъ лѣвое плечо, стрѣлы, затѣмъ, отскакавъ на нѣсколько верстъ, соединялись и встрѣчали непріятеля сомкнутымъ строемъ, стараясь при этомъ имѣть солнце и вѣтеръ за собою, и если стычка была неудачна, то снова ускакивали въ разсыпную и потомъ, соединяясь, дѣйствовали такимъ же образомъ. Словомъ — зимніе и лѣтніе набѣги свои они производили вовсе не безпорядочно, а напротивъ вполнѣ систематически и примѣнительно къ цѣли, временамъ года, свойствамъ мѣстности и образу дѣйствій непріятеля.

§ 13.

Турки.

Турція, подобно Польшѣ, въ XVII вѣкѣ находилась въ такомъ состояніи упадка и разстройства, что и военное устройство, и войско ея также находились въ такомъ же состояніи. Умаленная въ пространствѣ, разстроенная, ослабленная и униженная слабостью, неспособностью либо жестокостью и порочностью своихъ султановъ, внутренними смутами и междуусобіями, возмущеніями въ областяхъ, безпрестанными бунтами войска, особенно своевольныхъ и буйныхъ янычаровъ, присвоившихъ себѣ власть располагать престоломъ и судьбою государства, Турція находилась въ отчаянномъ положеніи и едва не погибла, еслибы ее не поддержали временно Мурадъ IV,

Мухаммедъ IV и особенно великіе визири изъ рода Кёприли. Но и они не могли возстановить прежняго военнаго могущества ея и благоустройства ея войска, начавшихъ неудержимо клониться къ упадку со времени смерти Сулеймана I (или II) *) Великаго въ 1566 г. Наихудшее состояніе ихъ совпало именно съ тѣмъ временемъ въ 1-й половинѣ XVII вѣка, когда Германія и почти вся западная Европа были охвачены 30-ти лѣтнею войною, почему Турція и не могла нисколько быть въ это время опасною для нихъ. Когда же во 2-й половинѣ XVII вѣка, благодаря четыремъ великимъ визирямъ изъ рода Кёприли, военное устройство и могущество Турціи нѣсколько возстановились, въ западной Европѣ военное искуство сдѣлало уже такіе успѣхи, что турки не могли съ успѣхомъ состязаться съ западно-европейскими арміями и терпѣли отъ нихъ частыя и сильныя пораженія, особенно въ войнахъ съ Австріей, и отъ такихъ полководцовъ, какъ Янъ Собѣскій, Монтекукули, принцъ Лудвигъ баденскій и позже принцъ Евгеній савойскій.

Разсматривая состояніе военнаго устройства и войска въ Турціи въ частности, въ правленіе каждаго изъ 6-ти султановъ, царствовавшихъ съ 1618 г. до 1691 г., слѣдуетъ сказать, что Османъ II, старшій сынъ Ахмеда I, умершаго въ концѣ 1617 г., возведенный на престолъ въ февралѣ 1618 г., по низложеніи брата Ахмеда I— слабоумнаго Мустафы I, началъ возстановлять въ войскѣ упавшую въ немъ дисциплину и съ бережливостью до скупости ограничивать расточеніе государственной казны. Но потомъ, отъ огорченія и досады за неудачи свои въ войнѣ 1621 г. съ Польшей, онъ предался распутству и жестокости. Янычары, сначала довольные полученіемъ, по случаю вступленія Мустафы I и потомъ Османа II на престолъ, обычныхъ денежныхъ даровъ, въ послѣдствіи возненавидѣли Османа за его преобразовательныя мѣры, скупость, жестокость и намѣреніе, будто бы, уничтожить это войско, въ маѣ 1622 г. взбунтовались, низложили и умертвили Османа и снова возвели на престолъ слабоумнаго Мустафу I. Такого рода насильство янычаровъ, впервые утвердившее полную волю ихъ въ государствѣ, поколебало его

---

*) Хотя Сулейманъ Великій (1520—1566) былъ собственно II-мъ послѣ I-го султана тогоже имени (1402—1410), но какъ этотъ послѣдній царствовалъ, можно сказать, только по имени, въ смутное время междуусобій его и 3-хъ братьевъ его—сыновей Баязида I, и почти все время проводилъ лишь въ праздномъ бездѣйствіи и распутствѣ, пока не былъ наконецъ разбитъ и убитъ братомъ своимъ Музою (см. 2 отд. 3-й части В. В. И. среднихъ временъ),—то Сулей- ликій, не по времени, а по достоинству имѣетъ болѣе права считаться ь этого имени.

въ самомъ основаніи, тѣмъ болѣе, что въ это самое время эрзерумскій паша Абазъ возсталъ подъ предлогомъ отмщенія за умерщвленіе Османа, а въ Константинополѣ царствовала полная анархія. По волѣ буйныхъ янычаровъ, пять разъ были смѣняемы великіе визири и наконецъ шестой, въ согласіи съ высшими сановниками, низложилъ слабоумнаго и неспособнаго Мустафу I и возвелъ на его мѣсто Османова брата, 11-ти-лѣтняго Мурада IV (30 августа 1623 г.). Десять лѣтъ (1623—33) до совершеннолѣтія его, государствомъ правили мать его и визири, и это время, какъ и предшествовавшія 6 лѣтъ, было ознаменовано величайшими внутренними смутами и волненіями, разстройствомъ, безпорядкомъ и военнымъ деспотизмомъ янычаръ и войска. Но, достигнувъ совершеннолѣтія, Мурадъ IV устранилъ вліяніе женщинъ, любимцовъ и визирей, и самъ сталъ править государствомъ, но съ такими энергіей, силой и жестокостью, что въ послѣднія 7 лѣтъ своего правленія сдѣлался неограниченнымъ деспотомъ, тираномъ и залилъ Турцію кровью болѣе 100 т. казненныхъ имъ и погибшихъ въ усмиреніи бунтовъ и возстаній и въ возсоединеніи Багдада и другихъ отторгнутыхъ отъ Турціи городовъ и земель.

Гаммеръ, въ своей «Исторіи османскаго государства» такъ изображаетъ, на основаніи турецкихъ источниковъ, состояніе Турціи передъ 1633 г. и кровавое правленіе Мурада IV: «Престолъ, имѣвшій лишь тѣнь господства, но лишенный всякаго уваженія и власти, грозилъ паденіемъ, вмѣстѣ съ государствомъ, подъ желѣзнымъ игомъ деспотизма войска и возмущеніемъ областей. Упадокъ былъ всеобщій, и чрезъ утрату отторгнутыхъ областей, и чрезъ обезлюденіе еще сохраненныхъ, и отъ бремени налоговъ и вымогательствъ, хищничества намѣстниковъ и войскъ, подкупности визирей и судей, превосходства силы и дерзости янычаровъ и спаговъ, возмущеній намѣстниковъ Эрзерума и Багдада. 19 санджаковъ были въ рукахъ персіянъ. Въ казну поступало едва 10 милліоновъ аспровъ (піастровъ). Упадокъ постоянныхъ войскъ на жалованьѣ—янычаровъ и 6 конныхъ ортъ стражи санджака—возрасталъ ежедневно, вслѣдствіе несоблюденія старинныхъ уставовъ. Ежедневно умножалось число «чаушей», «мумджей» (освобожденныхъ) и «отураковъ» (пенсіонеровъ); за то число «акинджей» (бѣгуновъ набѣжчиковъ), нѣкогда составлявшихъ самую грозную силу турецкихъ армій въ ихъ нашествіяхъ, съ 20 т. чел. упало до 2 т. Иррегулярныя пѣшія войска въ Европѣ и Азіи вовсе не ходили уже болѣе на войну, предоставляя это леннымъ ополченіямъ. Многіе изъ леновъ были переданы такимъ людямъ, которые, хотя значились въ смотровыхъ спискахъ, но никогда не ходили на войну. Орты спаговъ и селигдаровъ также пришли въ

упадокъ. Вреднѣйшими нововведеніями въ войскѣ были: «спаги-огланы» или кандидаты въ спаги, и замѣстительство янычаромъ наемниками изъ отребія народа» *).

«Самъ Мурадъ IV былъ въ полномъ смыслѣ тиранъ, желчный, кровожадный, мстительный. Одаренный необыкновенною тѣлесною силой, онъ искусно металъ джеридъ и мѣтко стрѣлялъ изъ лука, страстно любилъ охоту на оленей, лосей, зайцовъ, дикихъ козъ и пр., особенно громадныя охоты съ 25 до 30 т. загонщиковъ. Его словъ и знаковъ всѣ трепетали и всѣ исполняли ихъ какъ приговоры судьбы. Все умолкало и бѣжало передъ нимъ. Отъ этого при немъ развились шпіонство и доносы, и самъ онъ ходилъ по ночамъ переодѣтый каждый разъ въ различныя одежды. Онъ пылалъ неутолимою алчностью золота и крови, и чтобы удовлетворить первой страсти, проливалъ потоки крови. Запретивъ подъ страхомъ смерти пьянство, самъ онъ сдѣлался горькимъ пьяницой, проводя ночи въ пьянствѣ съ своими собутыльниками. Въ послѣднія 7 лѣтъ его правленія казнено было по его приказанію болѣе 50 т. чел., а во всѣ 17 лѣтъ его правленія, въ бунтахъ, бояхъ и казняхъ погибло по крайней мѣрѣ 100 т. чел.—Его глубоко скрытая мстительность, долго питаемая его кровожадностью, лучше всего выражается собственными его словами: «Мщеніе не старѣетъ, даже если посѣдѣетъ». Строго запретивъ роскошь во всемъ и для всѣхъ, самъ онъ имѣлъ множество отличныхъ лошадей въ драгоцѣнныхъ конскихъ уборахъ. Войска онъ держалъ въ строгой покорности взятою съ нихъ клятвой и еще болѣе—петлей и мечомъ. Передъ кровавымъ походомъ его въ Багдадъ, число войскъ на жалованьѣ и безъ жалованья, регулярныхъ и иррегулярныхъ, доведено было имъ до 200 т. чел.; изъ 162 ортъ янычаровъ выбраны были 30 т. чел. и изъ 60 т. джебеджи—1 т. чел. отборныхъ. Доходы были исчислены въ 8 милліоновъ, а отъ леновъ въ 6 милліоновъ червонцовъ. Но каковъ онъ ни былъ гнусный тиранъ и сколько ни заслуживаетъ проклятія человѣчества, исторія должна однако воздать ему ту справедливость, что онъ снова закалилъ кровью мечъ Османова дома, размягчившійся въ рукахъ слабыхъ правителей—предшественниковъ его, Мурада,—задушилъ гидру земскихъ возмущеній въ собственной ея крови, отторгнутую персіянами пограничную крѣпость Багдадъ—святыню Ислама и твердыню восточной границы—снова возвратилъ государству,—на время отчасти уничтожилъ злоупотребленія,—вырвалъ изъ рукъ спаговъ захваченныя ими духовныя имущества и разныя должности,—очистилъ ряды янычаровъ и ленныхъ владѣльцовъ отъ незаконно-вторгшихся въ

*) Gr: G. des osmanischen Reiches, 4 B. 45 Buch.

нихъ людей,—мечомъ, всегда висѣвшимъ надъ головами намѣстниковъ и сборщиковъ податей, удержалъ ихъ мечи надъ головами подданныхъ,—и османское государство, умаленное слабостью и неспособностью предшественниковъ его, Мурада, униженное изнѣженностью Мурада III, слабостью Мухаммеда III, юношескою неопытностью Ахмеда I, неразумнымъ духомъ преобразованій Османа II и слабоуміемъ Мустафы I, раздираемое междуусобіями, земскими возмущеніями, бунтами войскъ и государственными переворотами, онъ снова кровью и мечомъ сплотилъ въ одно цѣлое, такъ что оно еще продержалась около двухъ поколѣній до эпохи быстраго уже упадка своего, именно до Карловицскаго мира (1699 г.).» *).

По смерти Мурада IV въ 1640 г. отъ страсти къ вину, братъ и преемникъ его Ибрагимъ I, изнѣженный, развращенный, расточительный и—жестокій, только опытнымъ великимъ визирямъ былъ обязанъ довольно удовлетворительнымъ управленіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, но не поддержалъ возстановленную Мурадомъ IV дисциплину въ войскѣ—и въ 1648 г. былъ умерщвленъ взбунтовавшимися янычарами. Преемникомъ его былъ 7-ми-лѣтній сынъ его Мухаммедъ IV, во время несовершеннолѣтія котораго государствомъ правили бабка и мать Мухамеда. Взаимные раздоры ихъ и враждебныхъ между собою религіозныхъ сектъ, безпрестанныя возмущенія въ областяхъ, бунты войскъ и неудачи турецкаго оружія на сухомъ пути и морѣ были причинами, что первыя 8 лѣтъ царствованія Мухамеда IV (1648—1656) снова были самымъ смутнымъ временемъ для Турціи. Великіе визири безпрестанно мѣнялись, потому что ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ себя въ силахъ нести тяжелое бремя правленія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Наконецъ, къ счастію для Турціи, шестой, избранный въ это званіе въ 1656 г.—70-лѣтній, даровитый Мухаммедъ Кёприли согласился принять его на особенныхъ условіяхъ полномочія и самостоятельности и въ 5 лѣтъ времени успѣлъ, хотя и строгими до жестокости мѣрами, подавить мятежный духъ войска и возстанія въ областяхъ и возстановить дисциплину въ войскѣ, силу правительства и могущество Турціи. По смерти его въ 1661 г., сила и значеніе рода его были уже такъ упрочены, что званіе великаго визиря наслѣдственно и безпрепятственно перешло къ сыну его Ахмеду Кёприли. Такъ какъ государство было уже успокоено внутри отцомъ Ахмеда, то послѣдній умѣрилъ строгость правленія и обратилъ турецкое оружіе на внѣшнія предпріятія — противъ Венеціи за о. Кандію и противъ Австріи за Трансильванію, а въ послѣдствіи и противъ

*) Hammer 5 B. 48 Buch.

Польши за Подолію и Украйну. Но, какъ сказано выше, въ это время военное искуство въ западной Европѣ сдѣлало уже такіе успѣхи, что турецкое войско не въ состояніи было съ успѣхомъ бороться съ Австріей и ея союзниками и терпѣло частыя неудачи. За то Ахмедъ Кёприли завоевалъ у Венеціи о. Кандію (1669), а у Польши Каменецъ, Подолію и часть Украйны (1676) и вслѣдъ затѣмъ умеръ. Послѣ него званіе великаго визиря наслѣдовалъ зять его Кара-Мустафа, и при немъ Турція, вмѣстѣ съ Крымомъ, впервые вступила въ войну съ Россіей изъ-за малороссійскихъ казаковъ. Но послѣ нѣсколькихъ перемѣнныхъ успѣховъ подъ Хотиномъ, въ 1681 г. Кара-Мустафа заключилъ миръ и, уступивъ Россіи Азовъ, обратилъ турецкое оружіе противъ Австріи и осадилъ Вѣну. Но разбитый подъ нею въ 1683 г. Собѣскимъ, онъ поплатился за то своею головой. Тщетно старались преемники его Ибрагимъ и Сулейманъ возстановить военное могущество Турціи и даровать торжество ея оружію. Неудачи его со всѣхъ сторонъ, особенно противъ Австріи, такъ возстановили янычаръ и народъ въ Константинополѣ противъ Мухаммеда IV, что 8 ноября 1687 г. они низложили его и возвели на его мѣсто брата его, Сулеймана II (или III). Но этотъ переворотъ только поставилъ Турцію въ еще худшее положеніе, потому что къ бѣдствіямъ неудачной внѣшней войны присоединились еще бо̀льшія внутри государства, вслѣдствіе раздоровъ, смутъ, возстаній и необузданнаго деспотизма войска. Возведенный въ званіе великаго визиря братъ Ахмеда Кёприли, Мустафа, лишь на краткое время—въ 1690—91 г.г.—возстановилъ нѣкоторый порядокъ внутри государства и успѣхъ оружія его извнѣ, но, по смерти его въ 1691 г. въ сраженіи съ австрійцами, Турція снова впала въ прежнее положеніе, которое и продолжалось до самаго Карловицкаго мира (26 января 1699 г.).

Такимъ образомъ изъ всего XVII вѣка только въ 36 лѣтъ (съ 1633 г. по 1640 г. при Мурадѣ IV, съ 1656 г. по 1683 г. и въ 1690—91 г. г. при великихъ визиряхъ изъ рода Кёприли) военное устройство Турціи и ея войска находились въ большемъ или меньшемъ порядкѣ, во все остальное же затѣмъ время—въ состояніи крайняго упадка и разстройства, ничѣмъ не лучшемъ современнаго состоянія его въ Польшѣ, раздираемой анархіею, и представлявшемъ точное подобіе состоянія его въ римской имперіи при первыхъ императорахъ и военномъ деспотизмѣ преторіанцовъ. Доказательствомъ того можетъ служить изображеніе состоянія въ это время янычаровъ, спаговъ и другихъ родовъ турецкихъ войскъ.

Янычары, это превосходное въ началѣ своего учрежденія въ XIV войско, 300 лѣтъ спустя пришли въ такой упадокъ, что стали

грозою и ужасомъ не внѣшнихъ враговъ, но собственныхъ: государства и сограждапъ. Такъ какъ составъ ихъ уже совершенно измѣнился противъ первоначальнаго, то наборъ въ нихъ малолѣтнихъ уже прекратился совершенно (какъ полагаютъ — около 1623 г.). Хотя прежніе «аджемъ-огланы» и продолжали еще существовать, но уже въ совершенно иномъ смыслѣ. Это учрежденіе ниспало уже на степень обыкновеннаго рекрутскаго набора въ совершенно павшее войско янычаровъ, безъ всякаго вниманія къ его прежнему духу и къ первоначальному обычаю образованія его, которые обусловливались и способомъ состава его, и строгою дисциплиной. Притомъ эти янычарскіе новобранцы и въ числительномъ отношеніи все болѣе и болѣе умалялись. Такъ, напримѣръ, въ 1619 г. «аджемъ-огланов» считалось еще до 17 т., а передъ 1638 г. даже до 26 т., но въ 1660 г. уже только 4,102 па жалованьѣ *).

Непомѣрное же увеличеніе, напротивъ, съ XVI вѣка, состава всего войска янычаровъ вообще, именно и довершило упадокъ его. Въ 1619 г. янычаровъ считалось уже 30 т. чел., въ составѣ 161 орты, въ 100—500 чел. каждая, а въ 1660 г.—не менѣе 54,222 чел., однихъ состоявшихъ на жалованьѣ. Но сверхъ того было по крайней мѣрѣ столько же не получавшихъ жалованья, а успѣвшихъ, помощью потворства или подкупа начальниковъ, быть внесенными въ янычарскіе списки, только для пользованія соединенными съ тѣмъ преимуществами—свободой отъ податей и проч., безъ несенія притомъ никогда и никакой службы. Поэтому-то въ послѣдствіи, изъ числа болѣе 100 т. янычаровъ по спискамъ, дѣйствительно на службѣ было едва 25 т. чел. При этомъ, новымъ бременемъ для казны были «эйтамы» или янычарскіе сироты, которыхъ называли «фодолахоранами», т. е. хлѣбоѣдами или дармоѣдами. Съ матеріальнымъ упадкомъ янычаровъ естественно возрасталъ и нравственный. Такъ какъ семейные янычары не могли содержать себя однимъ скуднымъ жалованьемъ своимъ, то они и искали другихъ средствъ къ существованію, поступая въ наймы и на хлѣбы даже къ христіанамъ и евреямъ, и вообще прибѣгая къ всевозможнымъ средствамъ помочь себѣ въ своей бѣдности, и потому все болѣе и болѣе теряли всякое уваженіе къ себѣ. Коль же скоро нравственная сила и дисциплина между янычарами пали, правительство уже не стало болѣе строго придерживаться прежняго способа состава янычарскаго войска. Мурадъ IV, своими строгими до жестокости мѣрами, старался возстановить составъ, устройство, дисциплину и нравственную силу яны-

---

*) Zinkeisen: G. des osmanischen Reiches, 3 Th. и Meynert: G. Des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa etc. 3 B.

чаровъ. Онъ изгналъ изъ ихъ рядовъ всѣхъ слабосильныхъ и неспособныхъ къ службѣ молодыхъ людей, а взамѣнъ ихъ снова призвалъ къ ней сильныхъ и способныхъ, откупившихся отъ нея деньгами. Онъ уничтожилъ также другое злоупотребленіе, вкравшееся въ войско янычаровъ—замѣстительство «ямаками» изъ отребія черни. Онъ старался также и другими мѣрами положить предѣлъ распущенности янычаровъ, которая была причиной всегдашней склонности ихъ къ смутамъ и бунтамъ. Но всѣ усилія его имѣли лишь временный успѣхъ при его жизни; по смерти же его, янычары пришли въ прежнее и даже худшее положеніе [1]).

Подобно тому, какъ между янычарами при «умножившемся» числѣ ихъ, такъ и между спагами при «умалившемся» все клонилось къ упадку. Въ 1619 г. число спаговъ уменьшилось уже до 28 т. чел., а лѣтъ 20 спустя ихъ считалось едва 10 т. чел., которые притомъ всячески уклонялись отъ службы. Въ 1640 г. спаги, состоявшіе на жалованьѣ и раздѣленные на 980 оргъ въ 20—30 чел. каждая, должны были выставлять всего отъ 20 т. до 30 т. чел. конницы, дѣйствительно же на службѣ было ихъ не болѣе 13 т. чел., а лѣтъ 20 позже по спискамъ значилось только 15,155 чел., въ концѣ же XVII вѣка въ постоянномъ войскѣ считалось только 11,670 спаговъ и селигдаровъ.

Такого же упадка не могла избѣжать и артиллерія, нѣкогда столь отличная. Около половины XVII вѣка, при Мурадѣ IV, она упала до того, что всѣхъ «топчи» или пушкарей, со включеніемъ «джебеджи» или оружейниковъ, считалось только 6 т. чел., да и въ 1660 г. ихъ было не болѣе, именно 2,026 «топчи», 282 «топъ-арабаджи» или прислуги при орудіяхъ и паркахъ и 4,180 «джебеджи». Только въ послѣдствіи артиллерія умножилась и числомъ и улучшилась качествомъ [2]).

§ 14.

Общій взглядъ.

Изъ всего изложеннаго выше (въ главахъ I и II, §§ 1—13) можно усмотрѣть вообще слѣдующее:

Россія, еще отчужденная отъ западной Европы, отрѣзанная отъ

---

[1]) Нельзя не замѣтить здѣсь разительнаго сходства въ современномъ состояніи матеріальнаго и нравственнаго упадка турецкихъ янычаровъ и русскихъ стрѣльцовъ.

[2]) *Zinkeisen* и *Meynert*.

нея Польшей и Литвой, еще сохранявшая свое старорусское военно-помѣстное устройство, со всѣми его принадлежностями—мѣстничествомъ, родовымъ чиноначаліемъ, буйными и своевольными подъ конецъ стрѣльцами, несовершенствомъ военнаго дѣла вслѣдствіе всеобщаго невѣжества, съ большимъ еще вліяніемъ азіятскаго востока, чѣмъ европейскаго запада,—еще значительно уступала послѣднему вообще и Швеціи особенно въ военномъ отношеніи. Но, съ другой стороны, она столь же значительно превосходила и Польшу, и Литву, и Крымъ, и Турцію, не только не страдая анархіей, подобно первымъ двумъ, ни деспотизмомъ войска, подобно Турціи, ни дикими побужденіями татарскихъ ордъ, но и напротивъ имѣя мудрое, благоустроенное правительство, пользуясь содѣйствіемъ воинственнаго и уже благоустроеннаго казачества, сначала донскаго и прочаго восточнаго, а потомъ и днѣпровскаго, и въ одномъ цѣломъ съ нимъ образуя относительно могущественную на востокѣ Европы военную силу.

Польша и Литва, татары и турки, напротивъ, и въ военномъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, находясь въ состояніи крайнихъ: упадка, разстройства и слабости, крайне безпокойные и для себя, и для всѣхъ своихъ сосѣдей, болѣе или менѣе уступали имъ на востокѣ и особенно на западѣ Европы, Польша и Литва—Швеціи, Россіи, казакамъ, татарамъ и туркамъ, вслѣдствіе анархіи и неурядицы своихъ, татары—казакамъ и Россіи, вслѣдствіе своихъ прирожденныхъ, дикихъ и хищныхъ побужденій и дѣйствій, а турки — казакамъ и особенно Австріи и западно-европейскимъ государствамъ, вслѣдствіе развитія въ нихъ новаго военнаго искуства и собственныхъ: упадка, неустройства и безсилія отъ военнаго деспотизма войска.

Вся же восточная Европа вообще (за исключеніемъ Швеціи), въ отношеніи къ состоянію въ ней военнаго устройства и военнаго дѣла, въ сравненіи съ современнымъ состояніемъ ихъ въ западной Европѣ, особливо во 2-й половинѣ XVII вѣка, стояла болѣе или менѣе низко, имѣя характеръ болѣе восточно-азіятскій, нежели западно-европейскій.

ГЛАВА III.

ВОЙНЫ И ПОХОДЫ.

I. Русскія войны при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ (1613—1645). — § 15. Война съ внутренними врагами (1613—1616).—§ 16. Война съ Швеціей (1614—1617).—§ 17. 1-я война съ Польшей (1617—1618).—§ 18. 2-я война съ Польшей (1632—1634).—§ 19. Война съ крымскими татарами (1632—1641). — Завоеванія въ Сибири.

I.

Русскія войны при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ (1613—1654).

§ 15.

Война съ внутренними врагами (1613—1616).

Въ первыя шесть лѣтъ царствованія Михаила Өеодоровича (1613—1618) русское правительство принуждено было употребить чрезвычайное напряженіе силъ для того, чтобы въ одно и тоже время избавиться отъ внутреннихъ враговъ—поляковъ, казаковъ, татаръ и отразить внѣшнихъ—шведовъ и поляковъ.

Прежде и болѣе всего необходимо было очистить Россію отъ поляковъ, владѣвшихъ городами, занятыми до 1613 г. во имя Владислава. Изъ нихъ Дорогобужъ, Вязьма и Бѣлый были взяты безъ особеннаго труда, но Смоленскъ, занятый сильнымъ польскимъ отрядомъ, оборонялся упорно. Послѣ тщетныхъ усилій взять его приступомъ, царскіе воеводы князья Черкаскій и Троекуровъ тѣсно обложили

его, дабы принудить его къ сдачѣ голодомъ, но не успѣли въ томъ до іюня 1615 г. На смѣну ихъ были посланы князь Хованскій и Вельяминовъ. Но гетманъ Ходкевичъ подоспѣлъ съ подвозомъ продовольствія и успѣлъ снабдить имъ Смоленскъ, искусною хитростію обманувъ царскихъ воеводъ. А нѣсколько времени спустя Гонсѣвскій принудилъ ихъ снять обложеніе Смоленска и отступить.

Причиной неудачныхъ дѣйствій русскихъ войскъ подъ Смоленскомъ была малочисленность ихъ, потому что русское правительство было принуждено обратить главныя силы противъ Заруцкаго. Послѣдній, во время похода князя Пожарскаго въ 1611—1612 г. г. отъ Нижняго Новгорода къ Москвѣ, удалился съ Мариною Мнишекъ на Донъ, въ надеждѣ найти ей усердныхъ защитниковъ въ донскихъ и волжскихъ казакахъ. Русское правительство поспѣшило послать казакамъ богатые дары, дабы удержать ихъ въ повиновеніи себѣ, и въ тоже время отправило князя Ивана Одоевскаго изъ Москвы и воеводъ изъ разныхъ городовъ для преслѣдованія Заруцкаго. Разбитый близь Воронежа, онъ бѣжалъ на нижнюю Волгу, овладѣлъ Астраханью, провозгласилъ Марину русскою царицей и просилъ помощи и персидскаго шаха. Но, вытѣсненный стрѣльцами изъ Астрахани въ море и бросясь отсюда на р. Яикъ, здѣсь въ іюнѣ 1614 г. онъ былъ схваченъ, отправленъ вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ въ Москву и казненъ, Марина заключена въ темницу, гдѣ и умерла, а сынъ ея повѣшенъ.

Это успокоило донскихъ, волжскихъ и яицкихъ казаковъ, и пресѣкло новыя попытки самозванства; но весь сѣверо-восточный край еще былъ жертвой донскихъ, малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ, боярскихъ холопей и разнаго сброда мятежниковъ и грабителей. Занимая города и селенія и страшно грабя и убивая беззащитныхъ жителей, въ концѣ 1614 г. они соединились въ одно грозное ополченіе подъ начальствомъ атамана Баловня, въ конецъ разорили все пространство края отъ Вологды и Вятки до Твери и отъ Бѣлозерска до Нижняго Новгорода и Углича. Тщетно царь старался смирить ихъ мѣрами кротости, а духовенство—увѣщаніями духовными: они упорствовали въ мятежѣ и злодѣйствахъ, и потому противъ нихъ послано было царское войско подъ начальствомъ боярина и воеводы князя Лыкова. Послѣдній, съ другими воеводами, преслѣдовалъ ихъ отъ Вологды до Москвы, на голову разбилъ на р. Лужѣ въ малоярославскомъ уѣздѣ и 3,256 чел. взятыхъ въ плѣнъ отослалъ на службу; Баловня же былъ повѣшенъ, а нѣкоторые атаманы заключены въ тюрьмы.

Между тѣмъ въ краѣ къ западу и югозападу отъ Москвы страшно злодѣйствовало другое скопище людей разныхъ народностей, но пре-

имущественно поляковъ подъ начальствомъ Лисовскаго. Противъ этого скопища были посланы съ войсками князь Димитрій Михайловичь Пожарскій и воевода Исленьевъ. Они преслѣдовали Лисовскаго изъ одного города въ другой до Лихвина, но здѣсь, по тяжкой болѣзни Пожарскаго, преслѣдованіе прекратилось, а Лисовскій, двигаясь съ необыкновенною быстротой, бросился къ Ржеву, Кашину, Угличу, но, отраженный отъ нихъ, пробрался между городовъ до Алексина и отъ него въ Литву, разоряя все на пути огнемъ и мечомъ и грабя жителей. Посланные противъ него русскіе воеводы нигдѣ не могли настигнуть его; только въ алексинскомъ уѣздѣ настигъ его князь Куракинъ, но не могъ причинить ему большаго вреда и отрѣзать отъ Литвы (1616). Отсюда Лисовскій замышлялъ новый набѣгъ во внутреннія русскія области, но внезапная смерть его избавила наконецъ отъ него Россію.

Такимъ образомъ къ 1617 году она была наконецъ очищена отъ скопищъ грабителей и разорителей, оставшихся отъ смутнаго времени и страшно злодѣйствовавшихъ въ ней.

§ 16.

Война съ Швеціей (1614—1617).

Между тѣмъ на сѣверѣ русское правительство принуждено было отражать шведовъ, лично предводимыхъ знаменитымъ королемъ своимъ Густавомъ-Адольфомъ.

Послѣдній, по избраніи царя Михаила Ѳеодоровича потерявъ надежду доставить русскій престолъ брату своему Карлу-Филиппу, положилъ по крайней мѣрѣ присоединить къ Швеціи новгородскую область, подъ предлогомъ вознагражденія за военные убытки первой въ смутное въ Россіи время. Еще въ мартѣ 1613 г. шведы осадили Тихвинъ и разбили высланнаго на помощь ему Сумбулова. На выручку его былъ посланъ Плещеевъ съ другимъ отрядомъ, но, еще до прихода его, тихвинцы съ воеводами княземъ Прозоровскимъ и Воронцовымъ-Вельяминовымъ отразили шведовъ и взяли у нихъ пушки. Въ сентябрѣ 1613 г. въ Москвѣ рѣшено было дѣйствовать наступательно противъ Новгорода, находившагося во власти шведовъ, и послали къ нему войско подъ начальствомъ князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго (извѣстнаго дѣятеля подъ Москвою и въ Москвѣ въ 1611-12 г.г.), князя Мезецкаго и Василія Бутурлина. Они стали подъ Бронницами, въ 30 верстахъ *отъ Новгорода, но выбрали* неудобное для того мѣсто и сверхъ того

въ станѣ ихъ были безпорядки и грабежи. Делагарди вышелъ противъ нихъ изъ Новгорода и обложилъ ихъ такъ, что у нихъ произошелъ голодъ. Царь приказалъ имъ отступить къ Торжку, при чемъ они понесли большой уронъ въ людяхъ и лошадяхъ.

Осенью 1614 г. самъ Густавъ-Адольфъ явился въ русскихъ предѣлахъ, послѣ двухъ приступовъ взялъ Гдовъ и затѣмъ возвратился въ Швецію, съ намѣреніемъ въ слѣдующемъ году осадить Псковъ, если до тѣхъ поръ русскіе не согласятся на выгодный для Швеціи миръ. Онъ желалъ этого мира, не видя никакой выгоды для Швеціи не только дѣлать новыя завоеванія въ Россіи, но даже удерживать прежнія и въ томъ числѣ Новгородъ. Поэтому онъ старался склонить московское правительство къ миру частію перепиской и переговорами и частію оружіемъ.

Въ 1615 г. онъ лично двинулся съ войскомъ изъ Финляндіи въ Ингерманландію (нын. Петербургскую губернію), взялъ приступомъ Ангдамъ, занялъ всю эту область и 30 іюня ст. ст. подступилъ съ сѣвера къ Пскову. У него было 16 т. чел. войскъ [1]), въ числѣ которыхъ находились и русскіе черкасы (малороссійскіе казаки). Въ Псковѣ же воеводами были Василій Морозовъ и Ѳеодоръ Бутурлинъ. Густавъ-Адольфъ расположился на Снятной горѣ, на правомъ крутомъ берегу р. Великой, въ 4 верстахъ ниже Пскова, гдѣ находился Снятогорскій монастырь [2]), и отсюда повелъ приступъ къ Пскову. Воеводы вышли изъ него на встрѣчу шведамъ и первая, жаркая сшибка ихъ съ ними была неудачна для послѣднихъ: они потеряли въ ней убитымъ фельдмаршала Эверта Горна, однако принудили воеводъ отступить въ городъ и обложили его съ сѣверной стороны—съ Запсковья [3]), по словамъ «Повѣсти»—разоряя окрестности огнемъ и мечомъ. 15 августа въ 1-мъ часу ночи они подступили по правому берегу р. Великой къ городскимъ воротамъ у нижнихъ рѣшетокъ на р. Псковѣ, выбили эти ворота петардой, вломились въ городъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ, и дошли уже до улицы Звонницы на Запсковьѣ, но вскорѣ были выбиты псковичами вонъ изъ города. Утромъ же того же 15 августа они начали рыть въ томъ же мѣстѣ, на правомъ берегу р. Великой, траншеи, ставить туры и плетни и строить малые форты, а нѣсколько далѣе устроили большой фортъ, земляной, обитый дерномъ, гдѣ сталъ самъ Густавъ-Адольфъ. Всѣхъ такихъ фортовъ было болѣе 10, а на р.

---

[1]) Въ «Повѣсти о прихожденіи Свейскаго краля подъ Псковъ»—15 т. «нѣмецкихъ» людей.

[2]) Нынѣ въ немъ лѣтомъ имѣютъ пребываніе псковскіе архіереи.

[3]) См. планъ осады Пскова Баторіемъ въ 1581 г.—въ 3-й части В. И. *среднихъ временъ*.

Великой были наведены 2 моста. Въ траншеяхъ шведы поставили 12 большихъ пушекъ, а другія такія же за рѣкою Великою у Іоанно-Предтеченскаго монастыря противъ Кремля. На 3-й день (17 августа) въ 7-мъ часу утра они открыли изъ этихъ пушекъ съ двухъ сторонъ огонь по городскимъ стѣнамъ и по Варлаамовской башнѣ, производили его до вечера и сбили угольную башню до половины, а городскую стѣну пробили до земли. На 4-й и 5-й дни (18 и 19 августа) они продолжали обстрѣливать городъ съ тѣхъ же мѣстъ и изъ тѣхъ же пушекъ, бросили въ городъ до 700 каленыхъ ядеръ и несмѣтное число чугунныхъ и желѣзныхъ, для зажженія и разрушенія города и его стѣнъ и башенъ, которымъ и нанесли большой вредъ. Но осажденные оборонялись мужественно и упорно, противудѣйствуя также стрѣльбою изъ пушекъ и производя частыя вылазки. Такъ продолжалось до 9 октября безъ всякаго успѣха для шведовъ, у которыхъ между тѣмъ, по словамъ «Повѣсти», произошелъ большой голодъ, такъ что многіе изъ нихъ перебѣжали въ Псковъ. 9-го же октября шведы произвели общій приступъ, какъ по правому берегу р. Великой къ нижнимъ рѣшеткамъ, такъ и съ лѣваго берега рѣки отъ монастыря Іоанна Предтечи черезъ рѣку на судахъ и плотахъ, производя въ то же время съ обѣихъ сторонъ сильную стрѣльбу по городу изъ всѣхъ пушекъ. Но осажденные съ утра до ночи отбивались со стѣнъ и башенъ всѣми своими силами и средствами, и пушечнымъ, и ружейнымъ огнемъ, и метаніемъ со стѣнъ каменьевъ, бревенъ и пр. Во 2-мъ часу по полудни шведы успѣли однако взобраться на городскую стѣну и на угольную башню и начали трубить въ трубы, въ знакъ взятія города. Но осажденные подложили подъ башню порохъ и взорвали ее вмѣстѣ съ находившимися на ней шведами, которые были сброшены въ рѣку; другіе изъ нихъ на плотахъ были потоплены въ ней, а остальные на сухомъ пути отступили внизъ по правому берегу рѣки. Осажденные преслѣдовали ихъ и хотѣли завладѣть ихъ пушками, но не могли, потому что онѣ были слишкомъ сильно укрѣплены, и воротились въ Псковъ. Вскорѣ послѣ того между ними пронесся слухъ, будто шведы произведутъ другой, новый приступъ. Но утромъ того дня, въ который по слуху имѣлъ быть произведенъ этотъ приступъ, псковичи, къ неописанной радости своей, увидѣли, что шведы отвезли отъ города всѣ свои пушки. Между тѣмъ, по словамъ «Повѣсти», царь послалъ на помощь Пскову войска, а Густавъ-Адольфъ, узнавъ о томъ, 26 октября отступилъ отъ Пскова внизъ по правому берегу р. Великой и въ слѣдующемъ 1616 г., при устьѣ р. Великой въ Псковское озеро, устроилъ на горѣ укрѣпленный фортъ, вооруженный *пушками, съ цѣлію* принудить Псковъ къ сдачѣ голодомъ, но псково-

вичи взяли этотъ фортъ со всѣми его пушками, а находившихся въ немъ шведовъ частію перебили, частію взяли въ плѣнъ, и такимъ образомъ Псковъ былъ спасенъ отъ взятія шведами *).

Но снятіе шведами осады Пскова и отступленіе ихъ отъ него произошли не отъ того, что шведы были принуждены къ тому силою оружія, а отъ того, что во 1-хъ Густавъ-Адольфъ, какъ уже сказано выше, желалъ болѣе заключенія мира съ Россіей, для предстоявшихъ уже ему военныхъ дѣйствій въ Германіи, чѣмъ присоединенія Новгорода и Пскова съ ихъ областями къ Швеціи;—во 2-хъ отраженіемъ князя Трубецкаго отъ Новгорода и осадою Пскова онъ желалъ принудить русское правительство къ заключенію выгоднаго для Швеціи мира, съ уступкой ей нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ и земель; въ 3-хъ Псковъ былъ слишкомъ сильно укрѣпленнымъ городомъ (какъ то изображено при описаніи осады его Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г.), а псковичи оборонялись въ немъ гораздо упорнѣе, нежели того ожидалъ Густавъ-Адольфъ, почему сберегая свои небольшія силы, онъ не счелъ благоразумнымъ настойчиво продолжать осаду, стоившую уже ему довольно большаго урона въ людяхъ; и наконецъ въ 4-хъ въ особенности потому что, при дѣятельномъ посредничествѣ англійскаго агента при московскомъ дворѣ Джона Мерика, онъ склонился на мирныя предложенія русскаго правительства, которое также крайне нуждалось въ мирѣ и желало его. Поэтому, уполномочивъ Делагарди вступить въ мирные переговоры съ русскими уполномоченными, Густавъ-Адольфъ снялъ осаду Пскова и удалился съ братомъ своимъ Карломъ-Филиппомъ въ Швецію. Мирные переговоры съ обѣихъ сторонъ, при посредничествѣ Мерика, продолжались съ 4 января 1616 г. до 27 февраля 1617 г., когда наконецъ, въ селеніи Столбовѣ между Тихвиномъ и Ладогой, былъ заключенъ вѣчный миръ между Россіей и Швеціей, по которому первая уступила послѣдней Ивангородъ, Ямы (Ямбургъ), Копорье, Орѣшекъ и Кексгольмъ съ Ижорскою землей (Ингріей или Ингерманландіей), за-

*) Здѣсь необходимо исправить ошибку, по недосмотру оставшуюся неуказанною въ 1-й части В. В. И. новыхъ временъ въ западной Европѣ, въ приложеніяхъ, на 11-й страницѣ, въ 3-й строкѣ снизу, гдѣ, вмѣсто: но Псковъ не сдался, напечатано: а Псковъ сдался. Псковъ въ 700 лѣтъ выдержалъ 26 осадъ, но ни разу не сдался, а только одинъ разъ—въ 1240 г. — взятъ былъ, посредствомъ измѣны и предательства, дерптскимъ епископомъ Германомъ, ливонскимъ орденмейстеромъ Германомъ фонъ-Балкъ и союзнымъ съ ними датскимъ полководцомъ, но уже въ мартѣ 1242 г. былъ освобожденъ отъ нихъ новгородскимъ княземъ Александромъ Ярославичемъ (въ послѣдствіи Невскимъ), см. 3 часть В. В. И. среднихъ временъ, 2 отд. въ восточной Европѣ *и въ Азіи, глава* XVIII, § 157, стр. 25.

платнвъ сверхъ того 20,000 рублей (240,000 нынѣшнихъ металлическихъ); Швеція же уступила Россіи всѣ прочіе русскіе города, занятые шведами: Новгородъ, Старую Русу, Ладогу, Порховъ и Гдовъ, а Карлъ-Филиппъ отказался отъ всякихъ притязаній на московскій престолъ.

Не смотря на значительныя пожертвованія Россіи по Столбовскому миру и особенно на утрату приморскихъ городовъ, столь необходимыхъ ей для сношеній съ западною Европой, Михаилъ Өеодоровичъ торжествовалъ заключеніе этого мира какъ побѣду, потому что ему необходимо было сосредоточить всѣ свои силы для отраженія главнаго, непримиримаго врага Россіи — польскаго короля Сигизмунда III.

§ 17.

1-я война съ Польшей (1617—1618).

Сигизмундъ, безразсудною политикою своею лишивъ сына своего, Владислава, московскаго престола, надѣялся еще исправить эту ошибку и возвратить то, что́ уже было невозвратимо. Однако около 4 лѣтъ онъ никакъ не могъ приступить къ рѣшительной борьбѣ съ Михаиломъ Өеодоровичемъ и тѣмъ далъ ему время управиться съ внутренними врагами Россіи и примириться съ Швеціей.

Дѣйствительно, въ эти 4 года дѣла въ Польшѣ были въ такомъ положеніи, что Сигизмундъ не могъ и помышлять о войнѣ съ Россіей. Вся Польша была въ смутѣ и волненіи; сеймы упрекали короля въ безполезныхъ расходахъ и убыткахъ; войска, участвовавшія въ московскомъ походѣ, настоятельно требовали уплаты имъ жалованья, а шляхта не хотѣла идти въ походъ въ Россію, пока не получитъ денегъ впередъ, денегъ же у короля не было нисколько. Составились три сильныя конфедераціи, которыя, захвативъ королевскія имѣнія, лишили короля всѣхъ средствъ вести войну. Тогда онъ прибѣгнулъ къ интригамъ и предложилъ вступить въ мирные переговоры съ Россіей и рѣшить дѣло третейскимъ судомъ римскаго императора Матөея, тайно склонивъ послѣдняго между тѣмъ на свою сторону. Но русскіе уполномоченные отвергли предложеніе польскихъ уполномоченныхъ и рѣшительно требовали возвращенія Смоленска, вывода всѣхъ польскихъ войскъ изъ Россіи, уплаты *1 милліона* рублей за убытки войны, и признанія Михаила Өеодоровича русскимъ царемъ. Польскіе же уполномоченные и посред-

ники Матеея предлагали единственное, по ихъ мнѣнію, средство къ миру—возведеніе Владислава на московскій престолъ. Понятно, что ни та, ни другая сторона никакъ не могли придти къ соглашенію, и наконецъ варшавскій сеймъ, по неотступнымъ просьбамъ Сигизмунда, еще до заключенія Столбовскаго мира, постановилъ послать въ Россію войско для возведенія Владислава на московскій престолъ силою оружія. Главное начальствованіе надъ польскимъ короннымъ войскомъ было ввѣрено самому Владиславу, съ распоряженіемъ литовскаго гетмана Ходкевича всѣми военными дѣйствіями, но подъ наблюденіемъ и руководствомъ 8-ми особыхъ коммисаровъ, назначенныхъ недовѣрчивымъ сеймомъ. Эти коммисары были обязаны наблюдать, чтобы Владиславъ не противудѣйствовалъ заключенію выгоднаго мира съ Москвою, потому что война предпринималась «для испытанія расположенія русскаго народа къ нему, Владиславу»; чтобы онъ имѣлъ въ виду преимущественно выгоды Польши, а не ввѣрялъ своего дѣла невѣрнымъ случайностямъ войны; если же ему удастся овладѣть Москвою, то чтобы не забылъ объ отцѣ и отечествѣ своихъ, и клятвенно подтвердилъ условія, собственноручно подписанныя имъ, именно: 1) соединить московское государство съ Польшей неразрывнымъ союзомъ; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польшѣ и Литвѣ отторгнутыя отъ нихъ области, преимущественно смоленское княжество, а изъ сѣверскаго Брянскъ, Стародубъ, Черниговъ, Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль, Рыльскъ и Курскъ, а также Невель, Себежъ и Велижъ, и 4) отказаться отъ правъ на Ливонію и Эстонію.

Войскъ, которыя могли выступить съ Владиславомъ, было всего не болѣе 11 т. чел., не смотря на всѣ старанія Льва Сапѣги. Весь 1616 г. прошелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Донскіе казаки прислали къ Владиславу атамана Юмина и есаула Гаврилова объявить, что они (т. е. часть ихъ, а не все войско) хотятъ служить ему, и Владиславъ, принялъ ихъ предложеніе.

Въ апрѣлѣ 1617 г. Владиславъ выступилъ изъ Варшавы въ Луцкъ, назначенный сборнымъ мѣстомъ войска. Но принужденный удѣлить часть онаго Жолкѣвскому, готовившемуся отражать турокъ, Владиславъ воротился въ Варшаву, откуда только въ августѣ пріѣхалъ въ Могилевъ на Днѣпрѣ, отсюда отправился въ Смоленскъ и только въ концѣ сентября соединился съ Ходкевичемъ, который осаждалъ Дорогобужъ.

Между тѣмъ съ русской стороны, уже послѣ прекращенія переговоровъ подъ Смоленскомъ, царь 1-го іюля 1616 г. повелѣлъ воеводамъ князю Типбаеву и Лихареву съ отрядомъ около 1,500 чел. *идти въ Литву*, въ окрестности Суража, Велижа, Витебска и др. го-

родовъ, а Дмитріеву и Скуратову съ отрядомъ около 5 т. чел. къ Стародубу. Въ декабрѣ послѣдніе имѣли подъ Болховомъ бой съ литовцами, въ которомъ Дмитріевъ былъ убитъ, а на его мѣсто былъ посланъ князь Иванъ Хованскій, которому приказано убѣждать русскихъ людей въ литовскихъ войскахъ, чтобы они отложились отъ Польши и Литвы и подчинились русскому царю. Литовскія войска, повоевавъ въ карачевскихъ и кромскихъ мѣстахъ, пошли къ Курску, потомъ къ Осколу, который взяли внезапнымъ нападеніемъ и сожгли, къ Бѣлгороду и затѣмъ ушли назадъ за границу. Русскіе воеводы шли за ними, но, какъ видно, вовсе ни въ чемъ не препятствовали имъ и не сражались съ ними. Съ другой стороны воеводы Михаилъ Бутурлинъ и Погожій, стоявшіе подъ Смоленскомъ, 22 октября дали знать, что Гонсѣвскій съ польскими и литовскими войсками намѣревался обойти смоленскіе острожки и стать на московской дорогѣ въ Твердилицахъ, между Дорогобужемъ и Смоленскомъ. Вслѣдствіе того царь приказалъ князю Никитѣ Барятинскому идти изъ Ржева въ Дорогобужъ и изъ него помогать воеводамъ подъ Смоленскомъ, посылать имъ продовольствіе и дѣйствовать противъ литовскихъ войскъ. Въ ноябрѣ Барятинскій пришелъ въ Дорогобужъ, а Гонсѣвскій сталъ въ Твердилицахъ и занялъ всѣ дороги въ Смоленскъ и отъ него. Бутурлинъ увѣдомлялъ, что былъ стѣсненъ со стороны и Смоленска, и Твердилицъ, и терпѣлъ крайній недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ. 6 января 1617 г. царь приказалъ идти изъ Москвы въ Дорогобужъ князьямъ Сулешову и Прозоровскому съ 6 т. войскъ, для соединенія съ Барятинскимъ. Въ мартѣ посланные Сулешовымъ головы Бояшевъ и Таракановъ на-голову разбили литовскаго полковника Вишля, взяли въ плѣнъ его и многихъ другихъ, знамена, трубы и литавры. Но въ маѣ Сулешовъ донесъ, что Гонсѣвскій, соединясь съ полковникомъ Чаплинскимъ, вытѣснилъ Бутурлина и Погожаго изъ смоленскихъ острожковъ ихъ и они отступили къ Бѣлой, а Чаплинскій подступилъ затѣмъ къ Дорогобужу, но былъ разбитъ на голову и потерялъ 240 чел. Послѣ того, Сулешову было приказано, оставивъ въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ воеводъ и войска съ хлѣбными запасами, сколько было нужно, чтобы выдержать осады, самому идти къ Москвѣ. Посланные въ Дорогобужъ князь Пронскій и Колтовской не могли войти въ этотъ городъ, потому что онъ уже былъ осажденъ Ходкевичемъ, и получили приказаніе быть въ Вязьмѣ и оттуда помогать Дорогобужу. Въ іюлѣ въ Москвѣ узнали, что литовскія войска пришли уже въ Ржевскій уѣздъ, въ Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ и Угличъ, и шли къ Старицѣ, Торжку, Устюжнѣ, въ вологодскій и бѣлозерскій край. Во

всѣ эти мѣста необходимо было послать русскія войска, а между тѣмъ уже слышно было, что самъ Владиславъ съ войскомъ шелъ въ Москвѣ.

Уже первыя вѣсти о наступательныхъ дѣйствіяхъ литовскихъ войскъ съ мая 1617 г. (значитъ—два мѣсяца спустя по замиреніи съ Швеціей) стали производить тревогу и безпокойство въ Москвѣ и въ западныхъ русскихъ отрядахъ. Когда же Владиславъ въ концѣ сентября 1617 г. соединился съ Ходкевичемъ подъ Дорогобужемъ, то на русскихъ воеводъ просто напалъ страхъ—и Ададуровъ первый сдалъ Дорогобужъ Владиславу, какъ московскому царю! Пронскій и князь Бѣлосельскій, узнавъ о томъ, постыдно бѣжали изъ Вязьмы къ Москвѣ; князь Гагаринъ, находившійся въ малой (внутренней) крѣпости (цитадели) Вязьмы, хотѣлъ-было остаться въ ней, но видя, что стрѣльцы и посадскіе люди бѣгутъ, противъ воли послѣдовалъ за ними. А казаки, обрадовавшись, что снова настало ихъ время, снова же предались грабежу. Въ концѣ октября Владиславъ торжественно вступилъ въ Вязьму, какъ московскій царь, и послалъ измѣнника Ададурова съ своею царскою грамотой къ боярамъ и пр. московскимъ людямъ, возмущать ихъ и склонять на свою сторону. Словомъ—казалось, будто снова настали прискорбныя явленія смутнаго времени, самозванщины, польщизны и казачества!

Къ счастію Россіи, Москва и люди въ ней были уже не тѣ, чтó за 10 лѣтъ: Ададурова схватили и сослали, Пронскаго и Бѣлосельскаго также, а грамота Владислава произвела только негодованіе. Но поляки остались тѣми же, чтó были: первоначальный успѣхъ наступленія Владислава былъ внезапно прерванъ возмущеніемъ его войска, которое, долго не получая жалованья, не хотѣло переносить голода и холода, и Владиславъ былъ вынужденъ размѣстить его по квартирамъ въ Вязьмѣ и окрестностяхъ. Здѣсь оно испытало и голодъ, и холодъ, и всѣ невыгоды войны среди враждебнаго и ожесточеннаго народа, не измѣнявшаго Михаилу. Ропотъ польскаго войска и настоянія сейма прекратить войну принудили Владислава предложить миръ. Но въ Москвѣ уже были приняты всѣ мѣры къ оборонѣ, изъ всѣхъ городовъ шли войска и правительство не хотѣло и слышать о мирѣ, пока непріятель не выйдетъ изъ русскихъ предѣловъ.

А между тѣмъ «лисовчики» подъ начальствомъ Чаплинскаго дѣлали свое дѣло, безпощадно грабя и разоряя край, взяли Мещовскъ и Козельскъ, но не могли взять Калуги, потому что въ нее, по просьбѣ жителей, былъ присланъ знаменитый князь Димитрій

Михайловичь Пожарскій *), въ распоряженіи котораго было всего только 5,400 войскъ. Чаплинскій расположился у Товаркова, въ одномъ переходѣ отъ Калуги, и безпрестано тревожилъ ее. Но и Пожарскій не оставался въ бездѣйствіи, и оба они дѣйствовали съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока Пожарскому не удалось ворваться въ городокъ (фортъ) Чаплинскаго у Товаркова и истребить въ немъ всѣ запасы. Другой Пожарскій, князь Димитрій Петровичь, былъ посланъ защищать Тверь; на пути туда, въ Клинѣ, его осадилъ полякъ Соколовскій; но Пожарскій выдержалъ осаду съ успѣхомъ и доставилъ въ Тверь назначенные ей запасы. Соколовскій осадилъ его и въ Твери, но Пожарскій и здѣсь выдержалъ осаду удачно. Послѣ Соколовскаго къ Твери пришелъ польскій полковникъ Копычевскій, стоялъ подъ нею двѣ недѣли, но ничего не могъ сдѣлать. Бѣлая также не сдавалась, а попытка Владислава овладѣть Можайскомъ не удалась: находившіеся въ этомъ городѣ воеводы Бутурлинъ и Леонтьевъ знали о движеніи Владислава и были готовы встрѣтить послѣдняго, а онъ, узнавъ объ этомъ и что городъ сильно укрѣпленъ и къ нему на помощь изъ Москвы идетъ сильный отрядъ (около 6 т. чел.) подъ начальствомъ князя Лыкова и Валуева, не рѣшился взять городъ приступомъ, ни осаждать его зимою, въ декабрѣ, и воротился въ Вязьму, потерявъ при этомъ отъ холода много людей, особенно нѣмцовъ. Вмѣстѣ съ отряженіемъ Лыкова и Валуева къ Можайску, Волокъ-Ламскій былъ занятъ князьми Димитріемъ и Василіемъ Черкаскими съ 5 т. чел. войскъ.

Въ концѣ декабря 1617 г. польская рада (совѣтъ) увѣдомила коммисаровъ, что лучше было бы прекратить войну мирными переговорами. Вслѣдствіе того въ Москву былъ отправленъ королевскій секретарь Гридичь съ предложеніемъ назначить съѣздъ уполномоченныхъ и прекратить военныя дѣйствія съ 20 января до 20 апрѣля 1618 г. и въ тоже время произвесть размѣнъ плѣнныхъ. Но московскіе бояре отвѣчали, что переговоры не могли начаться безъ вѣрющей грамоты короля и Рѣчи Посполитой и безъ охранныхъ листовъ русскимъ уполномоченнымъ; что на прекращеніе военныхъ дѣйствій нельзя было согласиться, пока поляки не выйдутъ изъ русскихъ предѣловъ, а плѣнными размѣняться—пока поляки не освободятъ Филарета и князя Голицына, и наконецъ, что когда Владиславъ пришлетъ охранный листъ, бояре отправятъ своего посланца, который уговорится о мѣстѣ переговоровъ и числѣ уполномоченныхъ.

*) Его слѣдовало-бы назначить главнымъ предводителемъ всѣхъ войскъ, но злосчастное мѣстничество было препятствіемъ тому: онъ только-что былъ пожалованъ, при вѣнчаніи Михаила Ѳедоровича, въ бояре и слѣдовательно одинъ изъ младшихъ между ними.

Между тѣмъ Владиславъ въ первые три мѣсяца 1618 г. оставался въ Вязьмѣ въ бездѣйствіи, не наступая и не отступая, но только литовскіе отряды продолжали разорять московскія области; а весною слѣдовало ожидать движенія Владислава къ Москвѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, въ ней положили самимъ заговорить о мирѣ и послали въ Вязьму дворянина Кондырева съ дьякомъ, для переговоровъ съ коммисарами о мѣстѣ съѣзда и числѣ уполномоченныхъ, на основаніи означенныхъ выше условій. Но коммисары отвѣчали, что войско ихъ не выйдетъ изъ русскихъ предѣловъ до окончанія переговоровъ, которые могутъ начаться только 16 іюня, а за двѣ недѣли передъ тѣмъ особые коммисары должны будутъ условиться о мѣстѣ съѣзда и числѣ уполномоченныхъ. На эти хитрыя и коварныя условія польскихъ коммисаровъ бояре не согласились, а между тѣмъ прошла и весна и въ Вязьмѣ получено было изъ Варшавы извѣстіе, что сеймъ постановилъ сдѣлать небольшой сборъ денегъ для продолженія войны, но съ тѣмъ, чтобы она была непремѣнно окончена въ годовой срокъ.

Наконецъ лишь въ началѣ іюня Владиславъ съ войскомъ двинулся изъ Вязьмы и сталъ въ Юркаевѣ, между Можайскомъ и Калугой. Здѣсь на военномъ совѣтѣ Ходкевичь предложилъ идти къ Калугѣ, въ край, менѣе разоренный, гдѣ легче было соединиться съ войсками, которыя шли на помощь отъ Жолкѣвскаго черезъ Украйну; Пожарскаго же въ Калугѣ стѣснить и заставить перейти на сторону Владислава, къ чему онъ, по мнѣнію Ходкевича, будто бы былъ готовъ (!). Но коммисары, представляя, что удаленіе къ Калугѣ дастъ московскимъ воеводамъ возможность овладѣть Вязьмой и отрѣзать поляковъ отъ Смоленска, требовали, чтобы войско шло прямо къ Москвѣ, что̀, будто бы, заставитъ жителей ея передаться Владиславу, какъ было во время Шуйскаго. Это мнѣніе взяло верхъ, но, прежде нежели идти къ Москвѣ, необходимо было овладѣть Можайскомъ, чтобы не оставлять Лыкова въ тылу за собою. А какъ взять Можайскъ приступомъ не было надежды за неимѣніемъ осадныхъ орудій, то рѣшено было идти къ Борисову-городищу и взять его силою или заставить Лыкова выйти изъ Можайска и сразиться въ открытомъ полѣ, гдѣ поляки надѣялись одержать вѣрный успѣхъ. Но два приступа къ Борисову были отбиты, а въ концѣ іюня князю Димитрію Черкаскому приказано было изъ Волока-Ламскаго перейти въ Рузу, ссылаться съ Лыковымъ и, смотря по извѣстіямъ отъ него, идти въ Можайскъ, а Пожарскому изъ Калуги и Курмашъ-Мурзѣ-Урусову съ юртовскими татарами и астраханскими стрѣльцами изъ Москвы въ Боровскъ и оттуда помогать Лыкову. 29 іюня Владиславъ и Ход-

*

кевичъ подступили къ Можайску, но были отбиты и ушли назадъ подъ Борисовъ. Прошло еще 20 дней въ бездѣйствія, а 20 іюля отъ Борисова къ Можайску пришло много польскихъ и литовскихъ войскъ и Лыковъ увѣдомилъ, что по слухамъ Владиславъ и Ходкевичь хотятъ осадить Можайскъ и отрѣзать московскую дорогу. Вслѣдствіе того царь, по совѣту съ боярами, приказалъ Лыкову и Черкаскому занимать Можайскъ и дѣйствовать противъ поляковъ по обстоятельствамъ; въ случаѣ же, еслибы Владиславъ и Ходкевичь дѣйствительно положили осадить Можайскъ, то, оставивъ въ немъ воеводу Волынскаго съ достаточнымъ для выдержанія осады отрядомъ войскъ, Лыкову и Черкаскому со всѣми остальными войсками идти къ Москвѣ, ссылаясь съ Пожарскимъ и получая отъ него помощь.

29 іюля Лыковъ донесъ изъ Можайска, что поляки и литовцы ежедневно обстрѣливаютъ его острожки, ранили Черкаскаго, строятъ окопы, за р. Можаей поставили пушки, стрѣляютъ изъ нихъ, сильно тѣснятъ русскіе острожки и нанесли войскамъ большой уронъ (по польскимъ извѣстіямъ до 1 т. чел.). Тогда царь уже рѣшительно приказалъ Волынскому остаться въ Можайскѣ осаднымъ воеводой, Лыкову и Черкаскому со всѣми остальными войсками осторожно идти къ Москвѣ, Пожарскому — изъ Боровска къ Можайску, присоединивъ къ себѣ войска изъ Борисова съ запасами; когда же Лыковъ и Черкаскій уйдутъ—воротиться снова въ Боровскъ. Вслѣдствіе того Лыковъ и Черкаскій въ первыхъ числахъ августа, въ темную и бурную ночь, тихо вышли изъ можайскихъ острожковъ, 6-го пришли въ Боровскъ и оттуда двинулись къ Москвѣ. Поляки немедленно заняли покинутый и сожженный русскими Борисовъ. Сюда пріѣхалъ Левъ Сапѣга, ѣздившій въ Варшаву за деньгами, но вмѣсто нихъ привезшій только одно обѣщаніе высылки ихъ. Тогда голодныя польскія войска взбунтовались и начали толпами уходить изъ лагеря. Коммисары съ трудомъ успокоили ихъ, обѣщавъ выплатить жалованье 28 октября; однако 4 хоругви ушли, не считая ушедшихъ поодиночно, и при Владиславѣ осталось не болѣе 1 т. чел. регулярныхъ войскъ и нѣсколько сотенъ лисовчиковъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ Ходкевичь снова предложилъ расположиться между Калугой и Боровскомъ, но коммисары снова не согласились на это: желая непремѣнно кончить войну къ годовому сроку, до котораго оставалось уже менѣе 5 мѣсяцовъ, они рѣшили идти прямо къ Москвѣ.

Узнавъ о томъ, царь 9-го сентября созвалъ соборъ духовныхъ и *свѣтскихъ лицъ* и объявилъ, что рѣшился упорно держаться въ *Москвѣ въ осадѣ* противъ Владислава и его войска. Соборъ отвѣ-

чалъ, что всѣ готовы на тоже вмѣстѣ съ царемъ, и тогда же были сдѣланы распоряженія, кому и съ кѣмъ защищать разныя части Москвы, и по городамъ посланы грамоты о помощи людьми и деньгами.

А между тѣмъ къ Москвѣ шелъ не одинъ Владиславъ съ своимъ малочисленнымъ и своевольнымъ войскомъ, но и малороссійскій гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный, съ 20 т. своихъ казаковъ вздумавшій помогать Владиславу противъ Михаила! На пути изъ Украйны онъ разорилъ Путивль, Ливны, Елецъ и Лебедянь, но Михайлова взять не могъ. Узнавъ о томъ, царь приказалъ Пожарскому изъ Боровска идти противъ Конашевича. Пожарскій двинулся къ Серпухову, но сильно заболѣлъ, а войска его по этой причинѣ остановились. Царь приказалъ Пожарскому ѣхать въ Москву, а товарищу его князю Волконскому стать въ Коломнѣ и не пропускать Конашевича черезъ Оку. Но Волконскій не былъ въ состояніи исполнить это и заперся въ Коломнѣ. Здѣсь въ его войскахъ произошла рознь между дворянами и казаками, и послѣдніе ушли во владимірскій уѣздъ, гдѣ много мѣстъ разорили. 17 сентября Владиславъ сталъ въ Звенигородѣ, а Конашевичъ въ селѣ Бронницахъ, 20-го же первый въ Тушинѣ, а послѣдній у Донскаго монастыря и началъ пропускать обозы свои для соединенія съ Владиславомъ. Бояре вышли-было изъ Москвы съ войсками, чтобы воспрепятствовать этому соединенію; но на войска ихъ напалъ такой страхъ, что они безъ боя пропустили Конашевича въ Тушино—и оно снова стало страшилищемъ Москвы. Къ этому присоединился еще сильный страхъ, произведенный на суевѣрныхъ жителей Москвы стоявшею надъ нею кометой. Между тѣмъ все-таки велись переговоры: Владиславъ требовалъ подданства себѣ какъ московскому царю, а бояре тянули дѣло, выжидая холода и въ непріятельскомъ войскѣ—голода. Но непріятель не хотѣлъ ждать ни того, ни другаго, и въ ночь на 1-е октября пошелъ на приступъ. Осажденные были предварены о томъ изъ непріятельскаго же лагеря (французскими инженерами, сообщившими планъ атаки) и были готовы къ отпору. Новодворскій (дѣйствовавшій при осадѣ Смоленска въ 1609—11 г.г.) произвелъ проломъ въ передовомъ городкѣ и дошелъ даже до Арбатскихъ воротъ, защищаемыхъ окольничимъ Годуновымъ, но, прикрѣпляя къ нимъ петарду, былъ раненъ въ руку изъ мушкета. Вслѣдъ затѣмъ Годуновъ произвелъ вылазку изъ воротъ и бился съ поляками до разсвѣта, когда послѣдніе, не получая помощи, отступили, потерявъ 30 чел. убитыми и болѣе 100 ранеными. Приступъ къ Тверскимъ воротамъ былъ еще менѣе удаченъ, потому что польскія лѣстницы оказались слишкомъ короткими.

Словомъ—приступъ былъ отбитъ, и поляки въ неуспѣхѣ его обвинили Ходкевича.

Между тѣмъ польскій наѣздникъ Чаплинскій, послѣ неудачъ своихъ подъ Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ, погибъ отъ служекъ его на р. Вохнѣ. Но и съ русской стороны также погибъ наѣздникъ, крещеный татаринъ князь Михаилъ Канай-Мурзинъ. И снова начались переговоры: рѣшено было, чтобы 20 октября на р. Прѣснѣ съѣхались 5 русскихъ и 4 польскихъ уполномоченныхъ. Они съѣзжались три дня, спорили и никакъ не могли придти къ соглашенію. А уже наступили холода, и Владиславъ двинулся изъ Тушина по переяславской дорогѣ къ Троицкому монастырю и потребовалъ сдачи его. Но ему отвѣчали стрѣльбой изъ пушекъ по его войскамъ, и онъ, отступивъ на 12 вер. къ селу Рогачеву, распустилъ свои войска на фуражировку (т. е. на грабежъ) въ галичскія, костромскія, ярославскія, пошехонскія и бѣлозерскія мѣста; въ послѣднихъ поляки были однако разбиты княземъ Тюфякинымъ. Конашевичь же прямо отъ Москвы пошелъ подъ Калугу и на пути туда взялъ острогъ въ Серпуховѣ, но крѣпости взять не могъ; тоже самое было и въ Калугѣ.

Наконецъ въ деревнѣ Деулинѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Троицкаго монастыря по угличской дорогѣ, 23 ноября произошелъ 1-й съѣздъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Царскій уполномоченный, бояринъ Шереметевъ объявилъ, что о мирѣ и рѣчи не будетъ, пока поляки будутъ называть Владислава московскимъ царемъ. Польскіе уполномоченные доказывали права его на то, а Шереметевъ, исчисливъ всѣ неправды Сигизмунда, удалился. Переговоры прекратились, но Владиславъ возобновилъ ихъ, согласился отказаться отъ званія московскаго царя, но требовалъ — чтобы «всѣ чины московскаго государства отправили въ Варшаву большое посольство просить у него прощенія въ бунтѣ!» и чтобы уступили ему Псковъ, Смоленскъ и Сѣверскіе города! Это нелѣпое требованіе было отвергнуто съ негодованіемъ. Владиславъ отступилъ къ Троицкому монастырю, гдѣ хотѣлъ зимовать, а весною возобновить войну и въ конецъ разорить московское государство! Но войско его рѣшительно не хотѣло служить безъ жалованья, а коммисары, по приказанію сейма, настаивали на заключеніи мира. Русское правительство также желало его, чтобы избавить Россію отъ разоренія лисовчиками и запорожцами. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, 1 декабря ст. ст. 1618 г. въ Деулинѣ было заключено перемиріе на 14 лѣтъ и положено: прекратить военныя дѣйствія, Владиславу отказаться отъ званія московскаго царя, а Михаилу Ѳеодоровичу —*ливонскаго, черниговскаго* и смоленскаго; Россіи уступить Поль-

шѣ смоленскую, черниговскую и сѣверскую области; русскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ Филарета и Шеина (Голицынъ уже умеръ на дорогѣ въ Гроднѣ) освободить. Затѣмъ Владиславъ и Конашевичъ съ своими войсками вышли изъ Россіи.

Разсматривая эту войну и сопоставляя взаимное относительное положеніе обѣихъ воевавшихъ сторонъ, ихъ побужденія, цѣли, силы, средства, способы, военныя дѣйствія и результаты ихъ, нельзя не придти къ заключенію, что обѣ стороны вели эту войну весьма страннымъ образомъ.

Единственный виновникъ ея, все тотъ же Сигизмундъ, этотъ злой геній Польши, Литвы и Россіи, причинившій уже послѣдней столько зла въ смутное время, положилъ, съ своими обычными легкомысліемъ и упрямствомъ, непремѣнно, во что ни стало-бы, возвесть сына своего, Владислава, на московскій престолъ, уже занятый избранникомъ русскаго народа, и присоединить великое государство московское къ польской коронѣ—предпріятіе безразсудное по отношенію къ состоянію Польши и настроенію русскаго народа. Ни то, ни другое не допускало никакой надежды на успѣхъ: польскій сеймъ не соглашался на войну, не давалъ денегъ на нее, но Сигизмундъ упорствовалъ и вымолилъ у него, какъ милости, назначенія денегъ. Но сеймъ назначилъ ихъ такъ мало, что Владиславу, на завоеваніе московскаго престола, дано было едва 11 т. войскъ, да Ходкевичу, съ подкрѣпленіями отъ Жолкѣвскаго, не болѣе! Да и какія это были войска?—рѣшительно неспособныя къ исполненію такой важной и трудной задачи, своевольныя, мятежныя, безпрестанно бунтовавшія, замедлявшія и разрушавшія военныя предпріятія. Руководство же военными дѣйствіями хотя и было поручено Ходкевичу, полководцу опытному, уже ведшему передъ тѣмъ войну въ Россіи и небезъискусному, но онъ былъ связанъ и сеймомъ, и его коммисарами, поперечившими его предположеніямъ и распоряженіямъ. Вслѣдствіе этихъ и многихъ другихъ подобныхъ причинъ, война со стороны Польши была ведена совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Если уже рѣшено было непремѣнно вести ее съ означенною выше цѣлью, то по крайней мѣрѣ ее необходимо было вести обдуманно, основательно, чтобъ обезпечить вѣрный успѣхъ ея, но энергически, быстро, рѣшительно, совокупными силами, весною и лѣтомъ, такъ чтобы не дать противной сторонѣ собраться съ силами и еще до осени достигнуть предположенной цѣли. Но ничего этого сдѣлано не было, а напротивъ—легкомысленное и безразсудное предпріятіе было и исполнено столь же легкомысленно, безразсудно и неумѣло, *въ родѣ* татарскаго нашествія или даже набѣга, но крайне медлен-

но, нерѣшительно, раздѣленными, даже раздробленными силами, съ частымъ и продолжительнымъ бездѣйствіемъ, отвлекаясь отъ главныхъ: цѣли и предмета дѣйствій къ частнымъ и побочнымъ, и вмѣсто одной весны и одного лѣта—цѣлыхъ два года! Готовясь къ войнѣ весь 1616 г. и двинувшись въ походъ въ апрѣлѣ 1617 г., Владиславъ и Ходкевичь едва въ сентябрѣ соединились подъ Дорогобужемъ и, задержанные русскими отрядами, засѣвшими въ Можайскѣ, Калугѣ, Боровскѣ и др. городахъ на пути къ Москвѣ, съ наступленіемъ холода расположились на зимнихъ квартирахъ въ Вязьмѣ и окрестностяхъ и провели на нихъ болѣе полугода въ бездѣйствіи! Двинувшись же наконецъ лишь въ іюнѣ 1618 г. къ Москвѣ, прибывъ къ ней осенью въ сентябрѣ и соединясь подъ нею съ 20 т. казаковъ Конашевича — подкрѣпленіемъ весьма вѣскимъ, Владиславъ произвелъ приступъ къ Москвѣ лишь 1-го октября, но отбитый и отъ Москвы, и отъ Троицкаго монастыря, когда войску его уже грозили и зима, и голодъ, вынужденъ былъ искать мира. И благо ему еще было, что и противная сторона желала того же и что миръ былъ заключенъ 1-го декабря, хотя и съ отреченіемъ Владислава отъ московскаго престола, но съ важными пріобрѣтеніями для Польши и безъ неминуемой, въ противномъ случаѣ, гибели польскаго войска отъ холода и голода.

Не менѣе странно было веденіе войны и съ русской стороны. Какъ ни разстроено, истощено и ослаблено было московское государство, но нашествіе Владислава безусловно требовало отраженія и охраненія внѣшней безопасности и самостоятельности Россіи, войскъ же для этого было, какъ послѣдствія доказали, не только достаточно, но и болѣе, нежели у Владислава. Поспѣшивъ примириться съ Швеціей въ началѣ 1617 г. съ тою именно цѣлію, чтобы противустать Польшѣ, московское правительство могло-бы тотчасъ же обратить противъ нея военныя силы, употребленныя противъ Швеціи, и другія, находившіяся внутри государства. Но нхъ слѣдовало-бы сосредоточить и немедленно двинуть прямо къ Смоленску, этому важнѣйшему военному пункту на западной границѣ, обложить и осадить его, очистивъ между тѣмъ всѣ западные русскіе предѣлы отъ польскихъ и литовскихъ войскъ и зорко оберегая западныя границы; въ случаѣ же наступленія Владислава, смѣло идти на встрѣчу ему съ главными силами, оставивъ часть ихъ для осады Смоленска, разбить Владислава, что, при вѣроятномъ превосходствѣ силъ, было возможно, преслѣдовать его сколько можно далѣе и принудить къ миру, болѣе выгодному для Россіи, нежели Деулинскій. Но и изъ этого ничего не было сдѣлано, а напротивъ все на оборотъ: войска *не были сосредоточены*, а разбросаны по частямъ и городамъ на

пути движенія Владислава, которому никакого иного препятствія сдѣлано не было; изъ Москвы же и другихъ городовъ посылались подкрѣпленія только по частямъ и то не для дѣйствій въ полѣ, а лишь для сидѣнія и отсиживанія въ Можайскѣ, Калугѣ и другихъ городахъ, а въ случаѣ опасности отъ осадъ—для отступленія къ Москвѣ, т. е. вмѣсто удаленія войны отъ нея и отъ своихъ предѣловъ, напротивъ, для привлеченія ея именно въ свои предѣлы и къ Москвѣ, по стародавнему, непригодному обычаю войнъ съ татарами—отсиживаться въ Москвѣ, предоставляя государство разоренію! Починъ въ войнѣ былъ добровольно уступленъ Польшѣ и вмѣсто рѣшительной наступательной обороны избрана самая пассивная на пути къ Москвѣ и въ самой Москвѣ! И тутъ также благо еще было, что Лыковъ и Черкаскій въ Можайскѣ, а Пожарскій въ Калугѣ задержали наступленіе Владислава, хотя и на время, не воспрепятствовавъ движенію его далѣе къ Москвѣ и соединенію съ Копашевичемъ. Благо было и то, что, благодаря измѣнѣ, приступъ къ Москвѣ былъ отбитъ, какъ и предпріятія противъ Троицкаго монастыря отражены, и Владиславъ, какъ и Михаилъ, нуждаясь въ мирѣ, заключили его и тѣмъ прекратили войну, тягостную и вредную для обѣихъ сторонъ. Неправильное веденіе войны съ русской стороны доказываетъ только, что если самъ Михаилъ Өедоровичъ былъ молодъ и совершенно неопытенъ въ войнѣ, то въ московской боярской думѣ, руководившей военными дѣйствіями, очевидно не было людей, которые имѣли-бы правильныя и вѣрныя понятія о веденіи войны. Правда, былъ одинъ человѣкъ, который уже доказалъ въ 1611 — 12 гг., что былъ способенъ вести войну, какъ слѣдовало, и достоинъ предводительствовать русскимъ войскомъ. То былъ доблестный князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, знаменитый освободитель Россіи въ 1612 г. отъ поляковъ. Но какъ пожалованный въ бояре лишь за 4 года передъ тѣмъ, и какъ младшій въ сонмѣ бояръ, онъ, по предразсудкамъ мѣстничества, не имѣлъ права быть главнымъ воеводой войска и долженъ былъ довольствоваться сидѣньемъ въ Калугѣ съ ничтожнымъ отрядомъ.

Но еслибы онъ съ русской стороны, а Ходкевичъ съ польской были главными предводителями войскъ, совершенно свободными въ своихъ дѣйствіяхъ, война, можетъ статься, была-бы ведена иначе, имѣла-бы иной ходъ и иные результаты, и представила-бы гораздо болѣе занимательности.

Но всего удивительнѣе то, что при всей ошибочности веденія войны съ обѣихъ сторонъ, результаты ея все-таки оказались гораздо болѣе выгодными для Польши, чѣмъ для Россіи. Первая, хотя и отреклась отъ московскаго престола, но пріобрѣла значительныя земельныя

уступки; послѣдняя же утратою ихъ была еще болѣе ослаблена, хотя въ замѣнъ того пріобрѣла необходимый ей миръ и обезпечила свою самостоятельность, что вполнѣ стоило дорогой цѣны уступокъ.

§ 18.

2-я война съ Польшей (1632—1634)

По замиреніи съ Польшей, Михаилъ Ѳеодоровичъ дѣятельно занялся водвореніемъ порядка и благоустройства въ государствѣ и возстановленіемъ прежнихъ отношеній Россіи къ дружественнымъ державамъ: Англіи, Даніи, Германіи, Австріи, Турціи и Персіи, съ цѣлію преимущественно взаимныхъ выгодъ. При этомъ безопасность государства требовала возвращенія Смоленска и другихъ городовъ, присвоенныхъ Сигизмундомъ и уступленныхъ ему.

Уже на третій годъ послѣ Деулинскаго договора—въ 1621 г. царь объявилъ земскому собору, что Сигизмундъ нарушаетъ этотъ договоръ, Владиславъ продолжаетъ именовать себя московскимъ царемъ, литовскіе пограничные правители присвоиваютъ себѣ русскія земли, польскіе сановники въ грамотахъ къ московскому двору пишутъ укоризны, шведскій король, турецкій султанъ и крымскій ханъ убѣдительно просятъ идти войною на общаго врага ихъ—Польшу и уже открыли военныя дѣйствія, наконецъ, что если теперь Сигизмундъ не хочетъ оставаться въ дружбѣ съ Россіей, то тѣмъ болѣе, когда примирится съ Швеціей, Турціей и Крымомъ и что, отвергнувъ предложенія послѣднихъ, можно лишиться дружбы ихъ. На это земскій соборъ единодушно отвѣчалъ заявленіемъ полной готовности воевать съ Польшей.

Дѣйствительно, обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали войнѣ съ нею. Сигизмундъ, вмѣшавшись въ дѣла Молдавіи и въ войну трансильванскаго князя Бетлена Габора съ императоромъ Фердинандомъ II, возстановилъ противъ себя и турецкаго султана Османа II, и Австрію. Жолкѣвскій былъ разбитъ и убитъ въ сраженіи съ турками при м. Цецоры на Прутѣ. Годъ спустя Османъ двинулъ 300 т. турецкихъ и крымскихъ войскъ, подъ предводительствомъ великаго визиря Хуссейна, къ Хотину, чтобы разгромить всю Польшу. Ходкевичъ умеръ въ Хотинѣ. Густавъ-Адольфъ овладѣлъ Ригой, Митавой и завоевалъ всю Ливонію. Въ такихъ обстоятельствахъ, русскому правительству слѣдовало только неупустительно выслать войско къ Смоленску и овладѣть послѣднимъ, что *было-бы вѣроятно.* Къ сожалѣнію, благопріятное время было упуще-

но: Михаилъ Θеодоровичъ считалъ долгомъ чести не начинать войны безъ предварительнаго объясненія съ Сигизмундомъ. А пока производилась безконечная переписка съ польскимъ дворомъ объ удовлетвореніи въ обидахъ, Владиславъ, съ помощью Конашевича, отстоялъ Хотинъ, принудилъ турокъ отступить и склонилъ султана къ миру, безъ всякихъ потерь для Польши (1621), а Густавъ-Адольфъ заключилъ перемиріе (1629). Русское же правительство, послѣ тщетныхъ переговоровъ, осталось одно, безъ союзниковъ, при прежнихъ своихъ неудовольствіяхъ, а Сигизмундъ отвѣчалъ новыми обидами. Нечего было дѣлать—нужно было вести войну безъ союзниковъ, въ обстоятельствахъ, уже гораздо менѣе благопріятныхъ. Но 30 апрѣля 1632 г. Сигизмундъ умеръ, и 6 мѣсяцовъ продолжалось смутное междуцарствіе, кончившееся провозглашеніемъ Владислава королемъ польскимъ (8 ноября), съ прибавленіемъ двухъ титуловъ: «московскаго царя и шведскаго короля», что заключало въ себѣ зародышъ войны съ Россіей и Швеціей.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ, напрасно потерявъ 11 лѣтъ времени и упустивъ благопріятное тогда время для войны съ Польшей, хотѣлъ по крайней мѣрѣ воспользоваться смутами польскаго междуцарствія и не ждать срока перемирія съ Польшей для открытія войны противъ нея. Уже заблаговременно передъ тѣмъ онъ принялъ всѣ мѣры для обезпеченія успѣха въ этой войнѣ съ Польшей, обѣщавшей быть упорною и продолжительною. Въ эти именно 11 лѣтъ наняты были въ Англіи, Голландіи, Даніи и Швеціи наемныя войска съ иностранными полковниками и офицерами, учреждены полки «иноземнаго строя» и началось обученіе ему нѣсколькихъ русскихъ полковъ. За границей закуплено было много огнестрѣльныхъ орудій и оружія, пороха и пр. Всѣхъ ратныхъ людей въ московскомъ государствѣ въ 1631 г. было 66,690 чел. Въ іюнѣ этого года къ Дорогобужу и Смоленску были посланы князья Черкаскій и Лыковъ, которые прежде и болѣе всего старались устроить въ своихъ войскахъ иностранныхъ наемниковъ съ ихъ полковниками и офицерами. Но въ то самое время, когда Сигизмундъ умеръ, въ Польшѣ начались смуты междуцарствія и необходимо было немедленно воспользоваться тѣмъ для открытія военныхъ дѣйствій, Лыковъ началъ считаться мѣстами съ Черкаскимъ и не хотѣлъ быть въ товарищахъ у него. Три мѣсяца прошли въ разбирательствѣ ихъ между собою, и только въ августѣ назначили на мѣсто ихъ боярина Михаила Борисовича Шеина, знаменитаго защитника Смоленска въ 1609—11 гг., и съ нимъ окольничаго Измайлова. Войскъ съ ними выступило изъ Москвы въ концѣ сентября 1632 г. 32,082 чел. съ 158 орудіями. Другіе воеводы выступили изъ Ржева-Володимирова, Калуги, Сѣвска и др. городовъ.

Воеводамъ данъ былъ наказъ возвратить московскому государству всѣ города, уступленные Польшѣ и Литвѣ; прежде всего послать легкіе отряды захватить врасплохъ Дорогобужъ, а если это не удастся, то идти и дѣйствовать противъ него всѣми силами, но долго подъ нимъ не стоять, и если не удастся скоро склонить его переговорами къ сдачѣ, то оставить подъ нимъ младшихъ воеводъ съ частію силъ, Шеину же и Измайлову съ главными силами идти къ Смоленску и стараться такимъ же способомъ склонить его къ сдачѣ, всѣхъ жителей дорогобужскаго и смоленскаго уѣздовъ присоединить къ московскому государству, а войскамъ строго приказать не только не грабить ихъ, но и ничего не брать у нихъ даромъ. Такъ какъ войскамъ было назначено большое жалованье, а иностраннымъ наемникамъ сверхъ того кормовыя деньги помѣсячно, и впредь безъ дополнительной большой рати раздѣлаться съ Литвой не было надежды, то, по совѣту съ земскимъ соборомъ, положено было собрать съ торговыхъ людей 5-ю деньгу, а съ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей — кто сколько дастъ. Деньги эти присылались въ Москву князю Димитрію Михайловичу Пожарскому. Сверхъ того, съ сохъ были собраны хлѣбные и мясные запасы, сухари, толокно, солодъ, коровье масло, ветчина и пр., а подъ свозъ ихъ къ Смоленску—подводы.

Война была открыта счастливо—сдачей Серпѣйска 12 октября головѣ князю Гагарину и Дорогобужа 18 октября головѣ Сухотину и полковнику Лесли. Шеину велѣно было изъ Дорогобужа идти къ Смоленску, а всѣмъ воеводамъ, головамъ и дворянамъ до окончаніи войны быть безъ мѣстъ (не считаться мѣстами). 21 городъ отъ Полоцка до Батурина: Бѣлая, Рославль, Невель, Себежъ, Красный, Почепъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Овсей, Друя, Суражъ, Батуринъ, Роменъ, Иванъ-городище, Мсна, Миргородокъ, Борзна, Пропойскъ, Ясеничи и Носеничи сдались русскимъ войскамъ. Полоцкій посадъ былъ взять и сожженъ, а посады подъ Велижемъ, Усвятомъ, Озерищемъ, Лужей, Мстиславлемъ и Кричевомъ взяты. Словомъ—весь край между Днѣпромъ и Вязьмой былъ очищенъ отъ поляковъ и литовцовъ. Шеинъ же и Измайловъ обложили и осадили Смоленскъ, расположивъ вокругъ него иноземныя и русскія войска въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ станахъ, городкахъ и острожкахъ (фортахъ), связанныхъ между собою полевыми отрядами и разъѣздами. *) Осадными работами и обстрѣливаніемъ города съ осадныхъ батарей руководили

*) *См. планъ осады* Смоленска Шеинымъ въ 1632—33 гг., приложенный къ *1-й и 2-й частямъ В.* В. И. среднихъ временъ.

иностранные полковники: Лесли, Дамме, Карлъ-Яковъ, Карлъ-Губертъ, Китти и Маттисонъ. Осадныя работы (траншеи) велись отъ становъ: Лесли съ юговостока и Карла-Якова съ востока, на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Пушки разбивали стѣны, подкопы взрывали и разрушали ихъ; но польскій военный начальникъ Смоленска Станиславъ Воеводскій оборонялся чрезвычайно упорно цѣлыхъ 8 мѣсяцовъ; однако наконецъ, вслѣдствіе крайняго голода, уже видѣлъ себя въ необходимости сдаться, какъ вдругъ въ 1633 г. на помощь ему явился самъ король Владиславъ съ вспомогательнымъ войскомъ.

По избраніи его въ короли, первымъ дѣломъ его было пойти на помощь Смоленску. Собрано было 23 тысячи войскъ, малороссійскимъ казакамъ дозволено вторгнуться въ русскіе предѣлы и разорять ихъ; на то же призваны и крымскіе татары; тѣ и другіе стали разорять русскую Украину, такъ что, услыхавъ о томъ, многіе ратные люди Шеина, уроженцы этой Украины, ушли туда изъ подъ Смоленска, значительно ослабивъ Шеина. Самъ Владиславъ съ войскомъ въ началѣ августа нов. ст. выступилъ въ походъ подъ Смоленскъ и, прибывъ къ нему 25 августа ст. ст., сталъ въ 7 верстахъ отъ него на рѣчкѣ Боровой, и прежде всего положилъ сбить съ Покровской горы, къ сѣверу отъ Смоленска, полковника Маттисона, близъ котораго въ укрѣпленномъ станѣ стояли князья Прозоровскій и Бѣлосельскій. 28 августа польскій коронный гетманъ двинулся къ этому острогу нижнею дорогою по правому берегу Днѣпра, а Владиславъ въ то же время пробрался по Покровской горѣ къ Смоленску, откуда осажденные произвели вылазку и овладѣли окопами Маттисона. Но гетманъ былъ отбитъ съ урономъ Прозоровскимъ и Бѣлосельскимъ, а посланныя ими сотни вытѣснили поляковъ изъ окоповъ Маттисона. 11-го сентября произведено было новое нападеніе на окопы Маттисона и Прозоровскаго: два дня и двѣ ночи продолжался тутъ бой, и наконецъ воеводы и полковники, по совѣщаніи между собою, рѣшили, что имъ невозможно было устоять противъ поляковъ на Покровской горѣ, и ночью вывели оттуда въ свой станъ отрядъ Маттисона, при чемъ немало иноземцовъ перешло къ полякамъ. Получивъ донесеніе объ этомъ, царь приказалъ Шеину особенно беречь нарядъ; Прозоровскаго же, если ему не подъ силу было оставаться въ своемъ станѣ противъ поляковъ, присоединить къ себѣ и стоять имъ обоимъ вмѣстѣ въ одномъ станѣ. Вслѣдствіе того Прозоровскій перешелъ въ большой станъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, оставивъ въ своемъ станѣ нѣсколько пушекъ и зажегши запасы, которые однако были залиты дождемъ. Владиславъ, занявъ покинутый Прозоровскимъ

станъ его, нашелъ, что послѣдній имѣлъ валы, вышиною равные стѣнамъ Смоленска, такъ что взятіе ихъ приступомъ стоило-бы большаго урона (слѣдовательно очищеніе этого стана было напраснымъ). Но царь одобрилъ расположеніе воеводъ въ одномъ станѣ и приказалъ идти на помощь имъ князю Черкаскому и князю Димитрію Михайловичу Пожарскому съ многими войсками изъ Москвы, стольнику Бутурлину—изъ сѣверской области и другимъ войскамъ изъ Новгорода, Пскова, Торопца и Великихъ Лукъ. Но пока они шли къ Смоленску, посланныя Владиславомъ войска взяли въ тылу Шеина и сожгли Дорогобужъ, гдѣ находился большой складъ хлѣбныхъ запасовъ, а 6-го октября самъ Владиславъ двинулся съ Покровской горы вверхъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра и сталъ лагеремъ съ версту позади стана Шеина на московской дорогѣ, пѣхоту же и батареи поставилъ на Скавронской горѣ противъ этого стана. 9 октября Шеинъ вывелъ изъ него войска свои противъ поляковъ, конница которыхъ опрокинула часть русской пѣхоты, но была въ свою очередь опрокинута другою частью ея; наступившая темнота прекратила бой. По польскимъ извѣстіямъ, русскіе потеряли будто-бы 2 т. чел. убитыми, у поляковъ же убитыхъ было немного, но раненыхъ очень много, а также много погибло лошадей. Какъ бы то ни было, для Шеина оказались весьма невыгодными и результаты боя, и расположеніе Владислава въ тылу его на московской дорогѣ, и отрѣзаніе имъ всѣхъ путей къ Москвѣ, и сожженіе запасовъ въ Дорогобужѣ. Словомъ — небезъискуснымъ движеніемъ Владислава на сообщенія Шеина съ Москвою — движеніемъ, которому Шеинъ долженъ былъ бы непремѣнно воспрепятствовать, будучи сильнѣе—русскій воевода изъ осаждавшаго обратился въ осажденнаго и былъ поставленъ въ крайне трудное и опасное положеніе между Владиславомъ и оеводскимъ. Съ конца октября войска его уже начали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи людей и особенно лошадей (которыхъ, по тогдашнему составу русскихъ ратей, было очень много). Пушечная перестрѣлка между станами Шеина и Владислава также имѣла большія невыгоды для перваго и выгоды для послѣдняго: поляки стрѣляли съ Скавронской горы сверху внизъ, а русскіе — снизу вверхъ, не причиняя непріятелю вреда; однако, когда они начали стрѣлять навѣсно, то снаряды ихъ долетали до шатровъ Владислава. Шеинъ созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: можно-ли было атаковать лагерь короля и съ которой стороны? Полковникъ Лесли, главный между иноземцами, совѣтовалъ атаковать, а англійскій полковникъ Сандерсонъ не совѣтовалъ; изъ этого между ними произошла ссора, въ которой Лесли назвалъ Сандерсона измѣнни-

комъ и Шеинъ едва успѣлъ развести ихъ. Мнѣніе Лесли было принято; но 2-го декабря русскіе, страдая отъ холода, послали въ лѣсъ за дровами; поляки напали на посланныхъ и 500 чел. положили на мѣстѣ. Лесли уговорилъ Шеина самому поѣхать въ лѣсъ и убѣдиться, сколько погибло русскихъ. Съ Шеинымъ поѣхали и Лесли, и Сандерсонъ: первый обвинилъ послѣдняго въ томъ, будто онъ далъ знать королю, что русскіе пойдутъ въ лѣсъ; Сандерсонъ отвѣтилъ, что онъ «лжетъ», за что Лесли застрѣлилъ его изъ пистолета въ глазахъ самаго Шеина. Такимъ образомъ ко всѣмъ невыгодамъ положенія Шеина присоединился еще пагубный раздоръ между начальниками иноземныхъ войскъ. А вслѣдствіе голода и холода, въ русскомъ войскѣ все болѣе усиливались болѣзни и смертность.

Узнавъ объ этомъ, Владиславъ въ концѣ декабря послалъ къ Шеину и иноземнымъ начальникамъ грамоты съ увѣщаніемъ лучше прибѣгнуть къ его милости, нежели погибать напрасно. Шеинъ долго не хотѣлъ позволить, чтобы иноземные начальники приняли грамоту короля; однако, послѣ долгихъ споровъ, иноземцы и русскіе приняли грамоты, но Шеинъ оставилъ ихъ безъ отвѣта. Въ половинѣ же января 1634 г. онъ, подъ видомъ переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, началъ обнаруживать склонность вступить въ мирное соглашеніе съ королемъ, особенно побуждаемый къ тому, какъ кажется, иноземцами, непривыкшими переносить холодъ и голодъ, какъ русскіе. Шеину отвѣчали, что единственнымъ средствомъ къ соглашенію было — черезъ литовскаго гетмана и сенаторовъ прибѣгнуть къ милосердію короля, отдаваясь на всю его волю. А эта воля состояла въ томъ, чтобы Шеинъ выдалъ всѣхъ польскихъ перебѣжчиковъ и освободилъ всѣхъ плѣнныхъ; иноземцамъ предоставлялось воротиться въ свое отечество или вступить въ службу короля, но въ первомъ случаѣ они должны были дать клятву, что никогда не будутъ служить противъ короля или Польши; русскимъ людямъ также предоставлялось, кому угодно, вступить въ королевскую службу, а прочіе имѣли дать клятву, что до истеченія 4 мѣсяцовъ никоимъ образомъ не будутъ сражаться противъ короля, и должны были выдать всѣ свои знамена, 123 пушки и всякаго рода оружіе, оставшееся послѣ убитыхъ; оставшіеся же въ живыхъ должны были выйти изъ своего стана съ тѣмъ оружіемъ, какое кто имѣлъ на себѣ, оставивъ въ своемъ станѣ всѣ военные и продовольственные запасы. Словомъ — русское войско Шеина должно было удалиться изъ своего стана по дорогѣ въ Москву, сохранивъ только то оружіе, какое было на ратныхъ людяхъ, а все остальное затѣмъ сдать полякамъ—суровая и постыдная капитуляція! Но Шеинъ по необходи-

мости согласился на нее (1 февраля 1634 г.). 19-го февраля русскія войска вышли изъ своего стана съ свернутыми знаменами, погашенными фитилями, безъ барабаннаго боя и музыки; поравнявшись съ Владиславомъ, сидѣвшимъ на конѣ, въ главѣ всѣхъ сенаторовъ и войскъ своихъ, русскіе знаменосцы положили всѣ знамена передъ королемъ на землю и подняли ихъ только тогда, когда коронный гетманъ, именемъ короля, дозволилъ имъ это; тогда, поднявъ знамена, зажегши фитили и ударивъ въ барабаны, русскія войска двинулись по московской дорогѣ, взявъ съ собою, по особенному позволенію короля, только 12 легкихъ полковыхъ пушекъ. Шеинъ же и всѣ другіе русскіе воеводы и частные начальники войскъ, поравнявшись съ королемъ, слѣзали съ коней, низко кланялись ему и, по приказанію его, снова садились на коней и ѣхали за своими войсками.

Между тѣмъ какъ это происходило подъ Смоленскомъ, изъ всего, что въ Москвѣ было обѣщано сдѣлать для подкрѣпленія Шеина отовсюду войсками, исполнено было только то, что изъ Москвы были высланы Черкаскій и Пожарскій съ войсками. Но они не пошли далѣе Можайска и стояли въ немъ, какъ видно, потому что еще не всѣ ратные люди собрались! А въ самой Москвѣ денегъ не было, царь былъ въ горѣ, лишась своего отца, патріарха Филарета, умершаго 1 октября 1633 года; крымскіе татары, подкупленные Владиславомъ, разоряли русскую Украину. 28 января 1634 года царь, изложивъ все это передъ земскимъ соборомъ, просилъ еще дать денегъ на содержаніе войскъ и продолженіе войны. Соборъ положилъ собрать и дать деньги по возможности. 1-го февраля отъ Шеина получено было извѣстіе о положеніи дѣлъ подъ Смоленскомъ, и что польскіе полковники говорятъ о перемиріи и соглашаются, чтобъ оба войска отступили каждое въ свою сторону, а большіе послы между тѣмъ съѣхались для переговоровъ о мирѣ. На это царь далъ знать Шеину, что согласенъ на перемиріе, если польское войско воротится въ Польшу, а король согласится на соединеніе съ Шеинымъ посланныхъ къ нему подкрѣпленій, которыя подъ своимъ прикрытіемъ должны были препроводить нарядъ и казну въ Москву. Въ то же время Черкаскому и Пожарскому въ Можайскѣ было дано знать, чтобъ они шли, если можно, къ Вязьмѣ, Дорогобужу и Смоленску, Но 3 марта Черкаскій увѣдомилъ, что Шеинъ уже примирился съ королемъ и отпущенъ въ Москву. На другой же день 4 марта изъ Москвы отправленъ былъ на встрѣчу Шеину посланецъ (Глѣбовъ) съ запросомъ, на какихъ основаніяхъ онъ примирился съ королемъ, сколько отдалъ ему пушекъ и запасовъ, сколько оставилъ подъ Смоленскомъ больныхъ и раненыхъ и сколько съ нимъ

идетъ ратныхъ людей? Шеинъ прислалъ статьи договора и списки людей: оставленныхъ подъ Смоленскомъ въ плѣну 8 чел., изъ нихъ 6 донскихъ казаковъ, и больныхъ 2,004 чел., а вышедшихъ изъ подъ Смоленска 8,056 чел., изъ которыхъ многіе больные, либо умерли на пути, либо оставлены въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ; многіе же иноземцы измѣнили и ушли къ королю, но сколько именно—не извѣстно, потому что полковники не дали списковъ имъ. По прибытіи Шеина въ Москву, его судили и казнили, какъ измѣнника, неисполнившаго царскаго наказа и бывшаго виною всего бѣдствія подъ Смоленскомъ. Вмѣстѣ съ нимъ казнили и товарища его, Измайлова. Прозоровскаго и Бѣлосельскаго сослали въ Сибирь, а имѣнія ихъ отобрали въ казну. Наказаны были также двое сыновей Шеина и Измайлова, и иные изъ начальныхъ людей, признанные болѣе или менѣе виновными.

Но никакой измѣны со стороны Шеина и пострадавшихъ съ нимъ не было, а все это объясняется тѣмъ, что во 1-хъ уже давно стала явною полная несостоятельность русскаго войска въ войнахъ съ поляками и особенно съ шведами; во 2-хъ, если русское правительство, понимая это, и призвало иностранныхъ военныхъ людей учить русскія войска иностранному строю, то эти первыя, недавнія и слабыя попытки еще не успѣли принесть надлежащихъ плодовъ; въ 3-хъ, собравъ деньги и войско и нанявъ иностранцовъ, послали подъ Смоленскъ воеводу, хотя и знаменитаго обороной этого города, но не только неумѣвшаго въ 13 мѣсяцовъ взять его ни осадой, ни обложеніемъ, но и допустившаго обойти, отрѣзать и осадить самаго себя, уже не въ сильно-укрѣпленномъ городѣ, обороняемомъ и ратными людьми, и гражданами, а въ менѣе выгодномъ для обороны и слабѣе укрѣпленномъ станѣ, подверженномъ сильному огню польскихъ пушекъ съ Скавронской горы и въ которомъ иноземцы дерзко нарушали дисциплину, не слушались Шеина, не хотѣли переносить ни голода, ни холода, и требовали соглашенія съ непріятелемъ, и, наконецъ въ 4-хъ голодомъ, холодомъ, болѣзнями, смертностью, бѣгствомъ ратныхъ людей и неприсылкою изъ Москвы обѣщанныхъ подкрѣпленій Шеинъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе, изъ котораго и не могъ иначе выйти, какъ капитуляціей, при которой, хотя и сдалъ всего 146 пушекъ (изъ 158 въ началѣ похода, взявъ съ собою только 12), оружіе и запасы, однако не сдался въ плѣнъ и получилъ свободный выходъ съ 12-ю пушками, знаменами и оружіемъ на ратныхъ людяхъ. Но онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ за нее потому, что сильные люди въ Москвѣ, считая себя смертельно оскорбленными оказанною ему честью, поспѣшили воспользоваться, для отмщенія ему, несчастіемъ его и тѣмъ,

что покровителя его, Филарета, уже не было болѣе въ живыхъ. Такимъ образомъ Шеинъ погибъ не за измѣну, а жертвой зависти и мести бояръ *).

По удаленіи Шеина изъ подъ Смоленска, Владиславъ двинулся къ Бѣлой, надѣясь легко взять этотъ городъ. Но войско его пришло туда въ сильномъ страданіи отъ голода и холода; русскій воевода, начальствовавшій въ Бѣлой, на требованіе сдачи по примѣру Шеина, отвѣчалъ, что этотъ примѣръ внушаетъ ему не боязнь, а смѣлость; обложеніе же города окопами, веденіе пороховыхъ подкоповъ подъ него и обстрѣливаніе его не только не повели ни къ какому успѣху, но причинили осаждавшимъ много вреда и большой уронъ. Осажденные же, воспользовавшись ихъ оплошностью, произвели вылазку на полкъ Вейгера и взяли 8 знаменъ еще прежде, нежели поляки успѣли взяться за оружіе. Сверхъ того, въ польскомъ войскѣ отъ холода и голода произошли сильныя болѣзненность и смертность, и, какъ по этой причинѣ, такъ и по неполученію жалованья, войско сильно роптало; между тѣмъ изъ Польши приходили дурныя вѣсти, что турецкое войско приближалось къ польскимъ границамъ, а перемиріе съ Швеціей приближалось къ окончанію. Все это побуждало Владислава скорѣе заключить миръ, который упрочилъ бы за Литвою пріобрѣтенія Сигизмунда — и онъ первый сдѣлалъ мирныя предложенія. Они были приняты тѣмъ охотнѣе, что послѣ бѣдствія Шеина подъ Смоленскомъ трудно, даже невозможно было собрать новыя силы и нужныя для того деньги, не было болѣе и Филарета—мудраго совѣтника и соправителя Михаила, а Москва была опустошена страшнымъ пожаромъ и необходимо было возстановить ее. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, съ той и съ другой стороны, послѣ обычныхъ споровъ, 4 (14) іюня 1634 г. на рѣчкѣ Поляновкѣ близъ Вязьмы, былъ заключенъ миръ, большею частію на основаніи Деулинскаго договора.

Этимъ былъ положенъ конецъ 2-й и послѣдней при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ между Россіей и Польшей, войнѣ, которая, какъ и 1-я, была несчастливою для Россіи, вслѣдствіе столь же неискуснаго веденія ея, многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, указанныхъ выше, и еще разъ (къ сожалѣнію—не послѣдній) доказанной несо-

---

*) Соловьевъ, Т. 9, стр. 232—233. Тутъ же приводится другое объясненіе хронографа, заключающееся въ томъ, что Шеинъ, уѣзжая изъ польскаго плѣна, далъ королю клятву, что не будетъ воевать противъ Литвы—и не исполнилъ ея, и сверхъ того гордостью и нерадѣніемъ своими, злобою противъ иноземцовъ, оскорбленіемъ ратныхъ людей, грубостью отписокъ своихъ въ Москву и т. п. *такъ возстановилъ всѣхъ* въ ней и въ войскѣ противъ себя, что наконецъ *остался одинъ противъ* множества враговъ своихъ, которые и погубили его.

стоятельности военнаго устройства Россіи и войска ея, не смотря на первыя попытки ввести въ нихъ нѣкоторые порядки западной Европы.

§ 19.

Война съ крымскими татарами (1634—1641).—Завоеванія въ Сибири.

Неудачи Россіи въ войнахъ съ Швеціей и Польшей не ограничились однѣми ими: къ нимъ присоединились еще другія, вслѣдствіе войны съ постоянными, дикими, хищными и злобными врагами—татарами.

Послѣ того, что на соборѣ въ Москвѣ 12 октября 1621 г. рѣшено было готовиться къ войнѣ съ Польшей и сдѣланы распоряженія къ тому, въ мартѣ 1622 г. въ приготовленіяхъ къ войнѣ произошла остановка, потому что предпріятіе султана Османа II противъ Польши кончилась неудачей и Османъ, воротясь въ Константинополь, былъ низложенъ янычарами; съ Швеціей было заключено перемиріе, а безъ союзниковъ московское правительство не могло рѣшиться вести войну съ Польшей. Средства его были такъ слабы, что въ маѣ и іюнѣ 1622 г. шайки крымскихъ татаръ безпрепятственно грабили и разоряли уѣзды епифанскій, данковскій, одоевскій, бѣлевскій, дѣдиловскій, а воеводы въ нихъ сидѣли въ городахъ въ бездѣйствіи, либо если и выходили противъ татаръ, то дѣйствовали нерадиво, оплошно, нигдѣ татаръ не настигали и края отъ нихъ не оберегали. И эти частные набѣги крымскихъ татаръ часто повторялись и послѣ того, и большею частію безнаказанно. Съ цѣлію обуздать этихъ дикихъ грабителей, царь ежегодно посылалъ имъ дары и особенно старался быть въ дружбѣ съ турецкимъ султаномъ, дабы онъ удерживалъ татаръ отъ набѣговъ на русскіе предѣлы. Но какъ ни то, ни другое средства не всегда имѣли успѣхъ, и татары, получивъ дары, часто вслѣдъ затѣмъ грабили и разоряли русскую Украину, то московское правительство прибѣгло къ другому способу защиты ея, именно къ огражденію ея оборонительными укрѣпленными линіями, одною отъ верховьевъ р. Хопра черезъ р. Цну по р. Соснѣ до р. Оки, другою отъ Воронежа мимо Бѣлгорода до р. Ворсклы (способъ устройства и укрѣпленія этихъ линій указанъ выше въ главѣ I § 7). Съ тѣхъ поръ татары по крайней мѣрѣ не тревожили болѣе самой Москвы, но пока означенныя линіи еще устроивались, татары все таки продолжали производить свои набѣги и въ 1632—33 гг., во время осады Смоленска Шеинымъ, они, побужденные Владиславомъ, произвели уже не набѣгъ, а настоящее нашествіе на русскую Украину, и разграбивъ и

разоривъ ее, тѣмъ принудили, какъ сказано выше, многихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ ея, бывшихъ въ войскѣ Шеина, уйти изъ него съ своими людьми къ себѣ, что значительно ослабило войска Шеина и было одною изъ причинъ неудачи его подъ Смоленскомъ.

Болѣе вѣрнымъ средствомъ обузданія крымскихъ татаръ было употребленіе противъ нихъ донскихъ казаковъ. Выше (глава II § 10) было уже изображено, какъ и съ какими успѣхомъ и пользой дѣйствовали эти казаки противъ татаръ, включительно до взятія ими Азова, 5-ти-лѣтняго обладанія имъ, выдержанія въ немъ осады турокъ и татаръ, и послѣдующихъ дѣйствій, до предложенія ими царю въ 1641 г. принять Азовъ въ свое владѣніе. Но царь колебался принять его и тѣмъ отвлекать крымскихъ татаръ отъ Россіи, опасаясь навлечь на нее войну съ Турціей, съ которою хотѣлъ быть въ мирѣ. И хотя соборъ въ Москвѣ былъ того мнѣнія, чтобы принять Азовъ и послать казакамъ помощь войскомъ, однако царь, испытавъ уже въ войнахъ съ шведами и поляками однѣ неудачи, отказался отъ принятія Азова, велѣлъ казакамъ выйти изъ него и такимъ образомъ, хотя остался въ мирѣ съ Турціей, но за то не могъ обуздать крымскихъ татаръ.

Какъ бы въ вознагражденіе, нѣкоторымъ образомъ, за военныя неудачи въ европейской Россіи, Михаилъ Θеодоровичъ значительно распространилъ предѣлы ея на востокѣ, въ Сибири, бо̀льшая часть которой было покорена при немъ. Быстрое и прочное расширеніе русской власти въ западной Сибири съ 1583 г. до 1606 г. было остановлено въ смутное время, такъ что сибирскіе казаки, не получая изъ Россіи никакой помощи, съ трудомъ могли держаться противъ туземныхъ народовъ Сибири, все болѣе тѣснившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но Михаилъ Θеодоровичъ, по воцареніи своемъ, успѣлъ смирить сибирскихъ туземцовъ, укрѣпилъ построенные Годуновымъ города, населилъ ихъ русскими людьми, прислалъ войска, оружіе, военные запасы, основалъ многія слободы, ввелъ порядокъ въ управленіи туземцами, раздѣливъ ихъ на волости и назначивъ опредѣленный ясакъ мягкою рухлядью, во всѣхъ городахъ построилъ церкви и многіе монастыри, словомъ—образовалъ изъ Сибири русскую область и, для управленія ею, учредилъ въ Москвѣ Сибирскій приказъ. А между тѣмъ русскіе предпріимчивые промышленники все подвигались далѣе и далѣе на востокъ за р. Енисей, ловили пушныхъ звѣрей, боролись съ татарами, тунгузами, якутами и пр. туземцами, одолѣвали ихъ мужествомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, брали съ нихъ ясакъ и каждую мелкую орду объявляли *подвластною русскому* царю. А по ихъ слѣдамъ шли казаки, стрѣльцы

и иные ратные люди, строили городки, остроги, острожки и утверждали власть царя отъ р. Оби до Камчатки. Такимъ образомъ въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича довершено и упрочено было завоеваніе западной Сибири до р. Енисея послѣдовательнымъ покореніемъ самоѣдовъ, кузнецкихъ татаръ, качинцовъ, камачинцовъ, тубинцовъ, тунгузовъ, бурятовъ, якутовъ, юкагировъ и коряковъ. А по мѣрѣ расширенія русскихъ владѣній, послѣдовательно же возникали города Кузнецкъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Братскій острогъ, Илимскъ, Якутскъ и др.; въ Ирбитѣ же установилась ежегодная ярмарка.

Это быстрое и успѣшное движеніе на востокъ, если и не особенно замѣчательно собственно въ военномъ отношеніи, то весьма важно въ политическомъ, равно и въ томъ, что русская государственная область, еще встрѣчая отпоръ на сѣверѣ, западѣ и югѣ восточной Европы, уже съ этого времени начала свое движеніе въ другую сторону—на востокъ, въ глубь сѣверной Азіи.

ГЛАВА IV.

ВОЙНЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ И ЗАПОРОЖСКИХЪ КАЗАКОВЪ (1622—1653).

§ 20. Войны во время междугетманства (1622—1628). — § 21. Войны отъ Тараса Трясилы до Стефана Остряницы (1628—1638). — § 22. Войны отъ Стефана Остряницы до Богдана Хмѣльницкаго (1638—1647).—§ 23. Войны во время гетманства Богдана Хмѣльницкаго (1648 — 1657). — Война въ 1648 г.—§ 24. Война въ 1649 г. — § 25. Военныя дѣйствія въ 1650 г. — § 26. Война въ 1651 г.—§ 27. Война въ 1652 г.—§ 28. Война въ 1653 г

§ 20.

Войны во время междугетманства (1622—1628).

По смерти Конашевича-Сагайдачнаго въ 1622 г. (см. В. В. И среднихъ временъ Ч. III Отд. II гл. XXVII, II, § 215), въ Малороссіи настало 6-ти-лѣтнее междугетманство: въ гетманы избирались и смѣнялись люди, не всемъ народомъ и войскомъ признаваемые (всего 6: Олиферъ Стеблевецъ, Богданъ Конга, Жàра, Максимъ Григорьевичъ, Михаилъ Дорошенко и Грицько Черный), а присылаемые поляками были немедленно низлагаемы.

Въ эти 6 лѣтъ междугетманства малороссійскіе и запорожскіе казаки ежегодно нападали то на поляковъ въ Украинѣ, то на татаръ и турокъ въ степяхъ, Крыму и на Черномъ морѣ, то на Молдавію и Валахію. А поляки, татары и турки платили имъ за то нападеніями на Украину. Самыя жестокія войны казаковъ были съ поляками, потому что послѣдніе, по смерти Сагайдачнаго, возобновили гоненія противъ Украины и ея жителей и довели оныя до *такой жестокости, что* уже въ 1625 г. кіевскій митрополитъ Іовъ Бо-

рецкій просилъ царя **Михаила Θедоровича** принять Малороссію и Запорожье подъ свою защиту. Но царь не захотѣлъ нарушеніемъ мира съ Польшей поступить противъ чести и правъ международныхъ.

Между тѣмъ избранные частью казаковъ въ гетманы, по смерти **Сагайдачнаго**, **Олиферъ Стеблевецъ**, **Богданъ Конга**, **Жàра** и **Максимъ Григорьевичъ** гетманствовали недолго и первые три кончили жизнь въ безвѣстности, а четвертый былъ убитъ (1-го октября 1624 г.) запорожцами за то, что удерживалъ ихъ отъ морскихъ нападеній на турокъ. Убивъ его, они пустились въ Черное море, высадились близъ самаго Константинополя, сожгли нѣсколько селеній подъ нимъ и навели па него ужасъ. Въ эти времена запорожскій кошевой атаманъ **Жмайло** былъ въ такой силѣ, что имѣлъ до 30 т. войскъ, большую флотилію, артиллерію и былъ совершенно какъ независимый владѣтель и грозою татаръ и турокъ.

Въ началѣ октября 1625 года польскій гетманъ **Конецпольскій**, съ кварціянами и надворными хоругвями украинскихъ пановъ-поляковъ, двинулся къ Каневу. Казаки отступили передъ нимъ, а онъ пошелъ за ними — къ Крылову на правомъ берегу Днѣпра, близь Чигирина и устья р. Тясмина въ Днѣпръ (на границѣ нын. Кіевской и Херсонской губерній). **Жмайло** съ запорожцами стоялъ таборомъ за р. Цыбульникомъ (правымъ притокомъ Днѣпра, въ 5 верстахъ ниже устья р. Тясмина). Казаки отвергли условія польскихъ коммисаровъ и 19 (29) октября между ними и поляками произошелъ у Крылова кровопролитный бой. **Жмайло** отступилъ внизъ по Днѣпру къ урочищу Медвѣжьи-лозы у Куракова озера. Здѣсь казаки, послѣ нѣсколькихъ сшибокъ, сильно тѣснимые, согласились мириться, смѣнили **Жмайла** и выбрали въ гетманы **Михаила Дорошенка**, который и былъ принужденъ 27 октября (6 ноября) подписать тягостный договоръ.

Въ 1626 г. татары вторглись въ Украину, но подъ Бѣлою Церковью были разбиты **Богданомъ Хмѣльницкимъ**, кіевскимъ воеводой, и **Дорошенкомъ**. Послѣдній, въ отмщеніе татарамъ, съ 4 т. казаковъ ходилъ въ Крымъ до самой Каѳы (Θеодосіи), но былъ отбитъ подъ нею и воротился. Въ 1627 г. запорожцы ходили въ море противъ турокъ, но потерпѣли неудачу: 15—20 лодокъ ихъ были потоплены и 10 плѣнниковъ ихъ были преданы мучительной казни.

Въ 1628 г. крымскій ханъ **Шагинъ-Гирей** бѣжалъ въ Запорожье подъ покровительство польскаго короля, который, усиливъ польское войско въ Украинѣ, приказалъ казакамъ ввести хана обратно въ Крымъ. Но походъ ихъ туда былъ неудаченъ и вызвалъ вторженіе татаръ въ Украину. Здѣсь, по смерти **Дорошенка**, регистровые ка-

заки выбрали въ гетманы Грицька Чернаго, и онъ, вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ, 23 сентября (3 октября) разбилъ татаръ подъ Бурштыновымъ. Между тѣмъ нерегистровые казаки или «выписчики», бывшіе въ Крыму, избрали въ гетманы Тараса Трясилу, а Грицька, какъ преданнаго полякамъ и уніи, убили.

§ 21.

Войны отъ Тараса Трясилы до Стефана Остряницы (1625—1638).

Тарасъ Трясило, послѣ извѣстный подъ однимъ именемъ своимъ Тараса изъ Запорожья, вступивъ въ Украину, призвалъ всѣхъ казаковъ къ оружію противъ поляковъ, собралъ значительное число войскъ и пушекъ и двинулся къ Переяславлю. На пути туда число казаковъ у него возросло до 30 т. челов, и Тарасъ сталъ съ ними таборомъ подъ Переяславлемъ, между историческими рѣками Трубежомъ и Альтой, выжидая нападенія поляковъ.

Въ томъ же 1628 г. запорожцы снова разорили окрестности Стамбула, а регистровые казаки, вмѣстѣ съ поляками, сражались подъ Мальборгомъ (Маріенбургомъ) въ Пруссіи съ шведами.

Въ 1629 году Конецпольскій, заключивъ 16 (26) сентября въ Альтмаркѣ перемиріе съ шведами, двинулся съ кварціянами въ Украину усмирять казаковъ. Всѣ поляки въ Украинѣ, которые только могли поднять оружіе, и нѣсколько польскихъ войскъ изъ Польши, присоединились къ Конецпольскому.

Высланный имъ, весною 1630 г., коронный стражникъ Лащъ вырѣзалъ все населеніе мѣстечка Лисянки, грабилъ и жестоко мучилъ жителей на пути. Казаки съ своей стороны вырѣзали въ Корсуни 3 польскія хоругви, грабили и жгли польскія помѣстья. Словомъ— съ обѣихъ сторонъ началась жестокая и безпощадная, политико-религіозная рѣзня! Казаки и народъ изъ Украины бѣжали въ таборъ Тараса подъ Переяславлемъ. Конецпольскій, также значительно усиленный, переправился за Днѣпръ и сталъ въ виду табора Тараса. Войска его ежедневно нападали на этотъ таборъ, но были отражаемы: окопы и огонь пушечный и ружейный казаковъ не допускали поляковъ врываться въ таборъ. Тарасъ ограничивался обороной и отраженіемъ поляковъ, но про себя составилъ уже свой планъ нападенія.

Насталъ польскій праздникъ «Тѣла Господня» (Panskie Ciało), во 2-й четвергъ послѣ Троицына дня: въ польскомъ станѣ устроены были переносные алтари, убранные цвѣтами, начались увеселенія, сопровож-

давшіяся пушечной пальбой; поляки безпечно пировали, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности. Казаки, съ своей стороны, цѣлый день смирно сидѣли въ своемъ таборѣ; но въ сумерки часть ихъ скрытно и тихо проползла въ одну изъ лощинъ близъ польскаго стана, выжидая условленнаго знака. Ночью казаки построились и на разсвѣтѣ ударили съ двухъ сторонъ на польскій станъ и на сонныхъ поляковъ въ немъ, не успѣвшихъ даже опохмѣлиться послѣ пированья наканунѣ. Смявъ и переколовъ половину ихъ, другую казаки перетопили въ рѣкѣ, либо разсѣяли (одной шляхты погибло до 300 чел.), взяли всю артиллерію и весь обозъ и, въ свою очередь, отпразновавъ кровавую месть своимъ злѣйшимъ врагамъ, прозвали эту побѣду надъ ними «Переяславскою» или, по имени гетмана, «Тарасовою ночью». То былъ какъ бы внезапный ударъ грома, поразившій и разсѣявшій, какъ прахъ, все польское войско! *).

Тарасъ тотчасъ же раздѣлилъ свое войско на многіе отряды и послалъ ихъ во всѣ стороны очищать украинскія поселенія отъ поляковъ и жидовъ — и началась безпощадная рѣзня ихъ. Тысячами гибли тѣ и другіе отъ разъяренныхъ казаковъ, но польское правительство не посмѣло ничего предпринять противъ нихъ, ибо съ двухъ сторонъ Польшѣ грозила въ это время опасность: шведскій король Густавъ-Адольфъ объявилъ Сигизмунду войну, а царь собирался отвоевать Смоленскъ.

Впрочемъ дальнѣйшія военныя дѣйствія послѣ Тарасовой ночи, равно и судьба самаго Тараса, неизвѣстны. Въ 1630 г. Конецпольскій, имѣя въ виду смирить казаковъ и прекратить морскіе набѣги запорожцовъ на берега Турціи, три недѣли осаждалъ Переяславль. Но казаки, послѣ многихъ сшибокъ съ нимъ подъ Переяславлемъ, наконецъ овладѣли обозомъ его, переняли перевозы черезъ Днѣпръ и сожгли паромы на немъ. Конецпольскій, отступивъ отъ Переяславля и наружно примирясь съ казаками, назначилъ имъ въ гетманы уроженца Канева, Тимоѳея Арандаренку. Послѣдній, съѣхавшись въ Черкасахъ съ митрополитомъ Іовомъ, положилъ отправить къ королю двухъ депутатовъ съ жалобой на разоренія, причиненныя войною Украинѣ. Неизвѣстно, отвѣчалъ-ли или нѣтъ король, но мѣсто Арандаренки въ 1631 г. заступили, одинъ послѣ другаго и отчасти одновременно, Петрижицкій, Гавриловичь, бывшій при Сагайдачномъ наказнымъ атаманомъ Петръ Жиц-

*) Польскіе историки, по своему обыкновенію, умалчиваютъ о подробностяхъ этого, какъ и вообще всякихъ другихъ пораженій своихъ; полагаютъ впрочемъ, что однихъ старшинъ или начальниковъ польскихъ погибло въ эту ночь болѣе, нежели во всю войну въ Пруссіи!

кій, Перевязка и Павлюга (1631 — 1637). Эти 7 лѣтъ прошли преимущественно во внутреннихъ раздорахъ и ничего особенно важнаго въ военномъ отношеніи не представляютъ, за исключеніемъ развѣ обычныхъ набѣговъ запорожцовъ на сухомъ пути и морѣ на Крымъ и Турцію, и военныхъ дѣйствій между поляками и казаками въ концѣ 1637 г. Насилія поляковъ снова достигли того, что Павлюга собралъ свое войско, а Конецпольскій послалъ противъ него польнаго гетмапа Потоцкаго. Оба войска сошлись возлѣ Корсуня и 16 (26) декабря 1637 г. Потоцкій напалъ врасплохъ подъ селомъ Кумейки на казаковъ. Бой былъ весьма упорный и продолжался до самой полуночи; казаки дрались съ упорствомъ отчаянія, но окончательно были разбиты на-голову, потеряли 5 пушекъ, весь обозъ и, по словамъ участника этого боя, французскаго инженера Боплана, будто бы 6 т. убитыхъ изъ числа 18 т. (а поляки—не болѣе 100 чел., что, и то, и другое, очень сомнительно), остальные же были ранены, взяты въ плѣнъ или разсѣялись. Павлюга, съ небольшимъ числомъ оставшихся при немъ казаковъ, ночью отступилъ къ мѣстечку Боровицѣ, гдѣ къ нему присоединились разсѣявшіеся казаки. Потоцкій окружилъ таборъ ихъ и предложилъ миръ на выгодныхъ условіяхъ. Но едва казаки приняли его и стали расходиться, какъ поляки, самымъ вѣроломнымъ и безчестнымъ образомъ, напали на нихъ со всѣхъ сторонъ, многихъ изрубили, перестрѣляли, перерѣзали, другихъ избили и ограбили, а Павлюгу и 5 старшинъ заковали и отправили въ Варшаву, гдѣ съ Павлюги содрали съ живаго кожу, а прочимъ отрубили головы и послали ихъ на позорную выставку въ главные города Малороссіи! Такова была эта безчеловѣчная съ обѣихъ сторонъ, но особенно со стороны поляковъ, война въ несчастной Украинѣ!

Послѣ того польскій сеймъ провозгласилъ казаковъ состоящими внѣ закона, и поляки завладѣли всею Малоросіей на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, какъ завоеванною страною, разоривъ ее въ конецъ.

§ 22.

Войны отъ Стефана Остряницы до Богдана Хмѣльницкаго (1638—1647).

Жестокія насилія поляковъ только раздражили еще болѣе войско и народъ въ Малороссіи: въ 1638 г. они избрали въ гетманы опытнаго и благоразумнаго нѣжинскаго полковника Стефана Остряницу. Не смотря на безпрестанныя нападенія Потоцкаго на *города и селенія* Малороссіи и на расположенные въ нихъ или близь

нихъ отряды казаковъ, при чемъ нападенія эти сопровождались страшными насиліями, грабежомъ, убійствами и разореніемъ, Острянница успѣлъ однако, хотя и съ трудомъ, собрать къ Переяславлю разсѣянныя по всей Малороссіи войска. Прежде всего онъ удачно очистилъ отъ поляковъ всѣ города на обоихъ берегахъ Днѣпра и возстановилъ сообщенія между войсками и жителями обѣихъ сторонъ. Пользуясь этимъ, онъ началъ нападать на польскіе отряды и, благодаря безпечности и оплошности поляковъ, увѣренныхъ, что казаки не осмѣлятся болѣе воевать съ ними, вездѣ разбивалъ ихъ по частямъ, истреблялъ ихъ и отнималъ у нихъ пушки, оружіе, военные и продовольственные запасы. Усиленный этими средствами и способами и присоединеніемъ новыхъ казачьихъ войскъ, Острянница смѣло пошелъ отыскивать главныя силы Потоцкаго и, найдя ихъ въ укрѣпленномъ станѣ на рѣчкѣ Старицѣ, тотчасъ же атаковалъ ихъ. Произошелъ жесточайшій бой, потому что обѣ стороны сражались съ упорствомъ отчаянія, казаки—чтобы побѣдить и отмстить, поляки—чтобъ отбиться и спастись отъ неминуемой гибели. Но казаки одержали полную и рѣшительную побѣду, а поляки—такое же пораженіе. Только Потоцкій съ небольшимъ числомъ лучшей конницы своей спасся вплавь черезъ рѣчку, всѣ остальные погибли подъ ударами разъяренныхъ казаковъ; либо потонули въ рѣчкѣ. Весь польскій станъ, со всемъ, что находилось въ немъ, достался казакамъ, которые послѣ боя похоронили 4,727 своихъ и 11,317 польскихъ убитыхъ, изъ чего можно заключить, какова была жестокость этого боя!

Затѣмъ Острянница, не теряя времени, погнался за Потоцкимъ и настигъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ (въ нын. Волынской губерніи), гдѣ онъ, въ ожиданіи помощи изъ Польши, заперся въ замкѣ. Острянница немедленно пошелъ на приступъ; но Потоцкій выслалъ на встрѣчу ему русское духовенство съ крестами, хоругвями и заклинаніемъ преклониться на миръ. Послѣ долгихъ совѣщаній между казаками, въ церкви заключены были съ обѣихъ сторонъ условія вѣчнаго мира (!), подтверждены присягой на Евангеліи— и войска съ обѣихъ сторонъ разошлись. Острянница съ старшинами и полковниками, безъ стражи, поѣхалъ въ Каневъ, въ тамошнемъ монастырѣ возблагодарить Бога за одержанный успѣхъ. Поляки же, разрѣшенные своимъ духовенствомъ отъ клятвы схизматикамъ, по ночамъ, проселками и оврагами прошли къ Каневскому монастырю, окружили его и вторглись въ него. Острянница и 37 спутниковъ его, сочтя невозможнымъ сопротивляться, сдались и были отправлены въ Варшаву, гдѣ преданы мучительнѣйшей казни, а *Каневскій монастырь* былъ разграбленъ и сожженъ! Вся Малороссія

содрогнулась отъ ужаса, и казаки немедленно избрали въ гетманы Саволтовича, но, подозрѣвая его въ измѣнѣ, убили и избрали Карпа Полтора-Кожуха (1639). Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы умножить малороссійское войско, и успѣлъ собрать его на р. Мерло, притокѣ р. Ворсклы, выше Полтавы, но, къ сожалѣнію, не имѣлъ удачи: князь Іеремія Вишневецкій, злобный и жестокій вѣроотступникъ, разбилъ и разсѣялъ войско гетмана. Тогда послѣднему были пресѣчены всѣ сообщенія съ малороссійскими войсками за Днѣпромъ и Десной, и поляки хотѣли истребить и его съ войскомъ. Но онъ, въ виду этого, держался границъ Малороссіи и Запорожья съ крымскими степями, удачно отражалъ наѣзды поляковъ, бралъ въ плѣнъ начальниковъ ихъ и продавалъ татарамъ, и, приглашенный ханомъ для отраженія калмыковъ, напавшихъ на крымскіе предѣлы, разбилъ ихъ нѣсколько разъ и прогналъ за Волгу; но, послѣ 3 лѣтъ скитанія въ степяхъ, умеръ въ нихъ въ нищетѣ (1642).

На мѣсто его казаки избрали Максима Гулака, но онъ тщетно старался умножить число малороссійскаго войска и избавить Малороссію отъ польскаго ига. Чарнецкій, такой же жестокій человѣкъ, какъ и Вишневецкій, разбилъ и разсѣялъ малочисленное войско, приведенное Гулакомъ къ р. Тясмину (у Чигирина и Крылова) для поисковъ противъ поляковъ, и взялъ весь обозъ его съ пушками и запасами.

Тогда Гулакъ, имѣя уже не болѣе 7 тысячъ регистровыхъ казаковъ, сталъ, подобно предшественнику своему, придерживаться границъ Малороссіи съ Россіей и Крымомъ и 5 лѣтъ ходилъ на помощь то первой, то второго и даже Турціи, и за Волгу, и за Кубань, и въ Анатолію. А по смерти его въ 1647 году, слабые остатки его ушли на житье въ Запорожье, на острова Днѣпра.

Между тѣмъ поляки, владѣя неограниченно всею Малороссіей, поставили въ ней своихъ наказныхъ атамановъ, въ 1646 г.—Николая Зацвилиховскаго, который прославился въ битвахъ съ татарами, пріобрѣлъ любовь казаковъ и запорожцовъ, и помимо короля и польскихъ магнатовъ посылалъ двухъ старшинъ въ Москву къ царю Алексѣю Михайловичу—зачѣмъ, съ чѣмъ и какой получилъ отвѣтъ — неизвѣстно. Извѣстно только, что Зацвилиховскій былъ схваченъ, отвезенъ въ Варшаву и пропалъ безъ вѣсти (безъ сомнѣнія былъ казненъ). Его мѣсто заступилъ чигиринскій полковникъ и генеральный есаулъ Иванъ Барабашъ.

Въ это время выступаетъ впередъ будущій герой и освободитель Малороссіи, знаменитый Зиновій Богданъ Хмѣльницкій. Онъ *былъ внукъ, по* матери, малороссійскаго гетмана Ѳеодора Богда-

на (1576 — 1579) и сынъ дочери его Анастасіи и регистроваго сотника черкасскаго полка Михаила Хмѣльника. Получивъ отличное образованіе въ Кіевѣ, потомъ въ польскомъ Ярославцѣ и наконецъ въ Варшавѣ, онъ впервые отличился на войнѣ въ сраженіи поляковъ и казаковъ съ турками при Цецорѣ на р. Прутѣ (7 октября 1620 г.), гдѣ, видя убитаго отца своего, врубился въ ряды турокъ, но былъ взятъ въ плѣнъ и проданъ татарамъ въ неволю. Черезъ два года выкупленный Сигизмундомъ, онъ поступилъ въ его гвардію и вскорѣ, прибывъ на родину въ Чигиринъ, подвергся ненависти и гоненію чигиринскаго подстаросты Чаплинскаго, который отнялъ у него имѣніе и даже покушался убить его. Послѣ тщетныхъ усилій найти законное удовлетвореніе себѣ судебнымъ порядкомъ, Богданъ подалъ жалобу сыну и преемнику Сигизмунда, Владиславу, который отвѣчалъ, что не въ силахъ помочь ни ему, ни другимъ казакамъ и предоставляетъ имъ самимъ искать управы силою оружія. А между тѣмъ Чаплинскій похитилъ жену Богдана и публично наказалъ плетьми любимаго сына его. Тогда Богданъ, бывшій уже генеральнымъ писаремъ войска малороссійскаго, рѣшился отмстить за себя и за свою отчизну.

Барабашъ, любимый поляками и ненавидимый казаками, наружно поклялся дѣйствовать въ пользу послѣднихъ, но втайнѣ измѣнилъ имъ, предавшись полякамъ и совѣтуя имъ поголовное истребленіе запорожцовъ. Въ Запорожьѣ избрали въ атаманы Ивана Полежая, сына убитаго Барабашемъ генеральнаго судьи малороссійскаго, Антона Полежая. Конецпольскій, съ своей стороны, подкрѣпилъ Барабаша 500-ми чел. польской земской стражи и послалъ ихъ съ 3 тыс. казаковъ противъ Полежая. Запорожцы были разбиты, Полежай убитъ въ бою, Сѣча въ Никитиномъ Рогѣ сдалась полякамъ. Тогда-то Богданъ, похитивъ хитростью у Барабаша универсалъ Владислава, благопріятный для любимыхъ имъ казаковъ, бѣжалъ съ нимъ въ Запорожскую Сѣчь. Прибывъ 7 августа 1647 г. въ Никитинъ Рогъ (на острову Днѣпра), онъ нашелъ тутъ 300 вооруженныхъ запорожцовъ, готовыхъ къ войнѣ (прочіе были либо на промыслахъ, либо въ поискахъ). Къ нимъ онъ присоединилъ 3,115 регистровыхъ казаковъ, удалившихся въ Запорожье по смерти Гулака (см. выше), созвалъ раду, прочелъ письма Барабаша и универсалъ короля и предложилъ на выборъ—«гибель со славой или гибель со стыдомъ». Казаки единогласно объявили готовность служить на пользу отечества и провозгласили его гетманомъ. Но онъ отказался отъ этого впредь до выбора всемъ народомъ и войскомъ, а вызвался предводительствовать ими въ своемъ чинѣ генеральнаго писаря и объявилъ, что необходимо было взять польскую крѣпост-

цу Койдакъ на Днѣпрѣ, выше 1-го порога. Эта крѣпостца была занята польскими войсками и казаками. Хмѣльницкій произвелъ внезапный, но ложный приступъ къ ней частью своихъ казаковъ съ степной стороны, а когда поляки обратили все вниманіе и силы свои противъ атакующихъ, другая часть казаковъ Хмѣльницкаго скрытно проползла берегомъ Днѣпра къ самой крѣпостной стѣнѣ и водными воротами съ Днѣпра войдя почти безъ сопротивленія въ крѣпость, внутри ея напала на поляковъ съ тыла и произвела между ними страшное пораженіе. Тогда и казаки съ степной стороны произвели уже дѣйствительный приступъ, ворвались въ крѣпость и довершили пораженіе поляковъ, такъ что ни одного изъ нихъ не осталось даже для извѣщенія о гибели гарнизона. Завладѣвъ всѣми орудіями, оружіемъ и запасами, найденными въ крѣпости и снабдивъ ими свои войска, Хмѣльницкій назначилъ Койдакъ сборнымъ и опорнымъ мѣстомъ для малороссійскаго войска. Отсюда онъ немедленно разослалъ окружныя грамоты, призывая всѣхъ казаковъ къ поголовному возстанію на освобожденіе Малороссіи отъ поляковъ, къ отложенію отъ измѣнника и предателя отечества—Барабаша и къ сбору всѣхъ въ Койдакъ. Вскорѣ сюда прибыло 3 тыс. регистровыхъ казаковъ полтавскаго, миргородскаго, гадячскаго и отчасти другихъ полковъ лѣвой стороны.

Возстаніе казаковъ сильно встревожило поляковъ и одна надежда у нихъ была на Барабаша, а этотъ послѣдній только о томъ и помышлялъ, чтобы ему быть не наказнымъ только, а дѣйствительнымъ гетманомъ всей Малороссіи на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и войска Запорожскаго—и сеймъ утвердялъ его въ этомъ званіи. Коронный гетманъ Николай Потоцкій, извѣщенный Барабашемъ о дѣйствіяхъ Хмѣльницкаго, немедленно сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ въ Черкасахъ и Корсунѣ польскихъ войскъ и регистровыхъ казаковъ, для дѣйствій противъ Хмѣльницкаго и — татаръ. Ибо Хмѣльницкій успѣлъ уже склонить на свою сторону крымскаго хана, въ чемъ ему помогли не столько дары и обѣщанія, сколько разрывъ хана съ Польшей, вслѣдствіе отказа ея платить хану обычную ежегодную дань. Такимъ образомъ Польшѣ пришлось уже имѣть дѣло не съ однимъ Хмѣльницкимъ, но и съ крымскимъ ханомъ—дѣло для Польши не легкое.

§ 23.

Войны во время гетманства Богдана Хмѣльницкаго (1648—1657). — Война въ 1648 году.

Все изложенное выше произошло въ теченіи времени съ 7 августа 1647 г. (прибытія Хмѣльницкаго въ Сѣчь) до весны 1648 г. Въ февралѣ и мартѣ этого года Потоцкій собралъ уже въ Черкасахъ и Корсунѣ не менѣе 32 т. войскъ (въ томъ числѣ 6 тыс. регистровыхъ казаковъ Барабаша). Изъ нихъ съ главными силами самъ Потоцкій находился въ Черкасахъ, а польный гетманъ Калиновскій съ частью силъ въ Корсунѣ. Въ апрѣлѣ предпринято было наступленіе въ Запорожье: около 7 т. войскъ (драгуны изъ русскихъ, т. е. малороссійскихъ жителей и польскіе регистровые казаки) при 12 орудіяхъ, подъ начальствомъ молодаго сына Потоцкаго, Стефана, были высланы впередъ внизъ по правому берегу Днѣпра, для открытія непріятеля; другой отрядъ (нѣмецкая пѣхота и польскіе регистровые казаки), всего 2 или 3 тыс. чел. съ 15 малыми пушками, подъ начальствомъ Барабаша и полковника Кречовскаго, былъ посланъ на судахъ отъ Черкасъ внизъ по Днѣпру къ Койдаку. Этотъ послѣдній отрядъ плылъ внизъ по теченію Днѣпра скорѣе, нежели отрядъ Стефана Потоцкаго шелъ берегомъ рѣки 70 верстъ, въ 8 сутокъ, до Желтыхъ водъ *).

Хмѣльницкій, имѣя вѣрныя свѣдѣнія о сборѣ и потомъ о направленіи и порядкѣ движенія отрядовъ Барабаша и Стефана Потоцкаго, призвалъ перекопскихъ татаръ (которые и прибыли къ нему подъ предводительствомъ мурзы Тугай-бея), на островахъ Днѣпра искусно устроилъ батареи, скрытыя тростникомъ и кустарниками, и, оставивъ тамъ часть войскъ и разставивъ стражей по берегу Днѣпра, самъ съ главными силами 22 апрѣля (2 мая) быстро двинулся на встрѣчу Стефану Потоцкому, послѣдуемый татарами Тугай-бея. Прибывъ къ Желтымъ водамъ, онъ сталъ тутъ та-

---

*) Желтыя воды были тогда урочищемъ, въ точности неизвѣстно, гдѣ именно находившимся. Въ Книгѣ Большаго Чертежа оно не означено, на картѣ Рицци-Дзаннони также; польскій историкъ Коховскій говоритъ, что это было озеро, окруженное лугами и непроходимое по его глубинѣ и тинистому дну, которое и дало ему прозваніе «Желтыя воды»; — Соловьевъ и Костомаровъ называютъ его протокомъ при устьяхъ р. Тясмина въ Днѣпръ близъ Крылова, и по разстоянію и ходу событій это кажется болѣе всего вѣроятнымъ.

боромъ, въ ожиданіи вѣстей съ Днѣпра. Здѣсь судовой отрядъ Барабаша, приплывъ къ островамъ, на которыхъ были устроены казацкія батареи, былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ ихъ, который нанесъ ему большой вредъ и уронъ. Между тѣмъ, когда отрядъ Стефана Потоцкаго подступилъ къ Желтымъ водамъ и встрѣтилъ тутъ Хмѣльницкаго въ таборѣ, то выслалъ впередъ наѣздниковъ на «герцы» (наѣздничество, джигитовку) и послалъ къ отцу своему просить помощи. Хмѣльницкій также выслалъ наѣздниковъ, но самъ не выходилъ изъ своего табора, а Тугай-бея съ татарами послалъ скрытно въ обходъ и въ тылъ на сообщенія Стефана Потоцкаго. Послѣдній, въ ожиданіи помощи отъ отца и отъ Барабаша, три дня удерживался на мѣстѣ помощью огня своей артиллеріи. Хмѣльницкій же отправился къ батареямъ на островахъ, приказалъ прекратить огонь, выставилъ бѣлое знамя съ изображеніемъ креста и громко воскликнулъ: «миръ христіанству!» Тысячи голосовъ въ отрядѣ Барабаша радостно отвѣчали ему тѣмъ же—и казаки Барабаша устремились къ Хмѣльницкому и перешли на его сторону. Барабашъ, видя это, спрятался въ лодкѣ и хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но былъ отысканъ и убитъ казаками. Это произошло утромъ 4 (14) мая въ виду Стефана Потоцкаго—и онъ, лишенный уже помощи отряда Барабаша и не получая ея отъ отца своего, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ было положено перенесть станъ за Желтыя воды и держаться въ немъ до прибытія помощи отъ коронпаго гетмана. Это и было исполнено на другой день 5 (15) мая; но когда Стефанъ Потоцкій двинулся впередъ, чтобы оттѣснить Хмѣльницкаго, то самъ былъ стремительно и сильно атакованъ послѣднимъ съ фронта, а передовыми татарами Тугай-бея съ тыла. Русскіе драгуны перешли на сторону Хмѣльницкаго — и Потоцкій былъ принужденъ отступить и засѣсть въ своихъ окопахъ. На другой день 6 (16) мая, послѣ жаркаго боя, прекращеннаго проливнымъ дождемъ, Потоцкій согласился на предложеніе Хмѣльницкаго вступить въ переговоры. Кончилось тѣмъ, что Потоцкій выдалъ свои пушки и получилъ позволеніе отступить. 8 (18) мая онъ предпринялъ отступленіе, но, пройдя верстъ 20 густымъ лѣсомъ, наткнулся на главныя силы Тугай-бея, которыя бросились на поляковъ съ такими стремительностью и яростью, что весь отрядъ Потоцкаго былъ частію взятъ въ плѣнъ, большею же частію истребленъ. Потоцкій и Шембекъ были тяжело ранены и первый вскорѣ умеръ отъ раны, а послѣдній взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ двумя Сапѣгами, Чарнецкимъ, Хребтовичемъ, Уминскимъ, многими другими знатными поляками и казацкимъ старшиною *Иваномъ* Выговскимъ (въ послѣдствіи малороссійскимъ гет-

маномъ). Всѣ они и 3 т. плѣнныхъ рядовыхъ были отправлены въ Чигиринъ, переданы Тугай-бею и отосланы въ Крымъ. Татары овладѣли богатою добычей, которою подѣлились съ казаками.

Таково описаніе этого разгрома поляковъ при Желтыхъ водахъ и при отступленіи отъ нихъ—по свѣдѣніямъ какъ со стороны малороссійскихъ лѣтописцовъ, такъ и со стороны польскихъ историковъ. Но первые разнорѣчатъ, а послѣдніе, по обыкновенію, о многомъ умалчиваютъ, либо изображаютъ въ другомъ видѣ. Такъ Величко говоритъ, что Хмѣльницкій расположился верстахъ въ 30-ти выше Койдака и, покончивъ съ Барабашемъ, пошелъ къ Желтымъ водамъ, гдѣ уже стоялъ Стефанъ Потоцкій, и напалъ на него на другой день 5 (15) мая. Онъ же, Величко, говоритъ, что Стефанъ Потоцкій вышелъ изъ Черкасъ 13 (23) апрѣля, шелъ до Желтыхъ водъ 8 сутокъ, а пришелъ къ нимъ 22 апрѣля (2 мая): значитъ либо то, либо другое числа невѣрны. Польскіе историки означаютъ днемъ битвы 5 (15) апрѣля. Бантышъ-Каменскій говоритъ, что Барабашъ убитъ 5 (15) апрѣля, а потомъ на томъ же мѣстѣ погибъ и Стефанъ Потоцкій. Соловьевъ и Костомаровъ слѣдуютъ показаніямъ Велички. Словомъ—въ изложеніи битвы при Желтыхъ водахъ и военныхъ дѣйствій до, во время и послѣ нея существуетъ большое разнорѣчіе и вслѣдствіе того неясность и неопредѣленность *)

Хмѣльницкій, во время отступленія Стефана Потоцкаго, боя его съ Тугай-беемъ и послѣ того, простоялъ на мѣстѣ 3 сутокъ (8-18, 9-19 и 10-20 мая), а 11-(21) мая двинулся со всѣми своими силами къ Черкасамъ противъ гетмана Потоцкаго. Что же дѣлалъ тамъ этотъ послѣдній? Вмѣсто того, чтобы немедленно и быстро идти на помощь своему сыну, онъ оставался въ бездѣйствіи и проводилъ время, по польскому обычаю, въ пирахъ или, какъ казаки говаривали про поляковъ, въ «бражничаньѣ». Наконецъ уже, узнавъ о желтоводскомъ погромѣ, 11 (21) мая онъ двинулся не впередъ, а назадъ къ Корсуню, гдѣ окопался между нимъ и м. Стеблевымъ, близь него къ западу. Здѣсь онъ соединился съ Калиновскимъ и ждалъ помощи отъ Іереміи Вишневецкаго, но послѣдній находился еще за Днѣпромъ подъ Переяславлемъ. Татары уже стояли въ Смѣломъ (къ ю. з. отъ Черкасъ), а жители окрестныхъ мѣстъ стекались въ таборъ Хмѣльницкаго, шедшаго къ Черкасамъ. Потоцкій же ссорился съ Калиновскимъ и, не зная, что дѣлать, оставался на мѣстѣ въ бездѣйствіи; и онъ, и войска его были въ унынiи, усиленномъ еще слухами о смерти короля Владислава (10-20 мая). Наконецъ 15 (25)

---

*) Павлищева: Польская анархія (рукопись).

мая Хмѣльницкій и Тугай явились передъ станомъ Потоцкаго, и татары первые бросились на него; но Потоцкій не принялъ боя и все ограничилось наѣздничествомъ съ обѣихъ сторонъ. Взятыя при этомъ поляками въ плѣнъ казаки и татары показали, что казаковъ болѣе 15 т., а татаръ тысячъ 40, да за ними въ степяхъ самъ ханъ со всею ордой (по Костомарову это показалъ казакъ, нарочно подосланный для того Хмѣльницкимъ). Калиновскій не смутился этимъ и совѣтовалъ выйти изъ окоповъ и атаковать всѣми силами. Но Потоцкій, смущенный знатными поляками, объятыми страхомъ, приказалъ собираться въ походъ—назадъ. На другой день 16 (26) мая все войско двинулось къ Богуславу (къ с. з. отъ Корсуня). Хмѣльницкій послѣдовалъ за нимъ и употребилъ такую же хитрость, что и при Желтыхъ водахъ, приказавъ полковнику Кривоносу съ 6 т. казаковъ занять на пути отступленія поляковъ лѣсистую «Крутую балку» подъ дер. Гроховцами. Поляки, пройдя вертсъ 15 спѣшенною конницей, въ непрерывной перестрѣлкѣ съ напиравшими сзади казаками и татарами, вдругъ, спустясь въ балку, очутились подъ выстрѣлами казаковъ Кривоноса. Страшно поражаемые и спереди, и сзади, они, не смотря на измѣну драгуновъ, передавшихся казакамъ, защищались съ упорствомъ отчаянія. Наконецъ, когда они убѣдились въ невозможности идти далѣе, одинъ изъ богатыхъ волынскихъ пановъ, князь Корецкій, крикнулъ «товарищамъ» сѣсть на коней и прорубиться съ нимъ сквозь казаковъ. Тысячи 2 бросились за нимъ и человѣкъ 500 погибло, но тысячи полторы прорубились. Послѣ того уже началось безпощадное избіеніе поляковъ казаками и татарами. Потоцкій, Калиновскій, до 80 начальниковъ и множество рядовыхъ были взяты въ плѣнъ, и Хмѣльницкій оставилъ себѣ «на выкупъ» до 60 начальниковъ и человѣкъ 500 рядовыхъ, а всѣхъ остальныхъ отдалъ Тугаю *). Трофеями побѣдителей были: вся артиллерія; 3 драгоцѣнныя булавы, 4 бунчука, 94 знамени, весь богатый обозъ гетмановъ, польской знати, пановъ, словомъ — полнѣйшій разгромъ польскаго войска и богатѣйшая добыча, въ достойное возмездіе жестокихъ поступковъ польской шляхты противъ казаковъ и Украйны.

Хмѣльницкій, какъ будто не зная еще о смерти короля, послалъ на его имя письмо въ Варшаву, съ оправданіемъ своихъ поступковъ, а самъ разослалъ по всей Малороссіи универсалъ отъ 28 мая ст. ст. изъ Бѣлой Церкви (куда перенесъ свое мѣстопребываніе изъ Корсуня), съ призывомъ всѣхъ и каждаго собираться на коняхъ къ

*) Величко говоритъ, что желтоводскихъ и корсунскихъ рядовыхъ было всего 9,190 (3 т. первыхъ и 6 т. послѣднихъ), а считая по меньшей мѣрѣ 1/3 убитыхъ, *то всего польскихъ* войскъ было 12 т. слишкомъ; всѣхъ пушекъ взято 41 (8 *желтоводскихъ и 33* корсунскихъ), но все это кажется преувеличеннымъ.

Бѣлой Церкви и уже подписался «гетманомъ войска Запорожскаго и всей малороссійской Украйны по обѣимъ сторонамъ Днѣпра». Вслѣдствіе того, къ нему отовсюду начали стекаться жители Малороссіи и вскорѣ число ихъ возросло до 40 тыс. чел. Брацлавскій воевода и сенаторъ Адамъ Кисель, ревностный православный, убѣждалъ Хмѣльницкаго примириться съ Польшей, прекратить кровопролитіе и даровать Малороссіи миръ и тишину. Хмѣльницкій, слѣдуя его совѣту, оставался въ бездѣйствіи въ Бѣлой Церкви, только разославъ въ разныя стороны отряды казаковъ очищать города и мѣстечки отъ поляковъ, занимавшихъ ихъ, и отпустилъ татаръ въ Крымъ, продолжая однако оставаться въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ хану. Но Іеремія Вишневецкій возсталъ противъ казаковъ и произвелъ въ Малороссіи новое кровопролитіе. Хмѣльницкій послалъ противъ него Кривоноса и этотъ послѣдній разорилъ нѣсколько помѣстьевъ Вишневецкаго, овладѣлъ Полоннымъ, близь Константинова былъ разбитъ Вишневецкимъ, но затѣмъ хитростью взялъ Баръ и, снова разбитый Вишневецкимъ подъ Пилявой и взятый въ плѣнъ, былъ подвергнутъ мучительной казни, которой кровожадный Вишневецкій подвергалъ всѣхъ попадавшихся ему казаковъ и жителей городовъ и мѣстечекъ Украйны. Въ возмездіе за это, вооруженные крестьяне, подъ предводительствомъ полковниковъ Остапа и Ганжи, безпощадно истребляли поляковъ и жидовъ, грабили и разоряли помѣстья польской шляхты. Эти обоюдныя жестокости были на время прекращены присылкою сеймомъ коммисаровъ къ Хмѣльницкому для переговоровъ о мирѣ, а для приданія имъ большей силы, сеймъ выставилъ противъ Хмѣльницкаго войско, состоявшее, по словамъ Коховскаго—только изъ 30 т. чел., а по показанію Рудавскаго—однихъ шеренговыхъ (рядовыхъ) будто бы до 200 т. чел., что ни малѣйше невѣроятно, потому что было невозможно для Польши. Малороссійскіе лѣтописцы говорятъ только, что между предводителями и знатью польскими въ войскѣ была необыкновенная роскошь, а между рядовыми, не получавшими жалованья—насилія и грабежи. Всѣ польскіе помѣщики Украйны присоединились къ войску съ своими надворными хоругвями. Главнымъ предводителемъ войска былъ назначенъ кроткій и невоинственный князь Заславскій, а товарищами ему молодой и неопытный Александръ Конецпольскій и также невоинственный Николай Остророгъ, всѣ съ тою, будто бы, цѣлію, чтобы посредствомъ кроткихъ предводителей прекратить кровопролитіе до избранія преемника Владиславу.

Но Хмѣльницкій, раздраженный надменными условіями сейма, снова взялся за оружіе и призвалъ татаръ. Вишневецкій понуждалъ Заславскаго, стоявшаго станомъ у Пилавы въ Подоліи (между

Хмѣльникомъ и Константиновымъ), напасть на Хмѣльницкаго до присоединенія къ нему татаръ; Кисель же, напротивъ, совѣтовалъ помедлить и вступить съ Хмѣльницкимъ въ мирные переговоры. А между тѣмъ татары уже приближались къ казакамъ, овладѣвшимъ двумя польскими замками и укрѣпившимся за болотами. Вскорѣ слухъ о прибытіи самаго хана съ большимъ войскомъ привелъ польскихъ предводителей въ страхъ. Тщетно Заславскій уступалъ начальствованіе Вишневецкому и наконецъ военный совѣтъ рѣшилъ, для сбереженія войска, отступить къ Константинову. Но это отступленіе было произведено поспѣшно и въ безпорядкѣ, подобно бѣгству; только одинъ огромный обозъ (до 100 т. повозокъ), оставленный на мѣстѣ, могъ бы спасти поляковъ отъ гибели. А между тѣмъ, по преданію, войско ихъ подъ Пилявой было втрое сильнѣе казацкаго, крымскій ханъ не присоединился еще къ Хмѣльницкому и послѣдній имѣлъ при себѣ только 6 т. татаръ. Вишневецкій, стыдясь бѣгства войска, принужденъ былъ отступить даже и отъ Константинова далѣе по направленію къ Львову.

Но вскорѣ ханъ съ своими татарами присоединился къ Хмѣльницкому и этотъ послѣдній, пославъ казачьи отряды для разоренія польскихъ помѣстьевъ, двинулся съ ханомъ вслѣдъ за Вишневецкимъ. Въ Збаражѣ онъ завладѣлъ 50-ю пушками и въ началѣ октября явился передъ Львовымъ, незадолго передъ тѣмъ покинутымъ польскими предводителями. Львовъ, довольно сильно укрѣпленный, но съ слабымъ гарнизономъ и съ скудными запасами, нѣсколько дней былъ храбро защищаемъ комендантомъ, который наконецъ откупился деньгами, суконами и продовольственными запасами. Отъ Львова Хмѣльницкій и ханъ пошли къ Замостью, не встрѣчая на пути никакого сопротивленія, но крѣпкій замокъ Замостья, упорно обороняемый воеводой Вейгеромъ, былъ осаждаемъ ими болѣе мѣсяца безъ успѣха. Иначе, еслибы Хмѣльницкому удалось овладѣть этимъ городомъ, въ которомъ находилось все русское шляхтество, то онъ утвердился бы въ самой срединѣ Польши. Но напрасная потеря времени и войскъ, сильный холодъ и прибывшіе послы короля Яна-Казиміра съ примирительными обѣщаніями заставили Хмѣльницкаго снять осаду Замостья и воротиться въ Украйну, положивъ побѣдить противниковъ не однимъ оружіемъ, но и благоразумными терпѣніемъ и осторожностью.

§ 24.

Война въ 1649 году.

Начало 1649 г. было временемъ торжества Хмѣльницкаго, какъ побѣдителя, въ Кіевѣ, куда онъ прибылъ для возблагодаренія Бога за одержанныя побѣды. Жители Кіева встрѣтили его съ восторгомъ, какъ освободителя Украйны, а трансильванскій князь, господари молдавскій и валахскій, многіе татарскіе владѣтели и самъ турецкій султанъ Мухаммедъ IV, чрезъ своихъ пословъ, привѣтствовали его поздравленіями и дарами, и первые изъ нихъ просили помощи его противъ своихъ непріятелей, а султанъ предлагалъ принять покровительство его, съ обѣщаніемъ ввести въ Украйнѣ наслѣдственное гетманство. Хмѣльницкій отвѣчалъ султану, что не отказывается отъ мира, дружбы и союза съ нимъ, но не можетъ поступить подъ его прокровительство безъ предварительнаго совѣщанія о томъ съ народомъ и общественнаго приговора, и обнадеживъ его этимъ, заключилъ съ нимъ выгодный для Украйны договоръ. Но онъ не думалъ склонять народъ къ принятію покровительства султана, а имѣлъ въ виду совершенно иное, именно поступить подъ покровительство царя Алексѣя Михайловича. Однако послѣдній, ссылаясь на Поляновскій договоръ съ Польшей, обѣщалъ принять народъ и войско малороссійскіе подъ свое покровительство тогда только, когда польскій король признаетъ ихъ независимыми.

Наконецъ и со стороны Яна-Казиміра оказаны были Хмѣльницкому большія почести: въ февралѣ польскіе депутаты вручили ему въ Переяславлѣ, отъ имени короля, гетманскіе клейноды: булаву, осыпанную сафирами, красное знамя съ бѣлымъ орломъ иименемъ короля, и грамоту на гетманство. Хотя польское посольство при этомъ случаѣ было принято съ почетомъ, но понесло разныя оскорбленія отъ казаковъ, требовавшихъ отъ Хмѣльницкаго возобновленія военныхъ дѣйствій, и было отпущено съ слѣдующими главными мирными предложеніями Хмѣльницкаго королю: 1) возстановить всѣ древнія преимущества казаковъ, 2) изгнать изъ Украйны іезуитовъ и жидовъ, 3) умножить число регистровыхъ казаковъ до 40 т. чел., 4) выдать Чаплицкаго, врага Хмѣльницкаго, и 5) удалить Вишневецкаго отъ начальствованія польскимъ войскомъ. Понятно, что такія условія не могли обѣщать принятія ихъ и мира съ Польшей, а напротивъ предвѣщали возобновленіе войны, къ которой обѣ стороны и стали готовиться.

Польскія и малороссійскія лѣтописи несогласны между собой касательно времени и описанія послѣдующихъ важныхъ военныхъ событій. Хотя тѣ и другія не совсѣмъ безпристрастны, но во всякомъ случаѣ польскимъ слѣдуетъ довѣрять гораздо менѣе, держаться же болѣе малороссійскихъ. По нимъ, казаки первые открыли военныя дѣйствія, и въ Украйнѣ, и въ сосѣдней Литвѣ, еще въ февралѣ 1649 г. Эти военныя дѣйствія состояли изъ стычекъ отдѣльныхъ отрядовъ съ обѣихъ сторонъ, однако въ пользу поляковъ, а не казаковъ которые потерпѣли пораженіе при Звяголѣ, Острополѣ и Барѣ. Самъ Хмѣльницкій выступилъ въ походъ 1 марта и, соединясь съ крымскимъ ханомъ Исламъ-Гиреемъ II, двинулся къ Збаражу [1]) съ такимъ, будто бы, многочисленнымъ войскомъ, по крайне преувеличенному показанію Пасторія, какого Европа не видала со временъ нашествій гунновъ и Тамерлана, а именно до 300 т. чел., между тѣмъ какъ, по крайне уменьшенному тѣмъ же историкомъ показанію, польскихъ войскъ было, будто бы, не болѣе 9 т. чел., подъ предводительствомъ Вишневецкаго, Фирлея, Ланцкоронскаго, Конецпольскаго и др. [2]) 25 марта на разсвѣтѣ Хмѣльницкій и ханъ приблизились къ Збаражу и застали уже впереди его польское войско Вишневецкаго въ боевомъ порядкѣ, только-что собранное посполитое рушенье впереди, а старыя войска позади, вѣроятно для поддержанія или скорѣе удержанія его. Хмѣльницкій раздѣлилъ свое войско на 3 колонны, составленныя изъ пѣхоты и спѣшенной конницы, съ пушками при нихъ, съ 2-мя конными отрядами на флангахъ и съ запаснымъ (резервнымъ) отрядомъ позади. Не смотря на открытый поляками пушечный огонь, всѣ означенныя части войска Хмѣльницкаго шли медленно впередъ, но, приблизясь къ передовой линіи поляковъ на ближайшее разстояніе, открыли сильный пушечный и ружейный огонь. Она поколебалась, подалась назадъ, потомъ стала отступать и наконецъ въ безпорядкѣ опрокинулась на 2-ю линію старыхъ войскъ и смяла ее. Казаки стремительно бросились на 2-ю линію и, не давъ ей устроиться, уда-

---

[1]) Збаражъ—древнее наслѣдственное владѣніе князей Вишневецкихъ—нынѣ въ сѣверовосточной Галиціи, близъ границы Волынской губерніи, въ которой, къ сѣверу отъ Збаража, находятся замокъ и мѣстечко Вишневецъ, бывшіе также родовымъ владѣніемъ князей Вишневецкихъ.

[2]) Польскіе лѣтописцы, какъ уже неразъ было замѣчено выше, всегда увеличивали силы своихъ непріятелей, а собственныя уменьшали. Въ «Исторіи Руссовъ» сказано, что у Хмѣльницкаго было до 70 т. казаковъ, сверхъ охранявшихъ Украйну. Пушекъ у Хмѣльницкаго было 70. Дальнѣйшее изложеніе военныхъ дѣйствій можетъ служить доказательствомъ, что въ польскомъ войскѣ долженствовало быть гораздо болѣе 9 т. чел.

рили въ копья и нѣсколько часовъ сражались съ нею упорнѣйшимъ боемъ, въ которомъ нанесли полякамъ огромный уронъ, а съ фланговъ конницей. Наконецъ, все польское войско было опрокинуто и въ разстройствѣ и безпорядкѣ бросилось въ Збаражъ и заперлось въ немъ, оставивъ на мѣстѣ боя 57 пушекъ, весь обозъ и множество убитыхъ, въ томъ числѣ шляхты (всего будто бы болѣе 19 т., что сомнительно). Хмѣльницкій, зная, что въ Збаражѣ не было ни пушекъ, ни достаточно военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, положилъ не дѣлать приступа, а принудить городъ и польское войско въ немъ къ сдачѣ обложеніемъ и голодомъ. Поэтому онъ выжегъ предмѣстія и обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ войсками и укрѣпленіями. Это обложеніе продолжалось 3 мѣсяца (апрѣль, май и іюнь), въ продолженіи которыхъ осажденные держались и оборонялись упорно, часто производя вылазки, а казаки съ своей стороны часто бросались на внѣшній ближайшій городской валъ, особенно туда, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ стояла ставка Фирлея. Однажды они уже приближались къ ней, какъ вдругъ Вишневецкій, чтобъ ободрить свои ослабѣвшія войска, запретилъ имъ стрѣлять въ татаръ, будто бы вступившихъ въ переговоры, чѣмъ ободрилъ свои войска и они отбили казаковъ. Такихъ частныхъ казацкихъ приступовъ было произведено 16, а вылазокъ поляками, по ихъ увѣренію, 5, но всѣ были отбиты казаками.

Хмѣльницкій, видя упорство поляковъ держаться, а не сдаваться, положилъ овладѣть внѣшнимъ валомъ посредствомъ подступовъ и подкоповъ, которые и производились денно и нощно. Когда они были доведены уже на столько, что передовые поляки могли видѣть и слышать работавшихъ, то осажденные очистили внѣшній валъ и заняли внутренній. Ожидая прибытія короля съ войскомъ на помощь, они продолжали держаться и обороняться, хотя положеніе ихъ со дня на день становилось все болѣе и болѣе труднымъ и едва выносимымъ. Убыль людей убитыми, ранеными, больными, умершими отъ болѣзней и голода уменьшала число защитниковъ Збаража, такъ что они три раза постепенно стѣсняли кругъ обороняемыхъ ими укрѣпленій и по мѣрѣ того были стѣсняемы осаждавшими, которые занимали покидаемыя осажденными укрѣпленія. Сверхъ того у осажденныхъ оставалось уже очень мало пороху, а отъ недостатка продовольствія произошли голодъ, болѣзни, смертность и люди умирали, а лошади падали во множествѣ, словомъ — войска въ Збаражѣ и жители послѣдняго терпѣли всѣ ужасы продолжительной осады и вѣроятно скоро сдались бы, еслибы не были ободрены письмомъ, которое одинъ полякъ, служившій въ казацкомъ войскѣ, пу-

стилъ съ стрѣлою въ городъ, и которымъ онъ извѣщалъ, что король уже близко и чтобъ осажденные не сдавались.

Дѣйствительно, король въ это время, около 15 іюня, былъ недалеко, именно приближался къ Зборову (въ 2 миляхъ къ западу отъ Збаража), хотя могъ бы прибыть гораздо ранѣе на освобожденіе осажденнаго Збаража. Но онъ и великій канцлеръ Оссолинскій, ненавидя Вишневецкаго, изъ-за тайной вражды къ нему, съ войскомъ (по Пасторію—20 т., по Энгелю—34 т., по другимъ—40 т. и даже будто до 100 т., вѣроятнѣе—отъ 34 до 40 т.) шли отъ Люблина къ Збаражу не прямѣйшею и ближайшею дорогой, но кружною и дальнѣйшею — на Львовъ и Зборовъ, будто бы для сбора войскъ и нужныхъ запасовъ, притомъ очень медленно, часто останавливаясь и по нѣскольку дней оставаясь въ городахъ на пути.

Хмѣльницкій, какъ только узналъ о приближеніи короля къ Зборову, немедленно выступилъ съ частью войска (по Энгелю—20 т. казаковъ и 200 т. татаръ, что совершенно невѣроятно, а по Пасторію и Шевалье—80 т. казаковъ и 60 т. татаръ, что также сомнительно) на встрѣчу королю, а другую часть войска оставилъ подъ Збаражемъ, для продолженія обложенія и осады его. Должно полагать, что Хмѣльницкій взялъ съ собою бо́льшую часть казаковъ и татаръ (какъ полагаютъ—отъ 60 т. до 70 т. чел.), а подъ Збаражемъ оставилъ меньшую часть. На другой день похода онъ узналъ, что войско короля уже близко, и безпрепятственно подступилъ къ Зборову, въ чемъ ему помогли густой туманъ и оплошность короля, не принявшаго мѣръ для развѣданія о непріятелѣ впереди. Къ этому король присоединилъ еще другую неосторожность, именно въ ночь съ 16 на 17 іюня (у польскихъ лѣтописцовъ съ 14-го на 15-е августа) сталъ переходить по 2 гатамъ съ мостами черезъ топкія, непроходимыя болота къ западу отъ Зборова. Въ то самое время, когда часть конницы и 6 т. чел. пѣхоты польскихъ только-что перешли черезъ мосты и за ними слѣдовали военные запасы, обозъ и въ хвостѣ арріергардъ, часть войскъ Хмѣльницкаго была уже въ Зборовѣ и условнымъ знакомъ къ бою назначелъ звонъ во всѣ колокола. Для боя Хмѣльницкій избралъ удобную мѣстность впереди Зборова, между нимъ и войскомъ короля; умножилъ пѣхоту спѣшенными казаками, растянулъ ее въ длинную линію и раздѣлилъ на 3 отдѣленія, на флангахъ которыхъ устроилъ батареи, прикрытыя широкими и глубокими рвами; фланги всей линіи примкнулъ, правый—къ болоту и къ проведенному въ немъ каналу, а лѣвый—къ лѣсу, также окопанному на большое разстояніе; позади 1-й линіи поставилъ за лѣсомъ резервъ изъ пѣхоты и конницы, а впереди

линіи—значительную часть лучшей конницы, начальнику которой приказаль ударить во флангъ и въ тылъ непріятелю, когда онъ подойдетъ къ линіи казацкой пѣхоты. Всѣ эти мѣры Хмѣльницкаго несомнѣнно имѣли цѣлію: 1) не допустить непріятеля охватить и окружить союзное войско, а напротивъ дать послѣднему сдѣлать тоже въ отношеніи къ непріятелю, и 2) расположеніемъ и дѣйствіемъ передовой конницы развлечь вниманіе непріятеля, устрашить его мыслію, что онъ окруженъ, и не допустить его прорвать линію казацкой пѣхоты. Построивъ войско, Хмѣльницкій одушевленною рѣчью поощрилъ казаковъ храбро сражаться съ исконными врагами и угнетателями Украйны, но не поднимать рукъ на самаго короля, какъ на «помазанника Божія».

Между тѣмъ король, по переходѣ черезъ болото, построилъ на правомъ флангѣ конницу: королевскую, воеводъ подольскаго и белзскаго и Денгофа и нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, подъ главнымъ начальствомъ Оссолинскаго; на лѣвомъ флангѣ — конныя войска краковскаго старосты князя Юрія Любомирскаго и князя Корецкаго и полки полковника Пузовскаго и другихъ полковниковъ, а въ центрѣ (гдѣ находился самъ лично) — пѣхоту генералъ-маіора Губальда и краковскаго губернатора Вольфа, имѣвшаго при себѣ собственные нѣмецкіе полки и 600 чел. пѣхоты, напятой подканцлеромъ Львомъ Сапѣгой.

Какъ только польскій обозъ перешелъ по мостамъ черезъ болото, въ Зборовѣ ударили во всѣ колокола и передовые конные казаки бросились съ двухъ сторонъ на польскій обозъ, зборовскіе жители прорвали плотину на прудѣ, дабы облегчить переходъ черезъ него татарамъ и послѣдніе ударили въ тылъ польскому войску. Перемышльское шляхетство и конница князя Доминика Заславскаго, предводительствуемая княземъ Корецкимъ, не выдержали удара татаръ, но Витовскій и Сапѣга поддержали ихъ. Татары отступили, но затѣмъ снова ударили еще сильнѣе, однако были удержаны подоспѣвшими на помощь кастелляномъ сандомирскимъ и старостой стобницкимъ.

Между тѣмъ какъ конные казаки на флангахъ, а татары въ тылу открыли бой 17 іюня передъ восходомъ солнца, Хмѣльницкій напалъ на польское войско съ фронта. Онъ приказалъ своей 1-й линіи не отвѣчать на огонь непріятеля и только тогда открыть огонь по немъ, когда онъ подойдетъ на ближайшее разстояніе. Коль же скоро онъ приблизился, противъ него открытъ былъ по всей линіи сильнѣйшій пушечный и ружейный огонь, и въ то же время конница изъ резерва за лѣсомъ произвела разсыпную атаку во фланги и въ тылъ непріятелю. Густой пороховой дымъ, покрывшій все мѣсто

боя и сражавшихся, долго не позволялъ усматривать хода боя. Но вдругъ, поднявшійся въ центрѣ польскаго войска крикъ далъ знать, что тамъ произошелъ большой безпорядокъ: однѣ части польскихъ войскъ, не выдержавъ страшнаго огня, бросились назадъ, разорвали фронтъ польскихъ линій, произвели въ немъ разстройство и безпорядокъ и смяли старыя войска. Хмѣльницкій немедленно выслалъ впередъ въ эти интервалы часть своей пѣхоты и конницы изъ резерва. Эта пѣхота, ударивъ въ копья, опрокинула непріятеля, но, при попыткѣ его окружить эту пѣхоту, онъ былъ встрѣченъ остальнымъ казацкимъ резервомъ и опрокинутъ. Затѣмъ все польское войско, приведенное въ разстройство, сначала стало отступать, но наконецъ обратилось въ общее и полное бѣгство. Хмѣльницкій, изъ предосторожности оставивъ часть пѣхоты на мѣстѣ боя, всѣмъ прочимъ войскамъ приказалъ преслѣдовать и поражать непріятеля съ фронта и фланговъ. Въ этомъ преслѣдованіи поляки были безпощадно поражаемы казацкой и татарской конницей; первая изъ нихъ нападала уже не въ разсыпную, а цѣлою лавой или сомкнутою линіей въ копья. Самъ король былъ нѣсколько разъ окружаемъ казаками, но они не только ничѣмъ не вредили ему, но и пропускали его съ уваженіемъ. Преслѣдованіе поляковъ продолжалось до захожденія солнца верстъ на 15, при чемъ убито и ранено множество поляковъ. На одномъ мѣстѣ битвы было погребено до 20 тыс. убитыхъ, въ томъ числѣ много вельможъ и знатныхъ военачальниковъ. А въ добычу побѣдителямъ достался весь станъ короля, вельможъ и войскъ польскихъ, со всѣми въ немъ запасами, пушками и обозами.

Таковъ былъ этотъ Зборовскій разгромъ королевскаго польскаго войска—по малороссійскимъ лѣтописямъ. По польскимъ же онъ изображается иначе и разумѣется въ пользу поляковъ, очевидно хвастливо и лживо. Любопытно сравнить описаніе этой битвы по тѣмъ и другимъ источникамъ, дабы судить, которое изъ нихъ вѣроятнѣе.

Выше уже были означены составъ и боевой порядокъ польскаго войска по переходѣ его черезъ мосты на болотѣ. По польскимъ источникамъ, силы его простирались: по однимъ—до 20 тыс., а по другимъ — даже до 100 т., что̀, и то, и другое, невѣроятно. Временемъ же битвы значится 15 и 16 августа нов. ст. (5 и 6 августа ст. ст.), т. е. болѣе мѣсяца позже времени, показываемаго малороссійскими лѣтописями (17 іюня ст. ст., т. е. 27 іюня нов. ст.). Самый ходъ битвы польскіе историки изображаютъ слѣдующимъ образомъ:

Они говорятъ, что татары растянулись на большомъ протяженіи передъ фронтомъ польскаго войска, какъ бы для обозрѣнія его, но потомъ вдругъ сомкнулись на своемъ лѣвомъ флангѣ и ударили на

польское правое крыло Оссолинскаго. Но, отбитые польскою пѣхотой, они бросились съ праваго польскаго крыла на лѣвое и привели его въ большой безпорядокъ. Самъ король поспѣшилъ туда, и, ободренныя его присутствіемъ, войска Любомирскаго пришли въ порядокъ и двинулись противъ татаръ. Тогда послѣдніе бросились на польскую конницу и, не смотря на ея упорное сопротивленіе, опрокинули ее, но были остановлены огнемъ артиллеріи и пѣхоты. Наступленіе вечерней темноты прекратило битву этого 1-го дня—5 (15) августа, въ который, по словамъ польскихъ историковъ, польскія войска мужественно и храбро отразили всѣ нападенія татаръ (какъ будто казаковъ и не было вовсе), хотя и потеряли отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ убитыми и ночью были совершенно окружены непріятелемъ. Въ то самое время, когда въ эту же ночь польскія войска, по приказанію короля, начали окапываться, вдругъ между ними разнеслась молва, будто король хочетъ бѣжать вмѣстѣ съ вельможами, вслѣдствіе чего произошло страшное волненіе. Но король съ вельможами объѣхалъ весь станъ и, увѣривъ войска, что какъ только настанетъ день, непріятель будетъ разбитъ, тѣмъ успокоилъ и ободрилъ ихъ. Затѣмъ ночью же собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ одни предлагали пройти еще 2 мили впередъ до Збаража (тогда какъ польскія войска подъ Збаражемъ и подъ Зборовомъ были окружены превосходными силами!), другіе—пробиться и отступить (послѣ мнимой побѣды 1-го дня!), Оссолинскій же совѣтовалъ, для избѣжанія кровопролитія (?), отдѣлить хана и татаръ отъ Хмѣльницкаго и казаковъ (эта политика очень вѣроятна, ибо совершенно въ польскомъ духѣ). Это мнѣніе взяло верхъ надъ прочими и къ хану былъ тотчасъ же посланъ одинъ плѣнный татаринъ съ письмомъ короля, который напоминалъ хану, что «онъ былъ обязанъ и свободой, и ханскимъ престоломъ брату и предшественнику короля, Владиславу, у котораго былъ въ плѣну, почему не долженъ быть неблагодарнымъ, отвергая предлагаемые ему дружбу и союзъ». Но ханъ не далъ отвѣта на это письмо, а на разсвѣтѣ 6 (16) августа татары напали на польскій обозъ, а казаки на польскій станъ, но тѣ и другіе были отбиты. Тогда, раздѣлясь на три части, они напали на станъ самаго короля и заняли господствовавшую надъ нимъ высоту, съ которой Хмѣльницкій наносилъ большой вредъ огнемъ артиллеріи. Уже поляки стали ослабѣвать и на валу стана ихъ появилось казацкое знамя, когда около полудня король получилъ отвѣтъ хана и письмо Хмѣльницкаго. Ханъ жаловался на разрывъ королемъ дружественныхъ отношеній къ Крыму, обѣщалъ склонить Хмѣльницкаго къ миру и предлагалъ вступить въ переговоры. Хмѣльницкій же весьма почтительно увѣрялъ

короля въ своей покорности, оправдывалъ свое поведеніе и даже изъявилъ согласіе сложить съ себя гетманство, лишь бы жить безбѣдно и безопасно подъ покровительствомъ короля. Вслѣдствіе того были открыты переговоры и не далѣе какъ 7 (17) августа (по Маркевичу 10 (20) августа, съ скрѣпою 26 августа—7 сентабря) заключенъ былъ мирный договоръ, по которому король, въ угодность хану, простилъ и принялъ въ свою милостивую благосклонность казаковъ, предоставивъ имъ всѣ древнія права и преимущества ихъ и всѣ земли до р. р. Горыни и Днѣстра, причемъ польскія войска не должны были располагаться на квартирахъ въ казацкихъ городахъ и селеніяхъ, въ Кіевѣ и другихъ городахъ Украйны не быть іезуитскимъ училищамъ, православнымъ же церквамъ во всей Польшѣ и Литвѣ оставаться при своихъ древнихъ правахъ и имѣніяхъ. и пр., а съ крымскимъ ханомъ король заключилъ перемиріе и обязался тотчасъ уплатить ему за два послѣдніе года и впредь платить ежегодно—по 90 т. злотыхъ. Затѣмъ Хмѣльницкій и ханъ распустили свои войска, а король пошелъ въ обратный путь, радуясь счастливому окончанію войны, грозившей гибелью Польшѣ.

Сличеніе повѣствованій той и другой стороны о Зборовскихъ: битвѣ и мирномъ договорѣ невольно приводитъ въ недоумѣніе: тѣ-ли же самыя событія описываютъ малороссійскія лѣтописи и польскіе историки, особенно Пасторій — панегиристъ Яна-Казиміра, до того велико разнорѣчіе между ними, какъ будто дѣло идетъ о совершенно различныхъ событіяхъ! Изъ малороссійскихъ историковъ, Бантышъ-Каменскій (а за нимъ и нѣкоторые русскіе историки) излагаютъ означенныя событія преимущественно по польскимъ источникамъ, но Маркевичъ прямо (и едва-ли не справедливо) называетъ показанія ихъ явною нелѣпостью. «Въ описаніи Зборовской битвы» говоритъ онъ—«мы видимъ чудеса польской храбрости; съ нашей стороны дѣйствуютъ одни крымцы, а казаковъ какъ будто не было. Когда ханъ склонился на сторону королевства, могло-ли оно заключить немедленно такой невыгодный для себя миръ? Сходно-ли съ характеромъ (и всѣми предъидущими поступками и словами) Хмѣльницкаго его письмо къ королю (оно очевидно вымышленное)? отказъ его, столь неуступчиваго до побѣды, отъ булавы послѣ побѣды,—его, провозгласившаго манифестомъ, что онъ опытомъ наученъ понимать клятвопреступничество поляковъ? — довѣріе его позволенію жить безбѣдно и безопасно частнымъ человѣкомъ?—Тутъ очевидно ложь и т. д. Поляки бѣжали съ поля сраженія и пр.»—Нельзя не согласиться съ этимъ: поляки, окруженные, атакуемые со всѣхъ сторонъ, могли обороняться съ упорствомъ отчаянія, но несомнѣнно

были разбиты на голову, и не ханомъ съ татарами, а Хмѣльницкимъ съ казаками, и Зборовскій миръ, столь почетный и выгодный для казаковъ и хана, столь постыдный и невыгодный для поляковъ, вовсе не былъ слѣдствіемъ «добровольной милости» короля, а былъ предписанъ ему побѣдителемъ—Хмѣльницкимъ и принятъ по необходимости, для спасенія и короля, и королевства.

Такъ-то вообще повѣствовали польскіе историки всѣ событія польско-казацкихъ войнъ XVII вѣка—и вѣрить имъ, по необыкновенному пристрастію ихъ, невозможно.

Обратимся къ тому, что между тѣмъ происходило подъ Збаражемъ. Осажденные въ немъ поляки и жители города, все еще надѣясь на помощь короля, продолжали держаться, хотя находились уже въ самомъ ужасномъ положеніи. Уже болѣе мѣсяца питались они лошадьми, собаками, кошками, мышами; наконецъ не стало и этой пищи и голодъ довелъ до самыхъ ужасающихъ крайностей. Хмѣльницкій, тотчасъ послѣ заключенія Зборовскаго договора, вовсе не распустилъ свое войско, какъ увѣряють поляки, а воротился подъ Збаражъ и послалъ въ оный нѣкоторыхъ взятыхъ въ плѣнъ подъ Зборовомъ польскихъ военачальниковъ и одного родственника Вишневецкаго требовать сдачи — и осажденные наконецъ сдались. Хмѣльницкій заключилъ Вишневецкаго и шляхту, до разсмотрѣнія, подъ стражу въ замокъ, а войска, изнеможенныя и истощенныя до послѣдней степени, были выпущены, обезоружены и распущены. Городъ и станъ были заняты казаками и, по волѣ Хмѣльницкаго, Вишневецкій послалъ къ королю депутатовъ съ убѣдительнѣйшею просьбой о заключеніи съ казаками вѣчнаго и прочнаго мира. Король, въ отвѣтъ на это, повелѣлъ немедленно просить у Хмѣльницкаго мира, для заключенія котораго въ Зборовъ и были присланы съ обѣихъ сторонъ уполномоченные, и, какъ сказано выше, 10 (20) августа сотавлены, а 26 августа—7 сентября подписаны условія Зборовскаго мирнаго договора. Такъ говоритъ Маркевичъ, въ разнорѣчіи въ своемъ повѣствованіи съ Бантышемъ Каменскимъ.

По подписаніи договора, Хмѣльницкій распустилъ казаковъ, а самъ съ старшинами отправился въ Кіевъ, куда торжественно въѣхалъ, какъ побѣдитель, 4 октября ст. ст. Ханъ съ татарами изъ подъ Зборова и Збаража удалился въ Крымъ.

Между тѣмъ какъ подъ Зборовомъ и Збаражемъ оружіемъ рѣшались такія важныя военныя событія между Украйной и Польшей, военныя дѣйствія между казаками и поляками одновременно происходили также и въ сосѣднихъ съ Украйною мѣстахъ Литвы. Здѣсь опять тоже разнорѣчіе между малороссійскими и польскими показаніями. Судя по этимъ послѣднимъ, польско-литовское оружіе вездѣ торжествовало въ

Литвѣ, по малороссійскимъ же—торжество поляковъ и неудачи казаковъ представляются въ болѣе умѣренномъ видѣ. Предварительно необходимо сказать, что передъ походомъ 1649 г. сборными мѣстами польскихъ и литовскихъ войскъ были назначены Збаражъ, Слуцкъ и Лоевъ на р. Припети. Число всѣхъ войскъ, долженствовавшихъ собраться на нихъ, считали до 100, 200 и даже 300 тысячъ (что совершенно невѣроятно: Польша и Литва не могли въ это время выставить столько войскъ). Хмѣльницкій умножилъ свое полевое, дѣйствующее войско, какъ сказано, до 70 т., а для охраны Украйны учредилъ въ городахъ ополченіе изъ товарищей или старыхъ казаковъ и изъ молодыхъ, которые должны были поступать на пополненіе регистровыхъ полковъ. Полевое войско выступило въ походъ 1 марта ст. ст. Одинъ большой отрядъ, подъ начальствомъ полковниковъ Небабы и Горкуши, былъ посланъ къ Лоеву, чтобъ удержать или по крайней мѣрѣ затруднить походъ литовскихъ войскъ. Другой большой отрядъ, подъ начальствомъ генеральнаго есаула Богуна и полковниковъ Нечая и Глуха, былъ посланъ къ Слуцку. Обоимъ Хмѣльницкій далъ наказъ удерживать непріятеля, по возможности, въ мѣстахъ его расположенія, а въ случаѣ невозможности — задерживать его на переправахъ черезъ рѣки и въ тѣснинахъ, отступая всегда на главное войско, шедшее къ Збаражу.

Польскіе историки говорятъ, что въ предъидущемъ 1648 г. казаки подъ начальствомъ полковника Гладкаго, хотя сначала и произвели большія разоренія въ окрестностяхъ Бреста и Кобрина, но потомъ встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны литовскихъ полковниковъ Паца и Воловича и великаго гетмана Яна Радзивила, были отражены отъ Слуцка, разбиты подъ Чериковымъ, Быховомъ, Пинскомъ, выбиты изъ Турова и Городни; что Радзивилъ взялъ приступомъ Мозырь и приступалъ къ Бобруйску, жители котораго заперлись въ одной деревянной башнѣ этого города и, зажегши ее, сгорѣли въ ней.

Весною же 1649 г., когда Хмѣльницкій послалъ, какъ сказано выше, отрядъ Небабы и Горкуши къ Лоеву на р. Припети, а отрядъ Богуна, Нечая и Глуха къ Слуцку, Радзивилъ съ литовскими войсками (до 80 т. чел.), переправился черезъ Припеть около Лоева, заблаговременно разореннаго и сожженнаго Небабой, и четыре раза нападалъ на послѣдняго своими передовыми отрядами, но каждый разъ былъ отражаемъ, причемъ обозъ литовцовъ потонулъ въ Припети; наконецъ Радзивилъ осадилъ Кіевъ и выжегъ Подолъ. Богунъ же прошелъ до Бреста, разорилъ его, Вишніовецъ, Бобръ и др. мѣста, и послѣ многихъ сшибокъ съ поляками, возвратился къ *Слуцку и засталъ* въ немъ и въ окрестностяхъ его много поляковъ

посполитаго рушенья, перебилъ нѣсколько тысячъ ихъ, а остальныхъ разогналъ, отбивъ у нихъ обозы, запасы и множество верховыхъ и подъемныхъ лошадей. Наконецъ онъ хотѣлъ осадить Слуцкъ, но движеніе короля къ Зборову заставило его отказаться отъ этого намѣренія. Хмѣльницкій отрядилъ въ Литву также полковника Гловача съ 10 т. казаковъ, который напалъ врасплохъ на часть литовскаго войска, зимовавшаго близъ Мозыря, но былъ отраженъ и потомъ разбитъ соединенными силами Радзивила. Послѣ того Хмѣльницкій послалъ Стефана Подобайло съ свѣжими казацкими полками утвердиться между р. р. Днѣпромъ и Сожью. Вслѣдъ затѣмъ въ Литву вступило новое и сильное казацкое войско подъ предводительствомъ Кричевскаго, родомъ польскаго шляхтича. Но Радзивилъ разбилъ и Кричевскаго и Подобайла у Рѣчицы и Холмича. Вслѣдствіе того еще 60 тыс. казаковъ переправились при Бабичѣ черезъ р. Припеть и вступили въ Литву, но Зборовскій договоръ прекратилъ войну въ Литвѣ и казаки воротились въ Малороссію.

§ 25.

Дѣйствія въ 1650 году.

Зборовскій договоръ не былъ искреннимъ и прочнымъ ни съ той, ни съ другой стороны, и съ обѣихъ возбудилъ неудовольствіе, сейма и шляхетства польскихъ—противъ короля, а казаковъ—противъ Хмѣльницкаго, за то, что онъ снова предалъ ихъ польскому игу. Для прекращенія смятеній между ними, Хмѣльницкій предоставилъ жителямъ Украйны свободу селиться на прежнихъ мѣстахъ или же поступать въ «охотное войско» добровольныхъ казаковъ. Онъ раздѣлилъ Малороссію на 15 полковъ, въ которыхъ регистровыхъ казаковъ было по инымъ — 37,549, а по другимъ — 35,935 и даже 57,889 чел., «охотнаго же или охочекомоннаго» войска, по лѣтописямъ, было «безъ числа». Желая увеличить свое могущество, онъ вознамѣрился вступить въ родство съ молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупуломъ, отъ котораго, черезъ посредство султана, потребовалъ руки дочери его для своего сына Тимоѳея. Слѣдствіями отказа въ томъ Лупула были: разореніе Молдавіи 16-ю тысячами казаковъ и 20-ю тысячами крымскихъ татаръ, взятіе съ Молдавіи 20 т. червонцовъ контрибуціи и бѣгство Лупула.

Между тѣмъ неповиновеніе крестьянъ помѣщикамъ въ Украйнѣ, *частыя сношенія* Хмѣльницкаго съ султаномъ и ханомъ, безъ вѣ-

дома короля, особенно походъ казаковъ въ Молдавію — все это побудило короля выставить подъ Каменцомъ Подольскимъ войско подъ начальствомъ короннаго гетмана **Николая Потоцкаго**, для наблюденія за дѣйствіями **Хмѣльницкаго** и казаковъ. Польскіе магнаты и преемникъ умершаго канцлера **Оссолинскаго**, подканцлеръ **Радзѣёвскій** были главными орудіями непріязни противъ **Хмѣльницкаго**. Съ обѣихъ сторонъ все предвѣщало новый и скорый разрывъ.

Къ причинамъ неудовольствія польскаго правительства противъ **Хмѣльницкаго** присоединились также сношенія послѣдняго съ русскимъ правительствомъ. Чтобы прервать ихъ, въ Москву былъ отправленъ въ октябрѣ польскій посолъ **Пражмовскій**, предостерегавшій отъ намѣренія **Хмѣльницкаго** будто бы напасть съ казаками и татарами на русскіе предѣлы. Но бояре въ Москвѣ, имѣя отъ **Хмѣльницкаго** удостовѣреніе въ противномъ, отвѣчали **Пражмовскому**, что если казаки, подданные короля, нападутъ на русскіе предѣлы, то это будетъ признано нарушеніемъ мирнаго договора Польши съ Россіей; нападеніе же на нее татаръ было не страшно и войско противъ нихъ было готово.

Взаимныя неудовольствія между Польшей и Украйной возрастали все болѣе и болѣе. Умѣренныя предложенія **Хмѣльницкаго** были отвергнуты сеймомъ, который объявилъ посполитое рушенье и намѣреніе примѣрно наказать «рабовъ, противящихся своимъ господамъ», и положилъ открыть военныя дѣйствія еще прежде весны 1651 г., дабы казаки не могли прикрываться рѣками и болотами, татары не имѣли бы подножнаго корма для лошадей, а турки, непривычные къ зимнему холоду, отказали бы **Хмѣльницкому** въ помощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для потребностей войны наложены были новыя подати, а для прикрытія границъ посланы войска подъ предводительстомъ опытнаго и искуснаго въ военномъ дѣлѣ польнаго гетмана **Калиновскаго**.

Хмѣльницкій, съ своей стороны, укрѣпилъ многіе города, увеличилъ число полковъ до 18-ти, въ составѣ 37,600 человѣкъ регистровыхъ казаковъ, устроилъ особый отрядъ въ 4,550 чел. подъ начальствомъ генеральнаго вицъ-обознаго, иностранца **Фридегайла**, 15 полковъ охочекомонныхъ въ 11,500 чел., и 12 т. запорожцовъ, а всего 68,697 чел., въ томъ числѣ 20 т. чел. правильно устроенной и обученной пѣхоты, которая, въ случаѣ надобности, имѣла умножиться спѣшенными казаками. Сверхъ того **Хмѣльницкій** просилъ помощи хана, велъ переписку съ царемъ, султаномъ, трансильванскимъ княземъ **Ракоци**, и получивъ предложеніе *отъ валахскаго господаря* Матеся—услугъ, а отъ султана—помощи,

не принялъ ни того, ни другаго, объявивъ, что «казаки одни могутъ постоять противъ поляковъ». Не надѣясь на Россію, Молдавію и Валахію и опасаясь помощи султана, онъ, сверхъ союза съ ханомъ, искалъ и союза съ Ракоци, простиравшаго свои виды на Польшу, въ замѣнъ утраченной имъ Венгріи. Ракоци согласился и обязался договоромъ открыть военныя дѣйствія противъ Польши между Краковомъ и Львовомъ съ 60 т. войскъ. Хмѣльницкій же, съ своей стороны, обѣщалъ доставить польскую корону младшему брату Ракоци, съ тѣмъ чтобы онъ принялъ греческую вѣру, сдѣлалъ ее господствующею въ Польшѣ и изгналъ изъ послѣдней и изъ Литвы евреевъ.

Всѣ эти приготовленія съ обѣихъ сторонъ къ новой войнѣ происходили осенью и зимою 1650 года.

§ 26.

Война въ 1651 году.

Въ январѣ 1651 г. Хмѣльницкій отрядилъ брацлавскаго полковника Нечая съ 3 т. казаковъ въ польскую Подолію. Нечай, по словамъ Пасторія, произвелъ въ ней страшное разореніе, но стѣсненный войсками Ланцкоронскаго и Калиновскаго, отступилъ къ Краснополью близъ Брацлава и здѣсь, окруженный превосходными силами, былъ разбитъ на-голову и убитъ. Но это говоритъ только одинъ Пасторій, малороссійскія же лѣтописи показываютъ, напротивъ, что Калиновскій вѣроломно, безъ всякаго объявленія войны со стороны Польши, внезапно напалъ на Нечая въ его станѣ близъ Краснополья и разбилъ его. Вслѣдъ затѣмъ Калиновскій двинулся къ Винницѣ на Бугѣ, противъ Богуна, шедшаго на помощь отряду Нечая. Хитрый и искусный Богунъ вырубилъ ледъ на Бугѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ предвидѣлъ переправу поляковъ, далъ этому мѣсту слегка замерзнуть въ теченіи двухъ ночей и прикрылъ его соломой. Поляки, прямо наскакавъ на это самое мѣсто, во множествѣ потонули, а остальные частію были перебиты казаками, частію въ безпорядкѣ бѣжали къ Бару, потерявъ болѣе 4,500 чел., весь обозъ и всю артиллерію. Калиновскій успѣлъ однако снабдить сильнымъ гарнизономъ важную для поляковъ крѣпость Каменецъ и по непроходимымъ дорогамъ продолжалъ отступать къ Соколу (къ с. отъ Львова и къ ю. отъ Владиміра), на присоединеніе къ войску короля (см. ниже), отражая сильно тѣснившихъ его казаковъ. Усилія послѣднихъ взять Каменецъ осадой остались тщетными и

вскорѣ, по приказанію Хмѣльницкаго, казаки сняли осаду и удалились.

Такъ поляки первые открыли войну безъ объявленія ея. Хмѣльницкій, узнавъ о томъ отъ Богуна, послалъ послѣднему въ подкрѣпленіе полковника Глуха съ отрядомъ казаковъ, расположилъ на границѣ, для наблюденія за движеніями Радзивила въ южной Литвѣ, кіевскій, черниговскій и нѣжинскій полки и ногаевъ, кочевавшихъ между р.р. Орелью и Самарою (въ нын. Екатеринославской губерніи), а самъ съ 100 т. войскъ двинулся къ Збаражу. Баръ, Менджибожъ, Зиньковъ, Соколъ, Сатуновъ, Старый и Новый Константиновъ и многіе другіе города на пути его были сожжены имъ, и православные жители ихъ ушли за Днѣпръ, а поляки и жиды были перебиты.

Между тѣмъ королевское польское войско собиралось сначала подъ Владиміромъ на Волыни, а потомъ подъ Соколомъ на р. Бугѣ, куда, въ то и другое мѣста, была перенесена и главная квартира войска. 14 мая н. с. въ Соколъ прибылъ самъ король. Тѣснота мѣста здѣсь, неудобная для построенія войска въ боевой порядокъ, побудила короля созвать военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса, какъ дѣйствовать. Одни предлагали послать противъ непріятеля наемные полки, а королю съ шляхетскими войсками остаться въ резервѣ при Соколѣ. Но другіе, подкрѣпленные и королемъ, опровергли это мнѣніе, представивъ невыгоды раздѣленія силъ. Поэтому рѣшено было всему войску идти на встрѣчу Хмѣльницкому ближайшею дорогой черезъ Берестечко (мѣстечко на лѣвомъ берегу р. Стыри, въ Волыни, въ дубенскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 50 къ з. отъ г. Дубно), гдѣ находились обширныя поля и пастбища. Походъ предпринятъ былъ 15 іюня (слѣдовательно мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда короля въ Соколъ; почему такъ поздно—неизвѣстно). Сначала войску надлежало проходить черезъ болотистыя лѣса, что чрезвычайно затруднило и разстроило его и особенно обозы. Выйдя изъ лѣсовъ, король раздѣлилъ войско на 10 большихъ отрядовъ (или корпусовъ), подъ начальствомъ: 1-й—его личнымъ, 2-й — короннаго великаго гетмана Николая Потоцкаго, 3-й — польнаго гетмана Калиновскаго, 4-й—брестскаго воеводы Щавинскаго, 5-й—русскаго (т. е. украинскаго) воеводы князя Іереміи Вишневецкаго, 6-й — подольскаго воеводы Станислава Потоцкаго, 7-й — короннаго великаго маршала князя Юрія Любомирскаго, 8-й — брацлавскаго воеводы Ланцкоронскаго, 9-й—литовскаго подканцлера Льва Сапѣги и 10-й—короннаго великаго хорунжаго Конецпольскаго. 16-го іюня *войско сдѣлало* переходъ до Вислянки (Вигнянки), обильной водою и *подножнымъ кормомъ*, гдѣ получено было извѣстіе, что Хмѣльниц-

кій изъ стана между Збаражемъ и Вишневцомъ двинулся на соединеніе съ крымскимъ ханомъ. Тогда король приказалъ войску идти поспѣшнѣе къ Берестечку, но потерялъ нѣсколько дней на переправу черезъ р. Стырь, обтекавшую это мѣстечко. Между тѣмъ Стемпковскій и Чарнецкій, высланные впередъ съ 3 т. чел. легкой конницы для открытія непріятеля, увѣдомили, что ханъ съ многочисленнымъ, будто бы, войскомъ уже соединился съ Хмѣльницкимъ, и что послѣдній уже выслалъ разъѣзды для обозрѣнія польскаго войска.

Дѣйствительно, ханъ съ 20 т. (а по увѣренію польскихъ историковъ—будто бы съ 150 т.) татаръ соединился съ Хмѣльницкимъ за день пути отъ р. Стыри. Но союзъ ихъ не предвѣщалъ ничего добраго: ханъ приступилъ къ нему только по волѣ султана, желавшаго, чтобы Хмѣльницкій содѣйствовалъ ему въ замышляемой имъ войнѣ съ Россіей, а Хмѣльницкій отвѣчалъ на это уклончиво, почему оба взаимно недовѣряли одинъ другому. Мѣсто для стана союзнаго войска было избрано близъ р. Стыри и Берестечка. Хмѣльницкій окружилъ свой станъ обозами и окопами, валы которыхъ вооружилъ пушками, а ханъ позади своихъ войскъ поставилъ свои вьюки.

Въ польскомъ же войскѣ, по полученіи извѣстія о соединеніи и наступленіи союзниковъ, военный совѣтъ положилъ перенесть станъ къ г. Дубно. Туда и двинулись уже обозы, и войска собирались идти за ними, какъ вдругъ Вишневецкій, находившійся впереди, увѣдомилъ, что союзники поспѣшно идутъ прямо противъ польскаго войска. Это извѣстіе заставило короля и Потоцкаго воротить обозы съ дубенской дороги и оставить войско въ станѣ при Берестечкѣ. Вскорѣ распространился слухъ, что союзники находятся уже у Перенятина (къ в. отъ Бродъ), и польское войско тотчасъ было построено въ боевой порядокъ впереди Берестечка, тыломъ къ р. Стыри, съ фронта и обоихъ фланговъ прикрыто окопами въ видѣ дуги, а лѣса и кустарники впереди заняты пѣхотой, для воспрепятствованія непріятелю дѣйствовать изъ закрытыхъ мѣстъ.

Битва при Берестечкѣ, 27, 29 и 30 іюня н. с.

27 іюня вечеромъ тысячъ 10 татаръ показались впереди польскаго войска въ такомъ близкомъ растояніи, что какъ будто вызывали поляковъ на бой. Конецпольскій и Любомирскій, испросивъ у Потоцкаго позволеніе напасть на татаръ, напали на нихъ съ ожесточеніемъ и, подкрѣпленные Вишневецкимъ, обратили ихъ въ бѣгство. 28 іюня прошло въ бездѣйствіи, а 29 іюня ханъ со всѣми татарами и съ отборными полками казаковъ расположился полукру-

жіемъ на высотахъ противъ польскаго войска, Хмѣльницкій же съ остальными казаками—позади хана. Король, намѣреваясь сбить съ высотъ татаръ и казаковъ, выслалъ противъ нимъ конницу и пѣхоту брестскаго и померанскаго воеводъ, князя Богуслава Радзивила, Яна Сапѣги и конницу пршемысльскую и волынскую подъ начальствомъ князя Чарторыйскаго. Татары съ яростью бросились на встрѣчу имъ — и произошелъ продолжительный, жестокій бой. Наконецъ татары, пользуясь превосходствомъ силъ своихъ, начали уже охватывать поляковъ, но послѣдніе, подкрѣпленные войсками Потоцкаго, Калиновскаго, Вишневецкаго и Любомирскаго, сражались стойко и храбро. Войска Потоцкаго даже увлеклись далеко въ толпы татаръ и потерпѣли бы совершенное пораженіе, еслибы не были выручены войсками Сапѣги. Наконецъ поляки отступили въ свой станъ, а татары остались на высотахъ, тѣ и другіе потерявъ множество убитыхъ и раненыхъ.

Вечеромъ того же дня у короля собрался военный совѣтъ; разсуждали: производить-ли отдѣльныя битвы или дать одну общую? Признали, что первыя только ослабили и истощили бы польское войско и усилили бы непріятельское, и потому рѣшили на другой день вступить въ общую битву всѣми силами.

30 іюня передъ разсвѣтомъ король построилъ все свое войско въ боевой порядокъ въ 2 линіи: правое крыло, подъ главнымъ начальствомъ гетмана Потоцкаго, прикрытое лѣсомъ, который былъ занятъ особымъ отрядомъ пѣхоты, состояло изъ 5 корпусовъ: Потоцкаго, Ланцкоронскаго, Любомирскаго, Сапѣги и Конецпольскаго;—лѣвое крыло, подъ главнымъ начальствомъ Калиновскаго, находившееся на мѣстности совершенно открытой, составляли войска Калиновскаго, Щавинскаго, Вишневецкаго и Станислава Потоцкаго; — въ центрѣ, подъ главнымъ начальствомъ самаго короля, находились отборнѣйшія войска—польская и нѣмецкая пѣхота. Всею артиллеріей передъ фронтомъ и обоими крылами войска начальствовалъ Пржіемскій, королевскимъ лейбъ-эскадрономъ—Казиміръ Тышкевичъ, а 1.800-ми чел. королевской пѣшей гвардіи—Фромольдъ Вольфей. Для охраненія стана въ тылу оставленъ былъ особый отрядъ пѣхоты, а для того, чтобы польское войско издали казалось еще многочисленнѣе, валы передовыхъ окоповъ стана были плотно уставлены взятыми у гусаровъ копьями съ красными значками. Все вообще расположеніе польскаго войска было прикрыто съ фронта окопами и артиллеріей, а за собою имѣло р. Стырь и м. Берестечко. Численность польскаго войска, *нѣкоторыми* писателями доводимая будто бы до 300 т. (что *совершенно невѣроятно*), показывается различно и въ точности опредѣ-

лана быть не можетъ, но вѣроятно простиралось до 100 т. чел. или и болѣе. Король велѣлъ снять мосты на р. Стыри въ тылу, дабы лишить тѣмъ свое войско всякой надежды на отступленіе. Сверхъ того онъ запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, всякое нападеніе безъ особаго приказанія.

Союзное войско казаковъ и татаръ показывается польскими историками въ 250 т. чел. (100 т. казаковъ и 150 т. татаръ, что крайне преувеличено), а малороссійскими въ 73 т. казаковъ и 20 т. татаръ, всего 93 т. чел. Изъ нихъ татары стояли полукружіемъ на высотахъ и скатахъ ихъ, а на правомъ флангѣ татаръ — казаки, имѣя въ 1-й линіи артиллерію и за нею въ центрѣ конницу и спѣшенныхъ казаковъ, а на крайнемъ правомъ флангѣ — одну конницу, которая почти охватывала лѣвый флангъ поляковъ.

30-го іюня до 9 часовъ утра былъ густой туманъ, а когда онъ разсѣялся, оба многочисленныя войска предстали одно передъ другимъ въ готовности къ бою. Хмѣльницкій и ханъ положили въ продолженіи дня только утомлять непріятеля частными сшибками, къ ночи же напасть на него всѣми силами. Король же, напротивъ положилъ отнюдь не вдаваться въ частныя дѣла, а съ самаго начала вступить въ общую битву всѣми силами. Бой открылся съ обѣихъ сторонъ сильнымъ огнемъ артиллеріи по всей линіи. Такъ продолжалось до полудня, причемъ татары успѣли овладѣть лѣсомъ на правомъ флангѣ поляковъ. Король приказалъ выбить ихъ изъ лѣса огнемъ артиллеріи и вскорѣ, по совѣту Вишневецкаго ускорить атаку, началъ выдвигать всю артиллерію къ высотамъ, а около 2-хъ часовъ пополудни велѣлъ Вишневецкому и Станиславу Потоцкому атаковать правое крыло непріятеля, т. е. казаковъ, усиливавшихся охватить польскій лѣвый флангъ. Вишневецкій и Потоцкій съ 12-ю отборными ротами произвели рѣшительную и сильную атаку, но встрѣтили столь же сильный отпоръ и, послѣ цѣлаго часа упорнаго и жестокаго боя, были отражены и принуждены отступить. Но, бывъ подкрѣплены, они возобновили атаку, и на этотъ разъ казаки были опрокинуты въ ихъ окопы. Между тѣмъ центръ и правое крыло поляковъ, уже выбившее татаръ изъ лѣса на правомъ флангѣ, стали наступать противъ нихъ, предшествуемые артиллеріей, производившею сильный огонь и большое опустошеніе въ толпахъ татаръ. Послѣдніе нѣсколько разъ бросались на поляковъ, но каждый разъ были отражаемы и наконецъ оттѣснены со скатовъ высотъ на ихъ вершины. Однако жестокій бой по всей линіи еще долго продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ и побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, какъ вдругъ одно обстоятельство дало ей рѣшительный оборотъ. Сопровождавшій короля пере-

водчикъ татарскаго и турецкаго языковъ Отвиновскій указалъ ему огромное бѣлое ханское знамя на лѣвомъ флангѣ татаръ: король приказалъ навести на это знамя одно орудіе—и съ перваго же выстрѣла былъ сбитъ съ коня одинъ мурза возлѣ самого хана. Послѣдній былъ такъ устрашенъ этимъ, что немедленно обратился въ бѣгство, а его примѣру послѣдовали и всѣ татары, за исключеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ отрядовъ ихъ, оставшихся для прикрытія. Въ это время на правомъ флангѣ союзниковъ казацкая пѣхота успѣла привесть нѣмецкую пѣхоту поляковъ въ безпорядокъ и опрокинуть ее въ самую середину польскаго войска. Но увидавъ, что татары пришли въ движеніе съ вершинъ высотъ влѣво и назадъ и обнажили тѣмъ лѣвое крыло, казаки двинулись влѣво, чтобы занять мѣсто татаръ, но этимъ смѣшали свою артиллерію, а поляки, воспользовавшись тѣмъ, охватили и смѣшали казацкую пѣхоту. Хмѣльницкій бросился на помощь ей съ конницей, но уже не могъ пробиться и лично поскакалъ за татарами и ханомъ, чтобы остановить и воротить ихъ. За нимъ понеслась и казацкая конница. Пѣхота же казацкая была окружена и поляки потребовали сдачи ея; но она сомкнулась, пробилась къ болоту въ тылу и ночью успѣла удачно перебраться черезъ него на твердую землю. Но на мѣстѣ боя осталось еще большое число казаковъ подъ начальствомъ кропивинскаго полковника Джеджеля: ночью онъ окопался съ трехъ сторонъ широкимъ и глубокимъ рвомъ съ валомъ, а съ четвертой, съ тыла, примкнулъ къ болоту.

Хмѣльницкій настигъ хана у Ямполя (къ ю. в. отъ Кременца) и умолялъ его воротиться, дабы общими усиліями вырвать побѣду изъ рукъ поляковъ, но тщетно. Ханъ не только не согласился на его убѣжденія, но даже задержалъ его при себѣ, грозя выдать королю, въ обмѣнъ за взятыхъ въ плѣнъ татарскихъ мурзъ и сановниковъ, и только черезъ недѣлю отпустилъ его, заставивъ заплатить за себя выкупъ.

Между тѣмъ поляки, послѣ бѣгства татаръ и отступленія казацкой пѣхоты, раздѣлились: одни преслѣдовали татаръ и казацкую конницу, а другіе казацкую пѣхоту и казаковъ Джеджеля. 1-го іюля на разсвѣтѣ они обложили укрѣпленный таборъ Джеджеля и открыли по немъ сильный огонь изъ пушекъ. Казаки отвѣчали тѣмъ же и, упорно защищаясь, производили смѣлыя вылазки. Видя упорство ихъ, поляки хотѣли запрудить р. Стырь и затопить таборъ казаковъ, и, чтобъ отражать вылазки ихъ, стали строить окопы. 4 іюля казаки подкрались къ одному изъ нихъ, убили 80 поляковъ и отняли 2 пушки, но полковникъ Гувальдъ отразилъ ихъ. Въ тотъ же день они *овладѣли однимъ* холмомъ внѣ своего табора, но были опрокинуты

оттуда. 5 іюля они снова произвели вылазку, но, послѣ упорнаго боя, были отражены и поляки все болѣе и болѣе стѣсняли ихъ въ таборѣ. Казаки надѣялись-было пробраться узкою дорогою черезъ болото, но она была отрѣзана поляками. Тогда они собрали раду и совѣщались: обороняться-ли имъ, пробиться-ли, или примириться съ королемъ? Послѣдній, увѣдомленный однимъ перебѣжчикомъ о трудномъ положеніи казаковъ, потребовалъ, чтобы они выдали гетмана, сына его, Выговскаго, всѣхъ полковниковъ, всѣ знамена и пушки, и покорились ему. Казаки отвѣчали, что гетмана, сына его и Выговскаго въ обозѣ нѣтъ и гдѣ они — не знаютъ, полковниковъ не выдадутъ, а мириться согласны не иначе, какъ на условіяхъ Зборовскаго договора. Имъ дали нѣсколько часовъ на размышленіе, но они немедленно возобновили пальбу и вылазки. Наконецъ 10 іюля Богунъ, замѣнившій Джелелю, взялъ лучшихъ казаковъ и 2 пушки и пошелъ съ ними противъ поляковъ, занявшихъ дороги черезъ болота. Оставшіеся же въ таборѣ казаки взволновались, стали роптать, говоря, что Богунъ и старые казаки покинули ихъ на жертву врагамъ — и бросились бѣжать черезъ болота, давили другъ друга, тонули и многіе изъ нихъ погибли. Оставшіеся же позади 300 казаковъ были окружены, дрались отчаянно и всѣ до одного были убиты.

По показанію польскихъ историковъ, которому вѣрятъ и малороссійскіе, побѣдителямъ досталась огромная добыча: 18 большихъ и 22 меньшія пушки, множество знаменъ, фузей или пищалей, пороху, военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, всѣ взятыя Хмѣльницкимъ въ походъ драгоцѣнности и регаліи, 30 т. рейхсталеровъ и пр. Казаковъ погибло въ битвѣ, въ таборѣ, болотахъ и лѣсахъ до 30 т. чел. Калиновскій, Вишневецкій и Конецпольскій съ 7-ю полками преслѣдовали казаковъ, бѣжавшихъ изъ табора черезъ болота въ лѣса, и всѣхъ ихъ, истомленныхъ голодомъ и усталостью, перебили. Сверхъ того они разбили 3-хъ тысячный отрядъ казаковъ въ тѣснинахъ при г. Дубно (см. ниже).

Словомъ—разгромъ казаковъ въ битвѣ подъ Берестечкомъ былъ полный и совершенный, единственно по причинѣ бѣгства крымскаго хана, которое оказалось безчестнымъ предательствомъ вслѣдствіе тайныхъ козней его и поляковъ противъ Хмѣльницкаго.

Король хотѣлъ-было идти со всемъ войскомъ къ Кіеву, но шляхта посполитаго рушенья потребовала роспуска ея по домамъ, а король—чтобъ она дала по крайней мѣрѣ хоть 5 т. чел. на усиленіе кварціянъ. Она согласилась на условіи уплаты этимъ 5 т. чел. жалованья за 3 мѣсяца впередъ. Къ нимъ присоединились нѣкоторые мѣстные магнаты съ своими хоругвями, такъ что всего войскъ составилось до 40 т. чел. Отрядивъ Вишневецкаго къ г. Дубно для

преслѣдованія казаковъ (см. выше), король двинулся къ Кременцу, но на пути туда предоставилъ гетманамъ продолжать войну, а самъ съ нѣмецкою пѣхотой отправился въ Варшаву, такъ что у гетмановъ осталось не болѣе 20 т. кварціянъ и нѣсколько хоругвей магнатовъ. Но прежде чѣмъ изложить дѣйствія гетмановъ, необходимо упомянуть о томъ, что происходило въ южной Литвѣ.

Здѣсь, по показаніямъ польскихъ историковъ, Радзивилъ одерживалъ успѣхъ за успѣхомъ надъ отрядами казаковъ. 5 іюня н. с. онъ разбилъ подъ Лоевымъ, при р. р. Днѣпрѣ и Сожѣ, 12-ти-тысячный казачій отрядъ полковника Небабы, положилъ на мѣстѣ до 3 тыс. казаковъ (въ томъ числѣ Небабу и еще 3 полковниковъ) и взялъ 12 знаменъ. Подобайло былъ осажденъ въ Черниговѣ, Адамовичь и Горкуша оттѣснены къ Кіеву, а Любечь и Чернобыль сдались начальнику литовской артиллеріи Гонсѣвскому. По приближеніи Радзивила съ лѣвой стороны Днѣпра къ Кіеву, кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, съ духовенствомъ и магистратомъ, вышелъ навстрѣчу гетману и молилъ его пощадить городъ и его жителей. Радзивилъ обѣщалъ и, вступивъ 8 августа н. с. въ Кіевъ, занялъ его своими войсками, обезоружилъ жителей, многихъ изъ нихъ казнилъ, а 16 и 17 августа въ Кіевѣ произошелъ пожаръ, истребившій до 2 тыс. домовъ и много церквей. Польскіе историки увѣряютъ, будто этотъ пожаръ произошелъ отъ неизвѣстной причины, но малороссійскія лѣтописи приписываютъ его поджогу поляковъ.

Между тѣмъ Потоцкій двинулся нѣсколькими путями, для облегченія продовольствованія войскъ, къ Любару (между Житоміромъ и Староконстантиновымъ) и Паволочу (къ с. з. отъ Сквиры), въ который вступилъ 13 августа и оставался въ немъ 10 дней, по случаю болѣзни и смерти Вишневецкаго, злѣйшаго врага Хмѣльницкаго и извѣстнаго своего жестокостью. 26 августа Потоцкій двинулся изъ Паволоча къ Трилѣсамъ, взялъ это мѣстечко приступомъ, а жителей его, упорно оборонявшихся, вырѣзалъ.

Въ это самое время близь м. Хвастова беззаботно стоялъ съ большимъ числомъ польскихъ войскъ князь Четвертинскій. Хмѣльницкій, скрытно приблизясь къ нему съ 50 т. казаковъ, ночью на 27 августа расположилъ въ садахъ Хвастова, обнесенныхъ рвами, казацкую пѣхоту, а на разсвѣтѣ 27-го со всѣми остальными войсками своими внезапно и стремительно атаковалъ со всѣхъ сторонъ беззаботныхъ поляковъ, вовсе не ожидавшихъ нападенія, и разбилъ ихъ на голову, почти безъ всякаго урона съ своей стороны. Четвертинскій и окружавшіе его едва успѣли спастись бѣгствомъ; польская конница *была смята, опрокинута* и бѣжала вслѣдъ за Четвертинскимъ, кур-

ляндскія вспомогательныя войска бросились въ Хвастовъ, просили пощады, были обезоружены и отпущены на честное слово никогда не сражаться противъ казаковъ. Часть добычи, взятой поляками подъ Берестечкомъ, была вознаграждена взятіемъ всѣхъ пушекъ, обозовъ и запасовъ Четвертинскаго; число убитыхъ же поляковъ простиралось до 13,972 чел. (по малороссійскимъ лѣтописямъ).

Между тѣмъ Радзивилъ, вскорѣ послѣ пожара 16—17 августа въ Кіевѣ, выступилъ изъ него, на правой сторонѣ Днѣпра, по направленію къ Василькову, въ намѣреніи соединиться съ Потоцкимъ. Хмѣльницкій, желая всячески помѣшать тому и овладѣть въ тылу Радзивила Кіевомъ, безпрестанно тревожилъ и Радзивила, и Потоцкаго частными нападеніями съ боковъ и съ тыла, а къ Кіеву послалъ полковника Ивана Золотаренка съ 5 т. казаковъ сухимъ путемъ и полковника Горкушу съ 3 т. на судахъ Днѣпромъ. Но они не имѣли успѣха: Калиновскій отразилъ Золотаренка, а Горкуша не могъ сдѣлать ничего и только потерялъ 9 потонувшихъ судовъ.

Радзивилъ, узнавъ о пораженіи Четвертинскаго, пошелъ было въ Литву, но Хмѣльницкій обошелъ его съ конницей и у Маслова Прудища изъ засады внезапно ударилъ во флангъ ему, разбилъ и отнялъ всю награбленную имъ добычу. А возвращаясь отъ Маслова Прудища, онъ встрѣтилъ подъ Бѣлою Церковью польскіе отряды, шедшіе къ войску Потоцкаго, и ихъ также разбилъ. Такъ разсказываютъ малороссійскія лѣтописи; польскіе же историки, по своему обыкновенію, умалчиваютъ о томъ. Но тѣ и другіе согласны въ томъ, что Потоцкій и Радзивилъ соединились 3-го сентября н. с. въ Германовкѣ, къ ю. в. отъ Василькова, и войско Потоцкаго увеличилось тогда на 9 тыс чел. Войско же Хмѣльницкаго уменьшилось отъ частныхъ дѣйствій противъ Потоцкаго и Радзивила, и Хмѣльницкій, видя трудность для него борьбы съ соединенными силами ихъ, первый предложилъ вступить въ переговоры о мирѣ, сначала—на условіяхъ Зборовскаго договора, по потомъ, ставъ уступчивѣе — на условіи покорности королю. Потоцкій и Радзивилъ, съ своей стороны, также были склонны къ миру, и въ замкѣ Бѣлой Церкви открытъ былъ съѣздъ уполномоченныхъ. Это произвело неудовольствіе казаковъ противъ Хмѣльницкаго и большое смятеніе въ Бѣлой Церкви. Не смотря на то, обѣ стороны пришли къ соглашенію, и польское войско двинулось отъ Германовки къ Бѣлой Церкви въ боевомъ порядкѣ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Вдругъ къ Потоцкому явились, противъ воли Хмѣльницкаго, 12 депутатовъ-казаковъ, съ требованіемъ утвержденія условій *Зборовскаго* договора. Въ отвѣтъ на это, польское войско по-

строилось къ бою: Радзивилъ — на правомъ флангѣ, Калиновскій—на лѣвомъ, Потоцкій и артиллерія—въ серединѣ и съ обѣихъ сторонъ начался бой (20 сентября). Поляки говорятъ, что Радзивилъ прогналъ и казаковъ, и бывшихъ при нихъ татаръ, въ ихъ станы, но, по ихъ же словамъ, бой и стычки продолжались трое сутокъ и казаки безпрестанно тревожили фланги поляковъ. Наконецъ къ Потоцкому явились новые депутаты, присланные уже самимъ Хмѣльницкимъ съ его условіями. Потоцкій пригласилъ Хмѣльницкаго и полковниковъ къ себѣ, и Хмѣльницкій, вытребовавъ въ заложники сына Потоцкаго, и Собѣскаго, явился въ польскій станъ. Здѣсь, послѣ долгихъ препирательствъ, 18 (28) сентября, былъ заключенъ мирный договоръ (Бѣлоцерковскій). хотя и тягостный для Украйны, но далеко не соотвѣтствовавшій результатамъ Берестечской битвы. Именно: число регистровыхъ казаковъ уменьшено на половину (20 тыс. вмѣсто 40 т.), для жительства ихъ назначено только одно кіевское воеводство; евреямъ предоставлено право пребыванія и арендъ во всѣхъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣніяхъ; татары имѣли быть высланы и гетманъ долженъ былъ склонить ихъ на сторону Рѣчи Посполитой и отказаться отъ сношеній съ иностранными государями; Чигиринъ былъ оставленъ за нимъ.

Простоявъ двѣ недѣли у Бѣлой Церкви, Потоцкій съ польскимъ короннымъ войскомъ пошелъ къ Винницѣ въ Подоліи, гдѣ свирѣпствовала моровая язва, и 9 октября н. с. умеръ въ Летичевѣ. На его мѣсто былъ назначенъ Калиновскій.

Между тѣмъ какъ это происходило въ Украйнѣ, король съ 150 т. чел. войскъ два мѣсяца (августъ и сентябрь) осаждалъ въ Каменцѣ Подольскомъ полковника Глуха съ малочисленнымъ казацкимъ гарнизономъ. Но наконецъ уменьшеніе числа казаковъ и крайнее изнуреніе ихъ и гражданъ принудили Глуха сдаться 29 сентября н. с., т. е. на другой день заключенія Бѣлоцерковскаго договора. Такъ означено въ «Исторіи Малороссіи» Маркевича; но какимъ образомъ Глухъ очутился въ Каменцѣ, а король могъ имѣть 150 т. войскъ — неизвѣстно. Въ «Исторіи Малороссіи» Бантыша-Каменскаго ничего объ этомъ не упоминается.

§ 27.

Война въ 1652 году.

Бѣлоцерковскій договоръ, столь же тягостный для Хмѣльницкаго, сколько Зборовскій для Яна-Казиміра, очевидно былъ совершенно несостоятеленъ. Для Хмѣльницкаго онъ послужилъ поводомъ къ возобновленію сношеній съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ тѣмъ чтобы царь принялъ Малороссію подъ свое покровительство. Царь отвѣчалъ, что если казакамъ будетъ невыносимо оставаться въ кіевскомъ воеводствѣ, то пусть они переселяются въ русскую южную Украину (бѣлгородскую область), на р. р. Донецъ, Медвѣдицу и иныя мѣста. Казаки воспользовались тѣмъ и основали многія слободы отъ Путивля до р. Тихой Сосны и тѣмъ положили начало слободскимъ украинскимъ поселеніямъ, составившимъ 5 полковъ: острогожскій, ахтырскій, харьковскій, сумской и изюмскій, съ нѣсколькими городами и мѣстечками, и этотъ край получилъ названіе Слободской Украйны.

Возобновленіе раздора между Хмѣльницкимъ и молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупуломъ (см. выше) повело къ важнымъ послѣдствіямъ. Лупулъ просилъ помощи Калиновскаго и самаго короля, а Хмѣльницкій приказалъ казакамъ готовиться къ походу въ Молдавію налегкѣ, безъ обоза, и предупредилъ Карачъ-мурзу, стоявшаго на границѣ съ 20 тыс. татаръ, о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Лупула. Калиновскій расположился съ 20 т. польскихъ войскъ станомъ на берегу южнаго Буга, недалеко отъ Ладыжина (къ юго-западу отъ Гайсина), у горы Батогъ или Батовъ, на пути въ Молдавію. Хмѣльницкій увѣдомилъ Калиновскаго, что сынъ его, Хмѣльницкаго, Тимоѳей, съ нѣсколькими тысячами казаковъ идетъ въ Молдавію жениться на дочери Лупула, а потому просилъ Калиновскаго отступить. Но Калиновскій не послушался и приготовился къ нападенію. Тогда Хмѣльницкій, взявъ съ собою 4 полка казаковъ и 5 т. татаръ, двинулся изъ Чигирина къ Ладыжину, а Карачъ-мурзѣ съ 14 т. татаръ велѣлъ переправиться черезъ Бугъ ниже Батога и ударить на поляковъ въ условленное время. Тимоѳей Хмѣльницкій съ частью казаковъ выѣхалъ впередъ и переправился черезъ Бугъ выше Ладыжина 20 мая (1 іюня). Когда показался передовой отрядъ гетмана, состоявшій большею частію изъ татаръ, поляки встрѣтили его пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Татары бросились назадъ, польская конница за ними, какъ вдругъ

раздался крикъ, что казаки напали на польскій станъ — и польская конница, въ свою очередь, повернула назадъ и въ страхѣ поскакала въ свой станъ. Между тѣмъ наступила ночь и поляки, въ смятеніи, на разсвѣтѣ обратились въ бѣгство. Калиновскій, чтобъ остановить ихъ, велѣлъ стрѣлять по нимъ, но тутъ изъ-за холма выскочили казаки и напали на бѣгущихъ, такъ что бо́льшая часть послѣднихъ утонула въ Бугѣ или попала въ плѣнъ, а самъ Калиновскій былъ убитъ. 8 полковъ польской пѣхоты, подъ начальствомъ Марка Собѣскаго (брата Яна), защищались храбро и упорно, но вдругъ Карачъ-мурза напалъ на нихъ съ тыла и, окруженные со всѣхъ сторонъ, они пришли въ безпорядокъ и разстройство и были принуждены положить оружіе. Маркъ Собѣскій, начальникъ артиллеріи Пржіемскій, сынъ Калиновскаго и многіе знатные поляки были убиты и спаслось не болѣе 100 чел. Казакамъ достались въ добычу 57 большихъ и малыхъ пушекъ, весь обозъ и множество плѣнныхъ. Словомъ — это былъ полный и совершенный разгромъ польскаго войска.

Хмѣльницкій двинулся къ Каменцу и обложилъ его 5 (15) іюня, но, узнавъ о соединеніи польскаго и литовскаго войскъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, 14 (24) іюня удалился къ Чигирину. Но другой сынъ Калиновскаго съ польскимъ войскомъ поспѣшилъ уйти на правую сторону Днѣпра въ Волынь, а литовское войско—изъ сѣверской области въ Литву. Тогда Хмѣльницкій, пославъ сына своего, Тимоѳея, съ значительнымъ отрядомъ казаковъ въ Молдавію на свадьбу, самъ послѣдовалъ за нимъ и снова обложилъ Каменецъ, но снова же отступилъ отъ него по причинѣ распространенія въ войскѣ моровой язвы и требованія татаръ отпустить ихъ на грабежъ. Сынъ его Тимоѳей, женясь въ концѣ августа на дочери Лупула, въ сентябрѣ воротился съ нею въ Украйну.

Батогскій разгромъ навелъ ужасъ на Польшу, а къ тому еще— украинскіе крестьяне возстали противъ своихъ польскихъ помѣщиковъ и начали рѣзню. Въ этихъ обстоятельствахъ и при натянутости отношеній къ Швеціи и Россіи, сеймъ сталъ сговорчивѣе и занялся дѣломъ обороны края. Вмѣсто посполитаго рушенья положено было сдѣлать денежный сборъ и въ каждомъ воеводствѣ выставить извѣстное число крестьянъ съ «лана» земли, съ жалованьемъ отъ воеводствъ, въ надеждѣ набрать такимъ образомъ до 50 т. чел. новаго, «лановаго» войска (т. е. вовсе необученаго крестьянскаго ополченія). Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было укрѣпить Каменецъ, Львовъ, Галичъ, Смоленскъ, Полоцкъ и Динабургъ Много толковали о томъ, какъ дисциплинировать новонабранное войско на маршахъ и квартирахъ у себя дома, но безъ результата, потому что шляхта

не хотѣла дѣлать пожертвованій на постоянное обезпеченіе войска жалованьемъ и содержаніемъ. Отъ Хмѣльницкаго прибыли казацкіе депутаты съ оправдательнымъ письмомъ его касательно пораженія подъ Батогомъ. А къ нему были посланы два коммисара съ мирными предложеніями, но онъ отвѣчалъ, что миръ возможенъ только на условіяхъ Зборовскаго договора. Поэтому споръ должно было рѣшить оружіемъ—и король приказалъ польному гетману Станиславу Потоцкому (сыну умершаго) идти къ Ковелю и ждать тамъ сбора лановыхъ новобранцовъ. Тутъ, по причинѣ скопленія войскъ, произошелъ голодъ, а между жолнерами ропотъ, такъ что Потоцкій, изъ опасенія войсковой конфедераціи, былъ принужденъ въ декабрѣ распустить войско на «гиберны» или зимнія квартиры. Самъ король осенью отправился въ Литву, надѣясь, что тамъ дѣла устроятся лучше, чѣмъ въ Польшѣ, и въ Гроднѣ рѣшенъ былъ походъ въ слѣдующемъ году подъ личнымъ предводительствомъ короля.

Хмѣльницкій, съ своей стороны, предвидя разрывъ съ Польшей, послалъ нѣсколько полковъ на зиму въ пограничные города Украйны, отправилъ пословъ въ Турцію, Крымъ, Молдавію и Валахію просить къ веснѣ войскъ на помощь, но главную надежду свою возлагалъ на Россію и въ декабрѣ послалъ въ Москву войсковаго судью Богдановича просить царя, чтобъ онъ принялъ Малороссію подъ свою руку.

§ 28.

Война въ 1653 году.

Въ январѣ (по Шуйскому) или вѣрнѣе 14 (24) марта 1653 года (по Коховскому) на сеймѣ въ Брестѣ положено было собрать «лановое» войско и удовлетворить кварціянъ жалованьемъ. Между тѣмъ Потоцкій уже въ январѣ 1653 года послалъ изъ Ковеля короннаго обозначаго Чарнецкаго съ 12 т. чел. конницы очистить Украйну отъ казацкихъ отрядовъ. Чарнецкій, врагъ казаковъ, мстительный и жестокій, какъ Іеремія Вишневецкій, произвелъ самый варварскій набѣгъ на брацлавскій повѣтъ, все безпощадно истребляя огнемъ и мечомъ. Хмѣльницкій выслалъ противъ него винницкаго полковника Богуна только съ 4 тыс. казаковъ, полагая, что имъ придется имѣть дѣло лишь съ незначительными силами. Но Богунъ, увидя противъ себя превосходныя силы Чарнецкаго, въ мартѣ заперся въ укрѣпленномъ замкѣ Монастырищѣ, къ сѣверу отъ Умани. Чарнецкій произвелъ нѣсколько приступовъ и на послѣднемъ уже

овладѣлъ валомъ, но былъ раненъ, войска его дрогнули, а когда въ тылу ихъ раздался крикъ: «орда идетъ!», обратились въ бѣгство, бросивъ свои возы съ больными и награбленною добычей и потерявъ на приступахъ и въ бѣгствѣ до 5 т. чел. Остальные же 7 т. удалились уже не къ Ковелю, а къ Глинянамъ (къ в. отъ Львова), гдѣ собиралось польское коронное войско.

Въ маѣ король принялъ въ Варшавѣ пословъ Ракоци, обѣщалъ оказать ему просимую имъ помощь и въ іюнѣ отправился въ Львовъ. Хотя Ракоци и валахскій господарь Радулъ разбили Лупула и посадили на молдавское господарство логофета Стефана, но Лупулъ бѣжалъ въ Украйну и нашелъ помощь у Хмѣльницкаго. Сынъ послѣдняго Тимоѳей, съ Богуномъ и 12 т. чел. разнороднаго войска, пошелъ въ Молдавію и разбилъ остатки пѣхоты Ракоци. Стефанъ бѣжалъ, а Лупулъ снова сталъ господаремъ. Тимоѳей двинулся въ Валахію противъ Радула, но былъ разбитъ имъ, съ помощью войскъ Ракоци, на р. Яломицѣ, и ушелъ въ Украйну, а Лупулъ въ Галацъ, Стефанъ же воротился въ Яссы.

Хмѣльницкій, огорченный неудачей сына своего и узнавъ, что въ Глинянахъ польскіе жолнеры, не получая жалованья, бунтуютъ и разбѣгаются, двинулся съ 9 полками казаковъ въ числѣ 30 тыс. чел. и съ нѣсколькими тысячами татаръ прямо къ Збаражу. Подъ Печорами, на южномъ Бугѣ, близъ Брацлава, къ нему прибылъ посланецъ гетмана Радзивила съ совѣтомъ покориться королю, но Хмѣльницкій отвѣчалъ уклончиво. Придя подъ Тарнополь, онъ узналъ, что дѣла въ Глинянахъ поправляются и туда приходятъ новыя войска. Вслѣдствіе того татары отказались идти далѣе и Хмѣльницкій послалъ къ королю полковника Ждановича съ предложеніемъ примириться на Зборовскихъ условіяхъ, а самъ отступилъ къ Моксачину и Черному Острову (къ с. з. отъ Проскурова въ Подоліи).

15 (25) августа король выступилъ изъ Львова въ Глиняны, произвелъ смотръ 30 т. войскъ, не считая лановыхъ, которые собирались медленно. Ждановичъ былъ задержанъ, съ объявленіемъ ему, что никакихъ переговоровъ не будетъ, пока Хмѣльницкій не будетъ выданъ. Отправивъ Маховскаго съ 4 т. войскъ на помощь трансильванцамъ и валахамъ, осаждавшимъ Сочаву (въ южной Буковинѣ, на границѣ Молдавіи), король двинулся чрезъ Галичь и Бучачъ къ Каменцу, гдѣ и оставался до 20 (30) сентября, выжидая извѣстій изъ-подъ Сочавы.

Сюда Хмѣльницкій еще въ началѣ августа послалъ сына своего, *Тимоѳея*, съ 12 т. казаковъ и татаръ, на помощь тещѣ послѣдняго (*матери его жены*), которая выѣхала изъ Яссъ и заперлась въ

Сочавскомъ замкѣ съ 12 т. молдавскихъ войскъ. Тимоѳей вступилъ въ Сочаву и, осажденный въ ней трансильванскими, валахскими и польскими войсками, защищался храбро, упорно и долго, но былъ раненъ и умеръ отъ раны. По смерти его, начальствованіе надъ казаками и татарами принялъ старшина Ѳедоренко, который, не получая помощи отъ Хмѣльницкаго, былъ принужденъ сдаться 29 сентября (9 октября). А Стефанъ снова сталъ господаремъ Молдавіи.

Король, узнавъ о смерти Тимоѳея Хмѣльницкаго, наконецъ рѣшился, не дожидаясь конца осады Сочавы, идти въ Украйну. Но подъ Баромъ передовой отрядъ его наткнулся на татарскій загонъ (отрядъ, высланный на грабежъ) и въ польскомъ войскѣ распространился слухъ, будто Хмѣльницкій и ханъ идутъ съ огромными силами на встрѣчу королю. Слухъ этотъ былъ ложный, но произвелъ въ польскомъ войскѣ сильную тревогу—и король двинулся назадъ и 19 (29) сентября остановился подъ Жванцомъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ турецкой крѣпости Хотина. Здѣсь 6 (16) октября къ нему присоединились трансильванцы и валахи, осаждавшіе Сочаву, въ числѣ 10 т. чел.

Въ это время въ Москвѣ уже былъ наконецъ рѣшенъ вопросъ о принятіи Малороссіи подъ покровительство царя Алексѣя Михайловича, и Хмѣльницкій 13 (23) августа уже разослалъ изъ Переяславля по всей Малороссіи универсалъ, приглашая всѣхъ жителей ея вооружиться противъ поляковъ. Однако онъ не отказывался еще отъ союза съ крымскимъ ханомъ, который еще былъ нуженъ ему. Но когда онъ узналъ, что сынъ его Тимоѳей въ Сочавѣ опасно раненъ, то, оставивъ Золотаренка съ 3 полками (нѣжинскимъ, переяславскимъ и черниговскимъ) для охраненія Малороссіи со стороны Литвы и пославъ Подобайла съ отрядомъ казаковъ въ Бѣлую Русь для возмущенія крестьянъ, самъ онъ двинулся съ 60 т. казаковъ изъ Чигирина въ Молдавію. На пути туда онъ встрѣтилъ казаковъ, везшихъ изъ Сочавы тѣло умершаго сына его Тимоѳея, велѣлъ отвезть его въ Чигиринъ для погребенія и пошелъ далѣе на соединеніе съ ханомъ, стоявшимъ въ Шаргородѣ, въ Подоліи, между Брацлавомъ и Могилевомъ на Днѣстрѣ. Однако, октябрь и ноябрь прошли безъ всякихъ военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, кромѣ набѣговъ татаръ на подольскія и волынскія земли. Ханъ, потерявъ надежду овладѣть Сочавой и въ ней сокровищами молдавскаго господаря, не торопился напасть на поляковъ, да и Хмѣльницкій не торопилъ его на то, разсчитывая, что польскія войска въ такое позднее время года не выдержатъ и покинутъ станъ *свой при Жванцѣ*. Дѣйствительно, ляховые первые потребовали рос-

пуска послѣ 3-хъ-мѣсячной службы, стали самовольно уходить и на пути разбойничали либо попадали въ руки татаръ. А за ними послѣдовали и кварціяне, не получая и требуя жалованья. Въ польскомъ станѣ оказался недостатокъ продовольствія; трансильванцы и валахи ушли къ себѣ; отъ плѣннаго татарина узнали, что ханъ и Хмѣльницкій хотятъ отрѣзать польское войско при Жванцѣ отъ Польши и припереть его къ Днѣстру и что татарскіе отряды заняли уже всю Подолію. Въ польскомъ войскѣ распространился страхъ, и жолнеры, и знатные поляки стали уходить. Когда же узнали, что ханъ, обойдя Каменецъ, переправился черезъ Днѣстръ выше Жванца, а Хмѣльницкій отрѣзалъ дорогу въ Украйну, то на военномъ совѣтѣ въ польскомъ станѣ коронный маршалъ Любомирскій не находилъ другаго средства спасенія, какъ войти въ переговоры съ ханомъ и отдѣлить его отъ Хмѣльницкаго, какъ подъ Зборовомъ. Но король отвергнулъ это, и Любомирскій, оскорбленный тѣмъ, возбудилъ раздоръ между королемъ и сенаторами. Положеніе было отчаянное: изъ 15 т. чел. пѣхоты осталось уже только 4 т., прочіе же умерли либо разошлись. 18 (28) ноября произошла тревога и часть жолнеровъ бѣжала, а другая бросилась грабить польскіе обозы, такъ что гетманъ приказалъ стрѣлять по нимъ. Но вдругъ все измѣнилось: ханъ, политика котораго всегда состояла въ томъ, чтобы не допускать перевѣса ни съ той, ни съ другой стороны, зналъ, что Хмѣльницкій уже далеко зашелъ въ сношеніяхъ своихъ съ русскимъ царемъ и если останется побѣдителемъ, то татарамъ будетъ плохо; къ тому же Хмѣльницкій не платилъ хану обѣщанныхъ денегъ, а татары просились домой. Вслѣдствіе всего этого, 16 (26) ноября, по почину поляковъ, начались переговоры ихъ съ ханомъ. Это не мѣшало однако военнымъ дѣйствіямъ: король выслалъ Клодзинскаго съ 2 т. войскъ, чтобы заманить татаръ подъ выстрѣлы польскаго стана, и Клодзинскій прошелъ уже верстъ 10, какъ вдругъ на него напали ногаи, приведенные Хмѣльницкимъ, опрокинули его и преслѣдовали до самаго стана, причемъ Клодзинскій понесъ большой уронъ и самъ былъ раненъ. Съ 3 (13) декабря подъ Каменцомъ начались дѣйствительные переговоры съ ханомъ, 5 (15) былъ подписанъ договоръ, а 6 (16) король, оставивъ всѣ тяжести и снаряды въ Жванцѣ, за неимѣніемъ лошадей для перевозки ихъ, проводилъ польское войско, на половину (до 20 т. чел.) ослабленное отъ холода, голода, болѣзней, смертности и побѣговъ, до Люблина, откуда распустилъ его на зимнія квартиры, а самъ около 25 декабря 1653 г. (6 января 1654 г.) отправился въ Варшаву.

Хмѣльницкій, не приглашенный ханомъ на переговоры, не безпокоился *тѣмъ*, зная хорошо, что обѣ стороны не исполнятъ до-

говора. Оставивъ при ханѣ, по его желанію, часть казаковъ, съ остальными онъ пошелъ къ Чигирину, гдѣ его уже ожидали царскіе послы, для принятія отъ него присяги.

Ханъ же, въ одно время съ поляками выступивъ изъ Гусятина на р. Збручѣ (къ с. отъ Каменца) и расположась на границѣ Подоліи и Украйны, произвелъ на нихъ и на Волынь и Полѣсье опустошительный набѣгъ, угналъ до 5 т. (по инымъ будто даже до 30 т.) чел. шляхты въ плѣнъ и захватилъ огромную добычу. Только одинъ большой загонъ (отрядъ) его, возвращавшійся съ плѣнными и добычей изъ южной Литвы мимо Кіева, былъ разбитъ казаками, которые освободили плѣнныхъ и отняли награбленную добычу.

Такимъ образомъ результаты похода 1653 г. оказались явно въ ущербъ Польшѣ, а она—бывшею рѣшительно не въ силахъ бороться ни съ казаками, ни съ татарами.

А несчастная, но доблестная Малороссія, послѣ 6-ти-лѣтней, упорнѣйшей войны съ Польшей, наконецъ, въ январѣ слѣдующаго 1654 года, совершенно отложилась отъ нея и присоединилась къ Россіи, въ составѣ 17 полковъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра.

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ
НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТИ ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ.

ПЕРІОДЫ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

ВОЙНЫ XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКОВЪ
ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ АЗІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЙНЫ ВЪ XVII ВѢКѢ.
(1613—1689).

КНИГА ВТОРАЯ.

(1645—1689).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ этой 2-й книгѣ слѣдуютъ приложенные:

1) Карточка мѣстоположенія желѣзныхъ и чугунныхъ заводовъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ.

2) Карта Малороссіи и Запорожья на обѣихъ сторонахъ Днѣпра въ XVII вѣкѣ, для объясненія польскихъ, казацкихъ и русскихъ войнъ.

3) Небольшая карта окрестностей Азова, устьевъ Дона, степей и морей и пр. въ XVII вѣкѣ.

4) Планы лагерей: авангарда Гордона и главнаго войска князя Василія Васильевича Голицына въ крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ,

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИМѢТЬ ВЪ ВИДУ.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
182 —	3 снизу	Приклонскій,	(по другимъ свѣдѣніямъ Поклонскій),
184 —	1 »	въ Хвастовѣ (къ югу отъ Сквиры).	Хвастова къ югу отъ Сквиры на теперешнихъ картахъ нѣтъ, а есть Фастовъ къ сѣверо-востоку отъ Сквиры, тотъ же, что и часто упоминаемый здѣсь по малороссійскому произношенію Хвастовъ.
189 —	21 сверху	Василія Борисовича Шереметева, начальствовавшаго въ Бѣлой Церкви, онъ отозвалъ къ себѣ.	Однако это видно было перемѣнено, потому что Василій Борисовичъ Шереметевъ продолжалъ дѣйствовать и позже марта 1655 года вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ.
195 —	9 » и вездѣ ниже.	Виттембергъ	Виттенбергъ
207 —	1 снизу	Рашнарву	Вашнарву
238 —	12—13 сверху	А турецкій султанъ Мухаммедъ IV, признавая западную Украйну, на основаніи договора съ Польшей въ Буджановѣ (1672), принадлежавшею ему,	договоръ этотъ былъ заключенъ 18 октабря 1672 г. въ Бучачѣ (см. Павлищева: Польскую исторію и Польскую анархію).
251 —	19 –20 снизу	6 колоннами, въ одномъ общемъ, продолговатомъ четвероугольникѣ,	6 колоннами, каждая въ одномъ общемъ продолговатомъ четвероугольникѣ,
254 —	9 снизу	Уже въ концѣ XVII вѣка	Уже въ концѣ XVI вѣка

ГЛАВА V.

РУССКІЯ ВОЙНЫ ПРИ ЦАРѢ АЛЕКСѢѢ МИХАЙЛОВИЧѢ (1645—1686).

I. 1-я война съ Польшей за Малороссію (1654—1655).—§ 29. Война въ 1654 году. — § 30. Война въ 1655 году. — II. Война съ Швеціей (1656—1658).—§ 31. Война въ 1656 году.—§ 32. Война въ 1657 году.— § 33. Война и миръ въ 1658 году.

I.

1-я война съ Польшей за Малороссію (1654—1655).

§ 29.

Война въ 1654 году.

Присоединеніе Малороссіи, 8 января 1654 года, къ Россіи послужило знакомъ къ войнѣ между Россіей и Польшей. Царь Алексѣй Михайловичъ готовился къ ней уже съ 1653 года: лѣтомъ этого года онъ уже предупредилъ войско о возможности близкаго похода, именно 28 іюня произвелъ на Дѣвичьемъ полѣ, подъ Москвою, смотръ своему военному двору (государеву полку) и послѣ смотра объявилъ ему, что «когда придется супротивные воевать, то и воинству съ тщаніемъ и радостнымъ усердіемъ къ тому готовымъ быть». А 23 октября въ Успенскомъ соборѣ онъ *объявилъ*, что со всемъ духовнымъ и свѣтскимъ соборомъ «пригото-

рилъ идти на недруга своего, польскаго короля, причемъ воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть безъ мѣстъ».

Въ началѣ 1654 г. велѣно было войскамъ изъ всѣхъ городовъ собираться къ 1-му мая къ Москвѣ. 27 февраля изъ Москвы въ Вязьму былъ отправленъ нарядъ съ бояриномъ Далматовымъ-Карповымъ 15 марта на Дѣвичьемъ полѣ, въ присутствіи царя, двора и малороссійскихъ казачьихъ пословъ, былъ смотръ рейтарскому и солдатскому ученью. 17 марта объявленъ походъ въ Брянскъ воеводѣ боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами. 23-го апрѣля въ Кремлѣ было большое торжество по поводу отпуска ихъ въ походъ, причемъ въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя и двора, патріархъ Никонъ, служившій обѣдню, послѣ молебствія вручилъ Трубецкому царскій наказъ. 26 апрѣля Трубецкой выступилъ изъ Москвы въ Брянскъ съ нѣсколькими пѣхотными полками и 1 коннымъ, всего до 10 т. чел. 10 мая царь смотрѣлъ на Дѣвичьемъ полѣ всѣ собравшіяся къ Москвѣ войска, имѣвшія идти въ походъ. Съ 15 мая они начали выступать въ слѣдующемъ порядкѣ и подъ начальствомъ слѣдующихъ воеводъ: 15 мая ертоульный полкъ и за нимъ передовой — князей Одоевскаго и Хворостинина; 16 мая большой полкъ — князей Черкаскаго и Прозоровскаго; 17 мая сторожевой — князя Темкина-Ростовскаго и Стрѣшнева; наконецъ 18 мая—самъ царь, съ ближними боярами Морозовымъ и Мстиславскимъ (отцомъ царицы), дворомъ, государевымъ полкомъ и главными силами. Всѣ эти войска двинулись по смоленской дорогѣ къ Вязьмѣ, дабы оттуда идти къ Смоленску. Трубецкой, посланный къ Брянску, имѣлъ назначеніе дѣйствовать въ мстиславскомъ воеводствѣ, въ связи съ Василіемъ Бутурлинымъ и Хмѣльницкимъ, находившимися въ Малороссіи на правой сторонѣ Днѣпра и долженствовавшими оттуда напасть на малопольскія воеводства. Хмѣльницкій же, съ своей стороны, отрядилъ наказнаго атамана Ивана Золотаренка съ 8 т. казаковъ къ Гомелю, а брата его, полковника Василія Золотаренка съ 12 т. казаковъ къ Смоленску. На правомъ флангѣ главныхъ силъ, противъ полоцкаго воеводства, стояли съ войсками и должны были дѣйствовать наступательно воеводы Шеинъ и князь Хованскій. Боярину же Василію Борисовичу Шереметеву съ войсками велѣно было изъ Путивля идти къ Бѣлгороду, къ югу отъ Курска, для охраненія южныхъ русскихъ границъ отъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Такимъ образомъ главнымъ предметомъ дѣйствій, къ которому направлялись главныя силы, былъ Смоленскъ, побочными же — на правомъ флангѣ Витебскъ и Полоцкъ, на лѣвомъ — Мстиславль и Могилевъ и на крайнемъ лѣвомъ—Львовъ и Люблинъ.

Численность всѣхъ русскихъ войскъ, двинутыхъ къ западнымъ и южнымъ границамъ, со включеніемъ малороссійскаго войска, въ точности неизвѣстно. Нѣкоторые полагаютъ ее до 100 т. (польскій историкъ Шуйскій), другіе болѣе 200 т. (Устряловъ), а издатели «Theatrum Europaeum» даже опредѣляютъ ее въ точности — въ 536,446 чел., что, разумѣется, крайне преувеличено и совершенно невѣроятно. Но несомнѣннымъ кажется, что всего войскъ было очень много, можетъ быть дѣйствительно до 200 тыс. чел. или и болѣе.

Что-же могли выставить и выставили противъ нихъ Польша и Литва? До самаго іюня крайне мало: только на сеймѣ, открывшемся 30 мая (9 іюня) въ Варшавѣ были назначены гетманами: польскимъ короннымъ — Станиславъ Потоцкій, а польнымъ (полевымъ)— Ланцкоронскій; литовскими же: великимъ — Янъ Радзивилъ, а польнымъ — заклятой врагъ его Гонсѣвскій. Изъ нихъ Радзивилъ защищалъ линію Днѣпра отъ Смоленска до Орши всего только съ 12 т. войскъ (8 т. кварціянъ и нѣсколько надворныхъ дружинъ магнатовъ). На границѣ правобережной Украйны, противъ Хмѣльницкаго, стоялъ Станиславъ Потоцкій съ короннымъ войскомъ, числомъ также не болѣе 10—15 тыс. чел. Только въ это время, т. е. въ іюнѣ, на сеймѣ вздумали заняться усиленіемъ укрѣпленій Смоленска, Мстиславля, Витебска и Минска, и согласились, въ случаѣ нужды, созвать посполитое рушенье. Но за то на этомъ сеймѣ былъ подписанъ союзный договоръ съ крымскимъ ханомъ — этимъ обычнымъ союзникомъ Польши и спасителемъ ея отъ бѣдъ! А въ это время Польшѣ и Литвѣ дѣйствительно грозила бѣда: въ виду наступленія противъ нихъ многочисленныхъ, значительно превосходныхъ силъ царя и Украйны, обѣ онѣ были почти совершенно безсильны и беззащитны.

Между тѣмъ царь 26-го мая прибылъ въ Можайскъ, откуда 28-го писалъ въ Москву, что «спѣшитъ къ Смоленску, въ которомъ и около него, какъ слышно, нѣтъ никого, такъ чтобы скорѣе захватить». Однако онъ не могъ особенно спѣшить, какъ потому, что скорыя движенія для тогдашнихъ русскихъ ратей, имѣвшихъ при себѣ громадные обозы, были невозможны, такъ и потому, что необходимо было покорять города на пути къ Смоленску, что задерживало наступленіе. Въ Вязьмѣ къ царю присоединились еще многіе полки и 3 иноземные генерала: Де-Лоріанъ, Де-Спемле и Кильсеки, съ наемными 1,500 драгунами и 1,000 гусарами. Царь, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и въ необходимости своего предпріятія, самъ лично шелъ въ походъ смѣло и увѣренно. Но между окружавшими его были люди, которымъ предпріятіе его не нравилось и походъ

къ литовской границѣ казался страшнымъ, потому что уже давно такіе походы не удавались. Это огорчало царя, но не колебало его твердости и рѣшимости. А вскорѣ и эти непріятности прекратились, потому что одна за другою стали приходить радостныя вѣсти. Первою 4 іюня была та, что едва небольшой отрядъ вяземскихъ охочихъ людей 3-го іюня показался передъ Дорогобужемъ, какъ послѣ сшибки съ нимъ передовой отрядъ Радзивила бѣжалъ по дорогѣ въ Смоленскъ, а Дорогобужъ сдался. Затѣмъ пришли вѣсти о сдачѣ Невеля и Бѣлой и объ удачной сшибкѣ передоваго полка, на р. Колоднѣ подъ Смоленскомъ, съ передовымъ отрядомъ Радзивила. 28 іюня самъ царь сталъ недалеко отъ Смоленска въ Богдановой околицѣ и получилъ вѣсть о сдачѣ Полоцка и Рославля. 2 іюля онъ расположился станомъ уже въ 2 верстахъ отъ Смоленска на Дѣвичьей горѣ. Смоленскъ же былъ обложенъ уже съ 26 іюня и вскорѣ осажденъ. 20-го іюля получено было извѣстіе о сдачѣ Мстиславля Трубецкому, но недѣли двѣ послѣ того другое, что Черкаскій, выдвинувшійся къ Оршѣ, 3-го августа ночью былъ атакованъ врасплохъ и разбитъ Гонсѣвскимъ. Однако Трубецкой вознаградилъ эту неудачу побѣдой: поспѣшивъ изъ Мстиславля на помощь Черкаскому, онъ преслѣдовалъ Радзивилла и Гонсѣвскаго, соединившихся и отступившихъ за р. Дручь къ Бѣлыничамъ, и настигнувъ ихъ у Сепелинцовъ на р. Шкловкѣ, въ 15 верстахъ отъ Борисова, 12 августа разбилъ ихъ на-голову. 12 полковниковъ, гетманскій бунчукъ, знамена, пушки и обозъ достались побѣдителямъ, а раненый Радзивилъ едва спасся съ немногими людьми въ Минскъ.

Такимъ образомъ открытіе похода знаменовалось непрерывнымъ рядомъ успѣховъ русскихъ войскъ въ Бѣлоруссіи, какъ силою оружія въ полѣ противъ непріятеля, такъ и вслѣдствіе человѣколюбиваго обращенія русскихъ воеводъ и войскъ съ жителями края. Исполняя милосердный наказъ благодушнаго царя, они воевали уже не такъ, какъ обыкновенно прежде—все предавая огню и мечу, по татарскому обычаю, но не только обѣщая, а и творя милость жителямъ края и всячески щадя ихъ, такъ что литовско-русскіе люди, какъ простой народъ, такъ и шляхта и даже наемные иноземцы, охотно присягали русскому царю, а города добровольно сдавались безъ боя. Такой образъ дѣйствій русскихъ воеводъ и войскъ (на который нельзя не обратить вниманія съ отраднымъ чувствомъ) даже устрашалъ поляковъ, опасавшихся повторенія ужасовъ казацкихъ войнъ. Между прочимъ, 22 іюля къ царю подъ Смоленскъ пріѣхалъ могилевскій шляхтичъ Приклонскій, обѣщавшій склонить къ сдачѣ важный городъ Могилевъ, и пожалованный въ полковники, сталъ набирать изъ своихъ земляковъ полкъ пѣхоты на царскомъ жало-

ваньѣ. Вслѣдъ затѣмъ царь узналъ о сдачѣ Дисны и Друи и о взятіи Орши. А въ теченіи августа послѣдовательно взяты были города Глубокой и Озерище Василіемъ Шереметевымъ, Гомель, Чечерскъ, Новый Быховъ и Пропойскъ сдались Ивану Золотаренкѣ, а Могилевъ Приклонскому и Воейкову. Жителямъ Могилева царь оказалъ особенныя милости и даровалъ имъ и другимъ городамъ многія льготы.

Между тѣмъ уже 2-й мѣсяцъ продолжалась осада тѣсно обложеннаго Смоленска, но литовскій воевода Обуховичь упорно защищался въ немъ и никакъ не сдавался. Наконецъ 16 августа осаждавшіе произвели общій приступъ, взошли на стѣну и башню, сражались съ отчаянною храбростью, но осажденные взорвали башню и многіе русскіе ратники были сброшены съ нея или опалены порохомъ, потеравъ всего около 300 чел. убитыми и до 1 т. чел. ранеными (по польскимъ же извѣстіямъ—будто бы 7 т. убитыми и 15 т. ранеными), осажденные же больше 200 чел. Приступъ не удался, но и осажденные въ $1^1/_2$ мѣсяца осады понесли такой уронъ убитыми, ранеными и больными, что для обороны обширныхъ стѣнъ и 34 башенъ, послѣ приступа оставалось уже менѣе 2 т. чел., и сверхъ того въ порохѣ былъ недостатокъ, стѣны и башни были очень повреждены, шляхта не хотѣла исправлять ихъ и толпами перебѣгала къ осаждавшимъ. Не смотря на это, Обуховичь продержался еще недѣли три, но затѣмъ, убѣдясь въ невозможности держаться долѣе, онъ и иностранный полковникъ Корфъ предложили вступить въ переговоры о сдачѣ города. 10 сентября они уговорились о томъ съ русскими уполномоченными и получили позволеніе выѣхать въ Литву или присягнуть царю. Жители Смоленска отворили ворота и вышли къ царю съ покорностью, а 23 сентября литовскіе воеводы и войска, выйдя изъ города съ оружіемъ и знаменами, подобно русскимъ въ 1634 году передъ Владиславомъ, положили свои знамена на землю передъ царемъ. Въѣхавъ послѣ того въ Смоленскъ, царь два дня угощалъ въ немъ бояръ, воеводъ, Золотаренка (прибывшаго подъ Смоленскъ передъ приступомъ) и смоленскую шляхту.

Въ сентябрѣ и потомъ въ октябрѣ и ноябрѣ города Бѣлоруссіи продолжали сдаваться русскимъ войскамъ и къ декабрю вся Бѣлоруссія (3 воеводства: полоцкое, витебское и мстиславское) уже была во власти царя. И онъ, лично руководившій военными дѣйствіями, несомнѣнно продолжалъ бы ихъ далѣе противъ Литвы, еслибы не былъ остановленъ въ томъ страшною моровою язвою, уже съ іюля свирѣпствовавшею въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ и областяхъ и угрожавшею также войску въ Смоленскѣ и Бѣлоруссіи. Признавъ нужнымъ лично сблизиться съ Москвою, для предохраненія

ея и войска отъ развитія моровой язвы, 5 октября онъ выступилъ съ дворомъ и государевымъ полкомъ въ Вязьму и, прибывъ въ нее 20 октября, остановился здѣсь, для принятія предохранительныхъ мѣръ противъ распространенія моровой язвы.

Съ этою цѣлію еще въ іюлѣ были учреждены по смоленской и прочимъ дорогамъ изъ Москвы заставы, чрезъ которыя ни изъ Москвы, ни въ нее никого не пропускали. Съ 10 октября моровая язва въ Москвѣ начала ослабѣвать и 31 октября прекратилась совершенно, въ 4 мѣсяца поразивъ смертью въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ до 100 т. чел.

Это несчастное обстоятельство весьма несвоевременно и невыгодно прервало столь успѣшный дотолѣ ходъ военныхъ дѣйствій на западныхъ границахъ и продолженіе этихъ дѣйствій далѣе въ Литвѣ. Взятіе съ боя Витебска 22 ноября Василіемъ Шереметевымъ было послѣднею въ 1654 г. радостною вѣстью, за которою уже послѣдовали непріятныя. Первою была о ссорѣ Золотаренка съ Приклонскимъ и Воейковымъ въ Могилевѣ изъ-за того, что казаки Золотаренки, добывая себѣ продовольствіе въ могилевскомъ уѣздѣ, производили насильства и грабежи. Царь немедленно послалъ въ Могилевъ и его уѣздъ Алексѣя Трубецкаго съ отрядомъ войскъ, но и у него затѣялись ссоры съ казаками. А потомъ жители Могилева стали жаловаться, что имъ не было прислано на зиму ратныхъ людей, что пушекъ у нихъ мало, а пороху и совсѣмъ нѣтъ, и они опасаются прихода литовцовъ. Царь послалъ имъ изъ Дубровны воеводу Алферьева съ войсками, а изъ Смоленска 300 пудовъ пороха и столько же свинца. Но и Алферьевъ также жаловался на Золотаренка и его казаковъ, которые своими безчинствами только мѣшали успѣшному ходу дѣлъ въ Бѣлоруссіи. Да и вообще удаленіе царя изъ Смоленска въ Вязьму какъ будто послужило знакомъ къ невыгодному для русскихъ обороту дѣлъ въ Бѣлоруссіи. Какъ нарочно, въ одно время съ этимъ удаленіемъ польскій король прибылъ въ Гродно, дабы возстановить согласіе между Радзивиломъ и Гонсѣвскимъ и созвать посполитое рушенье. Но оно не отозвалось на его призывъ и не тронулось; гетманы же, примирившіеся на видъ, собрали тысячъ 12 кварціянъ и шляхетскихъ надворныхъ дружинъ и двинулись къ Новому Быхову. Это произошло уже въ концѣ 1654 г. и въ началѣ 1655 г.

Между тѣмъ въ Украйнѣ обѣ стороны, Потоцкій и Хмѣльницкій, послѣ весенняго похода перваго изъ нихъ къ Умани и обратно, оставались до конца августа съ бездѣйствіи: Потоцкій— на границахъ Украйны, а Хмѣльницкій—въ Хвастовѣ (къ югу отъ Сквиры).

Причиною этого бездѣйствія ихъ было то, что Потоцкій выжидалъ прибытія татаръ, а Хмѣльницкій сносился съ ханомъ, въ надеждѣ перетянуть его на свою сторону, хотя имѣлъ уже у себя болѣе 100 т. казаковъ, т. е. гораздо болѣе противъ регистроваго числа. Царь послалъ 20 т. руб. для раздачи казакамъ, но войсковой писарь Выговскій писалъ, что денегъ этихъ раздать нельзя, потому что малороссійское войско не все въ сборѣ: если деньги раздать однимъ, то другіе забунтуютъ и не захотятъ служить. Въ августѣ самъ Хмѣльницкій извѣщалъ царя, будто молдавскій и валахскій господари и венгерскій король хотятъ быть подъ властью его, но Выговскій писалъ, что валахамъ вѣрить нельзя, такъ какъ они вмѣстѣ съ поляками напали съ Днѣстра на брацлавскій казачій полкъ. Царь, справедливо недовольный и такимъ разногласіемъ, и страннымъ поведеніемъ и бездѣйствіемъ Хмѣльницкаго, только что полгода передъ тѣмъ принявшаго съ малороссійскимъ войскомъ и народомъ подданство ему, царю, и осыпаннаго его милостями, въ августѣ же велѣлъ объявить Хмѣльницкому, что ему давно уже слѣдовало напасть на поляковъ, крымскаго же хана опасаться было нечего, потому что отъ него оберегалъ Василій Шереметевъ въ Бѣлгородѣ, и, сверхъ того, донскимъ казакамъ велѣно было открыть военныя дѣйствія противъ крымскихъ татаръ. Только послѣ того Хмѣльницкій двинулся наконецъ 26 августа изъ-подъ Хвастова къ Бердичеву, но очень медленно и съ частыми остановками, предложивъ Андрею Бутурлину, имѣвшему приказаніе дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ, идти, напротивъ, позади его, не спѣша и притомъ «чернымъ шляхомъ», т. е. пустыми, нежилыми мѣстами, минуя селенія. Придя къ Бердичеву, Хмѣльницкій расположился подъ нимъ 6 сентября отдѣльнымъ отъ Бутурлина таборомъ. Бутурлинъ побуждалъ его скорѣе идти жилыми мѣстами въ Луцку на соединеніе съ Алексѣемъ Трубецкимъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ поляковъ, но онъ отговаривался тѣмъ, будто тамъ находился король съ обоими гетманами и значительными (?) силами, а подкупленный имъ ханъ собирался вторгнуться въ Украйну. Все это медленіе, выжиданіе и бездѣйствіе Хмѣльницкаго происходило, можетъ быть, отъ опасенія нашествія поляковъ и особенно татаръ на Украйну и разоренія ея ими, въ чемъ онъ и не ошибся, хотя и весьма страннымъ и непонятнымъ кажется, съ другой стороны, что, имѣя 100 т. казаковъ и русскіе отряды: Бутурлина при себѣ и Трубецкаго близъ Луцка, онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ отраженію и поляковъ, и татаръ. А послѣдствія этого были очень печальны: у Бутурлина оказался недостатокъ продовольствія людямъ и лошадямъ, и многіе драгуны разбѣжались; самъ Бутурлинъ *заболѣлъ*, товарища у него не было, а Хмѣльницкій кончилъ тѣмъ,

что ушелъ въ Чигиринъ, оставивъ отрядъ Бутурлина въ Бѣлой Церкви, куда онъ отступилъ. А вскорѣ надъ Украйной разразилась страшная гроза: татары уже двигались противъ нея, а Потоцкій и Ланцкоронскій, собравъ въ Меиджибожѣ, въ Подоліи, слишкомъ 30 т. войскъ (20 т. чел. конницы, 8 т. чел. пѣхоты, 1200 бранденбургскихъ наемныхъ драгуновъ и надворныя дружины мѣстныхъ пановъ-шляхты), 18 октября двинулись къ Бару, выславъ впередъ Чарнецкаго, взяли и разорили до основанія мѣстечки Красное, Мурафу, Черневцы, Немировъ, Кальникъ, а звѣрски-жестокій Чарнецкій вырѣзалъ 16 т. жителей мѣстечка Буши и сжегъ его. Отсюда Потоцкій пошелъ къ Брацлаву, въ надеждѣ захватить тамъ казацкаго полковника Богуна, но онъ ушелъ уже оттуда въ Умань, гдѣ и заперся съ 10 т. казаковъ. Придя въ м. Тростянецъ, Потоцкій остановился въ немъ, выжидая татаръ, а между тѣмъ универсалами призывалъ народъ къ покорности королю; непокорныхъ же жителей мѣстечка Дембовки (до 14 т. чел.) самъ владѣлецъ его, Вишневецкій, вырѣзалъ, а мѣстечко сжегъ! За этими рѣзнями и ужасами послѣдовали и другія въ иныхъ мѣстахъ, и Потоцкій писалъ королю, «что другими средствами нельзя усмирить неукротимую хлопскую злобу»! Наконецъ 26 декабря Менгли-гирей крымскій привелъ отъ 30 до 40 т. татаръ къ м. Ободовкѣ, гдѣ и соединился съ Потоцкимъ и вмѣстѣ съ нимъ открылъ дальнѣйшія дѣйствія въ Украйнѣ уже въ январѣ 1655 г. *).

И такъ, какіе же были результаты войны въ 1654 году? — За исключеніемъ взятія Смоленска, этого древняго достоянія Россіи и важнѣйшаго политическаго и военнаго пункта на границѣ ея съ Литвою, результаты войны къ концу года были очень жалкіе. Огромныя военныя силы, направленныя царемъ изъ Москвы и Украйны противъ Литвы и Польши, почти совершенно безсильныхъ и беззащитныхъ, казалось, могли и должны были нанести имъ рѣшительный ударъ и легко и скоро покорить ихъ власти царя, еслибы отъ начала до конца и на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій—въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ—были употреблены вполнѣ согласно съ мыслію и волею царя и съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Бѣлоруссіи съ іюня до декабря, когда вся Бѣлоруссія отчасти была покорена, большею же частію добровольно покорилась царю. Но удаленіе по-

*) Здѣсь, какъ и прежде, и послѣ до 1700 г., принято новѣйшее времясчисленіе съ 1-го января по 1 января; но не слѣдуетъ забывать, что въ Россіи въ то время годъ считался съ 1 сентября по 1 сентября, а время по старому стилю, въ *Польшѣ же и Литвѣ*, какъ въ западной Европѣ, годъ съ 1 января по 1 января, а *время по новому стилю*, 10-ю днями опережавшему старый.

слѣдняго изъ Смоленска въ Вязьму, въ октябрѣ, по случаю моровой язвы въ Москвѣ, и болѣе чѣмъ странное, загадочное поведеніе и бездѣйствіе Хмѣльницкаго въ Украйнѣ въ теченіи цѣлаго года, разрушили всѣ первоначальныя предположенія царя и всѣ надежды его на окончательный успѣхъ ихъ. Пока онъ самъ былъ при войскѣ на походѣ къ Смоленску, при осадѣ его и по взятіи его до удаленія изъ него, и лично руководилъ военными дѣйствіями, слѣдуетъ отдать ему справедливость, что онъ мудро исполнялъ это и ему принадлежала честь первоначальныхъ успѣховъ оружія въ Бѣлоруссіи. Но по удаленіи его въ Вязьму, хотя онъ и продолжалъ руководить оттуда военными дѣйствіями въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ, но уже издали, почему въ Бѣлоруссіи, въ соединеніи съ одновременнымъ наступленіемъ литовскихъ гетмановъ, въ русскомъ войскѣ и вспомогательномъ ему запорожскомъ или малороссійскомъ начались большіе безпорядки, имѣвшіе печальныя послѣдствія. Они произвели неудовольствіе и даже по мѣстамъ измѣну въ только-что покорившейся Бѣлоруссіи и дали выгодный для литовцовъ, невыгодный для русскихъ оборотъ дѣлъ въ ней, такъ что положеніе ихъ къ концу года вовсе не соотвѣтствовало успѣшному началу до октября. Особенно поражаетъ при этомъ совершенная противуположность обхожденія русскихъ воеводъ и войскъ съ непріятельскимъ краемъ и его жителями, мудраго, кроткаго и человѣколюбиваго, по волѣ царя, до его удаленія въ Вязьму, и, въ противность его волѣ, неразумнаго и жестокаго, по старому обычаю, послѣ этого удаленія, причемъ главными дѣятелями безпорядковъ были казаки, но и нѣкоторые русскіе воеводы и войска также производили ихъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше (какъ можно будетъ убѣдиться ниже).

Но гдѣ надежды царя были вполнѣ и горько обмануты, къ величайшему вреду для успѣха его военныхъ предположеній, такъ это было въ той самой Украйнѣ и со стороны того самаго Хмѣльницкаго, которые только что добровольно приняли подданство царю. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ этого страннаго явленія, слѣдуетъ только сказать, что такой образъ дѣйствій Хмѣльницкаго былъ преимущественно виною не только неуспѣха военныхъ видовъ царя, но и безпрепятственнаго, страшнаго разоренія Украйны поляками въ концѣ года. А это, въ соединеніи съ одновременными наступленіемъ и успѣхами литовцовъ въ Бѣлоруссіи, склонило военный успѣхъ съ сильнѣйшей стороны на слабѣйшую, совершенно на перекоръ всякимъ обыкновеннымъ расчетамъ. И такимъ образомъ вообще можно сказать, что, за исключеніемъ взятія Смоленска, походъ 1654 г., начатый успѣшно въ Бѣлоруссіи, кончился и въ ней, и въ Украйнѣ неудачно для царя, и про-

должать слѣдующій походъ предстояло уже въ менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели въ какихъ начать былъ походъ 1654 года, когда Польша и Литва находились въ состояніи крайнихъ: разстройства, безпорядка, безсилія и беззащитности.

§ 30.

Война въ 1655 году.

Въ началѣ 1655 года дѣла въ Бѣлоруссіи стали принимать еще худшій для русскихъ оборотъ, нежели въ концѣ 1654 г. Въ Оршѣ, Озерищахъ и др. городахъ, даже въ Смоленскѣ, стала проявляться склонность къ измѣнѣ царю и къ покорности королю. Въ тоже время, хотя Матвей Шереметевъ разбилъ князя Лукомскаго, пытавшагося отрѣзать сообщенія Витебска, но за то Радзивилъ и Гонсѣвскій съ 12 т. войскъ 7 января осадили Золотаренка съ 6 т. казаковъ въ Новомъ Быховѣ. Золотаренко произвелъ смѣлую и удачную вылазку, разбилъ князя Несвижскаго, взялъ весь обозъ его и безпрепятственно воротился въ Новый Быховъ. Гетманы, безъ успѣха простоявъ подъ нимъ двѣ недѣли, не захотѣли долѣе терять времени противъ этого города, когда имъ представилась надежда овладѣть другимъ, болѣе важнымъ—Могилевомъ, вслѣдствіе сношеній съ Приклонскимъ въ немъ. Послѣдній, измѣнивъ царю, впустилъ ихъ 5 февраля въ большой городъ, Воейковъ же заперся въ меньшемъ (или цитадели), въ которомъ и былъ осажденъ, и хотя отбилъ три приступа, но просилъ помощи, жалуясь, что Золотаренко въ Старомъ Быховѣ не хочетъ помогать ему и грабитъ жителей вмѣстѣ съ казаками Приклонскаго. Послѣдній и многіе другіе въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ сильно возмущали народъ противъ подданства царю, и такимъ образомъ въ обоихъ этихъ краяхъ образовались двѣ партіи, одна — пріязненная, другая—враждебная русскому господству.

Царь, все еще остававшійся въ Вязьмѣ, пережидая совершеннаго прекращенія моровой язвы въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ январѣ приказалъ князю Юрію Долгорукову не мѣшкая идти съ княземъ Алексѣемъ Трубецкимъ къ западнымъ границамъ, дабы не дать непріятелю войти въ русскіе города, а, напротивъ, его самаго встрѣтить въ его собственной землѣ и «до тѣхъ поръ огонь *тушить, пока не разгорѣлся*, а какъ разгорится, то уже некогда *тушить»—мысли,* совершенно вѣрныя въ военномъ отношеніи. Боярина

ну Пушкину въ Смоленскѣ онъ приказалъ измѣнниковъ изъ шляхты и мѣщанъ брать подъ стражу и отсылать въ Москву, а главныхъ и наказывать. Въ письмѣ отъ 23 января къ любимцу своему Артамону Матвееву въ Москвѣ онъ писалъ, что отъ новаго шведскаго короля Карла X Густава (рѣшившагося объявить Польшѣ войну, см. ниже) пріѣзжалъ посланникъ развѣдать—будетъ-ли царь въ дружбѣ съ королемъ или нѣтъ?—дѣйствительно же, какъ полагалъ царь, потому что король опасался его и королю особенно непріятно было, что царь обладалъ Витебскомъ и Полоцкомъ, что̀ отрѣзывало сообщеніе Риги съ ними по Двинѣ; наконецъ, что король выражалъ желаніе укрѣпить вѣчный миръ съ царемъ и чтобы послѣдній не воевалъ съ другомъ короля, герцогомъ курляндскимъ, въ чемъ ему было отказано, потому что шведскій король обѣщалъ не помогать польскому, а герцогъ курляндскій былъ подручникомъ (вассаломъ) послѣдняго.

Наконецъ 10 февраля царь переѣхалъ изъ Вязьмы въ Москву и въ началѣ марта послалъ боярина Василія Васильевича Бутурлина къ Хмѣльницкому въ Украйну, приказавъ ему вмѣстѣ съ гетманомъ и всѣми войсками идти въ Литву и Польшу; боярина же Василія Борисовича Шереметева, начальствовавшаго въ Бѣлой Церкви, онъ отозвалъ къ себѣ. 11 марта онъ самъ отправился въ Смоленскъ, дабы открыть походъ въ Литву. Но, прежде нежели приступить къ изложенію этого похода, необходимо сказать вкратцѣ, что въ это время происходило въ Польшѣ и Литвѣ и имѣло отношеніе къ войнѣ ихъ съ Россіей.

Выше (глава II § 9) уже было изображено состояніе Польши и Литвы и ихъ войскъ при Янѣ-Казимірѣ. Въ 1652 г., за два года до войны съ Россіей, въ самый разгаръ польской анархіи, два обстоятельства еще болѣе усилили это смутное состояніе. Первымъ было то, что одно слово «не позвалямъ» (не позволю) унитскаго посла Сицинскаго «разорвало» сеймъ и обратилось въ извѣстный законъ «liberum veto» (свободный голосъ), одобренный какъ «единственное и особеннѣйшее главное право» (unicum et specialissimum jus cardinale). Вторымъ было то, что подканцлеръ Радзѣёвскій, считая себя лично оскорбленнымъ со стороны короля, притомъ уличенный въ преступныхъ сношеніяхъ съ казаками и приговоренный за то къ смерти, бѣжалъ въ Вѣну, а оттуда въ Стокгольмъ, искать удовлетворенія своей мести. Внушенія его и еще болѣе—неблагоразумное объявленіе Яномъ-Казиміромъ въ 1654 г., во время войны съ Россіей, притязанія своего на шведскій престолъ, по поводу отреченія отъ него (6 іюня н. с. 1654 г.) королевы Христины, побудили преемника ея, короля Карла X Густава, вступить въ вой-

ну съ Польшей. Но Польша, въ томъ ужасномъ состояніи, въ которомъ она находилась въ 1654 г., рѣшительно не въ состояніи была бороться даже и съ одною державой—Россіей, тѣмъ менѣе съ двумя—съ нею и Швеціей. Финансы ея были совершенно разстроены, денегъ въ казнѣ не было, а безъ денегъ нельзя было ни набрать достаточно войскъ, ни содержать ихъ, всегда своевольныхъ и мятежныхъ, въ должномъ порядкѣ и повиновеніи. А если присоединить къ этому еще подданство въ томъ же году Малороссіи, съ 17-ю полками ея войска, русскому царю, то легко будетъ понять, что Польша и Литва были совершенно безсильны противъ соединенныхъ силъ Россіи и Малороссіи, и только одинъ литовскій гетманъ Радзивилъ, съ относительно слабѣйшими силами Литвы, старался противупоставить нѣкоторое сопротивленіе превосходнымъ силамъ русскимъ и малороссійскимъ, встрѣчавшимъ въ пограничной Литвѣ множество приверженцовъ, хотя многіе другіе тайно или явно держали сторону польскаго короля. Все это можетъ отчасти служить объясненіемъ первоначальныхъ, скорыхъ, легкихъ и значительныхъ успѣховъ русскихъ войскъ въ Бѣлоруссіи и неблагопріятнаго для нихъ оборота дѣлъ въ концѣ 1654 и въ началѣ 1655 г.г. Но въ то же время, эти же самыя обстоятельства невольно заставляютъ недоумѣвать, какимъ образомъ Россія, съ выставленными ею огромными силами русскими и малороссійскими, не могла еще въ 1654 г. завоевать всю Литву и угрожать самой Польшѣ?—Недоумѣніе это можно разрѣшить только тѣмъ, что хотя русское войско было многочисленно, хорошо одушевлено и разумно руководимо самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, но — какъ уже неразъ было говорено—въ самомъ себѣ носило многія причины своей несостоятельности, изъ которыхъ главными были военно-помѣстное устройство его и мѣстничество его воеводъ, не смотря на всѣ мудрыя мѣры царя ослабить, по возможности, эти и другіе недостатки войска. Военныя событія 1655 г. могутъ служить новымъ подтвержденіемъ этого, какъ въ пользу, такъ и не въ пользу русскаго войска.

Воротясь въ Смоленскъ 31 марта, царь велѣлъ воеводѣ Дмитріеву и Золотаренкѣ идти на помощь Воейкову въ Могилевъ и принялъ строгія мѣры, чтобы въ слѣдующемъ походѣ не повторились безпорядки предъидущаго, когда ратные люди безчинствовали въ смоленскомъ, могилевскомъ и другихъ уѣздахъ Бѣлоруссіи и тѣмъ возбуждали неудовольствіе жителей покорившихся мѣстностей и отложеніе многихъ изъ этихъ послѣднихъ отъ русской власти. Виновниковъ такого рода преступленій впредь царь приказалъ казнить смертью, а господъ ихъ, помѣщиковъ—торговою казнью (т. е. *тѣлесными наказаніями*). 24-го мая, выступая изъ Смоленска въ по-

ходъ, царь лично объявилъ войскамъ, что будетъ воевать даже и зимою, до тѣхъ поръ, пока Богъ не поможетъ довершить предпринятое дѣло; войскамъ же строго приказалъ «деревонь не жечь, со службы не бѣгать, больными не прикидываться, не роптать и пр., и кто будетъ виновенъ въ этомъ—подвергнется казни, а кто будетъ хорошо служить—получитъ большія милости». Сверхъ того, еще за мѣсяцъ до выступленія изъ Смоленска, царь принялъ также строгія мѣры противъ побѣга крѣпостныхъ людей отъ служилыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Всѣ эти мѣры царя, служа въ справедливую хвалу ему, указываютъ на тѣ недостатки, которые были присущи русскому военнопомѣстному войску, даже при такомъ государѣ, какъ Алексѣй Михайловичъ, который и въ войскѣ, какъ и во всемъ, прежде и болѣе всего старался прекращать базпорядки и злоупотребленія и водворять законность и порядокъ.

Между тѣмъ Радзивилъ и Гонсѣвскій, осаждавшіе Воейкова въ могилевскомъ замкѣ, 9 апрѣля, еще до прихода Дмитріева и Золотаренки, произвели приступъ, но, не имѣвъ успѣха, 1 мая сняли осаду и двинулись къ верхней Березинѣ, по направленію къ Вильнѣ.

По прибытіи послѣ этого Дмитріева и Золотаренки въ Могилевъ, послѣдній воротился въ Старый Быховъ, а первый послалъ вслѣдъ за гетманами сына своего, который настигъ и разбилъ ихъ (или можетъ быть только арріергардъ ихъ) подъ Толочиномъ (къ з. отъ Орши).

24 мая царь выступилъ изъ Смоленска къ Шклову. Сюда къ нему пріѣхалъ въ началѣ іюня Золотаренко и былъ посланъ имъ за Березину по направленію къ Вильнѣ. Отряженный Золотаренкомъ черниговскій полковникъ Поповичъ взялъ съ боя Свислочь и замокъ его, городъ сжегъ, а жителей его вырѣзалъ. Та же участь постигла и Кайдановъ. Матвей Шереметевъ взялъ Велижъ, а князь Хворостининъ Минскъ. То были уже наступательныя дѣйствія русскаго войска изъ Бѣлоруссіи въ Литву къ Вильнѣ. Въ полмили отъ нея стояли лагеремъ отступившіе сюда Радзивилъ и Гонсѣвскій, только ссорившіеся между собою и съ панами-шляхтой и ничего непредпринимавшіе противъ наступавшихъ русскихъ войскъ. Черкаскій, соединясь съ Золотаренкомъ, 29 іюля напалъ на лагерь гетмановъ, сражался съ ними отъ полудня до ночи и разбилъ ихъ на-голову. Радзивилъ, поручивъ защиту Вильны Жеромскому съ небольшимъ гарнизономъ, отступилъ за р. Вилію и удалился лично въ свой городъ Кейданы, въ жмудскомъ воеводствѣ. Черкаскій и Золотаренко приступили къ Вильнѣ, которая, не *будучи* въ состояніи сопротивляться, сдалась, а Жеромскій съ гар-

низопомъ заперся въ замкѣ. Царь получилъ извѣстіе о взятіи Вильны въ 15-ти верстахъ отъ нея, въ Крапивнѣ (куда прибылъ походомъ изъ Смоленска черезъ Шкловъ и Борисовъ), и 30 іюля имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу Литвы, а 31 іюля Золотаренко, по его приказанію, взялъ приступомъ замокъ, причемъ въ городѣ произошелъ отъ стрѣльбы пожаръ и много людей погибло.

Взятіе Вильны и вступленіе въ нее царя уже передало Литву въ его власть; тѣмъ не менѣе русскіе воеводы продолжали дѣйствовать далѣе съ разныхъ сторонъ. 8 августа взятъ былъ городъ Ковно, а черезъ нѣсколько дней и Гродно. Съ другой стороны, на югѣ, князь Димитрій Волконскій въ началѣ сентября отплылъ изъ Кіева на судахъ по Днѣпру, 15-го прибылъ къ Турову, жители котораго присягнули царю, а отъ Турова двинулся сухимъ путемъ къ городу Давыдову. Съ версту отъ него онъ встрѣтилъ литовскія войска, опрокинулъ ихъ въ городъ и изъ города (16 сентября) и затѣмъ, воротясь къ своимъ судамъ, поплылъ внизъ по р. Горыни въ р. Припеть и вверхъ по ней до р. Вятлицы, а отъ этой сухимъ путемъ до города Столина. Подойдя къ нему 20 сентября, онъ разбилъ и опрокинулъ вышедшій на встрѣчу ему литовскій отрядъ, занялъ и сжегъ городъ. Отсюда онъ воротился къ Припети и ею и р. Пиною на судахъ 25 сентября достигъ города Пинска. Здѣсь литовскія войска не допустили его высадиться, но онъ, высадясь ниже, послѣ сильнаго боя вступилъ въ Пинскъ на плечахъ литовцовъ и выбилъ ихъ изъ этого города. Давъ здѣсь войскамъ своимъ двое сутокъ отдыха, 28 сентября онъ сжегъ городъ и посады его, поплылъ внизъ по Припети, въ селѣ Стаховѣ разбилъ литовскій отрядъ, привелъ къ присягѣ жителей городовъ Кажана и Латвы и снова по Днѣпру воротился въ Кіевъ, куда привелъ войска свои въ цѣлости, безъ урона, кромѣ только 3 раненыхъ. Такимъ образомъ онъ въ одинъ мѣсяцъ совершилъ, частію сухимъ путемъ и большею частію на судахъ по рѣкамъ Днѣпру, Припети и ея притокамъ удачный походъ въ Литву, безъ урона и съ успѣхомъ; но этотъ походъ былъ скорѣе набѣгомъ, потому что Волконскій только разбивалъ встрѣчаемые литовскіе отряды, бралъ или занималъ города на пути, и либо сжигалъ ихъ, либо приводилъ жителей ихъ къ присягѣ, но въ занятомъ краѣ не утверждался.

Позже, въ концѣ октября и въ ноябрѣ, такимъ же образомъ, но менѣе удачно дѣйствовали князья Урусовъ и Барятинскій. Двинувшись 23 октября изъ Ковна къ Бресту, они разбили поляковъ въ 150 верстахъ отъ послѣдняго при Бѣлыхъ Пескахъ. 13 ноября, *подойдя къ Бресту*, они встрѣтили новаго литовскаго гетмана Павла *Сапѣгу*, *назначеннаго* на мѣсто Радзивила. Урусовъ потер-

пѣлъ отъ него пораженіе, отступилъ отъ Бреста и сталъ станомъ за Бугомъ. Выбитый оттуда Сапѣгой, онъ сталъ въ 25 верстахъ отъ Бреста у Верховичей. Обойденный и тутъ Сапѣгой, отрѣзанный отъ сообщеній и воды, двое сутокъ окруженный Сапѣгой, требовавшимъ сдачи, онъ не сдался, а вступилъ въ бой, разбилъ Сапѣгу на-голову, гналъ его 6 верстъ и взялъ 4 пушки и 28 знаменъ. Затѣмъ онъ и Барятинскій пошли обратно къ Ковно и Гродно и порядочно пограбили на пути. Точно тоже дѣлали и казаки Золотаренка, и русскіе въ Полѣсьѣ, такъ что весь край отъ Ковна и Гродна до Бреста и Пинска былъ разоренъ. Притомъ между Урусовымъ и Барятинскимъ и подначальными имъ войсками, во все время ихъ похода туда и обратно, были большія неудовольствія, и войска особенно жаловались на Урусова, за его несправедливость, немилосердіе и даже жестокость къ нимъ, и за то, что запрещая имъ разорять край и грабить его жителей, самъ онъ позволялъ себѣ поступать самымъ насильственнымъ образомъ и съ жителями, и съ собственными войсками. *) Сверхъ того, онъ завязалъ дѣло подъ Брестомъ въ то самое время, когда въ Вильнѣ уже шли дѣятельные мирные переговоры съ литовскимъ полевымъ гетманомъ Гонсѣвскимъ. Но прежде нежели объяснить, по какой причинѣ начались эти переговоры, необходимо изложить военныя дѣйствія, происходившія въ Украйнѣ и въ Польшѣ.

Выше (§ 29) было сказано, что 26 декабря 1654 г. Менгли-гирей крымскій привелъ въ Подолію отъ 30 до 40 т. татаръ и въ м. Обздовкѣ соединился съ коронныммъ гетманомъ Потоцкимъ. 10 января 1655 г. они двинулись къ Умани и обложили въ ней казачьяго полковника Богуна съ 6 т. казаковъ, причемъ татары разсѣялись въ окрестностяхъ для грабежа. Поляки Потоцкаго пошли на приступъ, но были отбиты, и Потоцкій, узнавъ, что Хмѣльницкій идетъ на выручку Богуна, оставилъ свой обозъ съ частію войскъ подъ Уманью, а самъ съ главными силами и съ татарами быстро двинулся на встрѣчу Хмѣльницкому. 19 января подъ Охматовымъ или Ахматовымъ (въ 45 верстахъ отъ Умани и въ 80 верстахъ отъ Бѣлой Церкви, при сліяніи рѣчки Гнилой Багвы съ Мокрою, въ которую верстахъ въ 4-хъ выше впадала Сухая Багва) онъ встрѣтилъ передовой отрядъ Хмѣльницкаго и принудилъ его отступить. Хмѣльницкій былъ уже недалеко, ведя съ собою изъ Бѣлой Церкви черезъ Ставище только 20 т. казаковъ и 5 русскихъ

*) Такого рода поступки Урусова служатъ также къ характеристикѣ нѣкоторыхъ тогдашнихъ русскихъ воеводъ, ихъ личнаго произвола, самоуправства, жестокости и т. п. преступныхъ дѣйствій. Урусовъ особенно отличался ими, но былъ не одинъ, имѣя и другихъ подобныхъ себѣ.

полковъ подъ начальствомъ Вас. Бор. Шереметева, бо́льшую же часть своихъ силъ (по польскимъ извѣстіямъ будто бы до 80 т., что преувеличено) оставивъ подъ Бѣлою Церковью, потому что былъ обманутъ ложнымъ извѣстіемъ, будто поляки подъ Уманью были въ незначительныхъ силахъ (довольно странно, что онъ не зналъ дѣйствительныхъ силъ ихъ и татаръ). Потоцкій, оставивъ подъ Ахматовымъ Шемберга съ частію войскъ, съ остальными двинулся на встрѣчу Хмѣльницкому и Шереметеву и къ вечеру 19 января напалъ на таборъ Хмѣльницкаго, на Сухой Багвѣ, прорвалъ его и взялъ 21 пушку. Но ночью Богунъ, подоспѣвшій изъ Умани, ударилъ въ тылъ полякамъ, пробился сквозь нихъ и соединился съ Хмѣльницкимъ, устроивавшимъ новый таборъ. Хотя поляки потеряли до 3 т. убитыхъ, однако Потоцкій окружилъ казачій таборъ и сталъ громить его изъ пушекъ. Два дня (20 и 21 января) продолжался здѣсь жестокій бой, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ пало, по польскимъ извѣстіямъ (по Коховскому), до 9 т. казаковъ и русскихъ и до 6 т. поляковъ, почему мѣстность эта и получила прозваніе Дрыжиполя (Дрожи-поле), а 3-хъ-дневный бой на ней—Дрыжипольскаго. Хмѣльницкій и Шереметевъ отбились, но отступили къ Бѣлой Церкви, въ сильный морозъ, отъ котораго съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Поляки говорили, что еслибы татары не разсѣялись на грабежъ и подоспѣли на помощь имъ въ пору, то одержали бы рѣшительную побѣду. Они шли за Хмѣльницкимъ до Животова и отъ сильнаго мороза потеряли еще болѣе людей, нежели въ бою. Послѣ того Потоцкій разорилъ до тла множество селъ и деревень и съ остатками своихъ войскъ отошелъ къ Днѣстру. Менгли-гирей, присоединившійся къ нему послѣ боя, въ Саврани разлучился съ нимъ и ушелъ въ Крымъ, но одинъ изъ большихъ «загоновъ» или отрядовъ его, возвращавшійся съ грабежа съ большою добычей, былъ настигнутъ и разбитъ Богуномъ, который отбилъ всю награбленную добычу и взялъ 2500 татаръ въ плѣнъ (за которыхъ Хмѣльницкій взялъ потомъ съ хана порядочный выкупъ). Такимъ образомъ, результатомъ этихъ военныхъ дѣйствій обѣихъ сторонъ былъ только понесенный ими большой уронъ и разореніе этой части Украйны, но ничего рѣшительнаго и даже особенно важнаго.

Въ началѣ марта на мѣсто Менгли-гирея явился ханъ Галча- или Халча-гирей съ 60 т. татаръ, которыхъ Потоцкій расположилъ на Днѣстрѣ. Но татары, награбивъ вдоволь, ушли въ Крымъ, польскіе жолнеры, не получая жалованья, стали расходиться, Чарнецкій былъ отозванъ къ королю, и на границѣ—Днѣстрѣ осталось самое *ничтожное число* польскихъ войскъ. Послѣ того Потоцкій отошелъ

къ Глинянамъ, къ в. отъ Львова, а Хмѣльницкій и Бутурлинъ въ Бѣлую Церковь, и до конца іюля обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи.

Въ мартѣ Швеція объявила войну Польшѣ, а 9 (19) мая на сеймѣ въ Варшавѣ положено было созвать посполитое рушенье и собрать «на этотъ только разъ» по одному пѣшему жолнеру съ каждыхъ 15 лановъ земли (почему они получили названіе «лановыхъ», но были не лучше кварціянъ). 4 (14) іюня шведскій фельдмаршалъ Виттембергъ двинулся изъ Помераніи въ Польшу, а Карлъ-Густавъ съ войсками на флотѣ отправился изъ Стокгольма въ Померанію. Въ это время посполитое рушенье и лановое ополченіе, всего до 30-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ сенаторовъ Христофора и Петра Опалинскихъ, Грудзинскаго и Розражевскаго и сенаторовъ - кастеллановъ Мясковскаго и Гембицкаго, и того 6 начальниковъ, собрались подъ Уйсцомъ (нынѣ между Дейче - Кроне и Ходзессеномъ въ Восточной Пруссіи), для защиты переправы черезъ р. Нотецъ (Нетце) на польско-померанской границѣ. 12 (22) іюня Виттембергъ съ 17 т. шведскихъ войскъ перешелъ около Пины, за рѣкою Нотецъ, польскую границу и въ ночь съ 14 (24) на 15 (25) зашелъ въ тылъ польскому ополченію, чѣмъ произвелъ въ немъ страшный переполохъ. Начальники его вступили въ переговоры—и 15 (25) іюня подписали договоръ подданства Карлу-Густаву, какъ королю польскому, а ополченіе ихъ разошлось. Виттембергъ, переправясь черезъ рѣку Нотецъ, двинулся къ Познани, которая покорилась ему, и затѣмъ черезъ Шроду къ Конину на Вартѣ, гдѣ остановился ждать прибытія Карла-Густава. Послѣдній, высадившись 5 (15) іюля въ Волгастѣ съ 15 т. войскъ, черезъ Штеттинъ, Чарниковъ, Рагозно и Коло соединился въ началѣ августа н. с. съ Виттембергомъ у Конина и вмѣстѣ съ нимъ двинулся черезъ Ловичь къ Варшавѣ, которую и занялъ 10 (20) августа безъ боя. Янъ-Казиміръ уже передъ тѣмъ удалился изъ нея съ 12 т. безплатнаго и ненадежнаго войска къ Вельборжу, удерживая шведовъ стычками подъ Піонткомъ и Иновлодземъ. Но Карлъ-Густавъ не мѣшкалъ въ Варшавѣ: назначивъ губернаторомъ въ ней Оксенштерна и пославъ генерала Стеенбока къ Новому Двору для приведенія въ покорность Мазовіи, самъ двинулся къ Равѣ. Янъ-Казиміръ, отступая отъ Вельборжа, 27 августа (6 сентября) попытался сразиться съ авангардомъ Виттемберга подъ Страшовой Волей близъ Опочно, но потерпѣлъ пораженіе и, сдавъ начальствованіе Ланцкоронскому, отправился съ вѣрными ему сенаторами въ Краковъ. Здѣсь сенаторы представили ему невозможность сопротивляться шведамъ и уговорили его

отправиться впредь до времени въ Глогову (Глогау) въ Силезіи, подъ покровительство Австріи, что король и исполнилъ, оставивъ въ Краковѣ Чарнецкаго съ небольшимъ гарнизономъ. Войска же Ланцкоронскаго, вмѣсто того, чтобы идти на помощь Кракову, «сконфедеровались» и самовольно пошли къ Висничу. Карлъ-Густавъ, не желая имѣть ихъ въ тылу за собою, двинулся по дорогѣ въ Бохнію и 13 (23) сентября разбилъ ихъ подъ Войничемъ, а затѣмъ вернулся къ Кракову, который уже былъ осажденъ шведами. Чарнецкій держался сколько могъ до 7 (17) октября, когда сдался на капитуляцію, вслѣдствіе того, что кварціяне его сконфедеровались и покорились Карлу-Густаву, и былъ отпущенъ съ обязательствомъ не служить 2 мѣсяца. Такимъ образомъ въ 3 мѣсяца времени Карлъ-Густавъ почти безъ боя завоевалъ всю Великую Польшу, съ обѣими столицами ея, Варшавой и Краковомъ, и былъ признанъ королемъ польскимъ, а Янъ-Казиміръ былъ въ Глоговѣ изгнанникомъ.

Вѣрнымъ ему оставался еще одинъ Потоцкій въ Глинянахъ близь Львова. Но въ концѣ іюля нов. ст. Хмѣльницкій и Бутурлинъ, по настоянію царя, двинулись отъ Бѣлой Церкви къ Каменцу и, простоявъ подъ нимъ безуспѣшно 3 недѣли, пошли къ Львову, а Потемкинъ и Даніилъ Выговскій въ тоже время двинулись въ Волынь и люблинское воеводство. Такимъ образомъ, въ одно время царь завоевалъ Литву съ Вильной, Карлъ-Густавъ Великую Польшу съ Варшавой и Краковомъ а Хмѣльницкій и Бутурлинъ, Потемкинъ и Выговскій наступали въ Малую Польшу—и Польшѣ съ Литвою, казалось, насталъ послѣдній часъ. Потоцкій хотѣлъ было усилить себя посполитымъ рушеньемъ, но оно отказалось, отговариваясь тѣмъ, что имъ могъ предводительствовать только король, а онъ бѣжалъ! Потоцкій отступилъ къ Львову, а по приближеніи Хмѣльницкаго и Бутурлина — на 30 верстъ далѣе къ з., къ Гродеку. Хмѣльницкій и Бутурлинъ, пославъ за нимъ Лѣсницкаго съ казаками и Ромодановскаго съ русскими войсками, сами съ остальными обложили Львовъ. Потоцкій 18 (28) сентября принялъ бой у Гродека и сначала имѣлъ успѣхъ, но около полудня войска его, принявъ за непріятеля шедшее къ нимъ на помощь перемышльское посполитое рушенье, обратились въ бѣгство, бросивъ свои пушки, лагерь, запасы и потерявъ множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2-хъ Потоцкихъ, родственниковъ гетмана, и 12 полковниковъ. Это пораженіе навело такой всеобщій ужасъ, что всякій, кто только могъ, бѣжалъ въ Карпаты и Венгрію, а подгорные жители и разбѣжавшіеся жолнеры стали разбойничать и грабить. Такимъ образомъ и съ этой стороны *разрушена была* единственная, еще остававшаяся Яну-Казиміру,

хотя и слабая, надежда на помощь, и все казалось погибшимъ и для него, и для Польши. Ударъ, нанесенный имъ тутъ, былъ бы, можетъ быть, еще рѣшительнѣе, еслибы подъ Львовымъ снова не выступили впередъ какія-то хитрости Хмѣльницкаго. Не смотря на настоянія Бутурлина, онъ почему-то не хотѣлъ дѣйствовать противъ Львова рѣшительно, даже тотчасъ послѣ пораженія подъ Гродекомъ, и лишь двѣ недѣли спустя, 3 (13) октября, потребовалъ сдачи и, не получивъ отвѣта, открылъ бомбардированіе. Начались переговоры: Бутурлинъ требовалъ присяги царю; жители ни за что не соглашались, пока Янъ-Казиміръ живъ; коварный Выговскій втайнѣ подстрекалъ ихъ не сдаваться, а православный епископъ львовскій Арсеній склонялъ Хмѣльницкаго взять 400 т. злотыхъ выкупа. Между тѣмъ Янъ-Казиміръ пытался примириться съ Карломъ-Густавомъ и, подобно послѣднему, старался привлечь Хмѣльницкаго на свою сторону разными выгодными обѣщаніями. А Хмѣльницкій, вмѣсто рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, хитрилъ, питая какіе-то свои тайные замыслы, и кончилъ тѣмъ, что, услыхавъ, будто крымскій ханъ идетъ на помощь полякамъ, поспѣшилъ скорѣе покончить съ Львовымъ и, удовольствовавшись только 60 т. злот. выкупа, 25 октября (8 ноября) снялъ осаду и пошелъ въ Украйну. Два дня спустя, за нимъ пошелъ и Бутурлинъ, и оба шли и располагались отдѣльно, очевидно по причинѣ неудовольствій между собою. Впрочемъ. Хмѣльницкій не только не замышлялъ измѣны царю, а напротивъ объявилъ королю, что не нарушитъ своего союза съ Россіей, и, какъ будто владѣтельный государь, обѣщалъ уступить королю завоеванныя у него воеводства люблинское, бельзское, волынское и русское, удержавъ за собою ярославскую землю, если король примирится съ шведами и русскими и признаетъ малороссійскій народъ свободнымъ. Между тѣмъ на походѣ отъ Львова въ Украйну, у Езерной, въ 15 верстахъ отъ Зборова, онъ натвнулся на хана съ его татарами, отразилъ нападеніе ихъ и пошелъ въ Чигиринъ, а ханъ къ Галичу, на соединеніе съ поляками. Но узнавъ, что король въ Силезіи, ханъ пустилъ своихъ татаръ на грабежъ.

Пока это происходило въ Червонной Руси и Украйнѣ, Потемкинъ и Даніилъ Выговскій 5 (15) октября подступили къ Люблину и потребовали сдачи его: городъ сдался и присягнулъ царю, но пострадалъ отъ пожара и грабежа. Послѣ того Потемкинъ и Выговскій удалились откуда пришли.

Карлъ-Густавъ въ это время все еще находился въ Краковѣ: здѣсь 11 (23) октября депутаты малопольскихъ воеводствъ и Червонной Руси изъявили ему свою безусловную покорность и такимъ *образомъ вся* Польша, Великая и Малая, съ Червонною Русью, была

въ его власти. Но тутъ онъ пришелъ въ недоумѣніе, что̀ ему сдѣлать съ нею? Соединить ее съ Швеціей онъ находилъ неудобнымъ, по причинѣ различія вѣроисповѣданій, а хотѣлъ предоставить ее въ жертву сосѣдей ея, самому же удержать за Швеціей только необходимое ей балтійское поморье А между тѣмъ шведы были полными, неограниченными господами всей Польши и даже части Литвы, незанятой русскими войсками (см. ниже), въ другой части которой, съ Вильной, были русскіе, а Янъ-Казиміръ въ изгнаніи — и Польши съ Литвою, можно сказать, не стало....

Дабы докончить изложеніе военныхъ событій въ Польшѣ въ концѣ 1655 г., слѣдуетъ сказать, что Карлъ-Густавъ раздробилъ свое шведское войско на обширномъ пространствѣ Польши и Литвы по гарнизонамъ въ важнѣйшихъ городахъ и по отдѣльнымъ отрядамъ между ними, собиравшими, не безъ насильствъ, реквизиціи и контрибуціи. Польскія войска, передавшіяся Карлу-Густаву, онъ обѣщалъ удовлетворить жалованьемъ, слѣдовавшимъ имъ изъ польской казны, что̀ и сдѣлалъ, но далеко не сполна, потому что въ польской казнѣ была, по обыкновенію, огромная недоимка. Жолнеры стали роптать, а Потоцкій воспользовался тѣмъ и, ускользнувъ изъ-подъ шведскаго надзора въ Сандомирѣ, сталъ собирать въ Соколѣ (между Львовымъ и Владиміромъ) польскія войска на имя Яна-Казиміра. Между тѣмъ въ калишскомъ воеводствѣ, въ карпатскомъ подгорьѣ и особенно въ Ченстоховскомъ монастырѣ и его окрестностяхъ начались тайныя и явныя, враждебныя шведамъ, собранія недовольной польской шляхты, даже нападавшей на шведскіе отряды. Собравшихся въ Ченстоховскомъ монастырѣ осадилъ 9 (19) ноября шведскій генералъ Миллеръ, но въ 38 дней осады всѣ приступы его были отбиты и 16 (26) декабря онъ снялъ осаду. Пользуясь этимъ, Потоцкій и Ланцкоронскій 19 (29) декабря устроили въ Тышовцахъ, въ бельзскомъ воеводствѣ, патріотическую конфедерацію для освобожденія отечества. Она признала насильственную присягу Карлу-Густаву недѣйствительною, объявила войну приверженцамъ ея и предоставила обоимъ гетманамъ верховную власть. Это было первымъ началомъ благопріятнаго для Яна-Казиміра и Польши оборота дѣлъ.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ тому, что̀ происходило въ Литвѣ и особенно въ Вильнѣ, со времени взятія ея 29 іюля ст. ст. и вступленія въ нее 30 іюля царя. Выше было сказано, что во 2-й половинѣ ноября ст. ст. того же года, когда Урусовъ и Барятинскій *сражались подъ* Брестомъ съ литовскимъ великимъ гетманомъ Павломъ *Сапѣгой*, въ Вильнѣ уже завязались мирные переговоры съ

литовскимъ польнымъ (полевымъ) гетманомъ Гонсѣвскимъ, который первый предложилъ ихъ Черкаскому. Царь, со времени вступленія своего въ Вильну ведшій въ ней переговоры съ послами Карла-Густава, Яна-Казиміра, императора Фердинанда III и датскаго короля Фридриха III (послѣднихъ двухъ—какъ посредниковъ между Швеціей, Польшей и Россіей), послалъ стольника Большова-Ртищева къ Гонсѣвскому. Но Ртищевъ уже нигдѣ не нашелъ Гонсѣвскаго, такъ какъ послѣдній между тѣмъ былъ заключенъ подъ стражу Радзивиломъ (оба они были врагами и политическими соперниками, имѣя замыслы отложиться отъ Яна-Казиміра и стать владѣтелями Литвы, вассальными Карлу-Густаву, которому Радзивилъ и присягнулъ уже). Только позже Ртищевъ нашелъ въ Брестѣ новаго литовскаго великаго гетмана Павла Сапѣгу, назначеннаго на мѣсто Радзивила. Между ними положено было до съѣзда уполномоченныхъ прекратить военныя дѣйствія, и Сапѣга отправилъ къ царю въ Вильну посланникомъ Глядовицкаго. Царь поручилъ вести предварительные переговоры съ нимъ окольничему князю Семену Пожарскому и думному дьяку Лопухину. Но въ этихъ переговорахъ съ самаго начала произошли несогласія: Пожарскій требовалъ, чтобы короля не величали великимъ княземъ литовскимъ, какимъ по праву и на дѣлѣ уже былъ царь, а вслѣдствіе того и Сапѣгу не называли бы великимъ гетманомъ литовскимъ. Поэтому переговоры съ Глядовицкимъ не имѣли послѣдствій, какъ равно и съ Швеціей, но переговоры съ послами Австріи и Даніи уже начали давать особенное направленіе политикѣ державъ, замѣшанныхъ въ русско-польско-шведскую войну. Результаты ихъ окончательно обнаружились уже въ слѣдующемъ году, но поводы къ нимъ явились еще въ концѣ 1655 г. и преимущественно вслѣдствіе притязаній Карла-Густава не на одну Польшу, но и на Литву. Здѣсь Радзивилъ, какъ протестантъ и не удержавшій Вильны, поддался, вмѣстѣ съ нѣкоторыми единомышленными съ нимъ литовскими магнатами, Карлу-Густаву, который, хотя былъ въ мирѣ съ Россіей, обѣщалъ возвратить имъ всѣ литовскія земли, занятыя русскими. Это раздражило противъ него царя, который еще въ іюлѣ 1655 г., на предложеніе Карла-Густава воевать имъ обоимъ вмѣстѣ въ одно время противъ общаго врага ихъ, короля польскаго и великаго князя литовскаго, отвѣчалъ, что силою оружія завоевавъ Бѣлоруссію и многія воеводства Литвы и ставъ государемъ и обладателемъ ихъ, онъ приглашалъ шведскаго короля не касаться ихъ, если хотѣлъ быть въ мирѣ съ Россіей.

Позже, въ августѣ 1655 г., къ Радзивилу, именовавшему себя великимъ гетманомъ шведскаго короля и великаго княжества ли-

товскаго, посланъ былъ дворянинъ Лихаревъ съ объявленіемъ, что великимъ княземъ литовскимъ уже сталъ, по праву завоеванія, царь и чтобы Радзивилъ покорился ему. Но Радзивилъ отвѣчалъ, что онъ уже отдался въ подданство шведскому королю, по той причинѣ, что русскіе будто бы задержали литовскихъ пословъ и разоряютъ виленскій уѣздъ, а Янъ-Казиміръ покинулъ Польшу. Подобный же результатъ имѣли и сношенія Черкаскаго съ Делагарди, котораго Карлъ-Густавъ, по занятіи Варшавы, послалъ съ отрядомъ шведскихъ войскъ въ Литву, и который далъ знать Черкаскому, что Друя и Дрисса сдались шведамъ. Ко всему этому вскорѣ присоединилось еще то, что русскіе узнали о сношеніяхъ Карла-Густава съ Хмѣльницкимъ и Золотаренкомъ, которыхъ онъ старался переманить на свою сторону.

Всѣ такого рода непріязненные поступки Карла-Густава противъ царя, не смотря на то, что онъ былъ въ мирѣ съ нимъ, крайне раздражали царя и давали дѣламъ совершенно иной оборотъ.

Въ этихъ переговорахъ царя въ Вильнѣ прошли цѣлыхъ четыре мѣсяца 1655 г., съ августа до ноября, когда царь воротился изъ Вильны въ Москву, куда затѣмъ прибыли послы императора, Даніи, Швеціи и Яна-Казиміра и переговоры съ ними продолжались уже въ Москвѣ въ концѣ 1655 и въ началѣ 1656 г.г.

Такимъ образомъ неблагоразумное притязаніе Яна-Казиміра на шведскій престолъ вовлекло его въ войну съ Швеціей, въ одно время съ войною съ Россіей, и повело къ завоеванію Польши Карломъ-Густавомъ въ то самое время, когда царь завоевалъ Литву и торжествовалъ въ Малой Польшѣ и Червонной Руси. Польшѣ и Литвѣ наставалъ конецъ, но честолюбивые замыслы Карла-Густава не только противъ Польши, но и противъ Литвы, къ концу года совершенно измѣнили положеніе дѣлъ. Съ одной стороны Тышовецская конфедерація въ пользу Яна-Казиміра и противъ шведовъ въ Польшѣ, а съ другой непріязненныя царю дѣйствія Карла-Густава въ Литвѣ, заставляли уже предвидѣть вѣроятность сближенія и даже примиренія Россіи съ Польшей и войны ихъ противъ общаго врага ихъ — короля шведскаго, т. е. совершенно на оборотъ того, что̀ было въ 1-й половинѣ 1655 года.

Касательно политики, которой держался при этомъ царь, сказано будетъ ниже при изложеніи событій 1656 г. А что касается военныхъ дѣйствій со стороны Россіи въ 1655 г., то о нихъ можно замѣтить, что въ Литвѣ они были ведены, подъ личнымъ предводительствомъ царя, удовлетворительно и успѣшно до взятія Вильны, но *съ того времени* до конца года — напротивъ. Вмѣсто продолженія

ихъ съ цѣлію прочнаго завоеванія всей Литвы на сѣверѣ и на югѣ до самыхъ предѣловъ Польши, производились только частныя предпріятія отдѣльными отрядами, безъ надлежащихъ порядка и основательности и прочнаго утвержденія въ краѣ, болѣе въ видѣ набѣговъ, притомъ съ разореніемъ края и его жителей, и потому болѣе или менѣе безплодно. Дѣйствія же въ Украйнѣ и Червонной Руси были, можно сказать, совершенно парализованы страннымъ, загадочнымъ образомъ дѣйствій Хмѣльницкаго, не исполнившаго повелѣній царя, не смотря на всѣ его настоянія, ни всего того, что̀ онъ долженъ былъ и могъ исполнить съ имѣвшимися у него силами и средствами. Вообще на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій война была ведена такъ, что не имѣла тѣхъ важныхъ результатовъ, которыхъ можно и должно было ожидать отъ нея при относительныхъ: превосходствѣ военныхъ силъ со стороны Россіи и слабости, даже ничтожности ихъ со стороны Литвы и Польши, еслибы война была ведена Россіей какъ слѣдовало.

II.

Война съ Швеціей (1656—1658).

§ 31.

Война въ 1656 году.

Въ 1656 году политическія обстоятельства въ восточной Европѣ совершенно измѣнились и приняли благопріятный для Польши, неблагопріятный для Швеціи и Россіи оборотъ. Янъ-Казиміръ, видя завоеваніе Литвы царемъ, а Польши Карломъ-Густавомъ, прибѣгнулъ къ покровительству и помощи Австріи — и они были обѣщаны ему, не столько въ интересахъ Польши и Литвы, сколько въ интересахъ Австріи. Опасаясь честолюбія и успѣховъ оружія Карла-Густава, императоръ Фердинандъ III объявилъ его врагомъ имперіи, возбудилъ противъ него всегдашнюю соперницу и врага Швеціи — Данію, обѣщалъ Яну-Казиміру свою помощь дорогою цѣною предназначенія польскаго престола одному изъ эрцгерцоговъ австрійскихъ, занятія богатыхъ соляныхъ копей Велички и уплаты значительной суммы денегъ, и, наконецъ, склонялъ курфирста бранденбургскаго отложиться отъ союза съ Карломъ-Густавомъ и

обратить свое оружіе противъ него и царя Алексѣя Михайловича, примириться съ Польшей и воевать съ Швеціей. Эта хитрая политика Австріи восторжествовала, образовала коалицію противъ Швеціи, завлекла въ нее и Данію, и Россію — и спасла погибавшую Польшу. Всего прискорбнѣе въ этомъ было то, что царь Алексѣй Михайловичь, хитрыми и коварными убѣжденіями австрійскаго посланника, іезуита кардинала Аллегретти, допустилъ склонить себя къ примиренію съ Польщей и къ войнѣ съ Швеціей—политическая ошибка, въ которой московское правительство убѣдилось въ послѣдствіи, но уже слишкомъ поздно, когда уже невозможно было исправить ее. Тщетно Карлъ-Густавъ, угрожаемый со стороны Даніи и Россіи, старался отвратить войну съ послѣднею: послы его прибыли въ Москву тогда, когда Аллегретти уже успѣлъ достигнуть своей цѣли.

Въ политическихъ переговорахъ по всѣмъ этимъ предметамъ протекла вся 1-я половина 1656 г., что не мѣшало однако продолженію военныхъ дѣйствій шведовъ въ Польшѣ, но пріостановило ихъ со стороны русскихъ войскъ въ Литвѣ и казаковъ въ Украйнѣ и Малой Польшѣ.

Прежде нежели изложить событія войны Россіи съ Швеціей, необходимо вкратцѣ упомянуть о томъ, что происходило въ Польшѣ, такъ какъ одно съ другимъ было въ связи.

Въ самомъ началѣ 1656 г. Янъ-Казиміръ, съ помощью Тышовецкой конфедераціи Потоцкаго, прибылъ изъ Силезіи въ Львовъ, гдѣ обнародовалъ воззваніе къ народу, но, не имѣя еще возможности рѣшительно дѣйствовать противъ шведовъ въ Польшѣ, со всѣхъ сторонъ искалъ союзниковъ—и со стороны Австріи, и Даніи, и курфирста бранденбургскаго, и Россіи, и казаковъ, и татаръ, и наконецъ рѣшился вступить въ открытую войну съ Карломъ-Густавомъ въ Польшѣ. Но 3-хъ-дневная битва подъ Прагой (28—29—30 іюля новаго стиля), въ которой шведы съ бранденбургцами одержали рѣшительную побѣду, разрушила всѣ надежды Яна-Казиміра. Польша погибала, и Янъ-Казиміръ, въ безнадежности спасти ее, съ помощью Австріи и Даніи прибѣгнулъ къ мирнымъ переговорамъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Послы Рѣчи Посполитой торжественно избрали царя въ короли польскіе еще при жизни Яна-Казиміра, съ тѣмъ чтобы онъ, по смерти послѣдняго, вступилъ на польскій престолъ (это избраніе было позже утверждено особыми договорами въ Вильнѣ 24 и 31 октября 1656 г.).

Царь еще 15-го мая выѣхалъ изъ Москвы въ Полоцкъ, а два дня спустя — 17 мая—переговоры съ шведскими послами въ Москвѣ о подтвержденіи Столбовскаго договора были прерваны. Еще

передъ выѣздомъ изъ Москвы царь послалъ отрядъ войскъ подъ начальствомъ Потемкина въ Ингерманландію, для занятія южныхъ береговъ р. Невы и Финскаго залива. Вслѣдъ за Потемкинымъ туда же были отправлены донскіе казаки—громить шведовъ въ Финскомъ заливѣ, какъ они громили татаръ и турокъ на Черномъ морѣ. Въ концѣ іюня Потемкинъ взялъ Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ) и Канцы (по шведски Ніеншанцъ) близъ устья Невы. 5 іюля царь торжественно въѣхалъ въ Полоцкъ и 15-го уже выступилъ изъ него съ войскомъ внизъ по правому берегу Двины въ Ливонію. 31 іюля, за два часа до разсвѣта, 3,400 чел. русскихъ войскъ произвели приступъ къ шведскому городу Динабургу, за полчаса до разсвѣта уже взяли большой или нижній городъ, а затѣмъ и меньшій или верхній, гдѣ истребили всѣхъ защитниковъ его. 14 августа они взяли весьма крѣпкій городъ Кокенгузенъ (старинный русскій городъ Кукенойсъ), при чемъ потеряли 67 чел. убитыми и 430 чел. ранеными. Царь переименовалъ эти два взятые города, Динабургъ—Борисоглѣбовымъ, а Кокенгузенъ—Царевичевымъ-Димитріевымъ городомъ, и отрядивъ князя Долгорукова съ частію силъ къ Дерпту, самъ съ главными силами двинулся далѣе внизъ по лѣвому берегу Двины. Соединясь съ 22 т. войскъ князя Черкаскаго, онъ быстро подступилъ къ Ригѣ и обложилъ ее, имѣя на Двинѣ до 1400 судовъ съ военными и продовольственными запасами. Гарнизонъ и жители Риги, хотя и успѣли сжечь предмѣстія, но не имѣли времени истребить загородные густые сады, которые и послужили прикрытіемъ для русскихъ войскъ. Пока послѣднія устроивали осадные окопы и батареи, осажденные производили вылазки, которыя однако, по слабости силъ гарнизона, были безуспѣшны и сопряжены съ урономъ (въ томъ числѣ генерала Торна и полковниковъ Кронмана и Ребиндера). 1-го сентября русскія батареи были готовы и открыли по городу сильный огонь, продолжавшійся днемъ и ночью и причинившій городу огромный вредъ. Въ тоже время къ русскому войску присоединились 7 полковъ иноземнаго строя и значительное число стрѣльцовъ. Первоначальнымъ успѣхамъ русскаго войска много способствовало также то, что въ Ригѣ былъ большой голодъ, а въ Ливоніи не было ни одного стараго шведскаго полка: всѣ лучшіе находились тогда въ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе шведскій губернаторъ Риги графъ Магнусъ Делагарди оборонялъ городъ чрезвычайно упорно и не только не сдавалъ его, но и продолжалъ производить вылазки.

Вскорѣ послѣ того однако дѣла подъ Ригой приняли совершенно другой оборотъ, выгодный для шведовъ и крайне невыгодный для русскихъ. Съ открытія осады, изъ русскаго войска перешло къ шведамъ въ Ригу нѣсколько иностранныхъ офицеровъ: они объявили,

что 12 сентября или же рѣшительно 16-го русскіе положили произвесть приступъ. Но онъ не состоялся, потому что русскіе неожиданно лишились (по показаніямъ иностранцовъ—вслѣдствіе измѣны) большей части своихъ судовъ на Двинѣ. Шведскій же король успѣлъ подкрѣпить гарнизонъ Риги отрядами фельдмаршала Кёнигсмарка и генерала Дугласа, а подъ Дерптъ послать нѣсколько ротъ, которыя отрѣзали Долгорукову всѣ средства добывать въ окрестностяхъ продовольствіе. Не смотря на то, царь не хотѣлъ снимать осады, хотя Лесли и другіе иностранные и русскіе начальники русскихъ войскъ склоняли его къ тому, представляя крѣпкое состояніе Риги и свободу полученія ею помощи извнѣ (значитъ—обложеніе ея было неполное и неудовлетворительное). Но послѣдовавшая вскорѣ новая, значительная неудача измѣнила намѣренія царя. Делагарди, получивъ означенныя выше подкрѣпленія, 2 октября произвелъ такія неожиданныя, рѣшительныя и сильныя вылазку и нападеніе на русскіе окопы, что нанесъ русскому войску большой уронъ и взялъ 17 знаменъ. Послѣ того царь не настаивалъ уже болѣе на продолженіи осады Риги и, снявъ ее 5 октября, предпринялъ отступленіе тѣмъ же путемъ, которымъ прибылъ. Это отступленіе, преслѣдуемое шведами, также стоило русскому войску большаго урона въ людяхъ, пушкахъ и обозахъ. Вообще осада Риги кончилась крайне неудачно и совершенно разстроила русское войско въ Ливоніи, стоивъ ему большаго урона, именно: до 8 т. чел. убитыми, а съ ранеными, больными, пропавшими безъ вѣсти и взятыми въ плѣнъ всего до 14 т. чел., и сверхъ того 56 знаменъ, многихъ пушекъ и до 800 судовъ на Двинѣ съ военными и продовольственными запасами.

Отступивъ отъ Риги, царь сосредоточилъ войска свои между Кокенгузеномъ, Дерптомъ, Маріенбургомъ и Динабургомъ, укрѣпилъ эти города, снабдилъ ихъ надолго продовольствіемъ и въ Полоцкѣ сталъ ожидать окончанія переговоровъ о перемиріи съ Польшей и Швеціей. Переговоры съ послѣднею не имѣли успѣха, потому что требованія шведовъ были слишкомъ неумѣренны. Переговоры же съ Польшей повели, какъ сказано выше, къ избранію царя въ польскіе короли и къ заключенію перемирія впредь до заключенія мира, съ тѣмъ чтобы каждая сторона владѣла занятыми ею городами и землями.

Вслѣдствіе того, въ концѣ 1656 г. никакихъ военныхъ дѣйствій между Россіей, Швеціей и Польшей въ Ливоніи и Литвѣ не происходило.

§ 32.

Война въ 1657 году.

Обращеніе царемъ оружія своего въ Ливонію противъ шведовъ развлекло силы Карла-Густава и вскорѣ возвратило всю лѣвую сторону Вислы, кромѣ Кракова, во власть Яна-Казиміра. Карлъ-Густавъ, озабоченный со стороны Ливоніи, призвалъ на помощь трансильванскаго князя Ракоци, которому еще договоромъ 20 ноября нов. ст. 1656 г. обезпечилъ обладаніе Польшей, вслѣдствіе чего Ракоци въ 1657 г. и вступилъ съ войскомъ въ южную часть Польши. Но объявленіе въ тоже время Даніей войны Швеціи заставило Карла-Густава удалиться въ Голштинію, для защиты ея и Бремена. Ракоци же, встревоженный вторженіемъ въ тоже время поляковъ и венгровъ въ собственныя его владѣнія, былъ принужденъ отступить въ Волынь, гдѣ преслѣдовавшіе его Потоцкій и Чарнецкій заставили его (23 іюля 1657 г.) подписать договоръ на весьма тягостныхъ для него условіяхъ. Въ тоже время Янъ-Казиміръ получилъ наконецъ отъ новаго императора Леопольда I обѣщанную помощь войскомъ, а курфирстъ бранденбургскій, содѣйствіемъ Леопольда, отложился отъ союза съ Карломъ-Густавомъ, взамѣнъ чего Янъ-Казиміръ, Велавскимъ договоромъ 19 сентября нов. ст. 1657 г., подтвержденнымъ въ Быдгощѣ 6 ноября нов. ст. тогоже года, навсегда обезпечилъ ему независимое обладаніе герцогствомъ Пруссіей. Такимъ образомъ Польша, уже совершенно погибавшая, не только была спасена, но и поправилась въ силахъ. Но Янъ-Казиміръ, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ имъ невзгодъ, получилъ такое отвращеніе отъ дальнѣйшаго управленія Польшей и такъ былъ убѣжденъ въ невозможности самобытнаго существованія ея, что уже рѣшительно положилъ отречься отъ престола (который въ такомъ случаѣ долженъ былъ перейти къ царю Алексѣю Михайловичу) и искренно желалъ быть въ мирѣ и дружбѣ съ русскимъ царемъ.

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Польшѣ и въ сосѣднихъ съ нею на сѣверѣ, западѣ и югѣ государствахъ, весною 1657 г. шведскій фельдмаршалъ Крюйсъ съ войскомъ двинулся изъ Выборга въ Карелію и, разоривъ ее, прибылъ въ Ливонію. Въ тоже время Магнусъ Делагарди вторгнулся въ псковскую область и, истребляя все на своемъ пути огнемъ и мечомъ, взялъ приступомъ *Псковопечерскій* монастырь и захватилъ въ немъ богатую добычу, но

[illegible] былъ разбитъ русскими войсками. [illegible] Глазенапъ и Бистрамъ [illegible] Въ [illegible] Шереметева въ [illegible] Горнъ и Делагарди [illegible] въ Ливоніи [illegible] Оделатъ-Нарвскій [illegible]

Остальное время 1657 г. прошло въ Ливоніи въ [illegible] съ обѣихъ сторонъ.

§ 32.

[illegible] 1658 году.

[illegible] 1658 г. начались-было переговоры о заключеніи перемирія между Россіей и Швеціей, впредь до заключенія окончательнаго мира. Но въ мартѣ переговоры были прерваны тѣмъ, что князь Хованскій внезапно явился съ 5 т. войскъ подъ Ямбургомъ и овладѣлъ имъ и окрестными мѣстами. Отсюда онъ подступилъ къ Нарвѣ и потребовалъ отъ шведскаго губернатора ея, Горна, уступить Россіи издавна принадлежавшей ей Ингерманландіи, объявивъ, что, въ случаѣ отказа, немедленно откроетъ въ ней военныя дѣйствія. Отказъ Горна возобновилъ войну: шведы взяли обратно Ямбургъ, Копорье (Шлиссельбургъ), дѣйствовали наступательно на разныхъ пунктахъ, нѣсколько разъ нападали на Хованскаго подъ Нарвой; но онъ отбивался, не трогаясь съ мѣста и ожидая отвѣта на прежнее свое требованіе.

Между тѣмъ царь ожидалъ утвержденія Виленскаго договора 1657 года польскимъ сеймомъ. Но послѣдній, раздираемый по обыкновенію многочисленными партіями, особенно вслѣдствіе интригъ королевы [illegible] доставить польскій престолъ французскому [illegible] въ 1658 г. рѣшился нарушить Виленскій [illegible] войну Россіи, дабы возвратить отнятыя ею въ [illegible] земли.

Тогда царь, вступившій въ войну съ Швеціей по наущенію Австріи и Даніи, но не для спасенія Польши, а для того, чтобы не дать Швеціи слишкомъ усилиться въ Ливоніи и Ингерманландіи и не имѣть съ нею потомъ трудной и опасной войны, положилъ примириться съ нею, дабы обратить главныя силы свои противъ вѣроломной Польши. Вслѣдствіе того, уже съ августа ст. ст. 1658 г. были возобновлены мирные переговоры съ Швеціей, а 30 августа царь приказалъ возобновить военныя дѣйствія въ Литвѣ. Переговоры съ Швеціей начаты были 22 августа ст. ст. между Хованскимъ и Горномъ подъ Нарвой и повели къ заключенію временнаго перемирія и размѣну плѣнныхъ. Только въ ноябрѣ уполномоченные съ обѣихъ сторонъ съѣхались въ м. Валіесари на р. Наровѣ, близь Нарвы, и послѣ долгихъ преній, наконецъ 20 декабря ст. ст. 1658 г. заключено было перемиріе на 3 года, по договору, которымъ Россія удержала за собою, впредь до заключенія мира, Адзель, Кокенгузенъ, Маріенбургъ, Дерптъ и Рапнарву близь Нарвы.

ГЛАВА VI.

РУССКІЯ ВОЙНЫ ПРИ ЦАРѢ АЛЕКСѢѢ МИХАЙЛОВИЧѢ (1658—1666).

III. 2-я война съ Польшей за Малороссію (1658—1666).—§ 34. Война въ 1658 году.—§ 35. Война въ 1659 году.—§ 36. Война въ 1660 году.—§ 37. Война въ 1661 году.—§ 38. Война 1662 году.—§ 39. Война въ 1663 году.—§ 40. Война въ 1664 году.—§ 41. Война въ 1665 году.—§ 42. Война въ 1666 году и миръ въ 1667 году.

III.

2-я война съ Польшей за Малороссію (1658—1666).

§ 34.

Война въ 1658 году.

2-я война съ Польшей еще болѣе, нежели 1-я, даже почти исключительно, ведена была цѣлыхъ $8^1/_2$ лѣтъ за обладаніе Малороссіей. Послѣдняя, по смерти Богдана Хмѣльницкаго (вскорѣ послѣ заключенія Виленскаго договора), содѣлалась поприщемъ недостойныхъ козней, раздоровъ, междуусобій, измѣны и предательства партій среди войска и народа малороссійскихъ за гетманское достоинство, со времени Хмѣльницкаго ставшее гораздо почетнѣе, важнѣе и прибыльнѣе прежняго и потому сдѣлавшееся предметомъ искательства честолюбцовъ изъ среды казацкихъ старшинъ. Враждуя между собою они, смотря по личнымъ своимъ выгодамъ, отдавались подъ покровительство то Россіи, то Польши, но, измѣняя имъ, навлекали месть ихъ на Малороссію. А нѣкоторые изъ нихъ, обольщая себя несбы-

точною мыслію о совершенно независимомъ, самобытномъ существованіи Малороссіи и о чести быть владѣтелями ея, нерѣдко, хотя и ненадолго, успѣвали обольщать такими же надеждами и казаковъ. Въ стремленіи къ этой цѣли, каждый изъ нихъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, сперва старался заслужить довѣріе и благосклонность царя и двора русскихъ и тѣмъ склонялъ на свою сторону жителей Малороссіи. Но въ тоже время и на правой сторонѣ Днѣпра являлся такой же честолюбецъ, дѣйствовавшій подобнымъ же образомъ въ отношеніи къ Польшѣ. Между тѣмъ и другимъ возникала кровопролитная борьба, въ которую, переходомъ ихъ на сторону то Россіи, то Польши, они вовлекали и обѣ эти державы въ войну между собою за Малороссію. Война эта только истощала и Россію, и Польшу, и Малороссію, и казалось, что ей конца не будетъ, когда наконецъ, чрезъ 8½ лѣтъ, крайнее изнеможеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ вынудило ихъ примириться.

Такъ какъ главнымъ предметомъ этой войны была Малороссія, то военныя дѣйствія малороссійскихъ казаковъ въ ней будутъ изложены въ общей связи съ прочими. Впрочемъ достаточно изобразить только общій ходъ и характеръ всей этой войны, не входя въ особенныя подробности.

Послѣ того что польскій сеймъ, въ іюнѣ 1658 года, не согласился утвердить Виленскій договоръ, а царь Алексѣй Михайловичь приказалъ 30 августа возобновить военныя дѣйствія въ Литвѣ, здѣсь, не смотря на то, что все лѣто и весь сентябрь происходили съѣзды и безконечные споры между русскими и польскими уполномоченными, оба гетмана, Павелъ Сапѣга и Гонсѣвскій, съ польскими и литовскими войсками, постепенно приближались къ Вильнѣ, вездѣ на пути и по сторонамъ враждебно дѣйствуя противъ встрѣчаемыхъ ими русскихъ отрядовъ. Съ 1 октября черкасы (малороссійскіе казаки, бывшіе въ подданствѣ Польши) осадили Минскъ и вмѣстѣ съ польскими и литовскими войсками отнимали всѣ мѣста между Вильной, Минскомъ и Борисовымъ, занятыя русскими войсками. Между тѣмъ князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ, по приказанію царя сосредоточившій всѣ войска около Вильны, 30 августа вступилъ съ ними въ Жмудь или Самогитію, овладѣлъ ею и занялъ въ ней городъ Кейданы, мѣстопребываніе Радзивила. Гонсѣвскій обратился противъ него и разбилъ его, нанеся ему до 1500 чел. урона и взявъ 7 знаменъ. Но вслѣдъ затѣмъ, по приказанію царя, военныя дѣйствія были пріостановлены на время производства переговоровъ, на что Гонсѣвскій и Сапѣга согласились. Недѣли три послѣ того оба войска мирно стояли одно противъ другаго въ станахъ, однако помышляя о нападеніи одно на другое. Наконецъ 22 сентября на раз-

свѣтѣ Долгоруковъ внезапно напалъ на станъ Гонсѣвскаго. Сначала конница послѣдняго привела въ разстройство и безпорядокъ передовыя русскія войска и обратила ихъ въ бѣгство. Но Долгоруковъ ввелъ въ бой два стрѣлецкіе полка, и тогда войска Гонсѣвскаго въ свою очередь были опрокинуты, при чемъ самъ Гонсѣвскій былъ взятъ въ плѣнъ. Сапѣга же остался цѣлъ, благодаря мѣстничеству русскихъ воеводъ (не смотря на то, что царь приказалъ всѣмъ «быть безъ мѣстъ»), а именно: Долгоруковъ просилъ русскихъ уполномоченныхъ, ведшихъ переговоры, прислать ему находившіяся при нихъ войска, но сотенные головы князь Барятинскій и двое Плещеевыхъ отказались идти на помощь Долгорукову, говоря, что это было имъ «невмѣстно»! За это они были выданы «головою» (т. е. на всю волю) Долгорукову. Сапѣга же, послѣ побѣды Долгорукова надъ Гонсѣвскимъ, разбилъ 2090 русскихъ мушкетеровъ и взялъ у нихъ 6 пушекъ и много повозокъ съ военными запасами. Послѣ того Долгоруковъ со всѣми своими силами отступилъ къ Минску и возбудилъ противъ себя гнѣвъ царя тѣмъ, что отступилъ отъ Вильны безъ царскаго указа и даже не донесъ о своей побѣдѣ. Царь писалъ ему, что если онъ уже положилъ отступить отъ Вильны, то по крайней мѣрѣ оставилъ бы въ ней солдатскую пѣхоту и полкъ рейтаръ, а то поляки могли взять и Вильну, и Ковно, и Гродно и др. города.

Между тѣмъ какъ неудача Гонсѣвскаго и одновременная побѣда князя Хованскаго надъ польско-литовскими войсками при Мядзѣлахъ охладили первочальные: самонадѣянность и пылъ поляковъ, царь и его правительство не возгордились побѣдами Долгорукова и Хованскаго. Они понимали опасность, грозившую вслѣдствіе измѣны въ это время малороссійскаго гетмана Выговскаго (см. ниже), тѣмъ болѣе, что казна была истощена предшествовавшею войною и русскія войска жили на счетъ занятаго ими края (т. е. насиліемъ и грабежомъ). Поэтому царь желалъ прекратить войну въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чтобы обратить всѣ свои силы въ Малороссію. Польша, съ своей стороны, также хотѣла пріостановить военныя дѣйствія въ Литвѣ, но только для выигранія времени и выжданія, чѣмъ рѣшатся дѣла въ Малороссіи. Вслѣдствіе того, въ январѣ 1659 г. между царемъ и королемъ начались переговоры, которые не привели однако къ соглашенію, по причинѣ обычнаго разногласія въ требованіяхъ съ обѣихъ сторонъ.

Въ Малороссіи, въ 1658 году, полковникъ Пушкарь возсталъ *противъ Выговскаго*, измѣнившаго царю и 5-го сентября заключившаго въ Гадячѣ договоръ съ Польшей. Съ пособіемъ ея

и крымскаго хана, Выговскій съ 40 т. казаковъ и 60 тыс. татаръ подступилъ къ Кіеву и хотѣлъ взять его приступомъ. Но находившійся въ немъ съ русскими войсками Василій Борисовичъ Шереметевъ цѣлыя сутки сражался подъ этимъ городомъ съ Выговскимъ — и татары бѣжали, а казаки были разбиты и потеряли 48 знаменъ и 20 пушекъ. Выговскій сдѣлалъ Шереметеву мирныя предложенія и Шереметевъ принялъ ихъ, хотя и не довѣрялъ ему. Выговскій же вслѣдъ затѣмъ двинулся отъ Кіева на встрѣчу князю Ромодановскому, вступившему съ 20 тыс. войскъ въ Малороссію. Ромодановскій, вмѣстѣ съ атаманомъ Безпалымъ, опрокинулъ и обратилъ въ бѣгство Выговскаго, взялъ Пирятинъ, Лубны и др. города, обложилъ приверженца Выговскаго, казачьяго полковника Гуляницкаго въ Варвѣ, но отложилъ осаду этого городка до зимы и расположился станомъ въ Лохвицѣ, а Безпалому приказалъ стать въ Ромнахъ.

§ 35.

Война въ 1659 году.

Въ 1659 году въ Литвѣ успѣхъ былъ на сторонѣ русскихъ войскъ: они заняли Тыкочинъ, Гродно и многіе другіе города, поляки же и литовцы вездѣ были поражаемы. Польскій король вызвалъ искуснаго польскаго полководца Чарнецкаго изъ Голштиніи, гдѣ онъ воевалъ съ шведами, и ввѣрилъ ему главное начальствованіе войсками въ Литвѣ и Подляхіи.

Въ Малороссіи въ началѣ этого года происходила упорная борьба подъ Лохвицей, гдѣ стояли Ромодановскій и Куракинъ, и подъ Ромнами, гдѣ находился Безпалый. Въ февралѣ казаки Выговскаго, съ поляками и татарами, въ числѣ до 30 тыс. чел., три раза приступали къ Лохвицѣ, но были отбиты. Самъ Выговскій, 4-го февраля, подступилъ къ Миргороду. Русскіе драгуны засѣли и укрѣпились въ маломъ городѣ, но 7 февраля миргородцы сдались, драгуновъ Выговскій ограбилъ и отослалъ въ Лохвицу, а самъ двинулся въ полтавскій полкъ.

На всѣ просьбы Безпалаго о помощи изъ Москвы, ему отвѣчали оттуда, что въ Малороссію идетъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ большимъ войскомъ. Трубецкой выступилъ изъ Москвы 15 января съ войскомъ, простиравшимся до 150 тысячъ чел., и 30 января находился уже въ Сѣвскѣ. Но назначеніе *Трубецкаго* заключалось не столько въ дѣйствіи силою оружія

сколько въ томъ, чтобы во что ни стало отвлечь Выговскаго отъ Польши къ Россіи и этимъ достигнуть счастливаго окончанія дѣлъ послѣдней съ первою. Трубецкому было поручено предложить Выговскому: развесть войска съ обѣихъ сторонъ безъ кровопролитія, удалить татаръ, принять гетманство, кіевское воеводство и иное, чего онъ потребуетъ, полковникамъ же и начальнымъ людямъ обѣщать льготы и преимущества. Однако дѣло не дошло до переговоровъ: Трубецкой 28 февраля выступилъ изъ Сѣвска, 10-го марта пришелъ въ Путивль, 28 марта выступилъ изъ Путивля къ мѣстечку Константинову на р. Сулѣ, присоединя къ себѣ Ромодановскаго и Куракина изъ Лохвицы и Безпалаго изъ Роменъ, 10 апрѣля двинулся изъ Константинова къ Конотопу, и наконецъ 19 апрѣля подступилъ къ этому городу, въ которомъ заперся Гуляницкій. Такимъ образомъ, цѣлыхъ три мѣсяца употребивъ на походъ изъ Москвы къ Конотопу, онъ слѣдующіе два мѣсяца безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до тѣхъ поръ, когда 27 іюня къ нему прибылъ Выговскій съ крымскимъ ханомъ. Выговскій, оставивъ половину своихъ казаковъ и всѣхъ татаръ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, самъ съ другою половиною казаковъ ночью подкрался подъ Конотопъ, на разсвѣтѣ напалъ на осаждавшихъ, перебилъ у нихъ много людей, отогналъ лошадей и началъ отступать за Сосновку. Русскіе воеводы, думая, что у него только и были эти казаки, отрядили для его преслѣдованія князей Пожарскаго и Львова съ конницей. 28 іюня Пожарскій нагналъ казаковъ, опрокинулъ ихъ и преслѣдовалъ далѣе, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотопа. Тщетно «языки» показывали, что впереди много войскъ, и остальная половина казаковъ, и самъ ханъ съ своими татарами: Пожарскій ничего не слушалъ и все шелъ впередъ. Но едва только онъ, вслѣдъ за Выговскимъ, перешелъ на другую сторону болотистой Сосновки, какъ вдругъ на него напали изъ засады всѣ казаки и татары и разгромили конницу его и Львова. Оба они были взяты въ плѣнъ, и Пожарскому ханъ велѣлъ отрубить голову, а Львовъ хотя остался въ живыхъ, но вскорѣ заболѣлъ и умеръ. Лучшая конница Трубецкаго погибла, въ плѣнъ было взято до 5 т. чел., которые всѣ были безъ милосердія перерѣзаны.

При вѣсти объ этомъ царь впалъ въ горесть, а Москва въ ужасъ: послѣ недавнихъ успѣховъ и побѣдъ въ Литвѣ, Трубецкой, на котораго возлагали столько надеждъ, погубилъ столько войскъ! Въ августѣ царь приказалъ усиленно укрѣплять Москву земляными окопами; окрестные жители, съ семействами и имуществомъ, бросились въ столицу; даже распространился слухъ, будто царь уѣзжаетъ за Ярославль, какъ бывало прежде при татарахъ.

Между тѣмъ ханъ и Выговскій, разбивъ Пожарскаго и Львова, двинулись къ Конотопу, чтобы напасть на самаго Трубецкаго. Но онъ уже отступилъ отъ города и, съ помощью огня многочисленной артиллеріи, успѣлъ безъ большаго урона отъ преслѣдовавшаго непріятеля прибыть 10 іюля въ Путивль. Ханъ и Выговскій не преслѣдовали его далѣе р. Семи и двинулись къ Ромнамъ. Жители его сдались, а русскій гарнизонъ его Выговскій поклялся отпустить, но отправилъ къ польскому королю. Отъ Роменъ онъ и ханъ двинулись къ Гадячу. Здѣсь казаки пошли на приступъ, а татары спокойно смотрѣли на это, расположась станомъ въ полѣ—и казаки, отраженные, отступили съ урономъ болѣе 1 т. чел. Вслѣдъ затѣмъ ханъ узналъ, что молодой Юрій Хмѣльницкій, сынъ Богдана, съ запорожцами ходилъ въ Крымъ, разорилъ 4 ногайскихъ улуса и увелъ много плѣнныхъ. Ханъ и Выговскій послали сказать ему. чтобъ онъ отпустилъ плѣнныхъ, а Хмѣльницкій потребовалъ, чтобы ханъ отпустилъ плѣнныхъ казаковъ, а если пойдетъ на царскіе города, то онъ, Хмѣльницкій, снова пойдетъ въ Крымъ. Тогда ханъ отдѣлился отъ Выговскаго и мимо Сумъ, Хотмыша, Карпова и Ливенъ, не тронувъ ихъ, но разоривъ ихъ уѣзды, ушелъ въ Крымъ, оставивъ въ Малороссіи не болѣе 15 т. татаръ.

Трубецкой писалъ Выговскому, чтобъ онъ прислалъ довѣренныхъ людей для переговоровъ о прекращеніи кровопролитія. Выговскій, упрекая Трубецкаго, что онъ пришелъ не для переговоровъ, а для войны, объявилъ, что переговорщиковъ въ Путивль не пришлетъ, а пусть Трубецкой присылаетъ своихъ въ Батуринъ Трубецкому, какъ сказано, было особенно поручено отдѣлить Выговскаго отъ хана и прервать союзъ между ними. О томъ же старались и русскіе послы въ Крыму или, по крайней мѣрѣ, чтобы ханъ не помогалъ ни Выговскому, ни королю; татары же требовали, чтобы царь примирился съ королемъ и отдалъ ему Малороссію, и объявляли, что будутъ «промышлять» и надъ Великою, и надъ Малою Россіей. Дерзки были такія требованія и угрозы крымской орды противъ русскаго царства, хотя и противъ нея въ то же время «промышляли» донскіе казаки, производя набѣги на южные берега Крыма, вторгаясь внутрь, забирая плѣнныхъ, освобождая русскихъ плѣнниковъ и на турецкіе берега Анатоліи, даже недалеко отъ Константинополя, а на сухомъ пути, въ степяхъ, перенимая дороги и сообщенія хана съ калмыками и Выговскимъ.

Но въ Москвѣ тревожились напрасно: по удаленіи хана въ Крымъ, у Выговскаго, кромѣ его казаковъ и тысячъ 15-ти татаръ, польскихъ войскъ было не болѣе 1,500 чел. Тщетно ожидавъ подкрѣпленій отъ короля, онъ воротился въ Чигиринъ, не успѣвъ взять на

пути Гадячь, а изъ Чигирина выслалъ своихъ казаковъ и татаръ, но они были на голову разбиты 22 августа русскими войсками, вышедшими изъ Кіева. Трубецкой же, съ своимъ многочисленнымъ войскомъ давно и легко могшій разгромить и Выговскаго, и хана, — послѣ непостижимо медленнаго похода своего изъ Москвы до Конотопа и отступленія оттуда въ Путивль, бездѣйствовалъ здѣсь. А между тѣмъ междуусобіе въ Малороссіи, съ участіемъ въ немъ и Россіи и Польши, страшно раздирало и разоряло эту несчастную страну, и жители ея желали, чтобы или царь или король взялъ ее наконецъ въ крѣпкія руки, лишь бы только спасти ее отъ своеволія и разоренія.

Къ счастію восточная, царская Малороссія взяла верхъ. Переяславскій полковникъ Цыцура и за нимъ нѣжинскій, черниговскій, кіевскій и лубенскій полковники присягнули царю, а на западной, польской сторонѣ казаки, узнавъ о томъ, стали помышлять, не послѣдовать-ли и имъ этому примѣру? Выговскій очутился въ жалкомъ положеніи и многіе изъ близкихъ къ нему людей совѣтовали ему уйти къ хану. Но Андрей Потоцкій, желая отвратить вмѣшательство турокъ въ дѣла Украйны, уговорилъ Выговскаго перейти изъ Чигирина въ его, Потоцкаго, станъ близъ Бѣлой Церкви. Вскорѣ всѣ казаки, отставъ отъ Выговскаго, собрались въ числѣ 10 т. чел. вокругъ Юрія Хмѣльницкаго и на приглашеніе Шереметева отвѣчали согласіемъ присягнуть царю, а убѣжденій Выговскаго—остаться подъ властію короля—и слышать не хотѣли. Кончилось тѣмъ, что Выговскій возвратилъ гетманскіе бунчугъ и булаву, которые тотчасъ же были вручены казаками Хмѣльницкому, избранному ими въ гетманы правой стороны Днѣпра. Между тѣмъ какъ это происходило тутъ въ продолженіи сентября, Трубецкой 5-го числа того же мѣсяца двинулся наконецъ съ своимъ войскомъ отъ Путивля къ Переяславлю, куда прибылъ 27-го, вездѣ на пути встрѣчаемый съ торжествомъ и восторгомъ. Изъ Переяславля въ октябрѣ начались между Трубецкимъ и Хмѣльницкимъ переговоры, кончившіеся соглашеніемъ между ними, избраніемъ Хмѣльницкаго 17 октября подъ Переяславлемъ въ гетманы Малороссіи на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и присягой всѣхъ казаковъ правой стороны на вѣрность царю. И такимъ образомъ безъ кровопролитія совершилось великое дѣло присоединенія всей Малороссіи на обѣихъ сторонахъ Днѣпра къ Россіи.

1659 годъ заключился и другими еще успѣхами Россіи въ ея войнѣ съ Польшей. Въ декабрѣ воеводы князь Лобановъ-Ростовскій и Змѣевъ взяли приступомъ Старый Быховъ, занятый при-

верженцами короля и Выговскаго, а Шереметевъ изъ Кіева напалъ на Андрея Потоцкаго, разбилъ его и взялъ его обозъ.

§ 36.

Война въ 1660 году.

Въ 1660 г. обстоятельства измѣнились и приняли выгодный для Польши, невыгодный для Россіи оборотъ. Польша, обремененная одновременною войною съ Швеціей, Россіей и казаками и тщетно старавшаяся примириться съ ними, внезапно, смертію Карла-Густава 28 февраля 1660 г., открывшею, при посредничествѣ Франціи, путь къ заключенію 3 мая мира при Оливѣ, вздохнула свободнѣе и, обративъ свои силы, подъ предводительствомъ Чарнецкаго, Сапѣги и Любомирскаго, противъ Россіи, одержала важные военные успѣхи въ Литвѣ и Малороссіи и пріобрѣла значительный перевѣсъ.

Чарнецкій, воротившійся съ своимъ отрядомъ изъ Помераніи, Сапѣга съ литовскимъ войскомъ, Полубенскій изъ Курляндіи и около 40 т. татаръ, всего около 70—80 т. должны были дѣйствовать въ Литвѣ наступательно противъ Хованскаго (около 14 т. войскъ) и Долгорукова съ Золотаренкомъ (около 30 т.), всего около 44 т. чел., слѣдовательно вдвое сильнѣйшія войска противъ вдвое слабѣйшихъ.

Но годъ начался еще побѣдами Хованскаго, который въ январѣ разбилъ порознь одного за другимъ, Полубенскаго, Обуховича и Огинскаго и затѣмъ взялъ и выжегъ Брестъ. А между тѣмъ въ Борисовъ пріѣхали, для мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными, князь Одоевскій съ товарищами и отъ малороссійскаго войска нѣжинскій полковникъ Золотаренко и Коробка съ 53 выборными казаками. Но они не дождались въ Борисовѣ польскихъ уполномоченныхъ, не пріѣхавшихъ потому, что въ мартѣ коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обозный Андрей Потоцкій и Выговскій съ казаками и татарами открыли военныя дѣйствія на югѣ въ Украйнѣ. Желаніе мира съ Россіей, но и опасеніе войны изъ-за него съ Турціей и Крымомъ, были причинами медленности польскихъ коммисаровъ. А между тѣмъ какъ они переписывались съ Одоевскимъ, 29 апрѣля ночью около 1 т. поляковъ явились подъ Вильной, овладѣли большимъ городомъ и стали приступать къ замку, однако были выбиты изъ большаго города вылазкой русскихъ солдатъ изъ замка. Хованскій предварялъ Одоевскаго, а

нѣжинскій сотникъ Ракушка—Золотаренка, чтобы они остерегались поляковъ борисовской коммиссіи, такъ какъ поляки призвали въ Литву татаръ, а изъ Жмуди шелъ Чарнецкій съ войсками. Это было около половины іюня, а 20 іюня Одоевскій получилъ извѣстіе, что Хованскій разбитъ. Послѣдній осаждалъ укрѣпленное мѣстечко Ляховичи, но, узнавъ о движеніи противъ него непріятеля, 17 іюня двинулся къ мѣстечку Мыши, а 18 іюня, въ 10 верстахъ отъ него, у мѣстечка Полонки встрѣтилъ соединенныя войска Чарнецкаго, Павла Сапѣги, Полубенскаго и Кмитича, и въ бою съ ними русская пѣхота понесла совершенное пораженіе. Воевода князь Щербатый былъ взятъ въ плѣнъ, двое сыновей Хованскаго и Змѣевъ ранены, Хованскій съ остальными войсками бѣжалъ къ Полоцку на соединеніе съ Долгоруковымъ, а пушки и обозъ его подъ Ляховичами достались непріятелю. Узнавъ объ этомъ, Одоевскій съ товарищами поспѣшно уѣхали изъ Борисова въ Смоленскъ.

Разбивъ Хованскаго, непріятели обратились противъ Долгорукова, который на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Могилева, за болотистою рѣчкою Багвой или Багьей, въ 30 верстахъ отъ Кричева, между Чаусами и Чериковымъ, выжидалъ въ окопахъ присоединенія къ себѣ Золотаренка съ казаками. Не успѣвъ взять на пути Борисовъ, Чарнецкій, Сапѣга, Полубенскій и Кмитичь переправились черезъ Днѣпръ ниже Могилева и стали на рѣчкѣ Багвѣ противъ Долгорукова. Сапѣга совѣтовалъ воротиться, но Чарнецкій не согласился и 17 октября перешелъ черезъ Багву и опрокинулъ русскую конницу, вогналъ русскую пѣхоту въ окопы и хотя считалъ себя побѣдителемъ, но понесъ такой большой уронъ, что въ тотъ же вечеръ отступилъ за Багву, слѣдовательно побѣда осталась за Долгоруковымъ. Продержавъ его нѣсколько недѣль въ обложеніи, Сапѣга и Чарнецкій, за недостаткомъ, будто бы, въ продовольствіи, переправились обратно за Днѣпръ — Сапѣга подъ Шкловомъ, а Чарнецкій подъ Могилевомъ. Такимъ образомъ, разбивъ наткнувшагося на нихъ подъ Полонкой, слабѣйшаго Хованскаго, они не только не успѣли ни разбить, ни принудить къ сдачѣ Долгорукова, но и безъ успѣха и съ большимъ урономъ ушли назадъ за Днѣпръ.

Между тѣмъ Хованскій, оправясь отъ пораженія подъ Полонкой, расположился съ 12 т. войскъ при Череѣ, выше Борисова, разбилъ Кмитича подъ Головчиномъ, но въ свою очередь былъ разбитъ Чарнецкимъ, который, переправясь черезъ Березину, опрокинулъ его и заставилъ бѣжать къ Полоцку, съ потерей всего обоза.

Затѣмъ Чарнецкій расположился тутъ же на зиму, а Долгоруковъ отступилъ къ Могилеву.

И такъ въ Литвѣ поляки и литовцы, имѣя превосходство силъ на своей сторонѣ, могли и должны были бы совершенно уничтожить слабѣйшіе противъ нихъ отряды Хованскаго и Долгорукова, или по крайней мѣрѣ прогнать ихъ далеко за Двину и Днѣпръ, но въ 5 мѣсяцовъ времени только и успѣли разбить одного Хованскаго, Долгоруковымъ же были отражены съ урономъ. Хованскій же и Долгоруковъ, съ своей стороны, еслибы дѣйствовали совокупными силами, смѣло, рѣшительно и искусно, могли бы разбить противниковъ по частямъ или даже и въ совокупности, но ничего такого не сдѣлали. И такимъ образомъ обѣ стороны никакихъ важныхъ и полезныхъ результатовъ не пріобрѣли, но все таки успѣхъ вообще былъ на сторонѣ поляковъ и литовцовъ.

Въ Украйнѣ же успѣхъ билъ рѣшительно на сторонѣ поляковъ, благодаря измѣнѣ слабоумнаго, но честолюбиваго Юрія Хмѣльницкаго. До августа никакихъ военныхъ дѣйствій не было, въ августѣ же, почти въ одно и тоже время, съ обѣихъ сторонъ произошло сосредоточеніе значительныхъ силъ: поляковъ и татаръ —подъ Тарнополемъ (къ в. отъ Львова) и потомъ подъ Константиновымъ въ Волыни, а рускихъ и казаковъ въ Кіевѣ и потомъ въ Хвастовѣ, и движеніе ихъ, однихъ противъ другихъ. Подъ Тарнополемъ Потоцкій собралъ до 30 т. чел. польскаго короннаго войска, а также войска, приведенныя Любомирскимъ изъ Пруссіи, Яномъ Собѣскимъ, Яблоновскимъ, Вишневецкимъ, многими украинскими панами и Выговскимъ, а подъ Константиновымъ къ нимъ присоединился 24 августа (7 сентября) Нураддинъ-Салтанъ съ 40 т. татаръ, и они двинулись къ Любару. Въ Кіевъ же прибылъ изъ-за Днѣпра Василій Борисовичь Шереметевъ съ 30 чел. войскъ, большею частью новобранцовъ и плохой конницы, собранныхъ послѣ конотопскаго погрома. Сверхъ того при Шереметевѣ были полковники Цыцура и Апостолъ съ лѣвобережными казаками. Изъ Кіева Шереметевъ двинулся къ Хвастову, недалеко отъ котораго стоялъ Юрій Хмѣльницкій (уже склонявшійся на сторону поляковъ) съ правобережными казаками, и положилъ идти въ Червонную Русь (Галицію) 2-мя дорогами, самому—на Котельву (нынѣ Котельня къ ю. в. отъ Житомира), а Хмѣльницкому—на Бердичевъ и Слободище. Шереметевъ выступилъ въ походъ въ концѣ августа ст. ст. На пути къ нему присоединились казаки изъ Умани и другихъ правобережныхъ полковъ. Прибывъ въ Чудновъ (между Житомиромъ и Любаромъ) и полагая, что Хмѣльницкій идетъ недалеко *за нимъ, онъ* двинулся впередъ къ Любару—и тутъ 4 (14) сентября

совершенно неожиданно наткнулся на все соединенное польско-татарское войско, значительно превосходившее его въ силахъ. Онъ немедленно окопался и, окруженный непріятелемъ, 12 дней храбро отбивался отъ него, а на 13-й день, 17 (27) сентября до разсвѣта, отправивъ назадъ весь свой обозъ съ слабѣйшею частью силъ, съ главными силами и лучшими полками своими послѣдовалъ за обозомъ, храбро отбиваясь отъ сильно преслѣдовавшихъ его поляковъ и татаръ, но понесъ большой уронъ въ людяхъ и лишился 9 пушекъ и 400 повозокъ. Едва утромъ 18 (28) сентября пришелъ онъ въ Чудновъ, какъ вслѣдъ за нимъ явились поляки и заняли замокъ и гору, господствовавшіе надъ городомъ. Шереметевъ, захвативъ сколько могъ продовольствія и зажегши городъ, расположился возлѣ него въ укрѣпленномъ станѣ. Поляки обложили его въ немъ и открыли по немъ огонь. Такъ прошло 8 дней, когда поляки узнали о приближеніи (только тогда!) Юрія Хмѣльницкаго. Потоцкій тотчасъ послалъ на встрѣчу ему Любомирскаго съ татарами, а самъ съ поляками остался противъ Шереметева. Хмѣльницкій съ намѣреніемъ шелъ медленно и простоялъ 3 дня въ Слободищѣ, верстахъ въ 25 отъ Чуднова. Когда явился Любомирскій съ татарами, Хмѣльницкій выслалъ къ нему Дорошенка съ отрядомъ казаковъ объявить, что готовъ присоединиться къ полякамъ. Но Любомирскій не повѣрилъ, и 28 сентября (8 октября) завязался бой; однако недоразумѣніе вскорѣ разъяснилось и Любомирскій, поручивъ Нуреддину вести переговоры съ Хмѣльницкимъ, воротился къ Потоцкому и помогъ ему снова вогнать Шереметева въ его станъ, изъ котораго онъ пытался выйдти для соединенія съ Хмѣльницкимъ. Послѣдній вскорѣ прибылъ къ Потоцкому и присягнулъ королю на гадячскихъ условіяхъ, а дня черезъ 3 переманилъ къ полякамъ и Цыцуру съ 2 т. казаковъ. Измѣна Хмѣльницкаго и Цыцуры нанесла Шереметеву окончательный и рѣшительный ударъ: у него не стало ни продовольствія, ни пороха, ни свинца; наступилъ холодъ, люди питались дохлыми лошадьми и умирали отъ холода и голода. Не смотря на то, Шереметевъ продержался еще 12 дней, но наконецъ, желая спасти не себя, а войска свои, 23 октября (2 ноября) сдался на капитуляцію. Главнымъ условіемъ ея было то, чтобы Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ, съ пушками и военными запасами въ нихъ, были сданы полякамъ, чтобы русскія войска были размѣщены въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, а Шереметевъ и начальники войскъ остались бы у поляковъ и татаръ, пока русскія войска не очистятъ означенныхъ *выше городовъ*. Но какъ никто изъ русскихъ не могъ и не хотѣлъ *этого исполнить*, то Шереметева со всѣми его войсками поляки

оставили въ плѣну у себя, съ тѣмъ чтобы взять за нихъ огромный выкупъ—не менѣе 200 т. червонцовъ, чего именно и хотѣли польскіе гетманы. Но такъ какъ Шереметевъ не могъ заплатить потребованнаго выкупа, а крымскій ханъ, стоявшій недалеко отъ Чуднова, требовалъ недоплаченныхъ ему денегъ, то поляки и отдали ему Шереметева съ товарищами, а войска его предоставили ему либо перебить, либо увесть въ Крымъ! Вслѣдствіе того ханъ увелъ всѣхъ ихъ въ Крымъ, гдѣ несчастный Шереметевъ провелъ 22 года въ тяжкой неволѣ, приписывая свое несчастіе, какъ измѣнѣ Хмѣльницкаго, такъ и ослушанію князя Барятинскаго въ Кіевѣ, призваннаго на помощь и вышедшаго-было изъ Кіева, но, отойдя верстъ 70, воротившагося назадъ!

Таковъ былъ, послѣ конотопскаго погрома въ 1659 г., и этотъ чудновскій, соединенный съ такими прискорбными для Шереметева и его войскъ послѣдствіями, не приносившими чести ни Хмѣльницкому, ни полякамъ, ни Барятинскому, и виновникомъ которыхъ былъ самъ неосторожный, хотя и храбрый Шереметевъ.

Послѣ капитуляціи, гетманы повели свои войска домой, потому что, не получая жалованья, они не хотѣли болѣе служить. Въ этомъ обратномъ походѣ множество людей и лошадей погибло отъ сильной стужи. Ханъ съ татарами, плѣнными и добычей ушелъ въ Крымъ, а Хмѣльницкій съ казаками воротился въ Чигиринъ—и походъ этого года былъ конченъ.

Между тѣмъ въ Переяславлѣ вѣрные царю полки нѣжинскій, черниговскій и переяславскій избрали въ наказные атаманы дядю Хмѣльницкаго—Сомко, негодовавшаго на племянника своего за его безчестную измѣну. Кошевымъ у запорожцовъ былъ Брюховецкій, а Сѣрко съ особымъ отрядомъ громилъ татаръ и отбилъ у нихъ многихъ русскихъ плѣнниковъ. Такимъ образомъ несчастная Украйна раздвоилась, съ тѣмъ чтобы надолго не соединяться.

§ 37

Война въ 1661 году.

Въ 1661 г. война продолжалась и въ Бѣлоруссіи, и въ Литвѣ, и въ Украйнѣ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, хотя воюющія стороны едва были въ состояніи продолжать ее и если продолжали, то потому только, что никакъ не хотѣли уступить одна другой спорныхъ Бѣлоруссіи, Литвы и особенно Украйны, а потому и миръ не былъ *возможенъ*. Россія, послѣ военныхъ неудачъ 1658—60 гг., особенно

конотопскаго и чудновскаго погромовъ, была ослаблена въ силахъ и средствахъ для веденія войны: войско было въ разстройствѣ, денегъ въ казнѣ было мало, о наступательныхъ дѣйствіяхъ и помышлять было невозможно, а какъ и миръ также былъ невозможенъ, то и приходилось ограничиваться обороной занятыхъ странъ на западѣ и юго-западѣ. Польша находилась въ самомъ разгарѣ анархіи, бунтовъ, раздоровъ и смутъ, войско было въ разстройствѣ, безпорядкѣ, ничтожномъ числѣ, безпрестанно бунтовало, а денегъ въ казнѣ не было. Тѣмъ не менѣе Рѣчь Посполитая ни за что не хотѣла уступить ни Бѣлоруссіи, ни Литвы, ни особенно Украйны, которую желала во что ни стало удержать за собою. А Украйна на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, раздвоенная между Россіей и Польшей, служа поприщемъ междуусобій честолюбцовъ, изъ-за своихъ личныхъ видовъ измѣнявшихъ то Россіи, то Польшѣ и безъ жалости раздиравшихъ собственную родную страну—Украйна только служила яблокомъ раздора между Россіей и Польшей и питала войну между ними, тѣмъ болѣе жестокую, что въ ней постоянно принимала участіе всегдашняя, недостойная союзница Польши—дикая и хищная крымская орда. А въ общемъ цѣломъ война, на всемъ пространствѣ отъ Нѣмана и Двины до Днѣпра, не имѣла даже малѣйшаго достоинства осмысленности, основательности, искуства: напротивъ, то была война полу-варварская, состоявшая изъ набѣговъ, случайныхъ встрѣчъ, удачъ и побѣдъ, неудачъ и пораженій, только губившихъ силы противниковъ и соединенныхъ съ кровопролитіемъ, грабежомъ и безпощаднымъ разореніемъ края и его жителей огнемъ и мечомъ. То было какъ бы повтореніемъ ужасовъ 8-милѣтней войны смутнаго времени въ Россіи или 30-ти-лѣтней войны въ Германіи.

По всѣмъ этимъ причинамъ, излишне было бы входить въ подробное изложеніе событій этой войны, а вполнѣ достаточно изобразить лишь въ главныхъ чертахъ дальнѣйшій ходъ ея, отмѣчая только тѣ военныя событія, которыя давали тотъ или иной оборотъ дѣламъ въ пользу или ущербъ одной изъ воюющихъ сторонъ.

Такъ въ началѣ 1661 г. король польскій, желая отвлечь конфедератовъ отъ бунта, вознамѣрился занять ихъ походомъ въ Литву противъ русскихъ. Но конфедераты не пошли съ нимъ и онъ, собравъ около 3 т. войскъ, большею частію новобранцовъ, съ Сапѣгой и Чарнецкимъ двинулся къ Гродно. Русскія войска очистили этотъ городъ, равно Минскъ и Могилевъ. Но король не могъ взять Вильны, занятой и упорно обороняемой княземъ Мышецкимъ съ русскимъ гарнизономъ, и воротился въ Польшу, гдѣ происходили *большія* смуты.

Русское правительство воспользовалось этимъ для принятія оборонительныхъ мѣръ: усилило вездѣ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ гарнизоны, образовало въ Псковѣ новое войско нѣмецкаго строя, а для обезпеченія себя со стороны Швеціи, 11 іюня ст. ст. заключило съ нею въ Кардисѣ (между Дерптомъ и Ревелемъ) миръ на основаніи Столбовскаго договора. Между тѣмъ весною и лѣтомъ русскія главныя силы были сосредоточены въ Смоленскѣ подъ начальствомъ князя Долгорукова, а князь Хованскій съ небольшимъ отрядомъ стоялъ въ Полоцкѣ. Между ними и литовцами происходили частыя, но неважныя стычки съ перемѣннымъ успѣхомъ. Но важныхъ дѣйствій здѣсь не происходило до сентября, когда польскій король снова двинулся изъ Польши къ Гродно и Вильнѣ, съ небольшимъ войскомъ, которое съ трудомъ усилилъ въ Литвѣ частью литовскихъ конфедератовъ, и снова, съ Сапѣгой и Чарнецкимъ, подступивъ къ Вильнѣ, осадилъ ее. Мышецкій еще до того сдѣлалъ вылазку, разбилъ литовцовъ, угналъ весь скотъ ихъ въ Вильну и послалъ 3 т. чел. пѣхоты и 200 драгуновъ къ Оршѣ и къ Дорогобужу, гдѣ находился небольшой отрядъ непріятеля подъ начальствомъ Пржиборовскаго. Послѣдній, разбитый подъ Дорогобужемъ, заперся въ немъ и былъ осажденъ Долгоруковымъ. Но Долгоруковъ, понеся большой уронъ, снялъ осаду и отступилъ къ Полоцку. Хованскій, усилясь здѣсь, предпринялъ наступленіе за Двину и Дисну по направленію къ Вильнѣ, въ то самое время, когда Чарнецкій отъ осажденной Вильны двинулся къ Полоцку. Оба войска (по свидѣтельству польскаго историка Краевскаго, у Хованскаго было будто бы 18 т. чел. пѣхоты и 17 пушекъ, а у Чарнецкаго только половина того) 27 октября ст. ст. встрѣтились у Глубокаго (къ ю. з. отъ города Дисны) и вступили въ бой. Конница Чарнецкаго смяла русскую пѣхоту и рѣшила побѣду: Хованскій былъ разбитъ, потерялъ 9 пушекъ и множество плѣнныхъ и съ остатками ушелъ въ Полоцкъ. Словомъ—это было въ меньшемъ видѣ повтореніе встрѣчи Шереметева съ Потоцкимъ и пораженія перваго въ 1660 г. подъ Чудновымъ. Въ три года сряду три пораженія русскихъ войскъ!—счастіе рѣшительно неблагопріятствовало имъ. Благо еще, что Чарнецкій не преслѣдовалъ Хованскаго, потому что конфедераты его не согласились на то и ушли въ Малую Польшу, а Чарнецкій воротился подъ Вильну. Здѣсь Мышецкій продолжалъ упорно обороняться, сначала въ городѣ, потомъ въ замкѣ, отбилъ 5 приступовъ и на требованіе короля сдаться—отвѣчалъ отказомъ и угрозой, что взорветъ себя съ замкомъ, для чего и приготовилъ уже 10 бочекъ пороху. Но бывшіе у него иностранные офицеры, въ отвращеніе такого отчаяннаго поступка, связали Мышецкаго и сдали замокъ съ гар-

низономъ королю. Плѣнный Мышецкій держалъ себя передъ нимъ такъ гордо, что былъ казненъ. И такимъ образомъ столица Литвы снова очутилась во власти польскаго короля — еще но ая неудача для русскихъ! Затѣмъ королевское войско расположилось на зимнихъ квартирахъ въ Могилевѣ и по Днѣпру, съ тѣмъ чтобы по установленіи рѣкъ предпринять изъ Бѣлоруссіи и Украйны наступленіе въ русскіе предѣлы.

Между тѣмъ въ Украйнѣ, за исключеніемъ Кіева и нѣкоторыхъ полковыхъ городовъ, русскихъ войскъ нигдѣ не было и Самко одинъ боролся съ Хмѣльницкимъ, очистилъ почти всю Украйну отъ польскихъ войскъ и съ успѣхомъ отражалъ татаръ. Казаки на радѣ подъ Нѣжиномъ избрали его въ гетманы и только нѣжинцы голосовали за Золотаренку, но всѣ согласились предоставить выборъ царю. Однако царь не спѣшилъ выборомъ, надѣясь безъ кровопролитія подчинить себѣ правобережную Украйну. Хмѣльницкій, покинутый поляками и татарами, предложилъ покориться ему. Но пока съ Хмѣльницкимъ велись переговоры о томъ, въ октябрѣ явился ханъ съ татарами и Хмѣльницкій по неволѣ былъ принужденъ идти съ нимъ и осадить Переяславль; однако русскій воевода Чаадаевъ принудилъ ихъ снять осаду, чѣмъ и кончились въ 1661 г. военныя дѣйствія въ Украйнѣ.

§ 38.

Война въ 1662 году.

Военныя неудачи предшедствовавшихъ лѣтъ войны такъ разстроили финансы и войско Россіи, что правительство ея пыталось задержать военныя дѣйствія переговорами о перемиріи и размѣнѣ плѣнныхъ, и съ этою цѣлью отправило пословъ въ Варшаву и Смоленскъ Въ отвѣтъ на это, польское правительство, напротивъ, возгордясь своими успѣхами въ войнѣ, явило крайнюю недобросовѣстность и даже нечестность: оно отказывало въ перемиріи, подъ предлогомъ необходимости согласиться о томъ съ крымскимъ ханомъ, до котораго было далеко, и до самой осени не высылало своихъ коммисаровъ для переговоровъ. А по размѣну плѣнныхъ, оно требовало на выкупъ ихъ, подобно татарамъ, непомѣрныхъ денежныхъ суммѣ; когда же наконецъ въ сентябрѣ произвело размѣнъ плѣнныхъ, то не всѣхъ и во время размѣна не прекращало частныхъ военныхъ дѣйствій: польскіе жолнеры грабили и разоряли окрестности Витебска, Полоцка и Великихъ Лукъ, а польскій пол-

ковникъ Чарновскій взялъ приступомъ Усвятъ и перевѣшалъ многихъ жителей его за то, что они сразу не сдали ему городъ. Изъ Борисова же стольникъ Хлоповъ, истощивъ все продовольствіе, самъ вывелъ русскій гарнизонъ съ казною и пушками.

Въ Украйнѣ же велась дѣятельная война между Самко и Хмѣльницкимъ. Въ январѣ первый изъ нихъ, подкрѣпленный Ромодановскимъ, разбилъ Хмѣльницкаго и татаръ близъ Переяславля, очистилъ отъ нихъ всю лѣвобережную Украйну и въ апрѣлѣ былъ избранъ въ ней въ гетманы. Хмѣльницкій съ своими полками и съ наемною польско-нѣмецкою дружиной двинулся противъ него къ Переяславлю. На просьбу Самко о помощи, Ромодановскій прибылъ къ нему изъ Бѣлгорода, вмѣстѣ съ нимъ пошелъ противъ Хмѣльницкаго и 6 іюля ст. ст. они разбили его на голову на лѣвомъ берегу Днѣпра подъ Каневомъ, такъ что онъ понесъ большой уронъ въ людяхъ и самъ едва ушелъ съ нѣсколькими старшинами въ Чигиринъ. Ромодановскій послалъ воеводу Приклонскаго съ Самко за Днѣпръ взять Чигиринъ, а самъ съ Василіемъ Золотаренкомъ пошелъ къ Лубнамъ—для отдыха! А между тѣмъ къ Хмѣльницкому пришли татары и вмѣстѣ съ нимъ 3 августа ст. разбили Приклонскаго подъ Бужиномъ и отбросили его съ большимъ урономъ за Днѣпръ, Ромодановскій же тотчасъ отступилъ къ Бѣлгороду, а Золотаренко заперся въ Нѣжинѣ! Татары рады были случаю пограбить и разсѣялись по лубенскому полку, вторглись даже за Десну, разграбили Черниговъ и съ огромной добычей спокойно ушли въ Крымъ. Хмѣльницкій, оставшись одинъ, просилъ короля прислать ему помощь, потомъ — сложить съ него гетманство и наконецъ самъ сложилъ его, уѣхалъ въ Кіевъ и постригся въ монахи, а на его мѣсто казаки временно избрали полковника Тетерю.

Во всѣхъ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1662 году, съ прискорбіемъ усматривается безсиліе Россіи, неспособность и ошибки воеводъ ея, недобросовѣстность польскаго правительства и безсмысленность войны и всѣхъ военныхъ дѣйствій ея.

§ 39.

Война въ 1663 году.

Въ первой половинѣ этого года продолжались переговоры Россіи съ Польшей о перемиріи и мирѣ, но, какъ обыкновенно, къ соглашенію не привели. А между тѣмъ и въ Литвѣ, и въ Украйнѣ по

прежнему продолжались частныя военныя дѣйствія, не важныя и безъ важныхъ послѣдствій. Въ Польшѣ король, по прекращеніи внутреннихъ раздоровъ и смутъ, замыслилъ рѣшительный походъ въ Украйну, для отвоеванія ея на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, и даже далѣе въ предѣлы Россіи, для чего началъ собирать подъ Скваршовымъ близъ Глинянъ, къ в. отъ Львова, многочисленное войско. Пока оно собиралось, въ Украйнѣ, на радѣ въ Нѣжинѣ, въ іюнѣ былъ избранъ въ гетманы лѣвой стороны Днѣпра Брюховецкій, первыми дѣйствіями котораго было: предать суду и казнить ненавистныхъ ему Самко и Золотаренко, прогнать татаръ за Днѣпръ, усмирить нѣкоторыхъ бунтовавшихъ казаковъ, изгнать изъ Кременчуга засѣвшаго въ немъ наказнаго атамана правой стороны Петра Дорошенка, переправиться за Днѣпръ и обложить Тетерю въ Чигиринѣ, все это въ теченіи времени отъ половины іюня до половины октября, когда, узнавъ о прибытіи короля съ большимъ войскомъ въ Бѣлую Церковь, онъ поспѣшно ушелъ за Днѣпръ и просилъ помощи изъ Москвы. Здѣсь уже съ сентября сдѣланы были распоряженія для обороны лѣвобережной Украйны и южныхъ предѣловъ Россіи, а именно: Брюховецкому, въ случаѣ невозможности устоять противъ короля, укрѣпить всѣ города и, соединясь въ Бѣлгородѣ съ Ромодановскимъ, отступать на главныя русскія силы подъ начальствомъ боярина князя Куракина въ Путивлѣ и боярина князя Черкаскаго въ Брянскѣ; для удержанія же татаръ, въ Запорожье былъ посланъ, въ подкрѣпленіе атамана Сѣрко, отрядъ изъ 500 драгуновъ, солдатъ и донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ стряпчаго Касогова.

Подъ Скваршовымъ къ началу августа собралось многочисленное войско, составленное по крайней мѣрѣ изъ 30 т. одного кварціяннаго и нѣмецкаго войска и около 10 т. чел. надворныхъ хоругвей магнатовъ, шляхты и Выговскаго, а съ присоединеніемъ къ нимъ около 20 т. чел. литовскаго войска, тысячъ 20-ти казаковъ Тетери и тысячъ 40-ка татаръ, стоявшихъ въ приднѣпровскихъ степяхъ, общее число всѣхъ войскъ должно было простираться до 120 т. чел. (по Берху у короля подъ Бѣлою Церковью было до 90 т. войскъ). Предводительствовалъ ими самъ король, окруженный пышнымъ дворомъ, министрами и сенаторами и явно собиравшійся въ походъ съ обширными завоевательными цѣлями, не только противъ Украйны, но едва-ли и не противъ самой Москвы! Въ войскѣ еще много было воиновъ, бывшихъ въ походахъ противъ шведовъ, а между военачальниками — такіе опытные, способные и искусные люди, какъ *Чарнецкій, Янъ Собѣскій* и нѣк. др. Сверхъ того, король разсчитывалъ на ненависть лѣвобережныхъ казаковъ къ Брюховецкому—

избраннику только преданной ему партіи, и хотѣлъ привлечь ихъ къ себѣ мѣрами человѣколюбивыми, запретивъ войскамъ насиліе противъ жителей (тщетная надежда, такъ какъ въ польскихъ войскахъ никогда не было и не могло быть военной дисциплины, союзниками ихъ были дикіе и хищные татары, а всѣ казаки вообще слишкомъ ненавидѣли поляковъ).

Войско выступило изъ-подъ Скваршова 1 (11) августа по 3-мъ направленіямъ: Чарнецкій на Дубно, Собѣскій на Баръ, а самъ король съ гетманомъ Потоцкимъ и пѣхотой на Шаргородъ и къ Бѣлой Церкви. Въ Шаргородѣ былъ военный совѣтъ, на которомъ татарскій коммисаръ Дедалъ-ага далъ настоящій татарскій совѣтъ — идти прямо на Москву! но совѣтъ положилъ: коронному войску идти на Бѣлую Церковь, литовскому же подъ начальствомъ польскаго гетмана Паца и войсковаго писаря Полубинскаго на Шкловъ, Быховъ и Рославль къ русскимъ границамъ.

По причинѣ дождей и разлитія рѣкъ король прибылъ къ Бѣлой Церкви не ранѣе 8 (18) октября (черезъ 2 мѣсяца слишкомъ по выступленіи изъ-подъ Скваршова). Здѣсь къ нему присоединились: Чарнецкій и Собѣскій (вѣроятно вслѣдствіе перемѣны прежнихъ распоряженій), 40 т. татаръ и Тетеря съ 20 тыс. казаковъ. Снова былъ военный совѣтъ, на которомъ положили: главныя силы двинуть за Днѣпръ, на правой же сторонѣ его оставить полковника Маховскаго съ гарнизономъ въ укрѣпленномъ мѣстечкѣ Ставище (къ ю. отъ Таращи) — главномъ складочномъ пунктѣ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, и Тетерю съ его казаками, для охраненія края.

Король выступилъ изъ-подъ Бѣлой Церкви въ концѣ октября и подступилъ къ Ржищеву, гдѣ построили мостъ на судахъ черезъ Днѣпръ. Переправу защищалъ Чугай съ 500 запорожцовъ, далеко позади котораго въ Гадячѣ стоялъ Брюховецкій, имѣя далеко въ тылу за собою Ромодановскаго въ Бѣлгородѣ. Чугай былъ отброшенъ и 3 (13) ноября все польское войско перешло на правый берегъ Днѣпра, а татары переправились вплавь выше Ржищева. Отъ переправы король двинулся черезъ Борисполь къ Остру (городъ Остеръ къ с. отъ Кіева и къ з. отъ Козельца), занялъ его съ боя— и остался здѣсь зимовать! Чарнецкій, занявъ своими передовыми войсками Ромны, расположился на зиму въ Бобровницѣ. Собѣскій присоединивъ къ себѣ Тетерю съ правой стороны Днѣпра, пошелъ къ Гадячу, но не засталъ уже тамъ Брюховецкаго, подвинувшагося къ Батурину для дѣйствій противъ короля, и въ декабрѣ, въ сильную стужу, воротился и расположился въ Люстицахъ. Человѣколюбивыя *намѣренія короля* не исполнились: мѣстечко Монастырище за сопро-

тивленіе было разорено до основанія, а жители его вырѣзаны. Казацкіе же городки, укрѣпленные земляными валами, выдерживавшими огонь артиллеріи, на каждомъ шагу останавливали поляковъ, либо впуская ихъ въ одни ворота, ночью въ другія впускали русскихъ, такъ что занятіе каждаго городка стоило полякамъ большаго урона и потери обозовъ. Тетеря, разлучась съ Собѣскимъ, обошелъ укрѣпленный Нѣжинъ и въ Острѣ присоединился къ королю. Потоцкій съ коронным войскомъ зимовалъ въ Козельскѣ: войско это, по обыкновенію, волновалось и роптало на дурное продовольствованіе. Татары, не смотря на всѣ просьбы короля, ушли въ Крымъ.

Въ Острѣ снова былъ военный совѣтъ и положено, не занимаясь покореніемъ казацкихъ городковъ, идти прямо на Глуховъ къ русской границѣ; начальникамъ же отрядовъ приказано идти къ Новгороду Сѣверскому на соединеніе съ королемъ.

Король, послѣ рождественскихъ праздниковъ по нов. ст. (передъ Р. Х. по стар. ст.), выступилъ изъ Остра въ походъ, обошелъ (по другимъ взялъ) Нѣжинъ и двинулся къ русской границѣ. Брюховецкій съ своими казаками отступалъ передъ нимъ, и подъ Старомлыновымъ на р. Деснѣ, полагая, что за нимъ шелъ одинъ король, вступилъ въ бой, но какъ къ королю уже подошли Чарнецкій и Собѣскій, то потерпѣлъ пораженіе и отступилъ къ Батурину. Дальнѣйшій походъ короля происходилъ уже въ 1664 г.

На русско-литовскихъ границахъ въ 1663 г. никакихъ важныхъ военныхъ дѣйствій не было Но замѣчательны дѣйствія Касогова и Сѣрко въ Запорожьѣ. Соединясь съ запорожцами и калмыками, Касоговъ еще въ сентябрѣ произвелъ удачный набѣгъ на заднѣстровскихъ татаръ, а въ октябрѣ вмѣстѣ съ Сѣрко выжегъ Перекопъ и послѣ того долго и успѣшно дѣйствовалъ, какъ лихой партизанъ, противъ татаръ и поляковъ.

§ 40.

Война въ 1664 году.

При дальнѣйшемъ походѣ короля, въ началѣ января, отъ Остра мимо Нѣжина къ русской границѣ, долѣе всѣхъ задержала поляковъ крѣпостца Салтыкова-Дѣвица на р. Деснѣ, упорно защищаемая казацкимъ сотникомъ Трыкачомъ. Озлобленные его сопротивленіемъ, поляки взяли крѣпостцу приступомъ и вырѣзали весь *гарнизонъ и бо́льшую* часть жителей. Сосница, Борзна и Хороль *дались имъ*. Прибывъ 15 (25) января въ Кролевецъ, король про-

стоялъ въ немъ недѣлю, пока къ нему не присоединился Тетеря съ новою ордой татаръ. Между тѣмъ Пацъ и Полубинскій съ литовскимъ войскомъ отъ Мстиславля и Рославля приближались къ Сѣвску для соединенія съ королемъ. Съ русской же стороны Ромодановскій стоялъ въ Путивлѣ, а Черкаскій съ главными силами подходилъ отъ Калуги къ Карачеву и занялъ Брянскъ передовымъ отрядомъ (15 т.) Барятинскаго. При этомъ замѣчательно, что Черкаскій и Куракинъ, какъ бояре, не хотѣли помогать Ромодановскому, какъ окольничему, а послѣдствія этого были очень печальны. Незначительные русскіе гарнизоны находились въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ и Нѣжинѣ. Изъ сопоставленія относительнаго расположенія силъ съ обѣихъ сторонъ оказывается, что король шелъ съ фронта противъ Ромодановскаго, выдвинувшагося впередъ, а Пацъ и Полубинскій въ правый флангъ Черкаскаго и Куракина, въ тылу Ромодановскаго. Противъ послѣдняго король и двинулся въ концѣ января изъ Кролевца къ Путивлю, но, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ сшибокъ подъ нимъ, пошелъ къ Глухову, оставивъ въ Кролевцѣ всѣ свои и сенаторскіе обозы подъ прикрытіемъ полка своей гвардіи. Въ Глуховѣ находился казачій генеральный судья Животовскій съ 3-мя полками: черниговскимъ, стародубскимъ и нѣжинскимъ, ожидая помощи отъ Брюховецкаго. Король, подступивъ къ Глухову и видя выжженное предмѣстье его, тотчасъ окопался и открылъ осаду. Бывшіе при немъ французскіе инженеры издѣвались надъ этою казацкою крѣпостцою, но вскорѣ убѣдились, что пушками нельзя было ни разбить земляныхъ валовъ, политыхъ въ морозъ водою и образовавшихъ ледяныя стѣны, ни зажечь строеній, густо покрытыхъ навозомъ. Поэтому осаждавшіе стали вести подкопы, взорвали нѣсколько минъ, произвели нѣсколько приступовъ, на послѣднемъ изъ нихъ овладѣли валомъ, но, встрѣтивъ водяной ровъ, не могли перейти черезъ него подъ сильнымъ и меткимъ огнемъ казаковъ и отступили, потерявъ многихъ лучшихъ жолнеровъ и нѣсколько французскихъ волонтеровъ. Дѣло стало принимать дурной для поляковъ оборотъ: разнесся слухъ, что Брюховецкій двинулся на правую сторону Днѣпра и тамъ уже вспыхнуло возстаніе противъ короля, а запорожцы громятъ татарскіе улусы. Вслѣдствіе того татары тотчасъ ушли изъ-подъ Глухова въ Крымъ. За Днѣпромъ дѣйствительно возстали королевскіе казаки, но Брюховецкій кружилъ около Батурина, съ помощью Ромодановскаго отбирая въ тылу короля города, занятые поляками и татарами: Король, Борзну, Кролевецъ, въ которомъ казаки захватили весь королевскій обозъ и перебили всѣхъ гвардейцовъ. Наконецъ 30 января *(9 февраля)* Брюховецкій даже сталъ въ 4-хъ верстахъ отъ Глу-

хова и, по свидѣтельству Величко, послѣ нѣскольких дней передовыхъ сшибокъ, подъ вечеръ атаковалъ лагерь короля и произвелъ въ немъ такой страхъ, что польское войско бросилось бѣжать изъ него, и ночью, вмѣстѣ съ королемъ, ушло съ большимъ урономъ къ Новгороду Сѣверскому. Казаки не преслѣдовали ихъ, занявшись грабежомъ. Брюховецкій распустилъ часть ихъ по домамъ, а съ прочими остался въ Глуховѣ. Когда же подошелъ Ромодановскій, то они двинулись къ Новгороду Сѣверскому, но вскорѣ воротились, и Ромодановскій 11 марта занялъ Лохвицу, а Брюховецкій въ началѣ апрѣля — Гадячь. Нельзя не обратить вниманія на странный образъ дѣйствій Ромодановскаго: стоя въ Путивлѣ къ ю.-в. отъ Глухова, онъ могъ и долженъ былъ бы вмѣстѣ съ Брюховецкимъ отрѣзать королю сообщенія и напавъ на него съ тыла, разбить его войско подъ Глуховымъ и въ преслѣдованіи къ Новгороду Сѣверскому. Вмѣсто того, Брюховецкій не преслѣдовалъ короля, а Ромоданскій пошелъ-было къ Новгороду Сѣверскому, но съ пути воротился и занялъ Лохвицу, а Брюховецкій Гадячь — зачѣмъ? для отдыха?—Чтоже касается поляковъ, то историки вовсе не упоминаютъ о бѣгствѣ войска ихъ отъ Глухова къ Новгороду Сѣверскому, а увѣряютъ, будто король (имѣвшій, по плану своему, предметомъ дѣйствій именно Глуховъ) добровольно снялъ осаду этого города, чтобы соединиться съ литовскимъ войскомъ въ Сѣвскѣ, въ русскихъ предѣлахъ!

Это соединеніе дѣйствительно совершилось въ Сѣвскѣ 6 (16) февраля, послѣ боя Паца съ Барятинскимъ у Брянска. Тутъ, въ Сѣвскѣ произошелъ переломъ въ походѣ короля: къ нему явился царскій посланникъ Пущинъ съ новымъ предложеніемъ переговоровъ о мирѣ. Оно было принято тѣмъ охотнѣе, что завоевательные замыслы короля уже разсѣялись какъ дымъ: наступленіе его въ русскіе предѣлы уже было немыслимо, когда въ тылу правобережная Украйна была въ возстаніи и сообщенія отрѣзаны. Собранъ былъ военный совѣтъ и положено не вступать въ бой съ превосходными силами непріятеля (неправда, потому что у Черкаскаго было едва-ли болѣе 30 т. войскъ, а у короля во всякомъ случаѣ болѣе), не углубляться въ болотистый и безплодный край (а прежде это не имѣлось въ виду?) и ограничиться обороной р. Десны, дабы, въ случаѣ неудачи въ бою съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, имѣть свободный путь отступленія! Скоро же отъ замысловъ похода въ Россію къ Москвѣ поляки перешли къ помышленію о собственныхъ оборонѣ и спасеніи; но такой переходъ отъ заносчивости къ невольному смиренію всегда былъ совершенно въ ихъ духѣ. Втайнѣ положено было просто отступать немедля во свояси, но чтобы не встре-

вожить и не раздражить войска, гласно объявленъ былъ походъ внутрь непріятельской земли (не впередъ, а назадъ!) Для этого прибѣгли къ хитрости: Полубинскому съ литовскими полками и Бидзинскому съ частью коронной конницы велѣно было идти къ Карачеву и удерживать Черкаскаго (слабѣйшими силами превосходныя!); 2-мъ литовскимъ полкамъ занять крѣпостцу Погаръ въ тылу войска; самъ король съ Чарнецкимъ снова двинулся къ Новгороду Сѣверскому, откуда только что прибылъ! Это движеніе собственно было отступленіе, по словамъ Шуйскаго «хотя и въ порядкѣ, но поспѣшное», но по правдѣ—настоящее бѣгство, неся русскихъ на плечахъ и съ большимъ урономъ людей, пушекъ, обозовъ и пр. Не спаслись бы войско польское и самъ король, еслибы Черкаскій дѣйствовалъ, какъ слѣдовало, въ тѣснинахъ между Мглиномъ и Кричевомъ, не сдѣлавъ чего, заслуженно получилъ отъ царя строгій выговоръ. У Новгорода Сѣверскаго польско-литовское войско раздѣлилось: коронное съ Чарнецкимъ 14 (24) марта пошло къ Сосницѣ, а литовское съ королемъ къ Стародубу. Отсюда король съ Потоцкимъ и нѣсколькими полками черезъ Кричевъ и Могилевъ прибылъ 10 (20) апрѣля въ Минскъ, а 5 (15) мая въ Вильну — и знаменитый походъ въ Россію кончился! Замышленный въ обширныхъ размѣрахъ, съ важными цѣлями и съ большими силами, и продолжавшійся около 4 мѣсяцевъ, онъ имѣлъ жалкій конецъ и никакого результата, доказалъ только полную несостоятельность Польши въ войнѣ съ Россіей за Малороссію и ознаменовался, по обыкновенію, только разореніемъ тѣхъ самыхъ края и его жителей, которыя Янъ-Казиміръ хотѣлъ снова привесть въ свое подданство--кроткими и человѣколюбивыми мѣрами! Въ военномъ отношеніи, въ частности, любопытно слѣдить по числамъ и картѣ одновременныя передвиженія и расположеніе войскъ съ обѣихъ сторонъ. Окажется, что сначала поляки могли разбить по частямъ, отрѣзать, окружить, уничтожить русскія войска, а эти, послѣ бѣгства поляковъ отъ Глухова къ Новгороду Сѣверскому и позже, въ свою очередь могли сдѣлать тоже самое. Но ни тѣ, ни другіе ничего такого не сдѣлали, а бродили, какъ слѣпые, изъ стороны въ сторону и ничего путнаго не сдѣлали, что̀ для заносчивыхъ поляковъ, имѣвшихъ большія силы и хорошихъ военачальниковъ, было сугубо постыднѣе.

Какъ бы то ни было впрочемъ, Россія и Польша продолжали желать необходимаго имъ мира и прекращенія разорительной для нихъ войны. 1 (11) іюня завязались переговоры въ Дуровичахъ, недалеко отъ Краснаго, съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ окрестностяхъ. Но — тщетная надежда! — какъ всегда, соглашеніе было

невозможно, переговоры не привели ни къ чему, война продолжалась, хотя въ Литвѣ ограничилась неважными сшибками, при чемъ въ Могилевѣ стоялъ Пацъ, а въ Дубровнѣ Барятинскій. Польскій король уѣхалъ изъ Вильны въ Варшаву на сеймъ.

Но въ западной Украйнѣ кипѣла жестокая война. Въ январѣ этого года, когда король находился въ Острѣ, Касоговъ и Сѣрко разорили турецкія поселенія подъ Тягинью на Днѣстрѣ и затѣмъ пошли въ казацкіе города на р. Бугѣ. Съ появленіемъ ихъ, казаки немедленно начали вездѣ избивать поляковъ и жидовъ. Брацлавскій и кальницкій полки, Могилевъ на Днѣстрѣ, Рашковъ, весь уманьскій повѣтъ присягнули царю. Возстаніе вспыхнуло и въ приднѣпровскихъ городахъ, подъ предводительствомъ запорожскаго полковника Сулимы. Маховскій очистилъ Ставище, Лисянку и Трехтемировъ, покинувъ въ нихъ большіе военные и продовольственные запасы, отступилъ въ Бѣлую Церковь и тотчасъ былъ осажденъ въ ней Сѣркомъ. Король изъ-подъ Глухова послалъ Тетерю съ его казаками усмирять бунтъ на правой сторонѣ Днѣпра. Тетеря заставилъ Сѣрка снять осаду Бѣлой Церкви, а Сулима, вездѣ провозглашавшій гетманомъ Выговскаго, находившагося въ Хвастовѣ, былъ схваченъ и казненъ. Маховскій же предалъ Выговскаго военному суду и разстрѣлялъ его, будто бы за измѣну королю, дѣйствительно же изъ-за личной вражды. Сѣрко изъ-подъ Бѣлой Церкви отступилъ къ Крылову, гдѣ опять соединился съ Касоговымъ, который, съ своимъ русскимъ летучимъ отрядомъ (85 драгуновъ, 120 солдатъ и 270 донцовъ) и съ запорожцами не переставалъ громить то поляковъ въ Украйнѣ, то татаръ въ степяхъ.

Между тѣмъ въ мартѣ наконецъ подошелъ къ лѣвому берегу Днѣпра Чарнецкій, послѣ труднаго движенія черезъ лѣвую Украйну, нетревожимый, къ удивленію, ни Ромодановскимъ изъ Лохвицы, ни Брюховецкимъ изъ Гадяча! Облеченный отъ короля неограниченною властью, онъ собралъ военный совѣтъ изъ казацкихъ полковниковъ и старшинъ, которые положили употребить мѣры кротости. Но кротость была не въ характерѣ жестокаго Чарнецкаго: прежде всего онъ напалъ на Касогова и Сѣрка 7 (17) апрѣля подъ Бужиномъ, недалеко отъ Чигирина. Они отбились отъ него, но осажденные имъ и Тетерей, успѣли уйти на лѣвую сторону Днѣпра. Раздраженный этимъ, свирѣпый Чарнецкій—этотъ польскій Тилли—сжегъ Бужинъ и Субботово, помѣстье Богдана Хмѣльницкаго близъ Чигирина, и даже велѣлъ выбросить изъ церкви Субботова останки Богдана и разрушить надгробный камень на его могилѣ!

Между тѣмъ Брюховецкій, вмѣстѣ съ Ромодановскимъ, переправился на правую сторону Днѣпра и, не бывъ въ состояніи взять Чи-

гирина, сжегъ Черкасы и вступилъ въ Каневъ. Тетеря перенесъ свое пребываніе изъ Чигирина въ Брацлавъ и убѣждалъ короля, въ виду опасности отъ татаръ, въ необходимости примириться съ Россіей и успокоить казаковъ. Но союзъ Польши съ Крымомъ былъ уже неизбѣжнымъ и нерасторжимымъ, и самъ Чарнецкій призвалъ 20 т. буджакскихъ татаръ. Подкрѣпленный ими, онъ съ Собѣскимъ, Яблоновскимъ, Маховскимъ и Тетерей напалъ (22 мая—1 іюня) на Брюховецкаго въ Каневѣ, но былъ отбитъ, на 7-й день возобновилъ нападеніе, снова былъ отбитъ и отступилъ къ Бѣлой Церкви. Но шедшій отъ Чигирина къ Каневу на помощь Брюховецкому полковникъ Страсбухъ былъ разбитъ Собѣскимъ. Чарнецкій, приказавъ укрѣпить Бѣлую Церковь и Корсунь, двинулся черезъ Стебловъ подъ Ставище, пославъ Тетерю къ Умани, а племянника своего къ Лисянкѣ, чтобы взять ихъ, но они потерпѣли неудачу. Чарнецкій, взявъ Стебловъ и отдавъ его татарамъ на разграбленіе, съ ними, Собѣскимъ и Видзинскимъ осадилъ Ставище. Засѣвшіе въ немъ сподвижники Богдана Хмѣльницкаго, предводители сердюковъ и дейнековъ (гетманской гвардіи) Дамко и Булганъ или Буланъ оборонялись съ отчаяннымъ упорствомъ слишкомъ 3 мѣсяца (съ 1-11 іюня до 10-20 октября); обѣ стороны оказали чудеса храбрости и только сильный холодъ заставилъ осажденныхъ сдаться. Однако Чарнецкій, не смотря на то, что осада Ставищъ задержала его 3 мѣсяца и стоила ему урона до 6 тыс. чел. убитыхъ, на этотъ разъ удержался отъ мести и только приказалъ городу уплатить татарамъ польскую «донативу» или даръ, т. е. просто дань, да велѣлъ снять съ церквей колокола, звонъ которыхъ призывалъ, будто бы, казаковъ къ бунту! Затѣмъ онъ расположилъ войска на зимнія квартиры и просилъ короля удовлетворить ихъ жалованьемъ, иначе они взбунтуются. Но это оказалось невозможнымъ.

Въ Литвѣ въ началѣ этого года русскія войска взяли нѣсколько городовъ и Хованскій удачно сражался съ литовцами. Въ концѣ апрѣля поляки предложили вступить въ мирные переговоры, которые продолжались безъ успѣха до августа, когда были отложены впредь до времени.

§ 41.

Война въ 1665 году.

Всю зиму казаки и жители западной Украйны не давали покоя польскимъ войскамъ на квартирахъ, а въ Ставищахъ въ началѣ января произошелъ бунтъ. Чарнецкій послалъ туда Маховскаго,

но онъ былъ разбитъ. Раздраженный Чарнецкій пошелъ туда самъ, взялъ городъ приступомъ, старшинъ казнилъ, а городъ разграбилъ и сжегъ! Но раненый на приступѣ онъ сдалъ начальствованіе войсками, поѣхалъ въ Львовъ, на пути туда получилъ булаву полеваго гетмана и 6 (16) февраля умеръ близъ Дубна, оставивъ по себѣ память храбраго, способнаго и искуснаго полководца, но въ жестокости на войнѣ не имѣвшаго равнаго себѣ, кромѣ развѣ Іереміи Вишневецкаго.

По смерти его, главное начальствованіе въ западной Украйнѣ принялъ воевода русскій (т. е. русскаго, украинскаго народа) Яблоновскій. Онъ считалъ себя въ безопасности только въ Бѣлой Церкви и старался по крайней мѣрѣ удержать въ покорности Чигиринъ, Корсунь и Черкасы—три главныхъ пункта. Положеніе его подлинно было трудное: польское войско, не получая жалованья, бунтовало; казаки нашли поддержку въ ханѣ, который разсудилъ, что ему лучше было поставить гетмана отъ себя, нежели поддерживать союзъ съ Польшей; въ искателяхъ гетманства недостатка не было и его достигъ было Опара, но погибъ, открывъ дорогу Дорошенкѣ. Тетеря съ немногими вѣрными ему казаками занималъ Брацлавъ, а потомъ перешелъ въ Корсунь. Брюховецкій стянулъ къ Переяславлю лѣвобережныхъ полковниковъ и весною послалъ лубенскаго (по другимъ глуховскаго) полковника Гамалею противъ Тетери къ Корсуни. Но Гамалея не засталъ уже тамъ Тетери и занялъ городъ, но не могъ взять замка, защищаемаго поляками, и переселилъ жителей въ Каневъ, а поляки сожгли городъ. Съ другой стороны Сѣрко съ запорожцами напалъ на Брацлавъ, заставилъ Тетерю бѣжать въ Польшу, завладѣлъ всѣми сокровищами его, вывезенными изъ Чигирина, затѣмъ пошелъ въ Буджакъ, разграбилъ Аккерманъ и буджакскіе улусы, но, возвращаясь оттуда, былъ разбитъ Маховскимъ и татарами и ушелъ въ степи.

Такимъ образомъ вся западная Украйна была въ ужасномъ положеніи: вездѣ казаки возставали противъ поляковъ, сражались и съ ними, и между собою, и съ татарами, а польское войско Яблоновскаго составило конфедерацію и ушло подъ Соколъ, въ сѣверной Галиціи, къ мятежному Любомирскому. При Яблоновскомъ же осталось только нѣсколько нѣмецкихъ хоругвей, и онъ, атакованный 21 (31) мая подъ Гребенками высланнымъ противъ него Брюховецкимъ отрядомъ казаковъ и русскихъ войскъ, былъ разбитъ и, потерявъ весь обозъ, въ безпорядкѣ отступилъ къ Бѣлой Церкви. Затѣмъ, видя невозможность долѣе держаться въ Украйнѣ, онъ ушелъ въ Польшу, оставивъ гарнизоны только въ Бѣлой Церкви, Чигири-
рсунскомъ замкѣ и Умани. Брюховецкій осадилъ Бѣлую Цер-

ковь, но услыхавъ, будто со стороны Корсуни на него собираются напасть татары, отступилъ къ Кіеву. Но эти слухи оказались невѣрными: подъ Корсунемъ стоялъ съ небольшимъ отрядомъ Опара, поставленный казаками и татарами въ гетманы на мѣсто Тетери. Тогда Брюховецкій, оставивъ гарнизоны въ Каневѣ и др. городахъ западной Украйны, въ концѣ іюня возвратился въ Гадячь, а около половины августа отправился въ Москву.

Западная же Украйна, по удаленіи Яблоновскаго, осталась безъ гетмана, въ полной анархіи, чѣмъ и воспользовался ханъ для утвержденія, вмѣсто польскаго, своего покровительства надъ нею. Еще въ январѣ этого года онъ, по просьбѣ генеральнаго есаула Петра Дорошенки, требовалъ, чтобы король хотя на время вывелъ польскіе гарнизоны изъ западной Украйны, для облегченія разореннаго края. Но это не было исполнено, и тогда честолюбивый Дорошенко, видя, что ни Россія, ни Польша не могутъ утвердить своей власти въ разоренной Украйнѣ, рѣшился поддаться туркамъ, дабы быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Татары, пригласивъ къ себѣ Опару на совѣтъ, взяли его подъ стражу, два раза нападали на его таборъ и были отражаемы, и объявили казакамъ въ этомъ таборѣ, что оставятъ ихъ въ покоѣ, если они возьмутъ въ гетманы Дорошенку, иначе призовутъ поляковъ и возьмутъ ихъ таборъ. Казаки согласились и Дорошенко привелъ ихъ къ присягѣ королю и хану. Опару увели въ Крымъ и выдали королю, а поляки казнили его. Дорошенко пошелъ на брацлавскаго полковника Дрозда, который 22 сентября (2 октября) разбилъ его, но потомъ былъ принужденъ сдаться. Овручскій полковникъ Децикъ также сначала разбилъ казаковъ Дорошенки близъ Паволочи, но потомъ отступилъ къ Кіеву и полкъ его разошелся. Дорошенко успѣлъ склонить полковниковъ и старшинъ, 1 (11) октября, чтобы они ввѣрили ему на сохраненіе гетманскую булаву, а 6 (16-го) января слѣдующаго 1666 г. — и на выборъ его въ гетманы, причемъ, присягая на взаимную вѣрность, они не упоминали, кому будутъ служить, царю или королю.

Въ Литвѣ въ этомъ году обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи, потому что ханъ примирился съ царемъ, а поляки, опасаясь хана, не переступали за границы Литвы. Король, желая мира, отправилъ посла въ Москву, а царь своего въ Варшаву. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ Хованскому, равно и въ восточную Украйну, были посланы сильныя русскія подкрѣпленія.

§ 42.

Война въ 1666 г. и миръ въ 1667 году.

Въ 1666 г. польскій король, покончивъ наконецъ съ бунтомъ Любомирскаго и переговариваясь о мирѣ съ царемъ (вслѣдствіе чего на русско-литовской границѣ военныхъ дѣйствій не было), послалъ Маховскаго съ 23 хоругвями гусаровъ и драгуновъ и съ дружиной шляхты, всего до 6 т. чел., въ западную Украйну, которая, по прежнему, вся была въ огнѣ и только въ одной Бѣлой Церкви держался польскій гарнизонъ. Маховскій сталъ разорять брацлавскій полковой округъ, державшійся стороны лѣвобережья, т. е. царской. Дорошенко съ 20 т. казаковъ и 30 т. татаръ двинулся противъ Маховскаго къ Кальнику. Маховскій отступилъ въ с. Печеры около Немирова, а Дорошенко, самъ оставаясь у Кальника, послалъ противъ Маховскаго уманскаго полковника Бѣлогруда съ казаками и татарами. Бѣлогрудъ разбилъ Маховскаго у Печеръ и взялъ весь обозъ его, а Маховскій ушелъ налегкѣ въ Браиловъ. Бѣлогрудъ взялъ Браиловъ приступомъ, и Маховскій только съ 3 хоругвями бѣжалъ въ Польшу, но татары настигли его, перебили однихъ, плѣнили другихъ и вмѣстѣ съ Маховскимъ отправили въ Крымъ. Такъ съ большею вѣроятностью расказываетъ малоросійскій лѣтописецъ Величко; но Коховскій и др. польскіе историки говорятъ менѣе вѣроятно, будто Маховскій, не доходя до Ставищъ, отступилъ къ Браилову и тутъ атакованный Дорошенкомъ и татарами, поспѣшно отступилъ къ Ладыжину и уже подходилъ къ Батогу, какъ былъ настигнутъ казаками и татарами, которые истребили отрядъ его и его самого взяли въ плѣнъ. Невѣроятность этого послѣдняго разсказа заключается въ томъ, что онъ не соотвѣтствуетъ мѣстному положенію упоминаемыхъ пунктовъ и относительнымъ: расположенію и движеніямъ обѣихъ сторонъ (въ чемъ можно убѣдиться, прослѣдивъ ихъ по картѣ). Во всякомъ случаѣ неоспоримо, что Маховскій былъ на-голову разбитъ подъ Батогомъ, послѣ чего отряды казаковъ и татаръ пронеслись до Львова, Люблина, Каменца, Бродъ, Збаража, Дубна и Овруча, и татары угнали до 40 т., а по другимъ даже будто до 100 т. шляхты, хлоповъ и жидовъ. Король и сеймъ, занятые другими дѣлами, ничего не могли сдѣлать противъ такого нашествія, а Дорошенко, пользуясь тѣмъ, положилъ во что ни *стало быть* гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Ему благопріят*ствовало то,* что Брюховецкій, воротясь изъ Москвы, взволновалъ

всю восточную Украйну и Запорожье новыми договорными статьями, подписанными имъ въ Москвѣ о подданствѣ городовъ и селеній и о гетманской власти Брюховецкаго только надъ казаками. Дорошенко поспѣшилъ послать въ Крымъ уговаривать хана, чтобъ онъ примирился съ царемъ, не допускалъ его до мира съ королемъ и воевалъ противъ послѣдняго вмѣстѣ съ царемъ. Но уже было поздно: 30 апрѣля (10 мая) 1666 г., въ деревнѣ Андрусовой на рѣчкѣ Городенькѣ, между смоленскимъ и мстиславскимъ воеводствами (нынѣ Смоленской губерніи, Краснинскаго уѣзда, между Краснымъ и Мстиславлемъ), открытъ былъ съѣздъ русскихъ и польскихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ заключено перемиріе и прекращены военныя дѣйствія. Но переговоры тянулись безъ успѣха до вѣсти о батогскомъ погромѣ: только тогда поляки согласились уступить Россіи восточную, лѣвобережную Украйну навсегда, а Кіевъ на 2 года. Но окончательно переговоры заключены были только 30 января (9 февраля) 1667 г. подписаніемъ договора о перемиріи на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцовъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Смоленску и сѣверскому княжеству остаться во власти Россіи; 2) Полоцкъ, Витебскъ и города южной Ливоніи (польскихъ инфлянтовъ), занятые русскими войсками, возвратить Польшѣ; 3) Малороссіи или Украйнѣ на лѣвой сторонѣ Днѣпра быть подъ властью Россіи, а на правой—Польши; 4) Кіевъ уступить Россіи на 2 года, по прошествіи которыхъ возвратить Польшѣ *); 6) Запорожцамъ состоять подъ покровительствомъ Россіи и Польши, съ обязательствомъ охранять предѣлы отъ татаръ и турокъ.

Андрусовскій миръ былъ гораздо болѣе выгоденъ для Польши, нежели для Россіи. Первая уступила то, чего не могла удержать и получила свободу дѣйствій противъ турокъ, а вторая уступила то, что завоевала и чѣмъ уже владѣла, да еще уплатила Польшѣ 1 милліонъ злотыхъ или 200 т. тогдашнихъ (около 700 т. нынѣшнихъ) рублей и обязалась помогать Польшѣ противъ турокъ вспомогательнымъ войскомъ изъ 5 т. чел. конницы и 20 т. чел. пѣхоты и приказаніемъ донскимъ казакамъ и калмыкамъ воевать противъ Крыма. Сверхъ того миръ этотъ произвелъ крайнее неудовольствіе казаковъ правой стороны Днѣпра, насильственно разлученныхъ съ своими собратіями лѣвой стороны, и запорожцовъ, поставленныхъ въ ложное положеніе двоеданства. Такимъ образомъ вообще Андрусов-

*) По прошествіи 2 лѣтъ онъ не былъ возвращенъ Польшѣ, потому что казаки, *въ случаѣ возвращенія* его, грозили призвать турокъ, и потому что польскій *сеймъ не исполнилъ* обѣщанія касательно статьи о союзѣ.

скій миръ, выгодный для Россіи только тѣмъ, что прекратилъ продолжительную, тягостную и разорительную войну ея съ Польшей и утвердилъ во власти Россіи Смоленскъ, сѣверское княжество и лѣвобережную Украйну, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ былъ не только гораздо болѣе невыгоднымъ для нея, но и такою же политическою ошибкой, какъ и виленскій договоръ. Какъ тогда не слѣдовало въ интересахъ Польши обращать русское оружіе противъ шведовъ, такъ и теперь, въ ея же интересахъ, помогать ей русскими войсками противъ турокъ, въ обоихъ случаяхъ почти напрасно употребивъ огромныя пожертвованія людьми и деньгами для того, чтобы не исполнить главной и важнѣйшей цѣли, съ которою предприняты были 1-я и 2-я войны съ Польшей, а именно—отвоеванія, наконецъ, разъ навсегда, древняго достоянія Россіи въ Ярославовыхъ предѣлахъ до р.р. Нѣмана и Сана, что въ это время, при извѣстныхъ условіяхъ, было возможно, но, неисполненное, стоило стольких усилій и пожертвованій въ послѣдствіи и даже 120 лѣтъ спустя было исполнено не вполнѣ.

Поэтому въ военномъ отношеніи 1-я и 2-я войны Россіи съ Польшей при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ представляютъ полное несоотвѣтсвіе во 1-хъ начала ихъ съ необыкновенно важными политическими цѣлями, съ огромными военными силами и съ личнымъ, мудрымъ руководствомъ ихъ самимъ царемъ, во 2-хъ, продолженію ихъ все съ меньшими и меньшими силами и особенно искуствомъ, но съ бо́льшими и бо́льшими пожертвованіями и — неудачами, и противъ кого же? противъ безсильной Польши, которая сама едва держалась, и въ 3-хъ концу этихъ войнъ — съ недостиженіемъ и половины предвзятой цѣли, къ явной невыгодѣ Россіи и выгодѣ той же самой Польши. А главною виною этого было то, о чемъ уже столько разъ говорено было —.полная несостоятельность всей военной системы Россіи, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно отжившей уже свое время въ виду современныхъ военныхъ усовершенствованій западной Европы, не смотря на всѣ старанія Михаила Θеодоровича и особенно Алексѣя Михайловича привить къ старому дерсву нѣсколько молодыхъ вѣтвей, плохо питаемыхъ жизненными соками своего ствола. Послѣдующая четверть вѣка представитъ еще немало свидѣтельствъ того же самаго явленія, доколѣ великій сынъ Алексѣя Михайловича не произвелъ кореннаго переворота въ военной системѣ Россіи.

ГЛАВА VII.

РУССКІЯ ВОЙНЫ ПРИ ЦАРЯХЪ: ӨЕОДОРѢ, ІОАННѢ И ПЕТРѢ АЛЕКСѢЕВИЧАХЪ И ЦАРЕВНѢ СОФІИ ДО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА I. (1676—1689).

§ 43. Война съ Дорошенкомъ и Турціей за заднѣпровскую Украйну (1676—1678).—1-й Чигиринскій походъ (1676).—§ 44. 2-й Чигиринскій походъ (1677).—§ 45. 3-й Чигиринскій походъ (1678). — § 46. 1-й крымскій походъ князя Голицына въ 1687 г. — § 47. 2-й крымскій походъ князя Голицына въ 1689 г.

---

§ 43.

Война съ Дорошенкомъ и Турціей за заднѣпровскую Украйну. (1676—1678).

1-й Чигиринскій походъ (1676).

Въ послѣднія 9 лѣтъ (1667 — 1676) царствованія Алексѣя Михайловича, со времени заключенія Андрусовскаго перемирія до смерти царя, дѣла въ Малороссіи на обѣихъ сторонахъ Днѣпра продолжали возмущать внутреннее спокойствіе и вовлекать участіе въ нихъ Россіи, Польши, Крыма и Турціи. Возстаніе Дорошенка противъ Россіи и Польши, подданство его Турціи, вмѣшательство послѣдней въ дѣла Малороссіи и Польши, завоеваніе турками Каменца и части Подоліи, нарушеніе Польшей статей Андрусовскаго договора, подданство западной Украйны царю — все это постепенно повело къ приготовленіямъ царя въ 1674 и 1675 г.г. къ войнѣ съ Польшей и Турціей за западную Украйну. Но ему не *суждено было* начать эту двойную войну. 29 января 1676 г. онъ

скончался и важное дѣло окончанія споровъ съ Польшей и Турціей за Малороссію досталось уже на долю сына и преемника Алексѣя Михайловича, Өеодора Алексѣевича.

При воцареніи его, вся Малороссія на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, за исключеніемъ одного Чигирина, въ которомъ держался Дорошенко, уже признавала власть русскаго царя и одного общаго гетмана Самойловича, но не была еще окончательно присоединена къ Россіи. Дорошенко не сдавалъ Чигирина и призывалъ на помощь татаръ и турокъ. Польскій король Янъ Собѣскій требовалъ возвращенія Кіева по Андрусовскому договору, признавалъ господство царя на правой сторонѣ Днѣпра за нарушеніе мира и грозилъ войною. А турецкій султанъ Мухаммедъ IV, признавая западную Украйну, на основаніи договора съ Польшей въ Буджановѣ (1672), принадлежавшею ему, положилъ утвердить свою власть не только въ ней, но и во всей Малороссіи. Но Өеодоръ Алексѣевичъ, твердо рѣшась исполнить завѣтную мысль своего отца и его предковъ, не убоялся вступить въ борьбу съ тремя противниками разомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ приготовленія къ тому уже были сдѣланы отцомъ его еще до его смерти.

Послѣ тщетныхъ усилій склонить Дорошенка, присягнувшаго еще Алексѣю Михайловичу, не называть себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, чѣмъ былъ Самойловичъ, и сдать Чигиринъ, и рѣшительнаго намѣренія Дорошенки не исполнить ни того, ни другаго требованія, надѣясь на собственныя силы и на помощь запорожцовъ,—противъ него сначала двинутъ былъ въ мартѣ 1676 г. Самойловичъ съ 7-ю полками лѣвой стороны Днѣпра. Самойловичъ выслалъ впередъ черниговскаго полковника Бурковскаго съ выборными отъ всѣхъ полковъ людьми. Переправясь съ ними черезъ Днѣпръ, Бурковскій 18 марта приблизился къ Чигирину. Дорошенко вышелъ на встрѣчу ему съ пѣхотой и послалъ спросить, зачѣмъ онъ пришелъ и по чьему указу?—Бурковскій отвѣчалъ, что государь требуетъ и все войско увѣщеваетъ его, Дорошенка, принесть присягу и сложить начальствованіе. Дорошенко воротился въ Чигиринъ и прислалъ Бурковскому отвѣтную грамоту на имя Самойловича, въ которой лицемѣрно и коварно уклонялся подъ разными предлогами отъ исполненія объявленныхъ ему требованій, а между тѣмъ подъ рукою уже призывалъ на помощь запорожцовъ и татаръ. Самойловичъ, по приказанію царя, ограничась одними угрозами, отозвалъ Бурковскаго и распустилъ войска. Между тѣмъ онъ продолжалъ свои сношенія съ Дорошенкомъ и запорожскимъ кошевымъ Сѣрко, тщетно стараясь склонить ихъ къ *исполненію воли* царя, и всю весну и лѣтомъ ходили слухи, что турец-

кій султанъ собирается идти подъ Кіевъ. Вслѣдствіе того, для подкрѣпленія Ромодановскаго въ Путивлѣ и Самойловича въ восточной Украйнѣ, въ Путивль былъ двинутъ съ войскомъ бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, а Ромодановскій и Самойловичъ получили приказаніе отражать нападеніе турокъ, если оно будетъ произведено; если же турки ни къ Кіеву, ни на лѣвую сторону Днѣпра не придутъ, то идти за Днѣпръ къ Чигирину и дѣйствовать противъ Дорошенки наступательно. Вслѣдствіе того, такъ какъ о движеніи турокъ еще не было слышно, Ромодановскій и Самойловичъ двинулись къ Днѣпру. Не доходя верстъ 100 до него, они послали впередъ стольника Касогова съ 15 тыс. русскихъ войскъ и бунчужнаго Полуботка съ 4 полками, всего около 20 т. чел. При приближеніи ихъ, приднѣпровскія поселенія, зависѣвшія отъ Чигирина, стали подчиняться, а Касоговъ и Полуботокъ, подойдя къ Чигирину, вступили въ бой съ казаками Дорошенки. Но послѣ боя начались переговоры и Касоговъ послалъ Дорошенкѣ царскую увѣщательную грамоту. Дорошенкѣ не оставалось ничего болѣе, какъ исполнить царскія требованія, и сначала изъ Чигирина вышли священники съ крестами, старшины и жители и присягнули царю, а за ними выѣхалъ и самъ Дорошенко въ сопровожденіи 2 т. казаковъ и сложилъ передъ Ромодановскимъ и Самойловичемъ булаву, знамя и бунчукъ (19 сентября). Ему обезпечены были личная безопасность и сохраненіе имущества, но указано было жить въ Сосницѣ, въ черниговскомъ полку. Затѣмъ Чигиринъ былъ занятъ пополамъ русскими и малороссійскими войсками, а Ромодановскій и Самойловичъ ушли обратно за Днѣпръ.

§ 44.

2-й Чигиринскій походъ (1677).

Въ мартѣ 1677 г. Дорошенко былъ вызванъ царемъ въ Москву на жительство, что считали болѣе безопаснымъ, нежели оставлять его въ Малороссіи. Турецкій же султанъ назначилъ гетманомъ и княземъ малороссійскимъ, вмѣсто Дорошенки, плѣнника своего, Юрія Хмѣльницкаго. Послѣдній въ апрѣлѣ прислалъ въ Запорожье увѣщательную грамоту служить ему вѣрно. Грамота эта подѣйствовала на запорожцовъ, которые, жалуясь, что имъ прислано мало царскаго жалованья, въ маѣ начали волноваться, а Самойловичъ доносилъ на Сѣрка, что онъ заключилъ перемиріе съ крымскимъ ханомъ и склоняется на сторону Хмѣльницкаго. Въ іюнѣ

соглашеніи съ султаномъ, ханомъ и Хмѣльницкимъ и слѣдовательно измѣняя царю.

§ 45.

3-й Чигиринскій походъ (1678).

Всю зиму и весну 1678 г. въ Москву постоянно приходили вѣсти, что турки собираются съ огромными силами двинуться къ Чигирину и непремѣнно взять его и даже всю Малороссію на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Поэтому необходимо было готовиться къ тяжелой войнѣ съ разныхъ сторонъ. Царь, согласясь съ мнѣніемъ Ромодановскаго и Самойловича о необходимости удержать и укрѣпить Чигиринъ и снабдить его войскомъ и запасами, назначилъ воеводой въ немъ окольничаго Ржевскаго, извѣстнаго своею распорядительностью и испытаннымъ умѣніемъ ладить съ малороссіянами. Въ Кіевѣ Ржевскій долженъ былъ взять съ собою хлѣбные запасы, подъ которые гетманъ имѣлъ выставить подводы, а также малороссскіе полки и часть войскъ Ромодановскаго, назначенные для занятія Чигирина. Но Ржевскій ничего этого въ Кіевѣ не нашелъ и 17 марта прибылъ въ Чигиринъ безъ запасовъ и войскъ, нашелъ разбитыя стѣны, пустыя житницы и услыхалъ о безпрестанныхъ набѣгахъ татаръ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ, то спросили Ромодановскаго въ Курскѣ и Самойловича въ Батуринѣ, отчего они не выслали войскъ, запасовъ и подводъ? Ромодановскій отвѣчалъ, что немедленно пойдетъ къ Днѣпру и озаботится о Чигиринѣ, а гетманъ — что у него войска не въ сборѣ, но и войска, и запасы, и подводы поспѣютъ въ Чигиринъ. Дѣйствительно, по счастію, они поспѣли туда во-время: Ромодановскій и Самойловичъ подступили къ Бужинской пристани на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Чигирина, въ первыхъ числахъ іюля и 6 числа начали переправлять свои войска, а турецкій визирь Кара-Мустафа подступилъ къ Чигирину только 9 іюля. Переправа войскъ воеводы и гетмана шли очень медленно и бо́льшая часть ихъ еще находилась на лѣвомъ берегу, когда 10 іюля татары, скрытно переправясь на этотъ берегъ у Крылова, ударили на русскіе обозы, но были отражены съ урономъ. Столь же неудачно было и нападеніе непріятеля 11 іюля на передовыя русскія войска, уже переправившіяся на правую сторону. 12 іюля всѣ русскія войска уже находились на правой сторонѣ, на Бужинскихъ поляхъ, и выдержали бой съ 5-ю турецкими пашами и съ крымскимъ ханомъ. Съ тѣхъ поръ

каждый день происходили съ обѣихъ сторонъ бои, потому что часть турокъ, придя изъ-подъ осаждаемаго ими Чигирина черезъ Крыловъ, расположилась станомъ въ 7 верстахъ отъ русскаго войска и производила безпрестанныя нападенія на его станы. 29 іюля къ русскому войску прибылъ на помощь князь Черкаскій съ калмыками и татарами и принималъ съ нимъ дѣятельное участіе въ бояхъ. 3-го и 4-го августа, послѣ особенно жаркихъ битвъ, русскіе овладѣли важнымъ пунктомъ—Стрѣльниковою горою, приблизились къ Чигирину и вошли въ сообщеніе съ нимъ. Но Ржевскаго тамъ уже не было въ живыхъ: 3 августа онъ былъ убитъ на городской стѣнѣ непріятельскою гранатой. Послѣ того Чигиринъ держался уже недолго: турки вели три подкопа подъ нижній большой городъ; 11-го августа подкопы были взорваны у р. Тясмины близъ домовъ, которые и загорѣлись; осажденные, увидя пожаръ, побѣжали въ обозъ къ своимъ черезъ мостъ, но турки зажгли его, онъ обрушился и много русскихъ погибло и въ рѣкѣ, и отъ подкоповъ. Въ одно время съ нижнимъ городомъ турки успѣли зажечь и новый верхній, недавно передъ тѣмъ устроенный Ржевскимъ; тогда русскіе засѣли въ старомъ верхнемъ, до вечера бились съ турками и два раза выбивали ихъ изъ этого города. Ночью они получили отъ Ромодановскаго и Самойловича приказаніе зажечь городъ и войти къ нимъ въ станъ, что и было исполнено. А на разсвѣтѣ Ромодановскій и гетманъ двинулись со всѣми войсками къ Днѣпру, покинувъ горѣвшія развалины Чигирина. Непріятель преслѣдовалъ ихъ, но безъ успѣха—и 20 августа подъ Чигириномъ не осталось болѣе ни русскихъ, ни турокъ, ни татаръ.

И такъ Ромодановскій и Самойловичъ не успѣли не только предохранить и потомъ освободить Чигиринъ отъ осады, но и сохранить его въ цѣлости и довели его до сожженія и разрушенія. Но этимъ не кончилось: визирь ушелъ, но Хмѣльницкій съ татарами остался на правой сторонѣ Днѣпра, занялъ Немировъ, Корсунь и др. города, оттуда нападалъ даже на лѣвую сторону и вся осень и зима прошли въ постоянной тревогѣ.

Въ мартѣ 1679 г. въ Москву пріѣхалъ отъ Самойловича знатный войсковой товарищъ Иванъ Степановичъ Мазепа и имѣлъ съ думнымъ дьякомъ Лопухинымъ любопытный разговоръ, который много поясняетъ способъ и образъ дѣйствій русскихъ воеводъ и войскъ въ это время и Ромодановскаго въ предъидущихъ походахъ его въ частности. «Надобно»—говорилъ Мазепа—«чтобы для обороны Кіева и всего Малороссійскаго края было прислано много *войска*, но бояръ и воеводъ съ ними не много, и чтобы ратные

люди слушались ихъ, а большой воевода былъ одинъ; а если бояръ и воеводъ будетъ много и полки у нихъ разные, то бояре и воеводы станутъ считаться мѣстами между собою, и ни одинъ не дастъ своего полка другому и оттого будетъ нестроенье. А въ прошлую войну съ княземъ Ромодановскимъ ратныхъ людей было много, а какъ они шли къ Чигирину и отъ него, то въ бояхъ было ихъ очень мало, только солдатскіе и стрѣлецкіе полки, да и въ стрѣлецкихъ мало, человѣкъ по 300, а всѣ оставлены были въ обозѣ; а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ; полковники и головы безпрестанно присылали къ гетману просить людей въ помощь и гетманъ посылалъ имъ своихъ людей, самъ же остался только съ своимъ дворомъ и драгунскимъ полкомъ, который, по царскому указу, въ воинскихъ случаяхъ всегда при немъ бываетъ». Это — самая вѣрная и лучшая оцѣнка образа дѣйствій русскихъ воеводъ и войскъ въ это время, и того нестроенья, которое всегда было между тѣми и другими и при которомъ нисколько неудивительно, что успѣха было очень мало, сколько много ни было воеводъ и войскъ, и даже тѣмъ менѣе успѣха, чѣмъ болѣе воеводъ и войскъ! Послѣ того неудивительно и то, что Ромодановскій во всѣ три похода не умѣлъ и не успѣлъ сдѣлать почти ничего и главное—сохранить, какъ самъ же совѣтовалъ, Чигиринъ!

Впрочемъ послѣднимъ неудачнымъ походомъ своимъ Ромодановскій окончилъ продолжительное военное поприще свое: онъ былъ отозванъ въ Москву, и Самойловичъ уже одинъ продолжалъ военныя дѣйствія на правой сторонѣ Днѣпра. Онъ посылалъ туда сына своего Семена съ войскомъ, и жители Ржищева, Канева, Корсуня, Черкасъ и др. приднѣпровскихъ городовъ присягнули царю, а всѣ города, мѣстечки, села и деревни въ западной Украйнѣ были (по малороссійскимъ источникамъ) будто бы выжжены, чтобы впредь непріятелю не было пристанища въ нихъ!

Между тѣмъ польское правительство съ 1676 г. слѣдовало самой двуличной и коварной политикѣ въ отношеніи къ Россіи. Вопреки предъидущимъ договорамъ съ нею, оно не хотѣло помогать ей въ войнѣ съ Турціей, но требовало, чтобы Россія соединила свои войска съ польскими для совокупной войны противъ Турціи и Крыма, съ которыми между тѣмъ находилось въ тайныхъ сношеніяхъ, переговаривалось о союзѣ, возбуждало ихъ противъ Россіи, поддерживало и Дорошенка, и Юрія Хмѣльницкаго, наконецъ требовало возвращенія всѣхъ городовъ, покоренныхъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ Алексѣемъ Михайловичемъ. Но Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ *непреклоненъ* и 3 августа 1678 г. согласился только на уступку *Велижа и Себежа*, занятыхъ послѣ Андрусовскаго договора, и на воз-

обновленіе перемирія на 13 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ положено было окончательно условиться о Кіевѣ и западной Украйнѣ.

Султанъ Мухаммедъ IV, съ своей стороны, испытавъ въ 1677 и 1678 г.г. неудачу въ войнѣ съ Россіей и намѣреваясь обратить свои силы противъ Австріи, въ войнѣ съ которою надѣялся пріобрѣсть болѣе выгодъ, послѣ 1678 г. не возобновлялъ уже военныхъ дѣйствій противъ Россіи и только тревожилъ ее крымскими татарами, но и то безъ важныхъ результатовъ. Болѣе и болѣе склоняясь къ миру, и Турція, и Россія наконецъ 3 января 1681 г. заключили въ Бахчисараѣ, въ Крыму, мирный договоръ, которымъ султанъ отказался отъ всѣхъ притязаній на западную Украйну, съ тѣмъ чтобы ни Россія, ни Турція не возстановляли разрушенныхъ въ ней городовъ (т. е. крѣпостей), исключая Кіева, Триполя, Василькова и Стайки, уступленныхъ Россіи, при чемъ Запорожье также оставлено въ подданствѣ царя.

Такимъ образомъ, послѣ 17-ти-лѣтней войны съ Польшей за Малороссію и въ 1677—78 г.г. съ Турціей за западную Украйну, Θеодоръ Алексѣевичъ имѣлъ утѣшеніе окончить эту войну перемиріемъ съ Польшей, миромъ съ Турціей и утвержденіемъ за Россіей всей Малороссіи и Запорожья на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, хотя несчастная западная Украйна была превращена въ совершенную пустыню.

Изъ 3-хъ походовъ же къ Чигирину при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, 1-й въ 1676 г. противъ Дорошенка былъ оконченъ почти безъ кровопролитія тѣмъ, что Дорошенко покорился царю и сложилъ съ себя гетманство. 2-й же и 3-й походы русскихъ и турокъ къ Чигирину въ 1677 и 1678 г.г. кончились неудачно для турокъ и для Чигирина, хотя превосходство силъ было на сторонѣ турокъ и татаръ, а со стороны Ромодановскаго не было оказано никакого искуства, а напротивъ большія ошибки.

§ 46.

1-й крымскій походъ князя Голицына въ 1687 году.

Въ 1686 г. правительница Россіи во время несовершеннолѣтія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сестра ихъ царевна Софія Алексѣевна, надѣясь побѣдами заслужить довѣріе русскаго народа къ ея государственнымъ дарованіямъ и тѣмъ продлить свое правленіе, вознамѣрилась избавить наконецъ Россію отъ разорительныхъ набѣговъ и нашествій крымской орды и отъ платежа ей

дани. Съ этою цѣлію она заключила союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей противъ Турціи и Крыма. нарушила Бахчисарайскій миръ 1681 года съ ними и вооружила многочисленное войско (40 т. солдатъ и стрѣльцовъ, 20 т. копейщиковъ и рейтаръ и около 40 т. чел. московскаго чина, служилыхъ людей полковой службы, казаковъ и разныхъ другихъ людей, всего до 100 т. чел.). Оно было раздѣлено на 7 разрядовъ (корпусовъ) подъ начальствомъ боярина князя Щербатова, Зміева, генерала Шепелева и думнаго дьяка Украинцева. Новгородскими полками начальствовали Шеинъ и князь Барятинскій, рязанскими — князь Долгорукій и Скуратовъ, сѣвскими—Неплюевъ, низовыхъ городовъ — Леонтьевъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, бѣлгородскими — Шереметевъ и малороссійскимъ войскомъ — гетманъ Самойловичъ. Главное предводительствованіе всемъ войскомъ царевна поручила любимцу своему, умному и образованному боярину князю Василію Васильевичу Голицыну, носившему званіе «большаго полка двороваго воеводы, царственныя большія и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя [1]) и намѣстника новгородскаго». Ему тяжело было уступить кому-либо другому честь завоеванія Крыма, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ его, такъ и правительницу, должна была тревожить мысль о возможности неудачи. Имѣется свѣдѣніе, что Голицынъ противъ воли принялъ на себя главное начальствованіе войскомъ, потому что враждебные ему бояре требовали именно этого, зная, какія препятствія онъ встрѣтитъ [2]). Сборъ войска, по обыкновенію, происходилъ очень медленно и, не смотря на сильныя принудительныя средства, многіе помѣщики не явились на службу [3]). Въ совѣтѣ, въ Москвѣ, въ присутствіи обоихъ царей, было положено, что когда венеціянцы нападутъ на Морею, поляки вступятъ въ Подолію и Молдавію, а австрійцы возобновятъ военныя дѣйствія въ Венгріи и Трансильваніи, тогда и русскому войску вторгнуться въ Крымъ.

Такъ и было исполнено — и блистательные успѣхи венеціянцовъ и австрійцовъ въ 1687 г. должны были значительно благопріятствовать успѣхамъ русскаго войска. Венеціянцы овладѣли Өивами въ Греціи и Книномъ въ Далмаціи, а австрійцы, подъ начальствомъ герцога Лотарингскаго, одержали блистательную и рѣшительную побѣду при Могачѣ, въ Венгріи, надъ турками, которые лишились вслѣдствіе того всѣхъ крѣпостей въ Славоніи и Трансильваніи.

---

[1]) Эти званія соотвѣтствовали западно-европейскимъ званіямъ «генералиссимуса войскъ, хранителя государственной печати (garde des sceaux) и государственнаго канцлера».

[2]) *Соловьева* Исторія Россіи, Т. 14, стр. 37.

[3]) *Тамъ-же.*

Между тѣмъ русское войско къ маю 1687 года собралось на берегахъ рѣчки Мерло (лѣваго притока р. Ворсклы, на границѣ нын. Полтавской и Харьковской губерній, въ 30 верстахъ выше Полтавы), откуда около половины мая двинулось походнымъ порядкомъ къ рѣчкѣ Конскія воды (лѣвому притоку рѣчки Московки, впадающей съ лѣвой стороны въ Днѣпръ противъ Хортицкаго острова, гдѣ нынѣ городъ Александровскъ). Направленіе этого движенія лежало къ в. отъ нын. городовъ: Полтавы, Новомосковска и Александровска до Орѣхова Екатеринославской губерніи. Походный порядокъ войска состоялъ въ томъ, что впереди шелъ авангардъ изъ 5 стрѣлецкихъ полковъ и 2 выборныхъ солдатскихъ (генераловъ Аггея Шепелева и Гордона), а за авангардомъ главныя силы въ одной общей колоннѣ, въ видѣ продолговатаго четвероугольника, болѣе одной версты во фронтѣ и 2-хъ верстъ въ глубину. Въ серединѣ этого четвероугольника шла пѣхота, прикрытая съ обоихъ фланговъ обозомъ (до 20 т. повозокъ), а рядомъ съ обозомъ шла артиллерія, прикрытая съ фланговъ конницей, часть которой была назначена для наблюденія за непріятелемъ. Въ такомъ порядкѣ войско прошло отъ р. Мерло до р. Конскія Воды 300 верстъ въ 4 недѣли (среднимъ числомъ около 10 верстъ въ сутки), отъ половины мая до половины іюня. При этомъ на р. Самарѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣпра, къ войску присоединился гетманъ Самойловичь съ малороссійскими казаками (до 50 т. чел.). За рѣчкою Конскія воды уже начиналась крымская степь (нынѣ въ Таврической губерніи), вступивъ въ которую 13 іюня, русское войско, не видя татаръ и не слыша о нихъ, вмѣсто того, къ ужасу своему, нашло, что она на огромномъ протяженіи въ ширь и глубь была объята степнымъ пожаромъ. Всѣ увѣрены были, что онъ былъ зажженъ татарами (по распоряженію одного изъ лучшихъ хановъ ихъ, Хаджи-Селима-Гирея, котораго они очень любили). Такимъ образомъ многочисленное русское войско, имѣвшее въ своемъ составѣ множество строевыхъ и подъемныхъ лошадей, было лишено средствъ къ продовольствію ихъ подножнымъ кормомъ и вслѣдствіе того—невозможности идти далѣе. Голицынъ собралъ военный совѣтъ и на немъ рѣшили продолжать походъ; но въ двое сутокъ прошли не больше 12 верстъ: нигдѣ не было ни травы, ни воды, люди и лошади изнемогали отъ зноя, жажды и задыхались отъ смрада степнаго пожара. Хотя проливной дождь наполнилъ пересохшія степныя рѣчки водою, но травы для лошадей не было. Голицынъ снова собралъ военный совѣтъ на берегахъ Кара-Чакрака; рѣшено было предпринять обратный походъ, пославъ къ низовьямъ Днѣпра 30 т. человѣкъ войскъ, пополамъ великороссійскихъ (подъ начальствомъ *окольничаго* Неплюева) и малороссійскихъ (подъ начальствомъ

сына Самойловича, Григорія). Вслѣдствіе того главное войско двинулось назадъ (около 20 іюня) и у Конскихъ водъ, гдѣ было достаточно воды, травы и лѣса, остановилось для отдыха. Отсюда Голицынъ, донося правительству о своемъ походѣ и стараясь по возможности прикрыть неудачу его, писалъ, будто татары не смѣли выйти на встрѣчу русскому войску, а нанесли ему вредъ, зажегши степь. Но въ станѣ у Конскихъ водъ между начальниками русскихъ войскъ, по словамъ Гордона, распространился слухъ, будто казаки, по приказанію или покрайней мѣрѣ съ допущенія гетмана, сами зажгли степь, дабы помѣшать вторженію русскаго войска въ Крымъ, невыгодному для казаковъ или скорѣе для гетмана, еслибы русскіе разорили или покорили Крымъ, такъ какъ тогда Москва могла бы безпрепятственно нарушать права и вольности казаковъ. Вслѣдствіе такого слуха, между русскими войсками и казаками произошло взаимное недовѣріе.

Въ Москвѣ вѣсть о неудачѣ похода сильно встревожила правительницу и заставила торжествовать враговъ Голицына. Царевна стала помышлять, какъ бы исправить неудачу его, чтобъ онъ не воротился въ Москву съ позоромъ. Безпокойство ея усилилось, когда до нея дошелъ слухъ, будто степь жгли не татары, а казаки. Въ такихъ обстоятельствахъ царевна послала къ Голицыну преданнаго и довѣреннаго ему Шакловитаго съ слѣдующими предложеніями: если было возможно, изготовить конныхъ кормовъ и своихъ запасовъ и снова идти въ Крымъ, а донскимъ казакамъ приказать, чтобъ они тревожили его съ моря; если же это вскорѣ было невозможно, то велѣть изготовить и спустить сверху судовъ, взять Казикерменскіе городки и изъ нихъ велѣть Неплюеву и сыну гетмана со всѣми ихъ войсками плыть на судахъ въ Крымъ, а Голицыну отъ себя послать туда же сухимъ путемъ пѣхоты, конницы, пушекъ, военныхъ и продовольственныхъ запасовъ на воловьихъ подводахъ, назначивъ срокъ, чтобы обѣ рати пришли въ Крымъ въ одно время; еслибы же и это было невозможно, то построить на р.р. Самарѣ и Орели городки и оставить въ нихъ всякія тяжести, запаси и ратныхъ людей при нихъ по усмотрѣнію, дабы впредь войску было надежное пристанище, а непріятелю страхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шакловитому было поручено объявить ратнымъ людямъ царскую милость, а гетмана похвалить за радѣніе и сказать, чтобъ онъ велѣлъ разыскать и наказать тѣхъ изъ обозныхъ малороссіянъ, которые были виновны въ сожженіи конныхъ кормовъ въ степи, дабы отъ такихъ поступковъ ихъ «малороссійскимъ жителямъ не нанеслось *какого-нибудь* неудобнаго слова».

Изъ приведеннаго выше видно, что ни одно изъ предложеній пра-

вительницы не могло быть удобоисполнимо въ скорости: на то нужно было потребно болѣе или менѣе времени, а Шакловитый пріѣхалъ въ войско 12 іюля, по переходѣ его за р. Орель. Но и сверхъ того, еще до пріѣзда Шакловитаго, враги гетмана которыхъ у него въ Малороссіи было очень много, за его необыкновенную гордость, честолюбивые замыслы и нерасположеніе ни къ Москвѣ, ни къ Малороссіи, воспользовались случаемъ, чтобы «неудобное слово» отнеслось къ нему одному—и успѣли въ этомъ, помогаемые всеобщею ненавистью къ нему въ Малороссіи. Еще 7 іюля они подали доносъ на на него Голицыну, который отослалъ его въ Москву. А войско продолжало обратный походъ, теряя много людей. 14 іюля собранъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что́ дѣлать этимъ лѣтомъ для воспрепятствованія татарамъ вторгаться въ Украйну или Польшу? Шакловитый предложилъ послѣднюю статью своего наказа (см. выше)—построить на Самарѣ городокъ (вѣроятно, что первыя двѣ статьи были признаны невозможными въ исполненіи). 21 іюля войско переправилось черезъ р. Коломакъ, недалеко отъ Полтавы, и расположилось тутъ станомъ. Сюда вскорѣ прибылъ изъ Москвы гонецъ съ указомъ отобрать у гетмана знамя, булавы и всякіе клейноды и послать его подъ стражей въ великороссійскіе города, а на его мѣсто избрать другаго гетмана. Вслѣдствіе того Голицынъ, принявъ всѣ мѣры предосторожности, 23 іюля отдалъ Самойловича подъ стражу русскихъ полковниковъ и войскъ, а 25 іюля казаки выбрали въ гетманы Мазепу.

Въ Москвѣ, не смотря на происки враговъ Голицына, онъ былъ встрѣченъ и награжденъ какъ побѣдитель: въ данной ему грамотѣ благодарили его и войско за «добрую, радѣтельную и вѣрную службу ихъ»; войску и чинамъ его были пожалованы серебряныя, позолоченыя и золотыя гривны (медали) и другіе подарки, а Голицыну осыпанная алмазами гривна въ 300 червонцовъ, золотая братина (кубокъ) и 1000 дворовъ. Но 15-лѣтній царевичъ Петръ, недовольный походомъ, выговаривалъ Голицыну, что онъ, раздраживъ непріятеля, распустилъ войско и раскрылъ границы.

§ 47.

2-й крымскій походъ князя Голицына въ 1689 году.

Въ сентябрѣ 1688 г. въ Москвѣ была получена грамота низверженнаго константинопольскаго патріарха Діонисія, извѣщавшаго, *что тогда было* самое удобное время для избавленія отъ турок

православныхъ подданныхъ ихъ, грековъ, болгаръ, сербовъ, валаховъ и молдаванъ, которые всѣ и умоляютъ русскихъ царей воспользоваться этимъ временемъ для такого избавленія ихъ. А отъ валахскаго господаря Щербана Кантакузена въ тоже время въ Москвѣ была получена грамота съ просьбой, оставивъ часть русскихъ войскъ въ Запорожьѣ для удержанія крымскихъ татаръ, другую прислать въ Буджакъ и на судахъ въ Дунай, а Щербанъ обѣщалъ придти на помощь имъ въ Буджакъ съ 70 т. войскъ, и всѣ молдаване, валахи, сербы и болгары, до 300 т., пристанутъ къ нимъ, и путь въ Царьградъ будетъ безъ препятствія. Цари отвѣчали Діонисію и Щербану, что самою раннею весною 1689 года пошлютъ воеводъ своихъ съ многими ратями въ Крымъ, а когда онъ будетъ разоренъ, тогда удобно будетъ идти и на другую сторону Днѣпра, въ Буджакъ и за Дунай; валахскому же господарю предлагали выслать свои войска къ турецкимъ городкамъ на Днѣпрѣ.

Вслѣдствіе того, въ томъ же сентябрѣ 1688 г. ратнымъ людямъ былъ объявленъ походъ въ Крымъ. Голицынъ, снова назначенный главнымъ предводителемъ войска и наученный предшествующимъ опытомъ, хотѣлъ предпринять походъ самою раннею весною, дабы не встрѣтить недостатка въ водѣ и травѣ и не опасаться степныхъ пожаровъ. Поэтому ратнымъ людямъ велѣно было собраться не позже февраля 1689 г. Голицыну было необходимо одержать въ походѣ успѣхъ, чтобы побѣдить и татаръ, и враговъ своихъ въ Москвѣ, которые не переставали всячески вредить ему и даже замышлять на его жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ они старались также очернить и погубить гетмана Мазепу, избраннаго по его вліянію и пользовавшагося его поддержкой. При такихъ-то неблагопріятныхъ для нихъ обоихъ условіяхъ и былъ открытъ походъ 1689 г.

Въ февралѣ этого года 112 т. войскъ, раздѣленныхъ на большой полкъ и 4 разряда (корпуса), въ составѣ 3,366 чел. людей московскаго чина, 4,500 чел. полковой службы, 9,270 стрѣльцовъ, около 30,000 рейтаръ и копейщиковъ, до 50,000 солдатъ и до 16,000 казаковъ и калмыковъ (значитъ около 80,000 чел. войскъ нѣмецкаго строя и только около 32,000 чел. русскаго), двинулись изъ южныхъ русскихъ областей къ р. Ворсклѣ по направленію къ Ахтыркѣ. Отсюда Голицынъ 20 марта доносилъ, что походъ замедлялся сильною стужей, большими снѣгами и неприсылкою еще денежной казны для раздачи жалованья войскамъ (и нужно прибавить еще—и многочисленными: артиллеріей, состоявшей почти изъ 700 орудій, и тяжелыми обозами). Но стужа и снѣга не остановили движенія Мазепы съ *казаками и онъ* соединился въ началѣ мая съ Голицынымъ на р. *Самарѣ, на которой*, по предположенію 1687 г., уже была построена

крѣпостца, названная Богородицкою или Новобогородскомъ (нынѣ Новомосковскъ Екатеринославской губерніи).

Здѣсь всѣмъ ратнымъ людямъ, состоявшимъ на продовольствіи казны, были розданы хлѣбные запасы на 2 мѣсяца и получены вѣсти, что въ степяхъ пожаровъ нѣтъ и что ханъ находился тогда въ Буджакѣ, для ближайшей помощи туркамъ въ Венгріи, и не зналъ еще о походѣ русскаго войска въ Крымъ. Когда объ этомъ узнали въ Москвѣ, то написали Голицыну, чтобъ онъ, по совѣту съ гетманомъ, послалъ знающихъ людей за Самару жечь степь вплоть до Перекопа и турецкихъ городковъ на Днѣпрѣ, такъ какъ къ приходу русскаго войска въ эти мѣста тамъ поспѣютъ, будтобы, новыя травы (странное распоряженіе послѣ неудачи похода 1687 г. именно вслѣдствіе сожженія степи татарами). Гораздо болѣе замѣчателенъ планъ похода, предложенный Гордономъ и состоявшій въ томъ, чтобы: 1) упрочить за собою обладаніе пройденнымъ пространствомъ посредствомъ устроенія на каждыхъ 4 переходахъ опорныхъ пунктовъ-городковъ (фортовъ), съ гарнизонами, 2) на Днѣпрѣ устроить флотилію изъ легкихъ судовъ для содѣйствія войску и 3) изготовить понтоны, которые слѣдовали бы съ войскомъ. Но Голицынъ не принялъ этого весьма благоразумнаго плана и, переправясь за Самару, продолжалъ походъ въ томъ же направленіи и такимъ же порядкомъ, что и въ 1687 г., т. е. къ р. Конскія Воды, 6-ю колоннами, въ одномъ общемъ, продолговатомъ четвероугольникѣ, огражденномъ обозами, артиллеріей и конницей, имѣя впереди авангардъ Шеина и Гордона, при чемъ какъ главныя силы, такъ и авангардъ на ночь располагались въ отдѣльныхъ станахъ, какъ изображено на прилагаемомъ чертежѣ (см. въ концѣ книги) Отъ Конскихъ водъ войско продолжало медленно подвигаться къ Черной Долинѣ подъ Перекопью. Здѣсь 13 мая оно впервые увидѣло татаръ: то былъ сынъ хана, Нуреддинъ-Калга, котораго онъ оставилъ съ частію силъ для защиты Перекопи, самъ съ главными силами находясь въ Буджакѣ. 16 мая Нуреддинъ-Калга, бросясь на авангардъ Шеина и Гордона, едва не уничтожилъ его, но Голицынъ успѣлъ во-время подать помощь ему. Тогда Нуреддинъ напалъ на русское войско съ тыла. Это стремительное и сильное нападеніе сначала было успѣшно: русская конница, а за нею и пѣхота, бросились внутрь четвероугольника обоза, но сильный огонь русской артиллеріи отразилъ татаръ. Они бросились на лѣвый флангъ русскаго четвероугольника, но и тутъ также были отражены артиллеріей, послѣ чего, понеся большой уронъ, только издали окружали русское войско, наѣздничая по своему обычаю.

На другой день, 17 мая, воеводы, видя безсиліе русской конни-

цы противъ татарской, рѣшили помѣстить ее внутри четвероугольника и прикрыть пѣхотой, обозами и артиллеріей! Голицынъ поспѣшилъ донести въ Москву о своей побѣдѣ, что возбудило большую радость со стороны правительницы.

Продолжая походъ, русское войско 20 мая приблизилось къ Перекопи—укрѣпленному городку или замку, защищавшему широкій и глубокій ровъ (перекопь), пересѣкавшій узкій перешеекъ между западнымъ заливомъ Чернаго моря и Сивашемъ или восточнымъ заливомъ Азовскаго. Впереди Перекопи стоялъ самъ ханъ, уже прибывшій съ 50 т. татаръ изъ Буджака. Соединясь съ своимъ сыномъ, онъ окружилъ и атаковалъ русское войско со всѣхъ сторонъ. Хотя Голицынъ, оградивъ войско обозами и рогатками, отражалъ татаръ сильнымъ огнемъ артиллеріи, однако Нурредин ъ, разстроивъ казаковъ, приперъ ихъ къ обозу, разграбилъ его и взялъ 20 пушекъ, и въ тоже время татары напали на окольничаго Неплюева, но онъ успѣлъ отразить ихъ.

Послѣ того Голицынъ приблизился къ Перекопи на пушечный выстрѣлъ и ночью хотѣлъ было атаковать Перекопь. Но только тутъ онъ убѣдился, что не такъ-то легко было, какъ онъ предполагалъ, проникнуть въ Крымъ и завоевать его. Прежде всего необходимо было взять крѣпость—а войско, уже двое сутокъ бывшее безъ воды, справа и слѣва имѣло только соленую морскую воду, колодцовъ съ прѣсною водою не было, ратные люди изнемогали отъ жажды, а лошади издыхали во множествѣ; еще нѣсколько дней и не на чемъ было бы везти пушки и обозы. Нечего было дѣлать—приходилось идти назадъ; но чтобы воротиться по крайней мѣрѣ хоть съ чѣмъ-нибудь, Голицынъ вступилъ въ переговоры съ ханомъ, льстя себя надеждой, что онъ, убоясь нашествія на Крымъ, согласится на выгодныя для Россіи условія, а именно: чтобы татары обязались прекратить свои набѣги на русскіе предѣлы, отказались отъ дани, платимой Россіей, не тревожили Польши и не помогали Турціи. Такія условія могъ бы предписывать только побѣдитель, а Голицынъ вовсе не былъ имъ. Но ханъ съ намѣреніемъ вступилъ въ переговоры и затягивалъ ихъ, зная, что русское войско не могло долго оставаться на мѣстѣ безъ воды и травы. Наконецъ онъ объявилъ, что не иначе согласится на миръ, какъ на основаніи прежнихъ договоровъ и съ уплатой до 200 т. рублей прежней неполученной дани. Тогда Голицыну уже не оставалось ничего болѣе, какъ скорѣе предпринять обратный походъ, хотя и крайне трудный, въ сильный зной, при нестерпимой жаждѣ отъ безводія въ степяхъ. Благо еще было то, что татары преслѣдовали его довольно слабо, не всѣми силами, и 29 мая русское войско наконецъ достигло южныхъ русскихъ предѣловъ.

Здѣсь Голицынъ, по настоянію Петра, получилъ приказаніе оставить въ новой Богородицкой крѣпости около 6 т. войскъ, для обезпеченія границъ, а всѣ остальныя войска распустить.

Правительница, въ своемъ пристрастіи къ любимцу своему Голицыну, въ письмѣ къ нему излила весь восторгъ свой, что онъ избѣжалъ страшной опасносности и не погибъ съ войскомъ. Отъ имени царей Голицынъ получилъ оффиціальную похвальную грамоту. Но многіе другіе (въ томъ числѣ 17-лѣтній Петръ, не говоря уже о врагахъ Голицына) смотрѣли на это иначе—съ большимъ неудовольствіемъ и на второй неудачный походъ временьщика, нимало не достигшій цѣли и едва не погубившій войска, и на прославленіе виновника того, похвалы и награды ему.

Такимъ образомъ, въ то время, когда союзники Россіи—Австрія и Венеція—въ 1687—8—9 г.г. одержали блистательные успѣхи надъ турками, участіе Россіи въ священномъ союзѣ противъ Турціи было самое ничтожное и жалкое, въ сравненіи съ употребленными на то силами, средствами и пожертвованіями. Единственною пользою этихъ двухъ крымскихъ походовъ было развѣ только то, что они отвлекали крымскаго хана отъ поданія помощи турецкому султану на Днѣстрѣ, Прутѣ и Дунаѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что этими двумя неискусными и потому неудачными походами великой Россіи противъ ничтожной, въ сравненіи съ нею, крымской, дикой, разбойничьей и хищной татарской орды жалко заканчивается военная исторія древней Россіи—жалко потому, что въ послѣдній разъ свидѣтельствуетъ о военномъ безсиліи Россіи, вслѣдствіе несостоятельности ея военной системы, бывшей уже анахронизмомъ въ Европѣ въ концѣ XVII вѣка.

Три мѣсяца спустя послѣдовали конецъ стараго порядка и начало новаго и съ нимъ—новой русской военной исторіи, существенно отличной отъ древней.

ГЛАВА VIII.

ВОЙНЫ ТУРОКЪ (1618—1699).

§ 48. Войны при Османѣ II 1618—1622).—§ 49. Войны при Мурадѣ IV (1622—1640).—§ 50. Войны при Ибрагимѣ I (1640—1648).—§ 51. Войны при Мухаммедѣ IV (1648 — 1687).—§ 52. Войны при Сулейманѣ II (III) (1687—1691).—§ 52. Войны при Мустафѣ II (1695—1699).

§ 48.

Войны при Османѣ II (1618—1622).

Въ слѣдующемъ же 1618 году по воцареніи Османа II (см. В.В.И. среднихъ временъ Ч. 2-ю, Отд. 2-е, гл. XXVIII, § 228), между Турціей и Польшей возгорѣлась война за подвластную первой Молдавію.

Уже въ концѣ XVII вѣка отношенія между ними все болѣе и болѣе угрожали разрывомъ и войною. Причиной этого было то, что съ одной стороны казаки безпрестанно нападали на татаръ, подвластныхъ Турціи, а съ другой польскіе магнаты вмѣшивались въ дѣла Молдавіи—тѣ и другіе самовольно, безъ вѣдома польскихъ сеймовъ. Почти не проходило года, чтобы казаки не разоряли какой-либо татарской или турецкой области, особенно со времени гетманства Сагайдачнаго. А татары въ свою очередь мстили за то разореніемъ Украйны и особенно Подоліи и Червонной Руси (Галиціи) *).

*) По исчисленію Червинскаго (въ его «Описаніи Заднѣпрія»), отъ Болеслава Цѣломудреннаго (1279 — 1289) до Сигизмунда III (1586—1632) включительно было 42 татарскихъ набѣга. Поэтому можно судить о состояніи *края между* Днѣстромъ и Днѣпромъ (Павлищева Польская исторія).

Не менѣе того раздражали Турцію поиски польскихъ магнатовъ въ Молдавію противъ господарей ея, назначенныхъ Портой. Въ 1600 г. трансильванскій воевода Михаилъ, отнявъ господарство у Іереміи Могилы, преданнаго Польшѣ, хотѣлъ-было распространить свои владѣнія на счетъ Польши, предлагая раздѣлить ее между Австріей, Швеціей и Россіей. Но Замойскій изгналъ его изъ Молдавіи и возвратилъ господарство Іереміи. Поиски другихъ польскихъ магнатовъ не были столь успѣшны: Потоцкій, поддерживавшій родственника своего, Константина Могилу (1612), попалъ въ плѣнъ туркамъ; подобная же участь постигла и князей Корецкихъ и Вишневецкихъ, дѣйствовавшихъ въ пользу того же рода Могилы (1616).

Турція сносила все это терпѣливо, пока была въ войнѣ съ Австріей и Персіей. Но, по примиреніи съ ними, въ 1617 году Искендеръ или Скиндеръ-паша явился на границахъ Польши съ 80 т. войскъ и требовалъ вознагражденій. Гетманъ Жолкѣвскій, которому Сигизмундъ III поручилъ оборону южныхъ границъ отъ татаръ и турокъ, былъ гораздо слабѣе Искендера-паши, однако смѣло встрѣтилъ его подъ Бушей на Днѣстрѣ. Но раздоръ между польскими военачальниками, неповиновеніе ихъ гетману, безпечность короля и тайныя приказанія его не подвергать Рѣчи Посполитой опасности при сомнительной войнѣ съ Россіей—все это было причиной, что Жолкѣвскій былъ принужденъ заключить 15 сентября 1617 г. при м. Яругѣ договоръ, которымъ Польша отказалась отъ вмѣшательства въ дѣла Молдавіи и обязалась обуздать казаковъ.

Но казаки на другой же 1618 г. разграбили Варну и Трапезунтъ, а Сигизмундъ тайно послалъ лисовчиковъ на помощь Австріи противъ трансильванскаго князя Бетлена-Габора, осаждавшаго Вѣну. Когда по просьбѣ послѣдняго Порта низложила молдавскаго господаря Гаспара Граціани, преданнаго Польшѣ, Сигизмундъ велѣлъ Жолкѣвскому идти на помощь Граціани. Противъ нихъ посланъ былъ Искендеръ-паша, съ пашами: румилійскимъ, никопольскимъ и виддинскимъ, крымскимъ ханомъ Джанибекомъ и многочисленнымъ турецко-татарскимъ войскомъ. Искендеръ-паша переправился съ ними близъ Яссъ черезъ Прутъ и двинулся къ стану польскаго войска при м. Цецоры на берегу этой рѣки. 19-го сентября 1620 г. произошла первая, а на другой день, 20 сентября, вторая, главная битва впереди польскаго стана. Поляки были разбиты, съ урономъ до 10 т. убитыхъ опрокинуты въ свой станъ и принуждены отступать. 17 дней продолжалось это отступленіе ихъ до Днѣстра и ежедневный бой ихъ съ сильно преслѣдовавшими ихъ татарами. По прибытіи ихъ 7 октября къ Днѣстру и при переправѣ

черезъ него, между поляками произошелъ большой безпорядокъ. Татары воспользовались этимъ и стремительно напали на нихъ. Тогда бѣгство и пораженіе послѣднихъ сдѣлались всеобщими, а потери ихъ громадными. Жолкѣвскій и Граціани были убиты, Калиновскій утонулъ въ Днѣстрѣ, Конецпольскій взятъ въ плѣнъ, словомъ—все польское войско было почти совершенно уничтожено. Эта несчастная для поляковъ битва, начавшаяся 19 и 20 сентября у м. Цецоры на Прутѣ и кончившаяся 7 октября на Днѣстрѣ, извѣстна подъ общимъ названіемъ битвы при Цецорѣ 7 октября 1620 г. *).

И на морѣ также въ этомъ году счастіе благопріятствовало туркамъ болѣе, нежели въ 1619 году, когда флорентійцы отняли у нихъ много галеръ. Капуданъ-паша Халилъ, направясь съ 40 галерами отъ Наварина къ Манфредоніи, напалъ на этотъ городъ, въ трое сутокъ взялъ замокъ его, разорилъ все огнемъ и мечомъ, и воротился съ богатою добычей. Но мальтійцы съ своей стороны взяли замокъ Торнезе въ Мореѣ.

Въ то же время Турція поддерживала Бетлена-Габора и мятежниковъ въ Венгріи, Австріи и Чехіи.

Страшный разгромъ польскаго войска при Цецорѣ, при чемъ погибъ цвѣтъ польской знати, побудилъ поляковъ выставить въ слѣдующемъ 1621 году войско болѣе многочисленное, тѣмъ болѣе, что уже самъ султанъ Османъ лично велъ огромныя полчища противъ Польши. Начальствовавшій польскимъ войскомъ гетманъ Ходкевичъ, подкрѣпленный Сагайдачнымъ съ казаками, сильно укрѣпился подъ Хотиномъ. А Османъ 23 мая выступилъ изъ-подъ Константинополя съ многочисленнымъ войскомъ къ Адріанополю, гдѣ пробылъ 10 дней, для упражненія войскъ въ стрѣльбѣ въ цѣль и строевыхъ дѣйствіяхъ. 11 іюня онъ двинулся черезъ Ямболь и Балканы къ Исакчи. Переходъ черезъ Балканы, вслѣдствіе дождей, былъ крайне труденъ и стоилъ потери множества людей и лошадей. По прибытіи къ Исакчи 12 іюля, Османъ приказалъ строить мостъ черезъ Дунай и новый замокъ. 30 іюля мостъ былъ готовъ и войско стало переходить черезъ Дунай. 8-го августа въ Молдавіи къ нему присоединился Дилаверъ-паша, беглербегъ Діарбекирскій, съ своими войсками, и онъ продолжалъ походъ къ Хотину. 30 августа передовыя войска его разбили 5 т. чел. польской передовой же конницы. Наконецъ 31 августа (3 мѣсяца послѣ выступленія изъ-подъ

*) Въ ней, между прочимъ, молодой Богданъ Хмѣльницкій, видя тяжело раненаго отца своего, бросился въ ряды турокъ спасти его, но былъ взятъ въ плѣнъ.

Константинополя) Османъ съ главными силами прибылъ въ Хотину, гдѣ къ нему присоединился крымскій ханъ. Въ это время, по свидѣтельству турецкихъ историковъ, польскій канцлеръ (Ходкевичъ) стоялъ съ 4 т. поляковъ и съ 8 т. нѣмцовъ въ укрѣпленномъ лагерѣ на Днѣстрѣ, а 60 т. польскихъ войскъ — въ такомъ же лагерѣ при Каменцѣ. Турецко-татарское войско обложило первый изъ этихъ лагерей со всѣхъ сторонъ. Молдавскому воеводѣ Стефану Томсѣ, врагу поляковъ, поставленному Османомъ, послѣдній велѣлъ построить мостъ черезъ Днѣстръ. 8 сентября произведенъ былъ 1-й удачный приступъ къ польскому лагерю: турки и татары взяли при этомъ 12 пушекъ и 34 знамени, и болѣе 4 т. поляковъ осталось на мѣстѣ. 9 сентября Кантемиръ-мирза ногайскій переправился черезъ Днѣстръ и совершилъ опустошительный набѣгъ на польскія владѣнія. Въ тотъ же день произведенъ былъ 2-й приступъ къ польскому лагерю, но былъ отраженъ огнемъ польской артиллеріи. 3-й приступъ послѣ того также не имѣлъ успѣха. 4-й — самый сильный и жаркій, 14 сентября, при чемъ Османъ лично атаковалъ таборъ казаковъ, также не имѣлъ успѣха и стоилъ туркамъ огромнаго урона. За это Османъ низложилъ великаго визиря и назначилъ на его мѣсто Дилавера-пашу. А 2-й визирь Хуссейнъ перешелъ черезъ Днѣстръ по вновь построенному мосту. 23 сентября поляки произвели отчаянную ночную вылазку и нанесли непріятелю большой вредъ. Наконецъ 24 сентября произведенъ былъ 5-й приступъ и вслѣдъ затѣмъ 6-й общій и послѣдній, въ которомъ цѣлый день съ утра до ночи происходилъ необыкновенно упорный и жестокій бой, причинившій обѣимъ сторонамъ, особенно туркамъ, огромный уронъ, но не имѣвшій для турокъ никакого успѣха. На другой день 6-го приступа, въ станѣ Османа собранъ былъ военный совѣтъ и положено 30 дней (т. е. до конца октября) дать войску отдыхъ, продолжая только обложеніе польскаго лагеря. Но наступленіе осени и обоюдныя огромныя потери заставили обѣ стороны желать примиренія. Переговоры о томъ начаты были черезъ посредство валахскаго господаря Радула. Не смотря на смерть Ходкевича, вскорѣ послѣдовавшую въ Хотинѣ, Дилаверъ-паша склонилъ Османа къ миру — и 7 октября онъ былъ заключенъ на условіяхъ Яругскаго договора (см. выше), съ обязательствомъ Польши ежегодно исправно платить крымскому хану денежную «донативу» (даръ), т. е. просто дань.

Такъ кончился — выгодно для хана, но безвыгодно для султана и Польши—походъ 1621 года, въ которомъ слабѣйшее числомъ польское войско храбро отразило 6 жестокихъ приступовъ гораздо сильнѣйшаго турецко-татарскаго войска, нанеся ему громадный уронъ,

хотя и само понесло не меньшій, именно: по свидѣтельству христіанскихъ историковъ—турки и татары до 80 т. чел. и 100 т. лошадей, христіане же, по показанію турецкихъ историковъ — до 100 т. чел.; но первое показаніе вѣроятнѣе послѣдняго.

Османъ, воротясь въ Константинополь, съ досады и огорченія за претерпѣнную имъ неудачу предался распутству и жестокости. Янычары и спаги взбунтовались, свергли его съ престола и снова возвели на него слабоумнаго **Мустафу I** (въ маѣ 1622 года), а **Османъ** въ заключеніи своемъ былъ, по приказанію великаго визиря, преданъ мучительной смерти. Тогда безпорядки возросли до высшей степени: многіе высшіе сановники были казнены, другіе изгнаны, и наконецъ въ августѣ 1623 г. **Мустафа** былъ низложенъ и на мѣсто его возведенъ на престолъ 12-ти-лѣтній братъ **Османа**, **Мурадъ**.

§ 49.

Войны при Мурадѣ IV (1623—1640),

Первыя 6 лѣтъ до совершеннолѣтія **Мурада IV**, въ теченіи которыхъ Турціей управляла мать его и великіе визири, были крайне смутнымъ временемъ. Они были ознаменованы страшными внутренними безпорядками, но никакими важными и замѣчательными внѣшними войнами. Но когда **Мурадъ** достигъ совершеннолѣтія (1630), и лично вступивъ въ управленіе, строгостью до жестокости возстановилъ въ Турціи и ея войскѣ порядокъ, онъ обратилъ оружіе свое въ Малую Азію противъ мятежника **Бекира**, передавшаго Багдадъ и себя во власть персидскаго шаха **Аббаса**. Тщетно турки старались возвратить въ свою власть Багдадъ — этотъ священный для мусульманъ городъ, древнюю столицу халифовъ и важнѣйшую для турокъ твердыню ихъ на востокѣ, на границѣ съ Персіей. Великій визирь **Хафизъ-паша** осадилъ-было Багдадъ, но неповиновеніе войскъ его и прибытіе свѣжихъ персидскихъ подкрѣпленій принудили его снять осаду. Столь же неудачны были походы турокъ противъ возмутившихся: крымскаго хана **Мухаммеда** и эрзерумскаго паши **Абаза**: кончилось тѣмъ, что тотъ и другой были утверждены въ похищенной ими власти. Въ Европѣ происки трансильванскаго князя **Бетлена-Габора** вовлекли **Мурада** въ кровопролитныя распри съ Австріей, но онѣ были превращены мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Сёни (Szön) на Дунаѣ въ Венгріи *(1627)*. Въ 1629 году турки предприняли 2-й походъ противъ

Багдада и снова тщетно осаждали этотъ городъ: хотя Мурадъ лично предводительствовалъ войскомъ, но принужденъ былъ снять осаду и отступить. Неудаченъ былъ и походъ его въ Польшу, въ 1633 г., въ то время, когда польскій король Владиславъ воевалъ съ Россіей. Мечтая о завоеваніи Польши, Мурадъ послалъ многочисленное войско подъ Каменецъ въ Подоліи; но Конецпольскій мужественно отразилъ турокъ отъ него (1633), а примиреніе Польши съ Россіей склонило и Мурада къ миру съ первою изъ нихъ, заключенному осенью 1634 г. на прежнихъ условіяхъ. Наконецъ въ 3-мъ походѣ противъ Багдада Мурадъ успѣлъ овладѣть этимъ городомъ и снова возсоединить его и всю Мессопотамію съ Турціей. Такимъ образомъ, за исключеніемъ этого 3-го похода противъ Багдада, всѣ войны и походы Мурада вообще были неудачны и только болѣе и болѣе ожесточали его и усиливали его жестокость и кровожадность. Особенно же походы къ Багдаду были ознаменованы необыкновенными: жестокостью, казнями и убійствами и были, можно сказать, залиты кровью. Вскорѣ послѣ того страсть къ вину низвела Мурада—этого турецкаго Нерона—въ могилу (1640).

§ 50.

Войны при Ибрагимѣ I (1640—48).

При братѣ и преемникѣ Мурада IV, Ибрагимѣ I, опытные великіе визири успѣли мирными договорами прекратить распри Турціи съ Польшей и Россіей за безпрерывные набѣги запорожскихъ и донскихъ казаковъ, на морѣ и сухомъ пути, на турецкія и крымскія владѣнія, а татаръ—на польскія и русскія. Въ 1642 году Турція возвратила себѣ Азовъ, который донскіе казаки взяли въ 1637 г. и владѣли имъ 5 лѣтъ. Распри съ Австріей, вслѣдствіе честолюбивыхъ притязаній трансильванскаго князя Ракоци на обладаніе верхнею Венгріей, были устранены подтвержденіемъ мирнаго договора, заключеннаго въ 1627 году въ Сёни. Въ 1645 же году Ибрагимъ, поощренный капуданомъ-пашой Юсуфомъ, бѣглымъ венеціянцомъ, вступилъ въ войну съ венеціянскою республикой за обладаніе островомъ Кандіей и осадилъ на немъ главный городъ того же имени. Кандійская война продолжалась цѣлыхъ 27 лѣтъ, была ведена съ перемѣнными успѣхомъ и часто прерывалась возмущеніями на о. Кипрѣ, въ Малой Азіи, Багдадѣ и Сивасѣ, почему при Ибрагимѣ осада Кандіи была снята. А въ 1648 году взбунто-

вавшіеся янычары умертвили Ибрагима и возвели на престолъ 7-ми-лѣтняго сына его, Мухаммеда.

§ 51.

Войны при Мухаммедѣ IV (1648—1687).

13 лѣтъ до совершеннолѣтія Мухаммеда IV, когда государствомъ правили бабка и мать его и великіе визири, были, также какъ и въ малолѣтство Мурада IV, чрезвычайно смутнымъ для Турціи временемъ, въ продолженіи котораго она была потрясаема внутренними возмущеніями и кровавыми распрями религіозныхъ сектъ. При этомъ въ 1651 г. турецкій флотъ былъ разбитъ венеціянцами, и только въ 1654 г. туркамъ удалось вознаградить это пораженіе побѣдой надъ венеціянскимъ флотомъ въ Дарданеллахъ. Но еще до того начались новыя распри съ Польшей изъ-за малороссійскаго гетмана Хмѣльницкаго. Турки и татары вторглись въ южныя польскія области и жестоко разорили ихъ, но, разбитые при Зиньковцахъ, въ 1653 г. заключили миръ въ Каменцѣ-Подольскомъ. Въ 1655 г. страшный бунтъ въ Константинополѣ взволновалъ всю Турцію, ослабилъ силы ея и возбудилъ новыя возстанія въ Малой Азіи. А едва Мухаммедъ IV и знаменитый великій визирь его, Мухаммедъ Кёприли, успѣли возстановить порядокъ, какъ въ 1656 г. турецкій флотъ былъ снова разбитъ венеціянцами, которые взяли о. о. Тенедосъ, Самоѳракію и Лемносъ. Въ 1657 г. соединенный флотъ турецко-варварійскій (мусульманскихъ владѣній въ Африкѣ) былъ снова разбитъ венеціянцами, но отмстилъ за то побѣдами при о. Кандіи и покореніемъ нѣкоторыхъ острововъ Архипелага. Вскорѣ послѣ того Кёприли, въ отмщеніе за отложеніе Ракоци и союзниковъ его, господарей Молдавіи и Валахіи, разорилъ эти двѣ области и часть Трансильваніи, совершенному покоренію которой помѣшало страшное возмущеніе Абаза-Хассана въ Малой Азіи. По возстановленіи въ ней спокойствія, татары и турки произвели нашествіе на нижнюю Волгу и, по турецкимъ источникамъ, разбили на ней русскія войска. По смерти Кёприли въ 1661 г., сынъ его Ахмедъ дѣятельно и успѣшно продолжалъ войну съ Австріей въ Венгріи, разбилъ австрійцовъ при Гранѣ, завоевалъ крѣпость Уйваръ (по нѣмецки Нейгейзель), считавшуюся неодолимою, и сталъ столь грознымъ для Австріи, Германіи и западной Европы, что имперскіе князья и даже Франція поспѣшили на помощь Австріи. Знаменитый Монтекукули въ 1664 г. разбилъ турокъ при Ловенцѣ и Сенъ-

Готтардѣ, а Ахмедъ Кёприли отступилъ въ Васваръ. Здѣсь австрійскіе министры, къ большому неудовольствію союзниковъ, заключили миръ съ Турціей, болѣе выгодный для нея, чѣмъ для Австріи: Уйваръ, Серинваръ и Гросвардейнъ остались во власти турокъ.

Между тѣмъ въ Украйнѣ честолюбивый гетманъ ея на правой сторонѣ Днѣпра, поставленный Польшею, Дорошенко не хотѣлъ гетманствовать подъ властію ея. И когда Янъ-Казиміръ, послѣ неудачнаго похода своего въ 1665 г. подъ Глуховъ (см. выше § 41), сталъ вымещать неудачу свою на казакахъ, подозрѣваемыхъ имъ въ измѣнѣ, Дорошенко окружилъ себя недовольными казаками, въ 1666 г. разбилъ поляковъ подъ Батогомъ и передался подъ покровительство Турціи (см. выше § 42). Но Янъ-Казиміръ не могъ укротить мятежа Дорошенки, потому что принужденъ былъ усмирять другой, возбужденный въ самой Польшѣ Любомирскимъ. Пользуясь тѣмъ, 80 т. татаръ и 3 т. янычаровъ, предшествуемые Дорошенкомъ съ казаками, вторглись въ Волынію, замышляя покорить всю Польшу. Тщетно Янъ-Казиміръ созывалъ посполитое рушенье для подкрѣпленія великаго гетмана Собѣскаго, который съ войскомъ вдесятеро слабѣйшимъ, мужественно оборонялся въ Подгайцахъ (мѣстечкѣ Потоцкихъ на р. Кропецъ въ Червонной Руси или Галиціи, въ 16 миляхъ къ з. отъ Каменца и въ 5 миляхъ отъ Днѣстра). Шляхта не повиновалась королю, но мужество и искуство Собѣскаго восторжествовали надъ превосходствомъ силъ татаръ и турокъ: 15 октября 1667 г. Собѣскій не только разбилъ ихъ, но и заставилъ татаръ заключить союзъ съ Польшей, а Дорошенка — снова покориться королю по особому договору (19-го октября 1667) *).

Турки, въ виду этого, продолжали вооружаться на Дунаѣ, съ главнымъ же турецкимъ войскомъ Ахмедъ Кёприли еще весною 1667 г. отправился на о. Кандію, дабы положить конецъ кандійской войнѣ, продолжавшейся уже 21 годъ съ перерывами (съ 1645 г.). Но главный городъ острова, того же имени—Кандія держался еще цѣлыхъ 2 года и только 6 сентября 1669 г. покорился наконецъ со всемъ островомъ. Одержавъ этотъ успѣхъ и покончивъ кандійскую войну миромъ съ Венеціей, Мухаммедъ положилъ обратить свое оружіе противъ Польши, въ защиту малороссійскихъ казаковъ правой стороны Днѣпра, съ которыми Дорошенко въ томъ же 1679 г. отложился отъ Польши и присягнулъ на подданство султану. Стремясь гетманствовать на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, но потерявъ надежду властвовать въ заднѣпровской Украйнѣ, которая,

*) Павлищева Польская исторія и Польская анархія.

съ назначеніемъ въ гетманы оной Многогрѣшнаго (1668), осталась вѣрною царю Алексѣю Михайловичу, честолюбивый Дорошенко предпочелъ лучше быть гетманомъ въ правобережной Украйнѣ подъ властію султана, чѣмъ польскаго короля Михаила Вишневецкаго. Договоръ, заключенный съ нимъ этимъ послѣднимъ 2 сентября 1670 г. въ Острогѣ Волынскомъ, остался безъ всякаго дѣйствія и король, положивъ силою оружія возвратить правобережную Украйну въ подданство Польшѣ, отдалъ ее на гадячскихъ условіяхъ конневому Ханенкѣ. Въ 1671 г. Собѣскій въ короткое время успѣлъ силою оружія смирить Дорошенка и обложить его въ Чигиринѣ. Поляки думали, что этимъ дѣло было кончено и пренебрегали угрозами султана, однако 9 апрѣля 1672 г. заключили союзъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который обязался помогать Польшѣ въ случаѣ войны ея съ Турціей.

Война эта разразилась вслѣдъ затѣмъ, и самъ Мухаммедъ, съ 150 т. войскъ, предводимыхъ Ахмедомъ Кёприли, въ августѣ 1672 г. явился на берегахъ Днѣстра, осадилъ Каменецъ, взялъ его въ 10 дней (29 августа) и расположился при Бучачѣ (на р. Стрипѣ въ восточной Галиціи, между Чортковымъ и Галичемъ), поручивъ татарамъ и Дорошенкѣ взять Львовъ и разорить окрестности его. Пока ничтожный гарнизонъ Львова храбро защищался, а въ Голембѣ, въ Великой Польшѣ, съ октября образовалась конфедерація для спасенія отечества, королевскіе послы 18 октября заключили въ Бучачѣ постыдный миръ, уступивъ Турціи Каменецъ и Подолію, а казакамъ, подвластнымъ Турціи, правобережную Украйну, съ обязательствомъ Польши ежегодно платить Турціи дань въ 22 т. червонцовъ.

Вслѣдствіе того, вся Польша пришла въ волненіе и, сверхъ Голембской конфедераціи, въ ней образовались еще двѣ—Ловичская и третья изъ слугъ Голембской шляхты. 4 января 1673 г. на конфедераціонномъ сеймѣ въ Варшавѣ, враги Собѣскаго обвинили его въ измѣнѣ, но онъ, явясь съ войскомъ подъ Варшавой, принудилъ чиновъ сейма примириться, уничтожить Бучачскій договоръ и усилить наборъ войскъ (13 апрѣля 1673 г.).

При вѣсти объ этомъ, султанъ снова двинулся къ Днѣстру. Поляки ожидали помощи отъ царя, который въ это время безуспѣшно ходатайствовалъ за Польшу почти у всѣхъ европейскихъ дворовъ, однако не медлили и самъ король принялъ въ Глинянахъ (къ в. отъ Львова), начальствованіе надъ собравшимися тамъ 50 т. войскъ. За болѣзнію его, Собѣскій переправился съ этими войсками черезъ Днѣстръ и 11 ноября 1673 г., въ виду турецкаго гарнизона Каменца, разбилъ сераскира Хуссейна подъ Хотиномъ. Вслѣдъ за-

тѣмъ онъ уже готовился идти къ Дунаю, а русскія войска подъ начальствомъ Ромодановскаго уже приближались на соединеніе съ войскомъ Собѣскаго, когда смерть короля Михаила Вишневецкаго (10 ноября) произвела 5-ти-мѣсячное междуцарствіе, а 21 мая 1674 г. королемъ провозглашенъ былъ Янъ Собѣскій.

Во время междуцарствія, султанъ въ 1674 г. снова совершилъ походъ къ Днѣстру, взялъ Хотинъ, назначилъ правителемъ Каменца и Подоліи пашу Шишмана Ибрагима, двинулся въ правобережную Украйну, для покоренія въ ней городовъ, еще не занятыхъ Дорошенкомъ, и, совершивъ это, возвратился въ Константинополь, въ увѣренности, что поляки не будутъ въ состояніи предпринять что-либо важное противъ Каменца.

Дѣйствительно, Собѣскій едва только 22 сентября 1674 г. могъ выступить съ войскомъ въ походъ, дабы отнять обратно у Дорошенки нѣкоторые города въ Украйнѣ. Въ слѣдующемъ 1675 году недостатокъ денегъ и ссора короля съ Пацомъ, который вслѣдствіе того увелъ литовское войско въ Литву, предвѣщали, казалось, не болѣе успѣха. Однако, не смотря на то, Собѣскій, съ обычнымъ мужествомъ своимъ, 24 августа 1675 г. отразилъ татаръ отъ Львова, принудилъ турокъ отступить къ Каменцу, преслѣдовалъ ихъ за Днѣстръ и воротился въ Краковъ, дабы на коронаціонномъ сеймѣ въ немъ (2 февраля 1676 г.) склонить поляковъ къ рѣшительной войнѣ съ турками и татарами. Сеймъ обѣщалъ ему выставить 100 т. войскъ; но когда новый сераскиръ Шайтанъ-паша въ 1676 г. вступилъ въ Галицію, Собѣскій съ трудомъ едва успѣлъ собрать 13 т. войскъ, съ которыми и двинулся противъ турокъ. Окруженный ими подъ Журавномъ (нынѣ Журавна на Днѣстрѣ, къ ю. отъ Жидачева, въ центральной Галиціи), онъ едва не погибъ; однако, послѣ 3-хъ-недѣльной, мужественной обороны и благодаря возмущенію янычаровъ въ войскѣ сераскира, онъ успѣлъ заключить (17 октября 1676 г.) миръ, хотя и тягостный, но еще довольно сносный. По этому миру двѣ области правобережной Украйны, бѣлоцерковская и паволочская, были укрѣплены за казаками, подвластными Польшѣ, а третья, чигиринская, съ Запорожскою Сѣчью и Каменцомъ оставлены подъ властью Турціи. Съ этого времени въ правобережной Украйнѣ было два гетмана, одинъ отъ Польши, а другой отъ Молдавіи, которой султанъ въ 1680 г. передалъ турецкую Украйну *).

---

*) Именно молдавскому господарю Дукѣ, который заступилъ мѣсто Юрія Хмѣльницкаго, преемника Гоголя, назначеннаго султаномъ въ 1676 г. на мѣсто Дорошенки, передавшагося Россіи (Павлищева Польская исторія и Польская анархія).

Сеймъ въ 1677 г. утвердилъ Журавинскій договоръ, потому что послѣдній удовлетворялъ и желаніямъ шляхты, нерасположенной къ войнѣ, и видамъ французской партіи въ Польшѣ, всегда клонившимся къ вооруженію Турціи противъ Австріи. Но Собѣскій признавалъ этотъ договоръ тягостнымъ для Польши и унизительнымъ для европейскихъ христіанскихъ державъ, и предвидѣлъ вѣроятность новыхъ, важнѣйшихъ утратъ, при явномъ стремленіи Турціи стать твердою ногой въ Польшѣ и даже овладѣть Балтійскимъ поморьемъ. Вслѣдствіе того, онъ замыслилъ планъ общаго европейскаго крестоваго похода противъ турокъ; когда же посольства, отправленныя имъ съ этою цѣлью къ разнымъ дворамъ, не имѣли успѣха, онъ представилъ планъ свой на разсмотрѣніе сейма (4 января 1681 г.) и уже успѣлъ склонить чиновъ его къ разрыву Журавинскаго мира, когда посолъ Домбровскій, подкупленный Франціей, своимъ «не позвалямъ» разорвалъ сеймъ. Къ счастію для Собѣскаго, султанъ Мухаммедъ, озабоченный войною съ царемъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ (см. ниже), оставилъ безъ вниманія замыслы Собѣскаго и даже предложилъ ему новыя, выгоднѣйшія условія мира.

Переходъ Дорошенки въ 1676 г. подъ власть царя побудилъ султана объявить послѣднему въ 1677 г. войну. Эта 1-я война между Турціей и Россіей продолжалась 4 года (1677—1680), но ограничилась военными дѣйствіями подъ Чигириномъ, причемъ турецкимъ войскомъ начальствовалъ новый великій визирь изъ рода Кёприли, Кара-Мустафа, зять и преемникъ Ахмеда Кёприли, умершаго три дня послѣ заключенія Журавинскаго мира. Но наконецъ Кара-Мустафа, съ одной стороны опасаясь войны съ соединенными силами русскихъ войскъ и малороссійскихъ казаковъ, а съ другой имѣя въ виду обратить турецкое оружіе противъ Австріи, 11 февраля 1681 г. въ Радзинѣ заключилъ миръ съ Россіей, уступивъ ей при этомъ Азовъ.

Послѣ того, въ теченіи 1681 и 1682 годовъ и особенно зимою 1682—83 г.г. въ Турціи производились чрезвычайныя вооруженія для войны съ Австріей. Съ Евфрата, Нила и Архипелажскихъ острововъ разноплеменныя войска двигались въ европейскую Турцію къ Адріанополю, а оттуда турецкія войска сосредоточивались къ Будину. Это предвѣщало рѣшительную борьбу исламизма съ христіанствомъ, первые удары которой должны были разразиться надъ Австріей. Положеніе послѣдней было тѣмъ труднѣе и опаснѣе, что въ это время Венгрія, вслѣдствіе гоненія противъ диссидентовъ въ ней, находилась *въ возстаніи* подъ предводительствомъ графа Текели, который, передавшись въ 1678 г. Турціи, призывалъ Валахію, Молдавію и Украй-

ну къ общему союзу съ Венгріей противъ Австріи. Въ этомъ трудномъ положеніи императоръ Леопольдъ I обратился къ Собѣскому съ просьбой о помощи. Собѣскій, видя въ этомъ удобный случай къ исполненію своего плана крестоваго похода противъ турокъ, немедленно, при посредничествѣ папскаго нунція Паллавичини, заключилъ 31 марта 1683 г. въ Варшавѣ договоръ и наступательно-оборонительный союзъ съ императоромъ, съ обязательствомъ выставить 40 т. польскихъ войскъ. Императоръ же, съ своей стороны, отказался отъ всѣхъ притязаній къ Польшѣ за помощь, оказанную ей во время войны ея съ Швеціей въ 1658—59 г.г., и обѣщалъ возвратить актъ 1656 г. объ избраніи австрійскаго эрцгерцога въ короли польскіе. Договоръ этотъ былъ утвержденъ польскимъ сеймомъ. Въ самый день подписанія его въ Варшавѣ (31 марта 1683 г.) султанъ двинулъ янычаровъ изъ Константинополя въ Адріанополь и оттуда въ Бѣлградъ, и самъ на другой день отправился туда же. Узнавъ въ Бѣлградѣ о заключенномъ въ Варшавѣ союзѣ, онъ вручилъ великому визирю Кара-Мустафѣ зеленое знамя пророка и передалъ въ его начальствованіе многочисленное войско, въ которомъ, по современнымъ извѣстіямъ, крайне преувеличеннымъ, было будто бы до 700 т. чел., до 100 т. лошадей, 22 т. верблюдовъ и болѣе 1 т. орудій. Несомнѣнно впрочемъ, что силы турецкаго войска были весьма значительны и умножились еще венгерскими и иными войсками Текели, присоединившимися въ Эссекѣ. Здѣсь визирь и Текели держали военный совѣтъ и рѣшили идти къ Вѣнѣ.

Между тѣмъ, въ то время, когда султанъ находился въ Бѣлградѣ, императоръ Леопольдъ производилъ подъ Пресбургомъ смотръ своимъ войскамъ, числомъ до 44 т. чел. Къ нимъ присоединились еще 3 полка, въ числѣ около 4 т. наемныхъ войскъ, нанятыхъ княземъ Любомирскимъ, вступившимъ въ австрійскую службу. Поручивъ главное начальствованіе этими 48 т. войскъ герцогу Карлу лотарингскому и приказавъ ему идти и взять крѣпость Уйваръ (Нейгейзель), самъ Леопольдъ воротился въ Вѣну. Осада Уйвара велась неудачно, а между тѣмъ Кара-Мустафа, выступивъ изъ Эссека 12 іюня нов. ст. *), двинулся къ Раабу. Вслѣдствіе того герцогъ лотарингскій 28 іюня снялъ осаду Уйвара и отступилъ къ острову Коморну или Шюту. Онъ не могъ остановить визиря на переправѣ черезъ р. Раабъ и, послѣ неуспѣшнаго дѣла 7 іюля подъ Петронелемъ, поспѣшно отступилъ къ Вѣнѣ. На другой день, оставивъ въ ней графа Штаремберга съ 12 т. чел. пѣхоты, онъ перешелъ на

---

*) *Всѣ числа ниже означены по новому стилю.*

лѣвый берегъ Дуная. А Леопольдъ еще прежде того уѣхалъ въ Линцъ и оттуда въ Пассау.

14 іюля визирь, съ войскомъ до 200 т. турокъ, венгровъ, трансильванцовъ и валаховъ, обложилъ Вѣну и слѣдующею же ночью открылъ траншеи въ 200 шагахъ отъ контръ-эскарпа. Лагерь его растянулся противъ города полукружіемъ на 2 мили, отъ Швехата на правомъ берегу Дуная до Гейлигенштадта и Нусдорфа. Гарнизонъ Вѣны состоялъ сначала изъ 3 т. чел. пѣхоты и около 5 т. чел. вооруженныхъ гражданъ, а по прибытіи Штаремберга — всего изъ 20 т. чел. Штарембергъ успокоилъ и ободрилъ жителей Вѣны напоминаніемъ, что она удержалась и въ грозное нашествіе Сулеймана I (II) въ 1529 г., что на защиту ея спѣшатъ имперскіе князья и король польскій, и что, до прибытія ихъ, герцогъ лотарингскій не оставитъ турокъ въ покоѣ. Въ ночь на 17 іюля турки заняли Пратеръ и Леопольдштадтъ, чѣмъ довершили обложеніе Вѣны и съ лѣваго берега Дуная. Визирь поставилъ свой шатёръ въ паркѣ, близь дворца Ла-Фаворитъ, а главную атаку повелъ на бастіоны Львиный и Замковый и на прикрывавшій ихъ равелинъ. Такихъ бастіоновъ было 12, но съ полуобрушившимися валами и рвами. Продовольствіемъ же Вѣна была снабжена достаточно. Осажденные оборонялись мужественно и упорно, производя по временамъ небольшія вылазки; осаждавшіе же вели атаку вяло и, послѣ отбитаго 25 іюля приступа, почти цѣлый мѣсяцъ употребили на овладѣніе (23 августа) только однимъ равелиномъ. Штарембергъ и герцогъ лотарингскій сообщались между собою черезъ лазутчиковъ, переплывавшихъ Дунай, и первый изъ нихъ извѣщалъ, что въ гарнизонѣ Вѣны и въ турецкомъ войскѣ свирѣпствовала диссентерія, похищавшая много людей, а послѣдній, что скоро на помощь прибудетъ король польскій. Артиллерія осаждавшихъ не производила особенныхъ повреждецій въ городѣ: визирь, по мнѣнію его пашей, щадилъ «будущее мѣсто своего пребыванія», но безъ всякой нужды разорялъ татарами окрестности, даже въ тылу своего расположенія.

Между тѣмъ герцогъ лотарингскій прикрывалъ дорогу въ Моравію, по которой ожидалось польское войско, освободилъ Пресбургъ отъ венгерцовъ, разбилъ ихъ на р. Моравѣ (Мархъ), потомъ, отступивъ къ Клостернейбургу на Дунаѣ, вошелъ въ сообщеніе съ подходившими имперскими войсками и 14 августа на-голову разбилъ пашу варадинскаго, переправлявшагося черезъ Дунай съ турками и венгерцами.

Императоръ Леопольдъ, еще въ то время, когда узналъ, что *турки изъ Эссека* идутъ къ Вѣнѣ, потребовалъ отъ Собѣскаго, въ *силу договора*, вспомогательнаго войска. Но зная, что въ Польшѣ не-

легко было вскорѣ собрать войско, хотя и малочисленное, и что военныя силы Рѣчи Посполитой въ это время не превышали 12 т. польскихъ и 6 т. литовскихъ войскъ, онъ просилъ Собѣскаго скорѣе прибыть лично, будучи увѣренъ, что если онъ захочетъ стать въ главѣ союзной арміи, то страшное для турокъ имя его будетъ достаточно для пораженія ихъ. Хотя герцогъ лотарингскій также былъ, не менѣе Собѣскаго, страшенъ туркамъ, но въ лагерѣ союзниковъ (имперскихъ князей) былъ раздоръ: никто не хотѣлъ быть подчиненнымъ, но каждый хотѣлъ быть главнымъ начальникомъ. Поэтому самъ герцогъ лотарингскій просилъ Собѣскаго прибыть скорѣе и, принявъ главное начальствованіе, прекратить раздоры.

Но Собѣскій, какъ король, не считалъ подобающимъ своему сану прибыть одному безъ войска и потому употребилъ всѣ усилія, чтобы скорѣе образовать хотя незначительный отрядъ войскъ. Ему удалось набрать 16 т. поляковъ, большею частію народовой конницы; пѣхоту же онъ хотѣлъ образовать изъ навербованныхъ казаковъ, но это дѣло затянулось и казаки не поспѣли прибыть во-время. Литовскія войска собирались еще медленнѣе, такъ что Собѣскій, не дождавшись ихъ, велѣлъ польскимъ войскамъ собираться въ Тарновицѣ (Тарновой горѣ), пограничномъ съ Силезіей городѣ, и самъ выступилъ изъ Кракова, однако не ранѣе 17 августа. Въ собиравшемся въ Тарновицѣ польскомъ войскѣ пѣхота и артиллерія были очень малочисленныя и плохія: въ послѣдней было только 28 орудій и изъ тѣхъ только 6 годныхъ къ употребленію въ полѣ. Уступая просьбамъ австрійскаго генерала Карафы, присланнаго императоромъ, объ ускореніи похода, Собѣскій взялъ съ собою по инымъ 4 т., а по другимъ 2 т. чел. отборной конницы и 22 августа двинулся усиленными переходами, такъ что въ 9 дней прошелъ чрезъ Силезію и Моравію и 31 августа прибылъ въ Олле (Голлабруннъ), пройдя 350 верстъ въ 10 дней. Въ Олле (Голлабруннѣ) его встрѣтилъ герцогъ лотарингскій и между ними тотчасъ же установились и постоянно сохранялись самыя дружескія отношенія. Тутъ же къ Собѣскому явился начальствовавшій франконскимъ контингентомъ графъ фонъ-Вальдекъ, а въ Штадельдорфѣ—курфирстъ саксонскій. Въ то же время приступлено было къ постройкѣ моста черезъ Дунай противъ Тульна, въ 5 миляхъ отъ Вѣны. 5 сентября къ Собѣскому присоединился и гетманъ Яблоновскій съ остальными польскими войсками. Въ тотъ же день, послѣ военнаго совѣта, всѣ войска двинулись къ переправѣ и двое сутокъ переходили черезъ Дунай по мосту. Въ Тульнѣ къ нимъ присоединился курфирстъ баварскій съ своими войсками. По соединеніи ихъ всѣхъ, въ союзной арміи оказалось 16 т. поляковъ и 54 т. нѣмцовъ (28 т. австрійцовъ, 10 т.

саксонцовъ, 12 т. баварцовъ и 14 т. франконцовъ и разныхъ волонтеровъ), всего 70 тыс. челов., изъ нихъ половина—35 тыс. чел.—пѣхоты. Главное начальствованіе надъ союзною арміею принялъ, съ общаго согласія, Собѣскій. 8-го сентября войска выступили изъ Тульна 2-мя колоннами и дорогами, поляки—правою, удобнѣйшею, а нѣмцы—лѣвою, и на 3-й день—10 сентября, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля, соединились у подошвы горы Каленбергъ (въ 1 милѣ отъ Вѣны), на которой тотчасъ поставили орудія и развели огни, дабы дать знать осажденнымъ о своемъ прибытіи.

Между тѣмъ великій визирь упорно продолжалъ осаду, въ надеждѣ овладѣть городомъ до прибытія союзной арміи: усиленно велъ апроши, металъ бомбы и большіе камни, взрывалъ пороховые подкопы и 8 сентября (когда союзники выступили изъ Тульна) послалъ янычаровъ на приступъ, который однако не имѣлъ успѣха. 10 сентября, узнавъ, что союзники прибыли къ Каленбергу, онъ не смутился этимъ и только выдвинулъ къ подошвѣ Каленберга около 10 т. чел. конницы. Но въ станѣ его произошла тревога, и на военномъ совѣтѣ 11 сентября паши, особенно адріанопольскій, настаивали на снятіи осады, потому что въ 2 мѣсяца оной турецкое войско уменьшилось на половину и не въ состояніи было сопротивляться съ успѣхомъ непріятельской арміи, предводимой такимъ полководцомъ, какъ король польскій. Они представляли, что гарнизонъ Вѣны оборонялся храбро и упорно, что дожди и холодныя ночи усиливали болѣзни и смертность въ турецкомъ войскѣ, наконецъ — что самъ Сулейманъ былъ принужденъ отступить отъ Вѣны. Но визирь возразилъ на это, что стыдно было бы отступать, когда осажденные уже доведены до крайности и не въ состояніи удержаться и трехъ дней; что поляки измучены дальнимъ походомъ и хотя храбры въ нападеніи, но не стойки въ бою; наконецъ — что онъ предпочитаетъ лучше пасть въ бою, нежели умереть отъ позорной петли. Такой отвѣтъ не удовлетворилъ пашей и они втайнѣ рѣшительно задумали спастись поспѣшнымъ отступленіемъ.

Дѣйствительно, они были болѣе правы, нежели визирь, потому что, оставивъ тысячь 20 янычаровъ въ траншеяхъ, онъ не могъ вывести изъ нихъ для боя болѣе 70 т. чел., т. е. числа, равнаго числу союзниковъ, но значительно уступавшаго въ устройствѣ, образованіи и предводительствованіи, 70 тысячамъ европейскихъ войскъ, отлично устроенныхъ, на половину пѣшихъ и конныхъ, съ хорошею артиллеріей. Но визирь упорствовалъ въ своемъ намѣреніи.

Между тѣмъ Собѣскій поручилъ одному французу, считавшемуся инженеромъ, произвесть рекогносцировку мѣстности отъ подошвы *Каленберга* до турецкаго лагеря. Мѣстность эта, хотя и холмистая,

однако была удобна для дѣйствій конницы; французъ же донесъ, будто она крайне пересѣчена оврагами и тѣснинами. Основываясь на этомъ, Собѣскій разсчиталъ, что придется по крайней мѣрѣ 3 дня выбивать турокъ изъ ихъ позицій, и примѣрно указалъ, куда союзная армія могла пробиться 12 и 13 сентября. По диспозиціи, составленной въ военномъ совѣтѣ, поляки подъ начальствомъ Яблоновскаго, расположились на правомъ флангѣ, вправо отъ Каленберга, вогнутою дугою въ лѣсу и лощинахъ, дабы не позволить татарамъ обойти союзную армію съ фланга и тыла. Лѣвое крыло (австрійцы, саксонцы и баварцы подъ начальствомъ герцога лотарингскаго) правымъ флангомъ занимало Каленбергъ, а лѣвымъ почти упиралось въ берегъ Дуная Въ центрѣ у Каленберга расположился графъ Вальдекъ съ франконцами и тутъ же находился самъ Собѣскій. Всѣ войска были построены въ 3 линіи, съ резервами за 3-ею.

Въ воскресенье 12 сентября на разсвѣтѣ союзная армія начала наступленіе. Саксонцы первые завязали перестрѣлку и сбили турокъ съ высоты, которую и заняли вмѣстѣ съ австрійцами. Въ этомъ дѣлѣ драгуны и поляки Любомирскаго были опрокинуты съ урономъ, однако турки долго не держались, и саксонцы съ австрійцами, наступая по Гейлигенштадтскому ущелью, достигли Дёблинга. Тогда только, замѣтивъ это, визирь выступилъ изъ своего лагеря и остановился въ недальнемъ разстояніи отъ него, выдвинувъ около 30 т. чел. конницы противъ Яблоновскаго. До 2 часовъ пополудни въ центрѣ ничего не происходило; лѣвое крыло медленно подвигалось впередъ, равняясь съ правымъ крыломъ, выходившимъ изъ Дорнбахскаго лѣса и при которомъ находился самъ Собѣскій. Турецкая конница стремительно атаковала поляковъ и опрокинула польскихъ гусаровъ, но была остановлена ружейнымъ огнемъ 4-хъ нѣмецкихъ баталіоновъ изъ резерва Въ это время Собѣскій, увидѣвъ красную ставку визиря, быстро двинулся прямо на нее съ нѣмецкими баталіонами и 2-мя орудіями, которыя при этомъ выпустили всѣ свои заряды противъ ставки визиря. Вскорѣ подошла и польская пѣхота: здѣсь завязался упорный бой, и Собѣскій овладѣлъ наконецъ тою высотой, на которой по диспозиціи предполагалъ остановиться въ 1-й день боя. Но тутъ ему представилось неожиданное зрѣлище— общее и полное отступленіе турокъ. Немедленно давъ знать герцогу лотарингскому, чтобъ онъ скорѣе прислалъ подкрѣпленіе, и приказавъ 2-мъ эскадронамъ гусаровъ спуститься съ высоты, онъ самъ быстро двинулся впередъ. 1-й эскадронъ гусаровъ, подъ начальствомъ графа де Маліньи (брата королевы), ударилъ на турецкую конницу, которая не выдержала удара, опрокинулась назадъ и смяла конницу, стоявшую за нею, вслѣдствіе чего отступленіе турокъ об-

ратилось уже въ бѣгство. Тщетно визирь старался остановить бѣгущихъ и умолялъ крымскаго хана поддержать его: на турецкія войска напалъ такой страхъ, что всякій спасался бѣгствомъ, а ханъ былъ однимъ изъ первыхъ. Собѣскій не преслѣдовалъ бѣгущихъ, но двинулся прямо въ средину турецкаго лагеря къ ставкѣ визиря и прибылъ туда въ 6 часовъ вечера, когда герцогъ лотарингскій уже завладѣлъ безъ боя правымъ крыломъ турецкаго лагеря. Только на другой день 13 сентября Собѣскій послалъ полковника Менжинскаго съ 1 т. чел. конницы вслѣдъ за непріятелемъ по дорогѣ въ Пресбургъ. Дойдя до этого города, Менжинскій отрядилъ полсотни къ Раабу, гдѣ поляки и смотрѣли въ бездѣйствіи, какъ турецкое войско трое сутокъ преспокойно переходило по мосту черезъ р. Раабъ. Еслибы Собѣскій, напротивъ, преслѣдовалъ турокъ всею конницей, то войско ихъ несомнѣнно могло бы быть почти совершенно уничтожено. Главная цѣль—освобожденіе Вѣны—была достигнута и оставлять въ ней и при ней всю союзную армію не было болѣе никакой надобности.

Побѣда союзниковъ была полная и блистательная, но не трудная и стоила имъ не дорого — не болѣе 800 чел. Только 1-я линія была въ бою, поляки же Яблоновскаго и австрійскіе кирасиры не участвовали въ немъ. Уронъ турокъ былъ преувеличенъ до 40 т. чел. секретаремъ Собѣскаго, посланнымъ тотчасъ къ папѣ Иннокентію XI съ извѣстіемъ о побѣдѣ и съ знаменемъ, найденнымъ въ ставкѣ визиря и признаннымъ, будто бы, знаменемъ пророка, что болѣе чѣмъ сомнительно: вѣроятно это было собственное знамя визиря.

Легкость одержанной побѣды не умаляетъ славы послѣдней, но была несомнѣнна. На полѣ сраженія было всего только 10 т. чел. турецкой конницы сначала и еще 30 т. потомъ, скорѣе въ видѣ арріергарда, нежели авангарда. И эти 40 т. турокъ сопротивлялись слабо и бѣжали не потому, что были принуждены къ тому нѣмцами, еще менѣе поляками (приписавшими себѣ побѣду), а потому что позади ихъ главныя силы турецкаго войска, пораженныя страхомъ еще при первой вѣсти о приближеніи союзниковъ къ Каленбергу, бросились стремглавъ бѣжать, какъ почти всегда случалось туркамъ, татарамъ и имъ подобнымъ азіятцамъ въ случаѣ неудачи. Бѣгству ихъ много способствовали также турецкіе паши и особенно крымскій ханъ. Первые еще съ утра 12 сентября отправили по дорогѣ въ Швехатъ всѣ свои обозы, верблюдовъ, лошадей и пр. подъ прикрытіемъ конницы, что произвело переполохъ въ турецкомъ лагерѣ, и въ общей суматохѣ ушли и янычары, такъ что нѣмцы, вступивъ *въ турецкій* лагерь, не нашли въ немъ никого. Ханъ же хотѣлъ

единственно уйти какъ можно скорѣе съ награбленною добычей и нѣсколькими тысячами плѣнниковъ (общее число ихъ простиралось до 108 т. чел. и освобожденіе ихъ составляло еще одно важное побужденіе преслѣдовать непріятеля до крайности): поэтому ханъ и бѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Герцогъ лотарингскій справедливо хотѣлъ-было преслѣдовать непріятеля, но Собѣскій не соглашался на это, опасаясь, чтобы преслѣдовавшіе не попали ночью въ засаду, а также запретилъ грабить до утра, что не помѣшало однако ночному грабежу. Союзники нашли въ турецкихъ ставкахъ и особенно въ ставкѣ визиря огромную и богатѣйшую добычу. Въ ставкѣ визиря Собѣскій нашелъ на 2 милліона разныхъ драгоцѣнностей, но денегъ не нашелъ. На долю нѣмцовъ досталось добычи будто бы на 3 милліона червонцевъ, что, кажется, преувеличено. Трофеями были 15 т. ставокъ, 160 пушекъ и огромные запасы снарядовъ и продовольствія.

Собѣскій, а за нимъ и всѣ поляки и польскіе историки, въ упоеніи побѣды, приписали ее и освобожденіе Вѣны исключительно польской націи, но, какъ изъ изложеннаго выше видно, совершенно несправедливо. Хотя поляки и содѣйствовали успѣху сраженія, но, по числу и по участію своему въ бою, менѣе нежели нѣмцы, и слава побѣды принадлежала преимущественно самому Собѣскому, какъ главному предводителю союзной арміи, а послѣ него герцогу лотарингскому, австрійцамъ и саксонцамъ.

Императоръ Леопольдъ возвратился въ Вѣну 14 сентября при пушечной пальбѣ и на другой день 15 сентября имѣлъ оффиціальное свиданіе съ Собѣскимъ въ $1\frac{1}{2}$ милѣ отъ Вѣны, на Эберсдорфской равнинѣ (куда Собѣскій перенесъ свой лагерь по причинѣ сильнаго смрада отъ незарытыхъ тѣлъ на полѣ сраженія и въ турецкомъ лагерѣ). Свиданіе это, продолжавшееся не болѣе $\frac{1}{4}$ часа, было очень холодное со стороны императора, что очень оскорбило Собѣскаго, поляковъ и даже самаго герцога лотарингскаго.. Императоръ наградилъ только одного Штаремберга за славную оборону имъ Вѣны въ продолженіи 2-хъ-мѣсячной осады ея. Курфирсту же саксонскому онъ отказывалъ въ военныхъ почестяхъ, а курфирста баварскаго впослѣдствіи хотѣлъ изгнать изъ его владѣній *).

Недовольные неблагодарностью и негостепріимнымъ обхожденіемъ императора и его властей, поляки, окружавшіе Собѣскаго, совѣтовали ему возвратиться въ Польшу. Самъ имераторъ желалъ скорѣйшаго удаленія его изъ Австріи, опасаясь, чтобы венгерцы не отда-

*) Подобнымъ образомъ вѣнскій дворъ никогда не отличался признательностью и въ 1854 г. не впервые «хотѣлъ удивить міръ своею неблагодарностью».

ли венгерскую корону сыну Собѣскаго Якову. Но Собѣскій о томъ только и помышлялъ, чтобы довершить пораженіе турокъ, въ надеждѣ, что императоръ, изъ благодарности за то, выдастъ дочь свою за королевича Якова. Съ другой стороны визирь, собравшій свое войско въ Будѣ, былъ еще такъ грозенъ, что военный совѣтъ въ Вѣнѣ нашелъ полезнымъ задержать еще польскія войска для отнятія у турокъ Уйвара (Нёйгейзеля). Положено было, чтобы союзники двинулись въ верхнюю Венгрію, однако герцогъ лотарингскій съ нѣмецкими войсками былъ еще на время оставленъ въ Вѣнѣ, Собѣскій же съ одними польскими войсками 17 сентября двинулся по дорогѣ въ Пресбургъ и 25 сентября перешелъ на островъ Коморнъ или Шютъ по мосту, сплавленному изъ Тульна къ Пресбургу.

Только здѣсь къ Собѣскому присоединились казаки съ полковниками Менжинскимъ и Вороной, а остальные, съ полковниками Миклашевскимъ и Балыкомъ, подъ главнымъ начальствомъ атамана Гоголя, пришли позже подъ Гранъ (здѣсь, по неизвѣстной причинѣ, казаки убили Гоголя, а на его мѣсто былъ поставленъ Куница или Куницкій). Переправа на лѣвый берегъ Дуная продолжалась до 3 октября, когда Собѣскій расположился лагеремъ подъ Коморномъ и простоялъ тутъ два дня, пока къ нему не присоединился герцогъ лотарингскій съ нѣмецкими войсками. Узнавъ, что турки также перешли черезъ Дунай у Грана и заняли предмостное укрѣпленіе въ Парканѣ, военный совѣтъ подъ Коморномъ 6 октября рѣшилъ продолжать наступленіе внизъ по лѣвому берегу Дуная. Послѣ безполезныхъ рекогносцировокъ, недоставившихъ никакихъ свѣдѣній о туркахъ, Собѣскій рѣшился самому искать ихъ и, не предупредивъ герцога лотарингскаго, 7 октября двинулся впередъ съ польскими войсками и казаками, съ тѣмъ чтобы овладѣть предмостнымъ укрѣпленіемъ въ Парканѣ. Здѣсь находились 7 т. турокъ подъ начальствомъ молодаго и храбраго паши Кара-Мухаммеда, а въ Гранѣ былъ турецкій гарнизонъ. Авангардъ короля неожиданно наткнулся на Кара-Мухаммеда и, атакованный имъ, былъ опрокинутъ и изрубленъ. Король съ 4 т. чел. гусаровъ и прочей конницы, безъ пѣхоты и артиллеріи, бросился на выручку и двумя атаками отбросилъ-было турокъ. Но гусарами вдругъ овладѣлъ такой страхъ, что они обратились въ бѣгство, бросая свои копья, штандарты и литавры, и увлекли за собою всѣхъ прочихъ и самаго короля, который едва успѣлъ спастись только благодаря быстротѣ своего коня. Наконецъ показалась голова пѣхоты и за нею артиллерія и нѣмцы, и тогда турки прекратили погоню, продолжавшуюся цѣлый часъ, и воротились назадъ. Сколько поляковъ погиб-

ло въ этомъ дѣлѣ и во время бѣгства и преслѣдованія и сколько оставалось ихъ послѣ того—въ точности неизвѣстно. Но по всему кажется, что въ этомъ дѣлѣ погибло ихъ очень много, а всего въ походѣ до того—еще болѣе, убитыми и умершими отъ болѣзней; сверхъ того много ихъ было оставлено больными въ Пресбургѣ и еще больше при обозахъ, такъ что вообще изъ 16 т., выступившихъ изъ Польши подъ Вѣну, убыль была весьма значительная, преимущественно отъ диссентеріи и побѣговъ. Не смотря на это и на то, что всѣ поляки желали скорѣе воротиться въ Польшу, Собѣскій положилъ непремѣнно взять Парканъ, на что согласился и герцогъ лотарингскій, тѣмъ охотнѣе, что въ союзномъ войскѣ оказывалось болѣе 40 т. чел. въ строю. Кара-Мухаммедъ, ободренный одержанною имъ побѣдой, принялъ бой подъ Парканомъ; король же, построивъ союзныя войска въ 3 линіи, а поляковъ въ нихъ—отдѣленіями между нѣмцами, 9 октября атаковалъ Кара-Мухаммеда, смялъ войска его и притѣснилъ ихъ тыломъ къ Дунаю. Тѣ изъ нихъ, которые засѣли въ предмостномъ укрѣпленіи, просили пощады, но поляки, пылая местью, всѣхъ ихъ изрубили; бóльшая же часть остальныхъ погибла на мосту и утонула въ Дунаѣ. Самъ Кара-Мухаммедъ, раненый, только съ 2 т. чел. спасся въ Гранъ. Союзникамъ же эта побѣда обошлась дешево.

Визирь, узнавъ о потерѣ Парканскаго укрѣпленія, ушелъ изъ Буды по дорогѣ въ Бѣлградъ. Собѣскій, не зная того, уже готовъ былъ идти къ Будѣ, но герцогъ лотарингскій отсовѣтовалъ это, предложивъ лучше осадить Гранъ. Съ этою цѣлью, отъ Коморна былъ спущенъ мостъ, по которому герцогъ лотарингскій 19 октября перешелъ на правый берегъ Дуная съ австрійцами и баварцами, а Собѣскій остался на лѣвомъ берегу съ поляками, такъ какъ они рѣшительно не хотѣли идти за Дунай. Королева, Яблоновскій и польскіе сенаторы настаивали, чтобы король съ польскими войсками воротился въ Польшу, но онъ, напротивъ, хотѣлъ даже зимовать въ Венгріи, для возобновленія весною военныхъ дѣйствій противъ турокъ, дабы они не вторглись въ Польшу, а императоръ не примирился бы съ Турціей во вредъ Польшѣ.

Осада Грана, по счастію, длилась недолго: черезъ четыре дня—24 октября—крѣпость эта сдалась на капитуляцію, но не австрійцамъ, а Собѣскому, который отпустилъ гарнизонъ безъ оружія, а ключи крѣпости передалъ герцогу лотарингскому. Затѣмъ 1 ноября союзники разлучились на берегахъ р. Ипеля: герцогъ пошелъ къ Уйвару, а король въ верхнюю Венгрію. Текели удалился въ горы, усиливъ гарнизоны въ городахъ, а визирь, прибывъ въ Бѣлградъ, въ декабрѣ получилъ отъ султана петлю и поплатился жизнію.

Собѣскій, во время пребыванія на Испелѣ, куда къ нему прибыли коммисары Текели, хотѣлъ выговорить что-нибудь у императора въ пользу венгерцовъ, но все ограничилось только обѣщаніемъ амнистіи. А между королемъ и Текели произошла размолвка изъ-за грабежей литовскихъ войскъ Сапѣги, вступившихъ въ сентябрѣ въ Венгрію: Текели считалъ это измѣной съ польской стороны, и вслѣдствіе того поляки на возвратномъ пути были принуждены прокладать себѣ дорогу оружіемъ, терпѣть голодъ и холодъ и думать только о томъ, какъ бы, не погибнувъ, добраться до границъ Польши. Текели, можетъ быть, еще удержалъ бы венгерцовъ отъ нападеній на поляковъ; но Собѣскій самъ раздражилъ ихъ тѣмъ, что хотѣлъ идти черезъ ихъ землю побѣдителемъ и на пути покорять города императору. Первый городъ Сеченьи, занятый турками, сдался на капитуляцію и былъ переданъ австрійскому генералу. Кошице (Кашау) не впустилъ поляковъ, а Прешовъ (Эперіешъ), около котораго изъ Вѣны были назначены зимнія квартиры, даже произвелъ вылазку, такъ что на военномъ совѣтѣ было положено идти прямо въ Польшу, оставивъ въ Венгріи только часть подходившихъ войскъ и казаковъ. Вооруженныя шайки венгерцовъ на каждомъ шагу истребляли польскихъ фуражировъ, и только благодаря Текели слабые остатки польскихъ войскъ, потерявшихъ на этомъ обратномъ походѣ болѣе людей, чѣмъ подъ Вѣной и Парканомъ, могли уцѣлѣть и воротиться въ Польшу. И то Текели далъ знать королю, чтобы онъ уходилъ скорѣе, иначе венгерцы отрѣжутъ его отъ Карпатовъ.

Слѣдуя туда отъ Прешова (Эперіеша), полякамъ пришлось еще брать съ боя городъ Кисъ-Себень, подъ которымъ уже стоялъ Сапѣга съ литовцами. Городъ защищался до прихода короля и сдался ему на капитуляцію 9 декабря. Венгерскіе офицеры ни за что не хотѣли присягать императору и ушли съ польскими войсками, но черезъ нѣсколько дней воротились въ городъ и выгнали изъ него поляковъ. Такъ же поступали венгерцы съ польскими гарнизонами и въ другихъ городахъ. Наконецъ въ Любовлѣ Собѣскій вступилъ на польскую землю и накапунѣ Рождества Христова 1683 г. возвратился въ Краковъ.

Таковъ былъ этотъ знаменитый походъ 1683 года, турокъ — къ Вѣнѣ для взятія ея, а Собѣскаго съ польскими войсками, герцога лотарингскаго съ австрійскими и имперскихъ князей съ нѣмецкими — для освобожденія Вѣны*). Собѣскій, какъ главный предводитель

*) Подробности этого похода изложены въ сочиненіи Н. И. Павлищева: Вѣнскій походъ Собѣскаго въ 1683 г., С.-П.Б. 1876, какъ эпизодъ его сочиненія: Польская анархія при Янѣ-Казимірѣ и пр. (рукопись, уже находящаяся въ печати и составленная на основаніи главныхъ и лучшихъ источниковъ).

союзнаго войска, и герцогъ лотарингскій, какъ главный начальникъ имперскихъ войскъ, снискали достойную честь и славу за то, что заставили визиря Кара-Мустафу снять осаду Вѣны, а Штарембергъ — за блистательную 2-хъ-мѣсячную оборону ея. Но сраженіе 12 сентября подъ Вѣной, возводимое иными, особенно поляками, на степень генеральнаго сраженія, въ дѣйствительности было лишь незначительнымъ боемъ, въ которомъ ²/₃ союзной арміи вовсе не участвовали, а ¹/₃, хотя и участвовала, но послѣ первыхъ же сшибокъ лишь съ 40 т. чел. конницы, увидѣла, что все турецкое войско обратилось въ бѣгство. Но послѣдствія этого сраженія были такъ важны и такъ льстили народному самолюбію поляковъ и нѣмцовъ, что тѣ и другіе оспоривали славу побѣды. Споръ между ними рѣшилъ папа Иннокентій XI, главный двигатель священной лиги противъ турокъ, и рѣшилъ въ пользу нѣмцовъ, учредивъ въ честь и память этого «торжества христіанства» праздникъ съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ несены были хоругви съ изображеніями его папы, и императора Леопольда. А послѣдній приказалъ воздвигнуть въ Вѣнѣ статую «освободителю христіанства, т. е. папѣ. Но насколько Леопольдъ и Людовикъ XIV, противникъ Собѣскаго, старались умалить подвигъ его, настолько же прочіе европейскіе государи, напротивъ, превозносили оный. Тѣ же крайности отзывались въ современныхъ и позднѣйшихъ описаніяхъ этого событія; историческая же истина находится въ серединѣ между ними *).

Походъ этотъ заслуживалъ, казалось, быть изложеннымъ съ нѣкоторою подробностью, сверхъ означенныхъ выше особенностей его, и потому еще, что онъ представляетъ любопытное зрѣлище: во 1-хъ вооруженнаго столкновенія современныхъ христіанскихъ и мусульманскихъ военныхъ силъ, съ важною цѣлію освобожденія съ одной стороны и покоренія съ другой — столицы имперія Габсбурговъ, — во 2-хъ рѣшительнаго превосходства первыхъ надъ послѣдними въ устройствѣ, образѣ и искуствѣ дѣйствій, вслѣдствіе успѣховъ, сдѣланныхъ уже въ западной Европѣ военными: устройствомъ и искуствомъ, тогда какъ у турокъ и татаръ они находились на свойственной этимъ выходцамъ изъ Азіи низкой степени, сугубой у турокъ по причинѣ крайняго упадка ихъ въ сравненіи съ ихъ прежними, лучшими временами, и въ 3-хъ такого же превосходства современнаго западно-европейскаго военнаго устройства и искуства надъ состояніемъ ихъ не только у турокъ и татаръ, но и у поляковъ, казаковъ и русскихъ. Въ этомъ отношеніи шведско-польскія и австро-

*) Павлищева: Вѣнскій походъ Собѣскаго 1683.

турецкія войны XVII вѣка также заслуживали бы обстоятельнаго изложенія, еслибы размѣры настоящаго изданія позволяли это. Впрочемъ военные подвиги такихъ полководцовъ, какъ Густавъ-Адольфъ, Монтекукули, герцогъ лотарингскій и принцъ Евгеній савойскій, въ войнахъ съ Польшей и Турціей, были уже отчасти изображены въ 1-й и 2-й частяхъ В. В. И. новыхъ временъ въ западной Европѣ. Войны же турокъ въ Европѣ и Азіи, въ XVII вѣкѣ вообще, за исключеніемъ похода 1683 года (по означеннымъ выше причинамъ), достаточнымъ казалось изложить здѣсь только въ общихъ, главныхъ чертахъ.

За несчастнымъ для турокъ походомъ 1683 г. послѣдовалъ цѣлый рядъ такихъ же, ознаменованныхъ побѣдами и успѣхами христіанскаго оружія и сильнѣйшимъ поколебаніемъ оттоманскаго государство, которое едва не пало. Важнѣйшие изъ этихъ успѣховъ были одержаны Австріей и ея войсками подъ предводительствомъ герцога лотарингскаго. Онъ разбилъ турокъ при Барканѣ, Вышеградѣ, Вайценѣ и Гамзабекѣ, взялъ Гранъ, Вайценъ и другія крѣпости, но не могъ взять Офена—главной твердыни турокъ въ Венгріи. Въ то же время венеціянцы съ успѣхомъ дѣйствовали на морѣ въ Архипелагѣ и у береговъ Греціи и Далмаціи. Со стороны Польши прямымъ послѣдствіемъ вѣнскаго похода было уничтоженіе Журавинскаго договора 1676 г., и въ то время, когда Собѣскій сражался съ Кара-Мустафой, краковскій кастеллянъ Потоцкій совершилъ походъ въ Украйну, подчинилъ ее преданному Польшѣ гетману Куницѣ или Куницкому (см. выше) и смирилъ молдавскаго господаря. Война Польши съ Турціей продолжалась и послѣ того до самаго конца XVII вѣка, но безъ всякой пользы, по причинѣ обычныхъ раздоровъ шляхты и дворянскихъ интригъ. Предпріятія съ цѣлію освобожденія Каменца, начиная съ первыхъ двухъ походовъ, короля въ 1684 году и гетмана Яблоновскаго въ 1685 г., кончились безуспѣшно: король ограничился взятіемъ Язловца, а гетманъ едва не потерялъ войска своего въ Буковинѣ.

Преемники Кара-Мустафы Ибрагимъ и Сулейманъ употребили величайшія усилія для набора новыхъ турецкихъ армій, одержали нѣсколько частныхъ успѣховъ, но уже не могли возвратить счастія турецкому оружію, и война усилилась во всѣхъ пограничныхъ областяхъ Турціи въ Европѣ, къ явной пользѣ Австріи, Венгріи и даже отчасти Польши и казаковъ. Со стороны Польши съ 1686 года цѣль войны — освобожденіе Подоліи — уже измѣнилась. Собѣскому, начинавшему охладѣвать къ войнѣ съ Турціей, внушили мысль завоевать Молдавію и Валахію для своихъ сыновей. Вслѣдствіе того онъ заключилъ (6 мая 1686 г.) договоръ съ Россіей

не только о вѣчномъ мирѣ на Андрусовскихъ условіяхъ, но и о наступательномъ союзѣ противъ Турціи. Въ 1-й походъ 1686 года Собѣскій 16 августа занялъ Яссы, въ надеждѣ соединиться съ австрійцами, но, не дождавшись ихъ, воротился съ большимъ урономъ отъ засухи и голода. Въ Венгріи, въ томъ же 1686 г., австрійцы взяли наконецъ Офенъ, послѣ упорнѣйшей обороны этой важной для турокъ крѣпости, а вслѣдъ затѣмъ и многіе другіе города. Венеціянцы, распространяя свои завоеванія въ Греціи и Далмаціи, взяли постепенно всѣ крѣпости въ Мореѣ и Аѳины. Столь же несчастливъ былъ для турокъ и походъ 1687 г. въ Венгріи, гдѣ 80-титысячная армія ихъ 12 августа была на-голову разбита при Могачѣ на Дунаѣ, въ нижней Венгріи, на дорогѣ изъ Офена въ Эссекъ, 60-ти-тысячною соединенною имперскою арміей подъ главнымъ предводительствомъ герцога лотарингскаго и подъ частнымъ начальствованіемъ курфирста баварскаго, маркграфа Лудвига баденскаго, принца Евгенія савойскаго, герцога мантуанскаго и другихъ знаменитыхъ военныхъ людей. Слѣдствіями разгрома турецкой арміи въ этой битвѣ были: утвержденіе права наслѣдства на венгерскомъ престолѣ въ австрійской династіи Габсбурговъ, покореніе ей Славоніи и Трансильваніи и отступленіе турокъ до Градишки.

Окончательно раздраженные всѣми этими неудачными войнами, жестокими пораженіями и тяжкими военными налогами, войска и чернь въ Константинополѣ взбунтовались, низложили султана Мухаммеда IV и возвели на его мѣсто брата его, Сулеймана, до того времени занимавшагося только религіозными упражненіями.

§ 52.

Войны при Сулейманѣ II (III) (1687—1691).

При этомъ султанѣ до самаго 1690 г. внутреннія и внѣшнія дѣла Турціи оставались въ томъ же жалкомъ положеніи. Война съ Австріей, Венеціей и Польшей продолжалась, по прежнему, съ постояннымъ успѣхомъ съ ихъ стороны и неудачей со стороны Турціи. Война съ Австріей была всѣхъ жесточе и неудачнѣе для Турціи: австрійцы довершили завоеваніе нижней Венгріи и проникли въ Боснію и Сербію, въ послѣдней изъ которыхъ герцогъ лотарингскій въ 1688 г. покорилъ Бѣлградъ. Венеціянцы одержали столь же важные успѣхи въ западныхъ, приморскихъ областяхъ Турціи въ Европѣ. Менѣе всѣхъ неудачна для Турціи была война съ нею Польши: походы, предпринятые Собѣскимъ въ Подолію въ 1687—89 гг.,

въ одно время съ крымскими походами князя Голицына, ограничились безуспѣшными осадами Каменца. Столь же неудачны были два польскіе похода въ Молдавію въ 1690—91 г.г. Только крымскіе татары дѣйствовали успѣшно, оборонительно — противъ русскаго войска князя Голицына, наступательно—въ Волыни и Галиціи, которыя страшно грабили и разоряли.

Но новый великій визирь Мустафа Кёприли въ 1690—91 г.г. успѣлъ возстановить порядокъ внутри Турціи и успѣхи оружія ея извнѣ. Въ 1690 г. онъ очистилъ Сербію и Трансильванію отъ австрійцовъ, отнялъ у нихъ Бѣлградъ и въ 1691 г. готовился уже вступить въ Венгрію, когда султанъ Сулейманъ умеръ (23 іюня 1691 г.) и ему наслѣдовалъ слабоумный братъ его Ахмедъ.

§ 53.

Войны при Ахмедѣ II (1691—1694).

За неспособностью Ахмеда II, государствомъ продолжалъ править великій визирь Мустафа Кёприли, но, къ несчастію для Турціи, всего 2 мѣсяца: 19 августа 1691 г. онъ былъ убитъ въ сраженіи съ австрійцами при Саланкеменѣ въ Венгріи, въ которую только-что вступилъ. При великихъ визиряхъ—преемникахъ его военныя дѣйствія турокъ въ Венгріи не имѣли уже никакихъ важныхъ для нихъ результатовъ. Напротивъ, австрійцы продолжали одерживать успѣхи, венеціянцы все болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія въ Мореѣ, а поляки въ 1694 г. разбили турокъ на Днѣстрѣ. При жестокой борьбѣ съ Австріей, Турція не только не могла предпринимать ничего рѣшительнаго противъ Польши, но даже искала мира. Однако Собѣскій до самой смерти своей (17 іюня 1696 г.) не хотѣлъ мириться съ Турціей.

По смерти султана Ахмеда II въ 1694 г., ему наслѣдовалъ братъ его Мустафа.

§ 54.

Войны при Мустафѣ II (1694—1699).

Мустафа II, благоразумный и твердый правитель, съ помощью великаго визиря своего Эльмаса и капудана-паши венеціянца Мецоморто, успѣлъ нѣсколько задержать быстрое склоненіе Турціи *въ упадку. Возстановивъ* и утвердивъ порядокъ въ войскѣ, онъ самъ

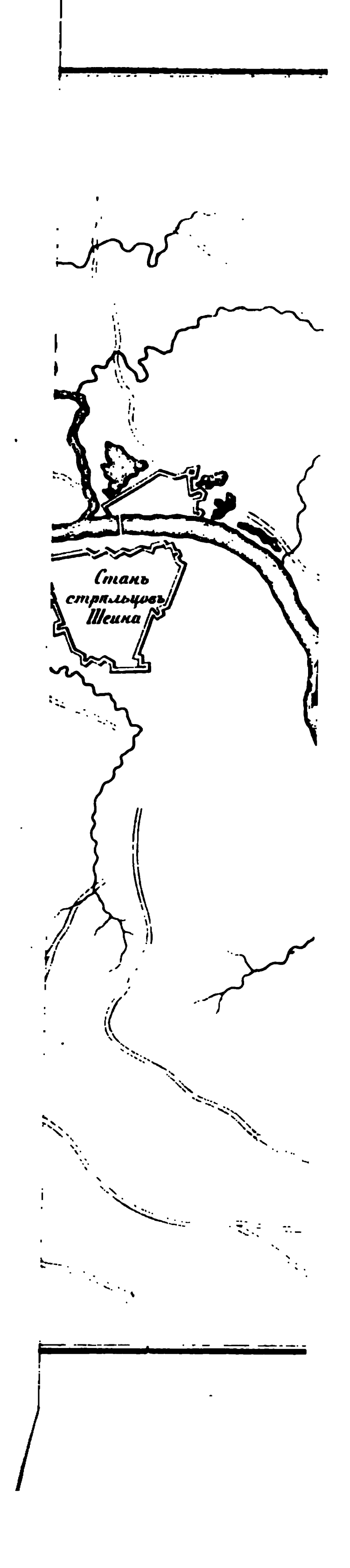
вступилъ съ нимъ въ Венгрію и одержалъ въ ней въ 1695—96 г.г. довольно значительные и важные успѣхи. Но, встрѣтивъ опаснаго для себя противника въ лицѣ принца Евгенія савойскаго, главнокомандовавшаго австрійскою арміей, онъ былъ разбитъ имъ въ 1697 г. въ сраженіи при Зентѣ (см. В. В. И. новыхъ временъ въ западной Европѣ, Ч. II, въ Приложеніяхъ: краткую біографію принца Евгенія) *). Тогда, по истощеніи послѣднихъ силъ и средствъ Турціи въ продолжительной и неудачной войнѣ ея съ Австріей, Венеціей и Польшей, Мустафа II предложилъ заключить миръ, тѣмъ охотнѣе, что 10—17 іюня 1696 г. русскій царь Петръ I Алексѣевичь разбилъ подъ Азовомъ Нуреддина-султана крымскаго и 19 іюля того же года покорилъ Азовъ. Мирные переговоры въ Карловицѣ (городѣ на Дунаѣ, на австрійской военной границѣ) повели наконецъ къ заключенію 26 января 1699 г. важнаго въ политическомъ отношеніи Карловицскаго мира или перемирія на 25 лѣтъ между союзными: Австріей, Россіей, Польшей и Венеціей съ одной стороны и Турціей съ другой. Главными условіями его были тѣ, что Австрія сохранила Трансильванію и округъ Батека между Дунаемъ и Тейсой, крѣпость же Темешваръ съ округомъ осталась за Турціей. Венеція сохранила всю Морею до Коринѳскаго перешейка, но возвратила ту часть, которая причисляется къ материку, а султанъ отказался отъ владѣнія о. о. Санта-Мавро и Левкате и отъ подати, платимой разными островами Архипелага, какъ то Занте и др., но постановилъ условіе, чтобы Рагуза оставалась независимою отъ Венеціи. Польша, болѣе благодаря посредничеству морскихъ державъ, нежели успѣхамъ своего оружія, получила обратно Подолію съ Каменцомъ и все, чѣмъ она владѣла до султана Мухаммеда IV (т. е. до 1648 г.) и чего Собѣскій тщетно старался достигнуть; но она уступила нѣкоторыя мѣста въ Молдавіи. Наконецъ, Россія сохранила Азовъ съ округомъ, и заключенное сначала на 2 года перемиріе съ Турціей продолжила въ 1700 г. еще на 10 лѣтъ. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что Карловицскій мирный договоръ уничтожилъ дань, платимую дотолѣ Турціи христіанскими державами, что составляетъ важную заслугу его.

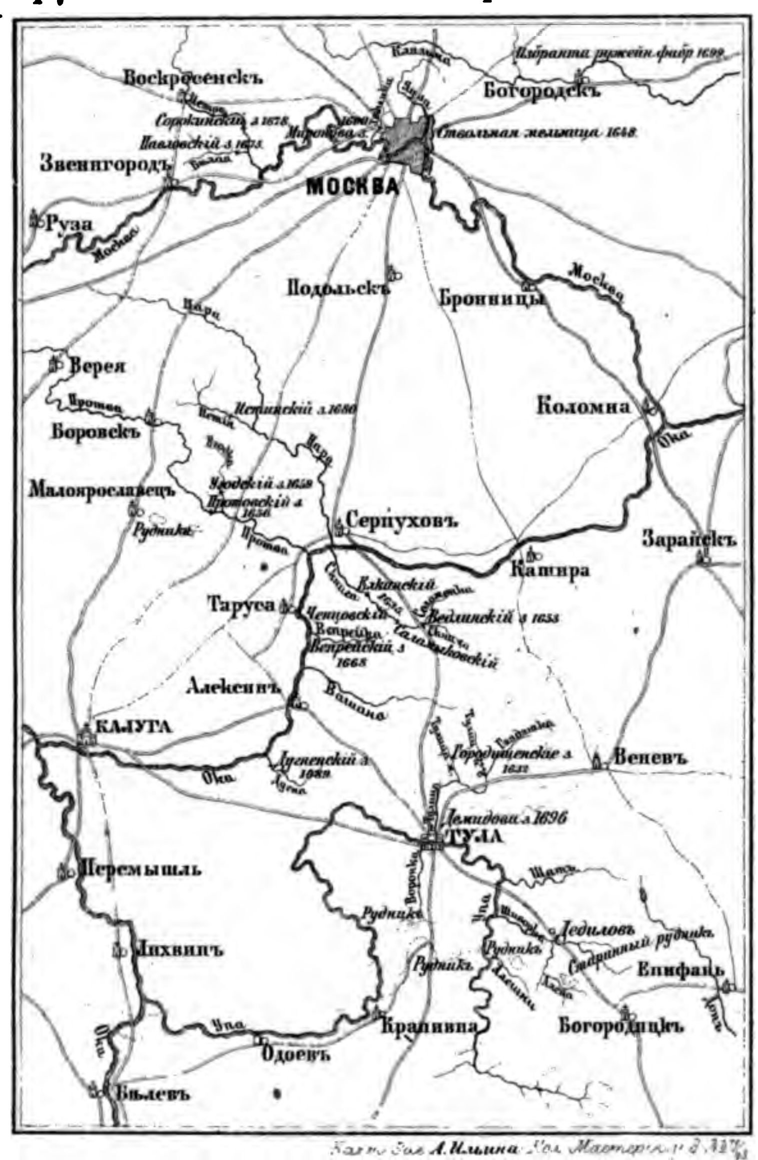
*) Тамъ же изложены другіе военные подвиги принца Евгенія, равно Монтекукули, принца Лудвига баденскаго, герцога Карла лотарингскаго и другихъ австрійскихъ генераловъ въ войнахъ Австріи съ Турціей во 2-й половинѣ XVII вѣка.

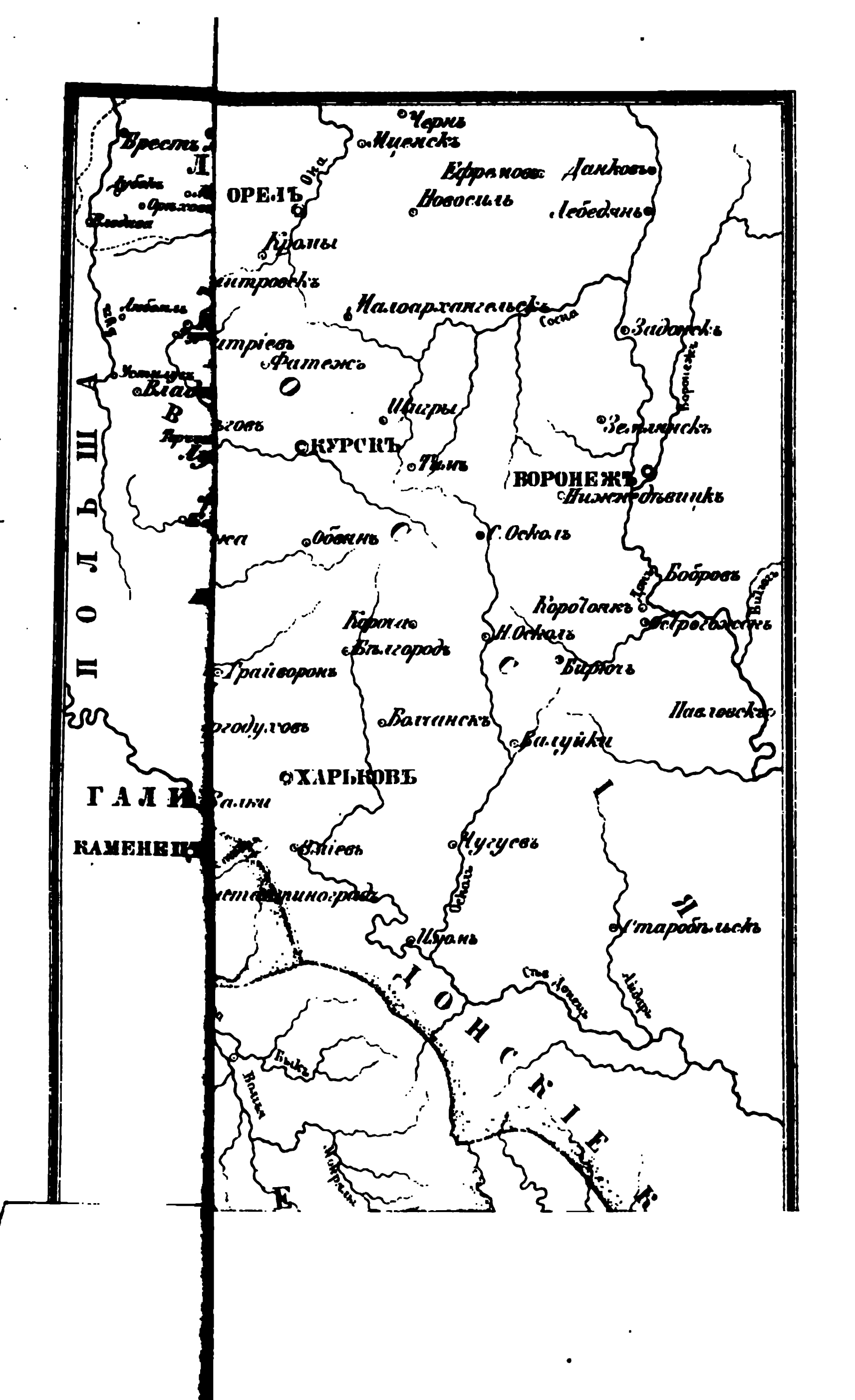
ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
179 —	1 въ заглавіи.	(1645—1685).	(1645—1658).
180 —	5—6 сверху.	Далматов'ымъ-Карпо- вымъ 15 марта	Далматовымъ - Карпо- вымъ. 15 марта
181 —	5 снизу.	генерала:	генераловъ:
202 —	3 сверху.	всторжествовала,	восторжествовала,
207 —	1 снизу.	Рашнарву	Вашнарву
212 —	12 сверху.	къ Конотону,	къ Конотопу,
213 —	18 снизу.	въ Батуринъ Трубецкому	въ Батуринъ. Трубецкому
— —	7 »	плѣнниковъ и на	плѣнниковъ, и на
214 —	16 »	бунчугъ	бунчукъ
219 —	11 »	Сомко,	Самко,
223 —	19—20 сверху.	3 августа ст.	3 августа ст. ст.
— —	2 снизу.	обыкчовенно,	обыкновенно,
224 —	на верху.	нѣтъ цифры страницы	224
225 —	12 сверху	положидъ:	положилъ:
254 —	9 снизу	Уже въ концѣ XVII вѣка	Уже въ конц XVI вѣка
278 —	15—16 снизу	Со- скій	Со- бѣскі

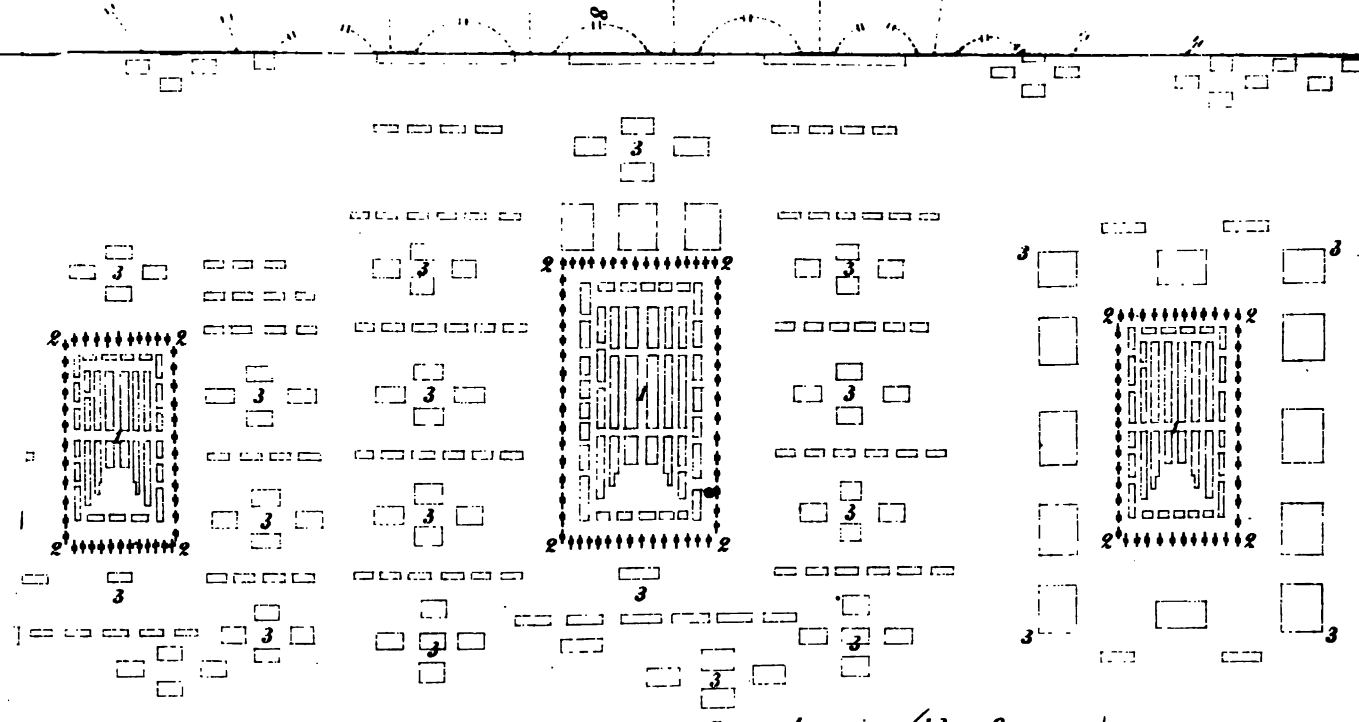

Станъ
стрѣльцовъ
Шеина

Мѣстоположеніе первыхъ чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Россіи, устроенныхъ съ 1632 г. по 1700 г. (изъ "Описанія Тульскаго оружейнаго завода" Доктора Гамеля, 1826 г.)

Черн
Мценскъ
Ока
ОРЕЛЪ
Ефремовъ
Данковъ
Новосиль
Лебедянь
Кромы
Малоархангельскъ
Сосна
Задонскъ
Фатежъ
Щигры
КУРСКЪ
Тимъ
Землянскъ
ВОРОНЕЖЪ
Обоянь
С. Осколъ
Бобровъ
Коротоякъ
Н. Осколъ
Острогожскъ
Бѣлгородъ
Грайворонъ
Бирючъ
Павловскъ
Волчанскъ
Валуйки
ХАРЬКОВЪ
Чугуевъ
Изюмъ
Старобѣльскъ
Айдаръ
П О Л Ь Ш А
Д О Н С К І Е

Разстояніе между разрядами или полками — небольше ¼ мили (1¾ — 2 версты). —
1. Пѣхота большого полка (главныхъ силъ). 1,1,1,1,1 пѣхота. — 2—2 обозы и пушки. —
3—3 конница.

